Бхагаван
Шри Раджниш

Библия Раджниша

Беседы с немногими избранными

Том 4
Книга 1

ББК 47
Р15

Перевод с английского
Ф.Садыкова, С.Штейнмана

Редакторы
Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра

Р $\frac{4700000000\text{-}091}{\text{А-}018(02)\text{-}95}$ Без объявл.

ISBN 5-86568-091-9

© Copyright 1987 Rajneeshdham, Poona, India
© Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра,
Ф.Садыков, С.Штейнман, перевод, 1995

Содержание

Беседа 1 – ВАШЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: ЛЕТАТЬ 7
Беседа 2 – МЕДИТАЦИЯ – ТРАМПЛИН ДЛЯ ПРЫЖКА В ВАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ 39
Беседа 3 – ПОСВЯЩЕНИЕ: КОГДА ОДИН ПЛЮС ОДИН ДАЕТ ПУСТОТУ 63
Беседа 4 – ПРЕВЫШЕ ВСЕГО – ИСТИНА ЧЕЛОВЕКА, ВЫШЕ ЭТОГО НЕТ НИЧЕГО 87
Беседа 5 – ОТ СЕКСА ДО ЭКСТАЗА 113
Беседа 6 – ОТ ПСЕВДОВЕРЫ К ВАШЕМУ ПОДЛИННОМУ ЛИЦУ 141
Беседа 7 – ПОЛИТИКА ПРОБУЖДАЕТ В ВАС ЗВЕРЯ 165
Беседа 8 – ОТ ИДИОТОКРАТИИ К МЕРИТОКРАТИИ 193
Беседа 9 – СМЕЛОСТЬ: ЛЮБОВНАЯ СВЯЗЬ С НЕИЗВЕСТНЫМ 221
Беседа 10 – ОТБРОСЬ БОГА, ОТБРОСЬ ВИНУ – СТАНЬ РЕЛИГИОЗНЫМ 251
Беседа 11 – ОСОЗНАННОСТЬ: ЕДИНСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ ДОБРОДЕТЕЛИ 271
Беседа 12 – БОГ: ИДЕЯ, ВРЕМЯ КОТОРОЙ ПРИШЛО – И УШЛО 297
Беседа 13 – НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ – ЭТО НАСТОЯЩИЕ ДЕБРИ! 317
Беседа 14 – НЕ ХОДИТЕ ПО ВОДЕ – ПРЫГАЙТЕ В ОСОЗНАВАНИЕ 337
Беседа 15 – ОТ СТРАДАНИЯ К БЛАЖЕНСТВУ ... 357

Беседа 1

ВАШЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: ЛЕТАТЬ

29 января 1985 года

Бхагаван,

Когда я вижу и слышу, как и что вы говорите, меня поражает одно: с самого раннего детства и до настоящего мгновения Вы всегда проявляли такое огромное самоуважение и самовосхищение. А мы все способны ли на такое?

Человек не знает, на что он способен, до тех пор, пока ему ни приходится осознать это.

Это напоминает маленького птенца. Птенец, сидящий в укрытии, сооруженном его матерью и отцом, наблюдает, как они летают, и видит, какое удовольствие они получают от полета. Ему самому хотелось бы так же летать, парить в бескрайнем небе, под солнцем. Когда он видит, как они взмывают ввысь, двигаясь вместе с ветром, в нем также возникает огромное желание. Но он не знает, что способен на такой же полет, на такое же удовольствие, на такой же танец. Он даже не знает, что у него есть крылья.

Матери и отцу требуется немного времени, чтобы убедить его. И они имеют определенную методологию, чтобы убедить его. Мать может сидеть немного выше, на другой ветке, и звать свое дитя. Дитя пытается лететь, но боится, что может упасть. Мать же продолжает звать его; это придает ему уверенность. Иногда отцу приходится даже выталкивать его из укрытия. Птенец боится, он волнуется, но одно уже несомненно: впервые он узнает, что у него есть крылья.

Он взмахивает крыльями. Он не знает, как надо летать, но

его мать недалеко; ему удается достигнуть ее – чудо свершилось. Теперь призыв матери будет исходить с другого дерева, а затем призыв будет исходить из отдаленного леса. Но если он знает, что у него есть крылья, то расстояния не имеют значения. Со временем матери уже не надо звать его, а отцу не надо его выталкивать.

В один прекрасный день он просто говорит отцу и матери «до свидания», улетает и никогда больше не возвращается. Он сам по себе становится личностью.

Все то, что вы видите во мне, чувствуете во мне, – есть в вас, но только как потенциал.

Никто не позвал вас, находясь от вас на расстоянии, и не придал вам уверенности в том, что у вас есть крылья. Никто не подтолкнул вас; естественно, вначале вам показалось бы, что такой человек – ваш враг, толкающий вас навстречу смерти – вы упадете! Но до тех пор, пока вас не толкнули и вы не увидели, что, взмахивая крыльями, вы держитесь в воздухе и не падаете... Тогда огромный потенциал становится реальностью: вы впервые видите, что сами способны летать. Теперь это больше не мечта, и вы осознаете это.

Проблема в том, что человек не такой проворный, как птицы, и что ребенка еще надо заставить осознать свои потенциальные возможности.

Несчастье человека в том, что отец не заинтересован в потенциальных возможностях своего ребенка. Он заинтересован во вложении своего собственного капитала. Он хотел бы, чтобы ребенок стал частью его бизнеса, его религии, его политики, его идеологии. Мать не заинтересована в развитии ребенка, поскольку это – неизвестный фактор. Все не так просто, как у птиц; человек – сложное существо, многостороннее. Ребенок способен стать кем угодно, но мать имеет свое собственное капиталовложение – ей хотелось бы, чтобы ее ребенок стал кем-то особенным.

Родители человека по причине своих собственных капиталовложений – бизнеса, политики, религии, философии – менее заинтересованы в потенциальных возможностях своего ребенка. Они больше заинтересованы в том, как сформировать ребенка, чтобы он соответствовал их миру, стал уважаемым человеком в

их мире, чтобы он не был отверженным, не был неприспособленным.

Все это вытекает из добрых намерений, но результат – не так хорош. Это почти похоже на избиение младенца, на уничтожение, на убийство его. Большинство его потенциальных возможностей навсегда останутся только потенциальными возможностями. Он даже никогда не узнает, какие сокровища он нес в себе всю жизнь. Он умрет, а эти сокровища так и останутся нераскрытыми.

Всю свою жизнь он жил по указке других: он жил чужою жизнью. Он улыбался, потому что от него этого ждали; он уважал людей, потому что его этому научили. Он ходил в церковь, в синагогу, в храм, потому что туда ходили его родители, все вокруг ходили туда. Это надо было делать, так он был воспитан.

Со мной же что-то пошло не так с самого начала.

Причина была в том, что в течение семи лет я не жил вместе с моими родителями, я жил с дедушкой и бабушкой по материнской линии. Эти два старых человека не думали о капиталовложении – они просто любили меня. Они прекрасно знали, что рано или поздно я уйду, я был только гостем. Не начинайте вкладывать капитал в гостя – завтра утром он уйдет. Они действовали не так, как действуют родители. Вот почему со мной было все иначе.

Они предоставили мне полную свободу, чтобы я мог быть самим собой, так как у них не было желания формировать мой характер. В действительности, они хотели, чтобы я вернулся к своим родителям и чтобы я стал тем, кем они хотели меня видеть. Мой дедушка по материнской линии, действительно, говорил мне много раз: «Наше единственное желание – это вернуть тебя твоим родителям такой же чистой грифельной доской, какой они дали тебя нам. Мы ничего не хотим писать на тебе. Кто знает? Ведь это может противоречить желаниям твоих родителей. Ты принадлежишь им, для нас ты – гость: все, что мы можем дать тебе, – это свобода, наша любовь и место, где ты можешь расти».

Но первые семь лет жизни – самые важные; потом никогда у вас не будет столько возможностей. Эти семь лет определяют ваши последующие семьдесят лет, весь фундамент закладывается за эти семь лет. Поэтому, по странному стечению обстоятельств, меня уберегли от моих родителей, а к тому времени, когда я сблизился с ними, я был почти самостоятельным, я уже летал. Я знал, что у меня есть крылья. Я знал, что мне не нужна ничья помощь, чтобы заставить меня летать. Я знал, что все небо – мое.

Я никогда не просил, чтобы мной руководили, а если мной начинали руководить, я всегда резко отвечал: «Это оскорбительно. Вы думаете, что я не могу сам справиться? Я прекрасно понимаю, что предоставление такого руководства не является плохим намерением, – за это я благодарен вам, – но вы не понимаете одну вещь: я способен сам все сделать. Только дайте мне возможность доказать свой характер. Не вмешивайтесь».

За эти семь лет я стал поистине большим индивидуалистом: твердым орешком. Теперь меня невозможно было сбить с толку.

Обычно я проходил через магазин своего отца, так как магазин был в передней части дома, а в задней части проживала наша семья. Так бывает в Индии: жилье и магазин находятся в одном здании, поэтому со всем очень легко управляться. Обычно я проходил через магазин своего отца с закрытыми глазами.

Он спросил меня: «Странно. Когда ты идешь через магазин в дом или из дома, – а надо было пройти всего двенадцать футов, – твои глаза всегда закрыты. Какой ритуал ты соблюдаешь?»

Я сказал: «Я делаю так просто для того, чтобы этот магазин не уничтожил меня, как он уничтожил вас. Я вообще не хочу его видеть; он меня абсолютно не интересует, совершенно не интересует». А это был один из прекраснейших магазинов одежды в городе – там были самые лучшие материалы, – но я никогда не смотрел на них, я просто закрывал глаза и проходил мимо.

Он сказал: «Вреда не будет, если ты откроешь глаза».

Я сказал: «Как знать – ведь можно прийти в отчаяние. Я не хочу ни от чего приходить в отчаяние».

Естественно, он хотел, чтобы я, – а я был его старшим сыном, – помогал ему. Он хотел, чтобы я, закончив свое образование, приехал и занялся магазином. С магазином он управлялся хорошо; постепенно магазин стал довольно большим. Он сказал: «Конечно, кто же еще будет присматривать за

ним? Я буду стареть; ты хочешь, чтобы я постоянно находился там?»

Я сказал: «Нет, не хочу, но вы можете отойти от дел. У вас есть младшие братья, которые заинтересованы в этом магазине, даже слишком заинтересованы – они боятся, что вы можете передать магазин мне. Я говорил им: 'Не бойтесь меня; я вам не конкурент'. Передайте этот магазин вашим младшим братьям».

Но в Индии существует такая традиция, что старший сын наследует все. Мой отец был старшим сыном своего отца; он унаследовал все. Теперь я должен был заботиться обо всем его имуществе. Естественно, он беспокоился... но выхода не было. Он всячески старался как-то заинтересовать меня.

Он говорил мне: «Даже если ты станешь врачом, ты за целый месяц не сможешь заработать столько, сколько я могу заработать за один день. Если ты станешь инженером, какое жалование ты собираешься получать? Если ты станешь профессором – я могу без проблем нанять твоих профессоров. А ты знаешь, что сейчас тысячи безработных выпускников университетов, аспирантов, докторов философии?»

Вначале он пытался убедить меня не поступать в университет, так как очень боялся, что вдали от дома за шесть лет я стану совершенно независимым. И, кроме того, он не сможет присматривать за мной. Он уже сожалел, что на семь лет оставил меня с родителями моей матери.

Я сказал ему: «Не бойтесь. Что должно было случиться, уже случилось: я действительно выпускник учебного заведения. Те семь лет... Чтобы испортить меня, университет не нужен; я полностью испорчен, я – вне вашего влияния. А эти средства убеждения – жалование, уважение, деньги – я, вообще, не ценю их. И я не собираюсь становиться врачом или инженером, поэтому не беспокойтесь. В действительности, всю свою жизнь я собираюсь оставаться бродягой».

Он сказал: «Это еще хуже! Лучше уж ты станешь инженером или врачом, но бродягой? Это – новая профессия. Надо же додуматься до этого! Ты хочешь стать бродягой! Даже те, кто являются бродягами, чувствуют себя оскорбленными, когда им говорят: 'Ты – бродяга'. А ты говоришь своему собственному отцу, что всю свою жизнь ты хочешь быть просто бродягой».

Я сказал: «Именно так и будет».

Затем он начал говорить: «Тогда почему ты хочешь поступить в университет?»

Я сказал: «Я хочу быть образованным бродягой, а не бродягой по слабости характера. Я ничего не хочу делать в своей жизни по слабости характера: я не смог бы стать кем-нибудь; вот почему я – бродяга: это – не мой путь. Прежде всего, я хочу доказать миру, что могу стать тем, кем хочу, поэтому я делаю выбор и хочу стать бродягой – в силу своего твердого характера. Кроме того, можно быть респектабельным, даже если ты – бродяга, так как респектабельность ничего не имеет общего с призванием, профессией; респектабельность зависит от того, как ты действуешь в силу своего характера, чистоты, разума».

«Поэтому будьте совершенно уверены, что я поступаю в университет не для того, чтобы затем найти какую-то хорошую работу; я рожден не для того, чтобы делать такие глупые вещи. Существует множество людей, которые делают такие вещи. Но культурный, умудренный опытом, образованный бродяга – вот что так нужно, ведь такого вы не найдете вокруг. Бродяги существуют, но это просто третьесортные люди, они – неудачники. Вначале я хочу добиться полного успеха, а затем отбросить весь этот успех и стать просто бродягой».

Он сказал: «Я не могу понять твою логику, но если ты решил стать бродягой, я знаю, что нет способа изменить тебя».

Те семь лет... он снова и снова напоминал мне: «Это была основная наша ошибка. Было время, когда мы могли бы постараться сделать из тебя что-то ценное. Но твои Нана и Нани, эти двое старичков, полностью тебя испортили».

А после смерти моего Наны моя Нани никогда больше не возвращалась в деревню; она была очень расстроена. Я был близко знаком с тысячами супружеских пар, поскольку я останавливался во многих семьях во время моих странствий по Индии, но я никогда не встречал кого-либо, кого можно было сравнить с этими двумя стариками: они по-настоящему любили друг друга.

Когда мой Нана умер, моя Нани – моя бабушка по материнской линии – хотела умереть вместе с ним. Было очень трудно предохранить ее от этого. Она хотела быть на погребаль-

ном костре вместе со своим мужем. Она сказала: «Моя жизнь прошла – какой смысл теперь жить?» Каждый старался, а к этому времени... Это старинная традиция в Индии, которая называется *сатти*.

Слово «сатти» означает женщину, которая живая восходит на погребальный костер вместе со своим умершим мужем. Слово «сатти» означает «истинность». *Сат* означает «истина», а так же «бытие»; «сатти» означает «тот, у кого есть истинное бытие, чье бытие есть истина». Она так сильно любила этого человека, что отождествляла себя с его жизнью; другой жизни для нее не существовало. Но после Британского владычества традиция «сатти» была объявлена незаконной.

С точки зрения человека Запада это выглядело почти как самоубийство; и без преувеличения так оно и было. И для девяноста девяти процентов женщин, ставших «сатти», единственным выходом было самоубийство. Но для одного процента женщин я не могу сказать, что это было самоубийством. Для одного процента женщин жить без человека, которого они беззаветно любили и без которого они не мыслили ни секунды своего существования, последующая их жизнь была самоубийством.

Но закон слеп и не может сделать такого тонкого различия. То, что видели англичане, было, действительно, ужасным и должно было быть остановлено. Один процент женщин шли на погребальный костер добровольно. Но это стало событием, вызывающим такое уважение, что любая женщина, которая не желала исполнить это... а это был, действительно, очень мучительный, ужасный способ смерти – восхождение живьем на погребальный костер!

Девяносто девять процентов женщин не желали этого делать, но их семьи чувствовали себя неловко, так как это означало, что женщина никогда самозабвенно не любила своего мужа. Это было бы причиной осуждения всей семьи: честь всей семьи была бы поставлена на карту. Поэтому люди принуждали женщину к этому; и была создана такая атмосфера, при которой невозможно было определить, была ли женщина вынуждена совершить это. Без сомнения, она находилась в ужасном состоянии, в большом шоке.

Ее приводили на погребальный костер, и на погребальный

костер выливали такое количество *гхи*, очищенного масла, что над всем этим местом висело облако дыма; невозможно было даже различить, что там происходит. В этом дыму сотни браминов громко распевали на санскрите сутры; а позади браминов располагался большой оркестр, состоящий из всевозможных инструментов и производящий как можно больше шума, поэтому даже невозможно было услышать кричащую и плачущую или пытающуюся выбраться из погребального костра женщину. Вокруг погребального костра с пылающими факелами стояли брамины и толкали женщину опять в костер.

Когда англичане увидели это, это показалось им, конечно, не только самоубийством, но также и убийством. Фактически, это было убийство; женщина не хотела совершать самоубийство. Вся обстановка была создана таким образом, что невозможно было услышать ее крики и увидеть, как она пытается вырваться оттуда, – в кругу браминов посторонних не было.

Когда англичане обнаружили, насколько все это было преступным и ужасным, они объявили это противозаконным: если какая-нибудь женщина участвовала в этой церемонии, а затем обнаруживалось, что она осталась живой, то она могла быть приговорена к пожизненному тюремному заключению. А те, кто убеждал ее совершить это – ее семья, священнослужители, соседи, – они также были соучастниками преступления и также могли быть наказаны в зависимости от степени их участия.

Поэтому эта традиция постепенно исчезала; она должна была исчезнуть. Но изредка один процент женщин участвовал в этой церемонии – женщины, которых не страшило наказание, так как они сами приговаривали себя к смерти. Почему же не воспользоваться возможностью умереть вместе с любимым человеком?

Итак, люди, окружающие мою Нани, старались отговорить ее совершить эту церемонию, но она сказала: «У меня никого нет, ради кого я могла бы жить. Я не могу вернуться в свою деревню, так как мы оба прожили вместе шестьдесят лет в одном доме, в котором я не могу теперь жить одна. Он всегда будет присутствовать там. Я даже не принимала пищу до того, пока он не поест; я буду не в состоянии даже есть там. Прежде всего, я буду не в состоянии готовить там пищу, потому что я готовила пищу для него; он любил вкусную еду, и мне доставляло удовольствие

готовить для него. Для меня было удовольствием видеть, как он получает удовольствие. А теперь для кого я буду готовить?»

«И я никогда не принимала пищу до него, даже если было очень поздно. Если он уходил на работу в другую деревню или в суд в отдаленный город, – я должна была ждать целый день, но для меня было радостью ждать его. Все шестьдесят лет нашей супружеской жизни я ни разу не принимала пищу до него».

Такова была традиция в Индии: как можно есть до того, пока не поел человек, которого любишь и для которого готовишь пищу? Как раз вчера моя мать говорила... Она сказала мне, что хотела рассказать мне об этом раньше, но у нее не хватило смелости в тот день, когда она хотела сказать, ведь это лежало таким тяжелым грузом у нее на сердце.

Я сказал: «Вам следовало бы рассказать мне раньше; рассказав мне все, вы сбросили бы груз со своего сердца. Зачем вам носить его?»

Она сказала: «Мне было так стыдно упоминать тебе об этом, но я не могу больше носить это в себе по той простой причине, что если я когда-нибудь умру, то умру с этим тяжелым грузом, поэтому будет лучше, если я расскажу тебе».

А в чем было дело? Это дело ничего собой особенного не представляло – с точки зрения западного человека оно не имело никакого значения. Дело было в том, что она также никогда не ела до того, пока не поест мой отец, но в последний день, когда мой отец умер... Она обычно возвращалась из больницы ночью, а рано утром опять шла в больницу. Перед тем как отправиться в больницу, она как раз приготовила чай и уже хотела выпить чашку чая, когда зазвонил телефон и ей сообщили, что состояние моего отца очень серьезное, поэтому, даже не выпив чая, она отправилась в больницу. Целый день он то вставал, то ложился, поэтому она совершенно забыла о еде.

К вечеру моему отцу стало лучше. Я отправился навестить его где-то около трех часов; он чувствовал себя настолько хорошо, насколько лишь можно было надеяться, – а это было опасным признаком, поскольку так всегда происходит: перед тем как умереть, человек начинает себя прекрасно чувствовать. Когда подходит смерть, все жизненные силы собираются вместе, чтобы бросить в лицо смерти последний вызов. Вот почему перед смертью люди кажутся почти вылеченными. Это подобно угасанию пламени свечи: в последний момент, перед тем как погаснуть, пламя ярко вспыхивает и очень интенсивно горит.

Жизнь – это почти пламя. Даже с точки зрения науки – это пламя; вот, почему вам постоянно нужен кислород – кислород необходим и пламени. Если накрыть свечу стеклянным колпаком, то вскоре свеча погаснет, так как под колпаком очень мало кислорода. Как только весь кислород израсходуется на пламя, пламя гаснет. Вам постоянно необходим кислород, чтобы поддержать ваше пламя. Поэтому не только с поэтической точки зрения вы – пламя, но также и с научной точки зрения.

Когда я пришел навестить его в три часа, он казался совершенно вылеченным. Он смеялся, садился в кровати, радовался самому себе; он сказал мне: «Сейчас я чувствую себя прекрасно и думаю, что завтра смогу отправиться домой». Я понимал, что может произойти. Он *собирался* домой, но он не шел домой.

Поэтому я старался переменить тему о доме, так как мне трудно было сказать: «Да, завтра вы пойдете домой», – ведь я видел, что он собирается домой именно в тот же день. Но я сказал: «Прекрасно. Зачем ждать до завтра? Если вы хорошо себя чувствуете, и нет никаких проблем, и врач разрешает, то вы можете прийти домой сегодня». И я постарался заговорить о земных вещах. Я сообщил ему: «Мы доставили для вас очень большой новый автомобиль. Он прибыл, и как только вы будете готовы, вы поедете домой в своем собственном новом автомобиле».

По мере того, как он все глубже и глубже погружался в медитацию, он становился почти как дитя. И он принял санньясу только тогда, когда прикоснулся к скалистому дну медитации, не раньше. Люди принимают санньясу для того, чтобы войти в медитацию; он ждал. Моя мать приняла санньясу, мои дяди приняли санньясу, но он выжидал.

Все спрашивали меня: «Почему ты не сказал своему отцу?» Мой дядя спрашивал меня, моя мать спрашивала меня. Я сказал: «Он никогда ничего не говорил мне, никогда не принуждал меня что-либо делать. Сейчас с моей стороны будет совершенно нечестно говорить ему, чтобы он что-то сделал – и особенно чтобы воспринял санньясу. Как только он захочет, он скажет; я не

собираюсь говорить ему. И я знаю, что он выжидает», – ведь он постоянно сообщал мне о своей медитации: как он себя чувствует, что переживает, на сколько секунд его покинули мысли и какие именно мысли пришли к нему, когда они пришли.

Когда бы он ни приходил ко мне, он говорил о своей медитации, и это ясно указывало на то, что он выжидал; до тех пор, пока он не соприкоснулся со скалистым дном, он ничего не говорил о санньясе. И он прекрасно знал, что я не собираюсь ничего говорить.

Однажды утром... он обычно погружался в медитацию с трех часов ночи до шести часов утра – три часа. Итак, где-то около шести часов прибежал Лаксми и сказал: «Тебя хочет немедленно видеть твой отец, и он также говорит: ''Принеси малу и бланк санньясы''. Я не знаю, что с ним случилось». Он сидел обычно по три часа; он оставался в комнате, где впоследствии находился Лаксми, – в доме Лао-цзы в Пуне, в той же самой комнате. Он только что прибыл на несколько дней, поэтому Лаксми выехал из этой комнаты, а он остался там. Я вошел в комнату. Он сказал: «Сейчас пришло время: дай мне санньясу».

После этого дня он стал все больше и больше уподобляться ребенку – интересовался каждой штучкой совсем как ребенок. Но в тот день, когда я упомянул: «Мы доставили для вас очень большой автомобиль, возможно, самый большой в Индии, – а в Индии можно найти самые большие автомобили, потому что везде, во всем мире, они исчезли, – и теперь вы не будете ощущать никакого неудобства, никаких забот». Он не обратил на это внимания. Это еще раз убедило меня в том, что он что-то чувствует. Я через десять минут покинул его, сказав: «Я спрошу у врача, и если вы вылечены, то зачем ждать до завтра? Вы поедете домой сегодня же».

Когда моя мать увидела его, он выглядел прекрасно. Он сказал, что хочет выйти, посидеть на веранде и поглядеть на внешний мир. После моего ухода его вывели на веранду. В этот момент моя мать осознала, что не ела целый день. Она почувствовала такой голод, что сказала Сохану или кому-то другому, кто был там: «Я чувствую себя очень голодной, у меня почти болит

живот». Она сказала моему отцу: «Скоро с едой явится Сохан, и ты поешь первым – у меня болит живот».

Но мой отец сказал: «Мне что-то не хочется есть. Я чувствую себя так хорошо, что мне даже не хочется беспокоить чем-либо свой организм; я просто хочу сидеть и смотреть на небо. Не волнуйся – иди и поешь», – и она была так голодна, что поела прежде, чем стал есть мой отец.

Это был груз, который она несла в себе, а именно: всю свою жизнь она никогда не ела прежде, чем станет есть мой отец; и вот в последний день она поела. Как только она закончила еду, вошел мой отец, и она подала ему еду; он взял кусочек и сказал: «Мой организм ничего не принимает». Через полчаса он умер; его тело доставили домой той же ночью – он прибыл домой в том автомобиле, который постарался доставить Лаксми.

Но вчера моя мать сказала мне: «Освободи меня от этой боли, так как она не дает мне покоя. В тот последний день я совершенно забыла, что он должен есть первым».

Я сказал: «Возможно, он лучше понимал, что теперь ты будешь есть одна; теперь больше не будет возможности давать вначале пищу ему, а затем принимать пищу самой. Поэтому из сострадания он сказал вам: 'Ешь, не беспокойся. Это ничего не значит – кто ест первым, а кто вторым. Это все равно'».

«Мое ощущение таково, что он также чувствовал, что жить осталось ему не долго и что вам следовало бы поесть, не дожидаясь пока поест он. Он, должно быть, был счастлив видеть, что вы поели и что вы не будете в таком положении, в котором была мать моей матери».

Почти десять или двенадцать дней моя бабушка не ела. Вначале было очень трудно воспрепятствовать ей отправиться на погребальный костер. Наконец, все они, вся моя семья, сказали мне: «Только ты можешь убедить ее; ты был вместе с ней семь лет». И, конечно, я добился успеха. Все, что я должен был сделать, – это сказать ей: «Вы постоянно говорите: 'Для чего мне жить?' Не для меня же? Просто скажите мне, что вы не хотите жить для меня? Тогда я скажу всей семье, что мы оба отправляемся на погребальный костер».

Она сказала: «Что!»

Я сказал: «Тогда зачем мне оставаться здесь? Для чего? Будет хорошо, если мы пойдем вместе».

Она сказала: «Прекрати эту чепуху. Разве кто-нибудь слышал о том, чтобы мальчик, семилетний мальчик...? Это не для тебя, это для женщины, чей муж умер».

Я сказал: «Ваш муж умер, мой Нана умер, и моя Нани собирается умереть – для меня это достаточная причина. И во всяком случае, я все равно когда-нибудь умру, так зачем же долго ждать? Быстро и покончим с этим».

Она сказала: «Я знаю, что ты озорник, и, даже хотя твой Нана умер, ты подшучиваешь надо мною».

Я сказал: «Тогда перестаньте беспокоить всю семью, иначе я пойду вместе с вами». Она согласилась не ходить на похороны и согласилась с тем, что будет жить для меня.

Она осталась в городе моего отца; но она была очень независимой женщиной: ей не нравилась большая объединенная семья; братья моего отца, их жены, их дети – это был большой караван. Она сказала: «Здесь не место для меня. Я прожила всю свою жизнь с мужем, в тиши. Ты прожил с нами только семь лет, а ведь мы в своей семье даже не разговаривали подолгу, так как не о чем было разговаривать. Мы обо всем переговорили раньше, поэтому нам не о чем было разговаривать – мы просто молча сидели».

А место, где они жили, было прекрасное, оно выходило на очень большое озеро, поэтому они часто сидели, глядя на озеро и на то, как летают водоплавающие птицы, которые в определенное время года тысячами собирались там. Она сказала: «Мне хотелось бы пожить одной». Поэтому для нее выбрали дом около реки, где она могла бы найти некоторое сходство с прежним жильем; в этом городе у нас не было озера, но была красивая река. Целый день я проводил в школе, или слонялся по городу, или занимался тысячею и одним делом, а вечером я всегда был со своей Нани. Много раз она говорила: «Твои родители недовольны. Мы забрали тебя от них на семь лет, из-за этого они не могут простить нас. Мы думали, что вернем тебя таким же чистым, каким взяли, стараясь ничем не влиять на тебя. Но они сердятся; они не говорят об этом, но я чувствую это и слышу от других людей, что мы испортили тебя. А теперь ты не ходишь ночевать к своим отцу и матери и ко всей своей семье; каждый вечер ты приходишь сюда. Они подумают, что ты продолжаешь портиться, – старик умер, но старуха все еще здесь».

Я сказал ей: «Но если я не приду, сможете ли вы заснуть? Для кого вы стелите вторую постель каждый вечер перед моим приходом? Я ведь не говорю вам, что приду завтра. Что касается завтрашнего дня, то с самого начала я не был уверен в нем, ведь кто знает, что случится завтра? Почему вы стелите вторую постель? И не только вторую постель...»

У меня была давнишняя привычка, с которой Деварадж должен был как-то покончить; на это у него ушло почти два или три года. С самого раннего детства, насколько я помню, прежде, чем отправиться спать, мне нужны были конфеты, иначе я не мог заснуть. Поэтому она не только стелила мне постель, она обычно выходила и покупала для меня конфеты, конфеты, которые я любил, а затем клала их рядом с моей кроватью, чтобы я мог съесть их; даже среди ночи, если мне хотелось конфет, я мог есть их. Она клала их в таком количестве, что их можно было есть всю ночь.

Я спросил ее: «Для кого вы приносите эти конфеты? Сами вы их не едите; с тех пор, как умер Нана, вы не пробовали их». Мой Нана любил конфеты. В действительности, кажется, это он привил мне вкус к конфетам; он также перед сном часто ел их. Такого не делают ни в одной джайнской семье. Джайны не едят по ночам; они даже не пьют воду, или молоко, или что-либо другое. Но он жил в деревне, где был единственным джайном, поэтому проблем не возникало. И возможно, от него я унаследовал эту привычку. Я даже не помню, как я начал: он, должно быть, ел и позвал меня присоединиться к нему. Я, должно быть, присоединился к нему, и постепенно это вошло в привычку. В течение семи лет он приучал меня!

Я не мог отправиться к себе домой по двум причинам. Одной причиной были конфеты, так как в доме моей матери такое было не возможно: там было столько детей, что если разрешить одному ребенку, то все дети начнут просить. И в любом случае, это противоречило религии – просто нельзя даже было и попросить. Моей же трудностью было то, что я просто не мог уснуть без них.

Во-вторых, я чувствовал: «Моя Нани, должно быть, хочет быть одна, а здесь так трудно быть уединенным, – здесь так много людей; здесь всегда базар. Никто не будет скучать по мне, если меня здесь не будет», – никто и не скучал по мне. Они просто

удостоверились, что я ночую у своей Нани, поэтому проблем не было.

Итак, даже и после тех семи лет я не был под влиянием своих родителей. Просто случайно с самого начала я стал самостоятельным. Правильно я поступал или неправильно – это было неважно, но я поступал самостоятельно. И постепенно это стало моим образом жизни во всем, например, относительно одежды.

В моем городе только я единственный был не мусульманин, который одевался как мусульманин. Мой отец говорил: «Ты можешь делать все, но, по крайней мере, не делай этого, ведь я должен жить в обществе, я должен думать и о других детях. И откуда у тебя эта идея?»

Мусульмане в моем городе вместо *дхоти,* которое носят индийцы, носили определенный тип пижамы, которая называется *салвар.* Их носят пуштуны в Афганистане и в Пуштунистане – это отдаленные местности около Гималаев, по ту сторону Гималаев. Но это очень красивая пижама, она выполнена не так бедно, как простая пижама; у нее очень много складок. Если взять один настоящий салвар, то можно сделать из него по крайней мере десять пижам; так много у него складок. Когда все складки собраны вместе, они делают салвар очень красивым. А я носил длинную пуштунскую *куртху* – не индийскую куртху. Индийская куртха короткая, и рукава ее не очень просторные. Рукава пуштунской куртхи очень просторные, а сама куртха очень длинная; она ниже колен. Кроме того, у меня была турецкая шапка.

Мой отец часто говорил мне: «Ты входишь в магазин с закрытыми глазами и с закрытыми глазами выходишь. Почему ты не пользуешься задней дверью?» Он говорил: «Ты можешь входить через заднюю дверь, ты можешь выходить через заднюю дверь; можешь иметь свой собственный ключ, так как задней дверью никто не пользуется. По крайней мере, нам не придется отвечать каждому покупателю на его вопрос: "Кто этот мусульманин, входящий с закрытыми глазами?" И у тебя странные идеи. У нас магазин одежды – там есть любая одежда, там есть готовая одежда, – ты можешь носить одежду любого стиля, но мусульманскую?»

В Индии мусульманин – это самое худшее. Я сказал: «Все это оттого, что вы все думаете, что мусульманин – это самое худшее. Я протестую против всех вас, одежда мусульманина – самая лучшая. И вы можете заметить: куда бы я ни пошел, только на меня обращают внимание, никого другого не замечают. Когда бы я ни зашел в класс, замечают только меня; куда бы я ни пошел, сразу же меня замечают».

А манера, с которой я носил эту одежду... Одежда была действительно элегантна, да еще с турецкой шапкой. Турецкая шапка большая, и на ней есть волосяная кисточка, свисающая сбоку; ее носят очень богатые турки. Я был очень маленький, и эта одежда во многом выручала меня.

Я мог встретить контролера или полицейского, охраняющего ворота, который только бросал на меня взгляд и говорил: «Давай». Видя эту одежду... Он не разрешил бы мне, маленькому мальчику, войти, но: «В такой одежде он, должно быть, шейх или кто-то очень важный». И даже контролер вставал, видя мою одежду. Обращение «шейх» применялось к очень уважаемым людям, и он говорил: «*Шейхджи, бетье* – Шейхджи, пожалуйста, садитесь».

Я сказал своему отцу: «Эта одежда часто выручает меня. Однажды я пошел посмотреть на министра, и он тоже подумал, что я – шейх, принадлежащий какой-то богатой арабской или персидской семье. А вы хотите, чтобы я выкинул эту одежду и носил дхоти и куртху, на которые никто не обратит внимания?» Я продолжал носить эту одежду до моего зачисления в высшее учебное заведение.

Меня усиленно пытались отговорить, но чем больше они старались, тем больше... Я сказал: «Если вы прекратите ваши старания, возможно, я выкину ее; но пока вы будете продолжать, я буду самым последним человеком, который выкинет эту одежду».

Однажды мой отец сложил в кучу мои салвары, куртхи и три турецкие шапки и пошел на склад товаров, в подвал; там он положил их куда-то, где лежало много разных вещей – сломанных, бесполезных. Я ничего не мог найти, поэтому, когда я вышел из ванной комнаты, я прямо голый с закрытыми глазами

вошел в магазин. Когда я выходил, мой отец сказал: «Подожди! Заходи. Забирай свою одежду».

Я сказал: «Принесите ее, где бы она ни находилась».

Он сказал: «Я никогда не думал, что ты так сделаешь. Я думал, ты будешь оглядываться кругом и искать одежду; и ты не нашел бы ее, так как я положил ее в такое место, где ты не нашел бы ее. Тогда ты, естественно, стал бы носить обычную одежду, которую и должен был бы носить. Я никогда не думал, что ты так поступишь».

Я сказал: «Я начинаю действовать непосредственно. Я не верю в бесполезные разговоры; я даже никого не спрашивал, где моя одежда. Почему я должен спрашивать? Моя обнаженность будет иметь ту же цель».

Он сказал: «Бери свою одежду, и никто не будет беспокоить тебя относительно ее, но, пожалуйста, не начинай ходить обнаженным, ведь это создаст еще больше неприятностей – люди подумают, что сыну торговца одеждой нечего носить. Ты пользуешься дурной славой, и из-за тебя мы тоже будем пользоваться дурной славой: ''Посмотрите на бедного ребенка!'' Все будут думать, что мы не даем тебе одежду».

Я не стал носить эту одежду с тех пор, как меня перестали беспокоить, и до того, пока я не сдал вступительные экзамены в высшее учебное заведение. Как только я покинул город, я сменил свою одежду на более подходящую для моей студенческой жизни. Я обнаружил, что в первом колледже, в который я поступил, шапка являлась обязательным атрибутом – колледж нельзя было посещать без шапки. Это была великая идея. Колледж надо было посещать в соответствующей одежде: ботинки, застегнутые пуговицы, шапка. А я пошел туда без пуговиц, без шапки и в деревянных сандалиях – и сразу же стал знаменитостью.

Меня немедленно вызвал директор. Он сказал: «Что это?»

Я сказал: « Это просто способ, чтобы быть представленным вам, иначе на это могут уйти годы. Кого волнует первокурсник?»

Он сказал: «Твоя идея не лишена смысла, но это не разрешается; ты должен носить шапку, а пуговицы должны быть застегнутыми».

Я сказал: «Вы должны доказать мне, в чем заключается

научное обоснование для ношения шапки. Она как-то помогает в увеличении силы разума? Тогда я могу носить даже тюрбан – почему шапку? – если это увеличивает силу мозгов. Но известно, что самые большие идиоты в Индии находятся в Пенджабе и они носят крепко завязанный тюрбан. Возможно, они единственные люди в мире, которые так крепко завязывают тюрбан; их ум надежно схвачен. А самые разумные люди в Индии – бенгальцы, которые не носят шапки». Я сказал: «Просто скажите мне, какие фундаментальные, научные причины того, что я должен носить шапку».

Он сказал: «Странно – никто раньше не спрашивал о фундаментальных, научных причинах, касающихся шапок. В этом колледже это просто наш обычай».

Я сказал: «Меня не волнует обычай. Если обычай не научный и вредит человеческому разуму, то я первый, кто восстанет против него. И вскоре вы увидите, как шапки начнут исчезать из колледжа, так как я собираюсь сообщить людям: 'Посмотрите – у бенгальцев самый лучший ум, и они не носят шапки'».

«В Индии две Нобелевские премии ушли в Бенгалию. Что касается Пенджаба, то я не думаю, что даже в будущем туда попадет хотя бы одна Нобелевская премия. Я собираюсь создать целое движение, но если вы будете молчать и разрешите мне одеваться по моему усмотрению, то я не нарушу общественный порядок; иначе будет иметь место целое движение. Перед своим офисом вы увидите костры горящих шапок».

Он взглянул на меня и сказал: «Хорошо, не нарушай общественный порядок, продолжай одеваться по своему усмотрению. Но у меня будут неприятности, потому что рано или поздно другие спросят меня: 'Почему вы разрешили ему?'»

Я сказал: «Дело в том, что если вы честный человек, то должны сами перестать носить шапку, так как у вас нет никаких научных оснований для этого. Иначе, всякому, кто бы ни явился к вам, скажите, чтобы он нашел фундаментальные, научные причины для этого, скажите, что эта традиция способствует увеличению разума. Считается, что колледж способствует увеличению разума; ум нужно острить. А каким образом этому способствует шапка? Она лишает разум развития».

Но он сказал: «По крайней мере, пуговицы...»

Я сказал: «Они мне не нравятся. Мне нравится, когда воздух непосредственно попадает мне на грудь, я получаю от этого удовольствие; мне не нравятся пуговицы. Нигде в уставе вашего колледжа не упоминается о шапке, поэтому мне и нужны научные причины. Нигде также не упоминается, что надо иметь пуговицы». Но никто никогда там даже не мог подумать, что можно прийти в колледж без пуговиц. Я сказал: «Вы видите, что у меня нет даже петель для пуговиц».

В первый год моего пребывания в университете я завоевал первый приз в соревновании по дискуссиям, и директор был очень счастлив. Он сказал: «Я знал, что ты победишь, так как ты находишь доказательства и причины, о существовании которых никто даже не подозревал. Но теперь возникла проблема: нам нужна твоя фотография с призом и все такое прочее; она будет опубликована. Я ничего не могу сказать о шапке, пусть будет по-твоему; но пуговицы... Фотография пойдет во все газеты».

Я сказал: «Тогда вы можете занять мое место: с пуговицами, надлежаще одетым и в шапке. Меня это не интересует. Когда я участвовал в дискуссии, у меня не было пуговиц; я завоевал приз без пуговиц. И на фотографии я должен быть без пуговиц, иначе получается, что вы несправедливы. Вам следовало сказать мне, что без пуговиц я не могу участвовать в дискуссии».

«Из всех кандидатур колледжа вы выбрали меня для участия – в тот момент у меня также не было пуговиц. Я участвовал в дискуссии, я выиграл соревнование; вот он приз. Если вы не можете занять мое место, поскольку тогда все узнают, что вы – директор, то просто повесьте рядом ваш пиджак с пуговицами. Меня это не интересует. Но если я буду фотографироваться, то я собираюсь сниматься в том виде, в каком я есть. Даже с пуговицами я – другой человек».

Он был шокирован, но согласился, что это правда. Даже с пуговицами это будет другой человек. Личность состоит из незначительных вещей; даже самое небольшое изменение... Я сказал: «Подумайте, – у него были красивые усы, – если мы сбреем ваши усы и скажем вам: 'Пожалуйста, позируйте для нас, так как ваша фотография будет напечатана', – вы согласитесь?»

Он сказал: «Но я уже не буду похож на себя».

Я сказал: «Совершенно правильно. А с пуговицами я не буду похож на себя».

Это продолжалось долго – я ни разу не упустил возможности обострить свой ум. Я использовал каждую возможность, чтобы обострить свой ум, отточить свою индивидуальность. Теперь вы можете понять, взглянув на всю картину, не по фрагментам... Люди, которые входили в контакт со мною, конечно, были не способны понять, что я из себя представляю, – сумасшедший, спятивший, – но я действовал очень методически.

Отдельный фрагмент не может дать вам полное представление, так как он выпадает из контекста, но если вы приложите его ко всему контексту... я был отчислен из одного колледжа, из другого колледжа, но я получал от всего этого удовольствие – и именно это шокировало их.

Когда меня отчислили из одного колледжа, моего первого колледжа, там был тот самый директор, и он вынужден был отчислить меня. Он очень сожалел, так как мое отчисление было неправильным; а у него постепенно появилась определенная благосклонность ко мне за мою полную решимость быть самим собой, чего бы это ни стоило. Его уважение ко мне постепенно росло: «Этот человек может пожертвовать всем даже из-за пуговиц и шапки».

Он пытался убедить меня: «Если ты будешь носить шапку, я гарантирую, что ты получишь высшую отметку на переходном экзамене, поскольку все в моих руках».

Я сказал: «Я предпочел бы провалиться сейчас на экзамене, но не носить шапку. Я готов к последствиям: все в ваших руках, провалите меня». Но прежде чем провалить меня на экзамене или принять у меня экзамен, он вынужден был отчислить меня, так как один профессор поставил условие: или он уволится, или я должен быть отчислен. Директор сожалел, потому что этот человек был нелогичен, – и странно было то, что он являлся профессором логики! Он был совершенно нелогичен, поскольку вся его жалоба заключалась в том, что я постоянно спорил.

Я сказал директору: «Категория логики предусматривает споры. Мы пришли изучать логику, а не сидеть как тупицы. А этот старик продолжает говорить какой-то абсурд. Я не могу это

вынести. Если на занятиях по логике говорят что-то нелогичное, я готов сражаться, я собираюсь отстаивать логику. Стоит вопрос о защите логики и ее репутации. А ради всего лишь ординарного профессора я не могу допустить ни единой нелогичности».

«А это совершенно нелогично: он не говорит причину, почему я должен быть отчислен, какое преступление я совершил. Он просто говорит, что я спорю, но разве спор – это преступление? Спросите его, был ли он способен ответить на мои доводы. Его оскорбляют мои доводы или его оскорбляет то, что он не может ответить на мои доводы?»

Он сказал: «Я могу понять тебя и жалею тебя».

Я сказал: «Никогда не жалейте меня, потому что я получаю удовольствие от того, что меня отчисляют; это делает мне честь – отчислен вовсе без причины, отчислен за правоту. Я горжусь. Не жалейте меня, я жалею всех вас, потому что ни у кого из вас нет силы воли. Вы директор колледжа, а у вас нет силы воли. И помните, что жизнь – очень странное явление; завтра я могу оказаться у власти».

Он сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Я ничего не имею в виду. Я просто говорю, что когда-нибудь, возможно, вы попадете в беду и только я смогу спасти вас».

Он сказал: «Это почти невозможно. В какую беду я мог бы попасть? Не пытайся смутить меня». Он уже начал бояться: «О какой беде и о какой власти он говорит?»

Я сказал: «Когда-нибудь по Божьей милости мы увидим».

И, странно, случилось так, что через десять лет после этого случая я стал профессором. Некоторая джайнская семья открыла один из колледжей около Гвалиора. Эта семья преподнесла в дар колледжу все деньги, которые ему были необходимы. Семья очень любила меня, поэтому они ввели меня в руководящий комитет. Тот директор – я совсем забыл о нем. Десять лет – большой срок, а за десять лет меня отчисляли много раз. Было столько много директоров и заместителей ректоров, с которыми я воевал и воевал; но это помогало мне становиться все более и более твердым, все более уверенным в себе.

Тот директор потерял работу; он работал в частном колледже, и руководящий комитет решил уволить его, поэтому он подал заявление в этот новый колледж. Я ничего не знал. Я был в комитете и беседовал с директорами и профессорами, поступающими на работу в колледж. Когда он вошел, – его звали директор Паранджап... когда он вошел и увидел меня, сидящего на месте председателя руководящего комитета, он начал дрожать.

Я сказал: «Директор Паранджап, не бойтесь».

Тогда он сказал: «Простите меня. То, что я сделал с вами, было абсолютно несправедливо и ошибочно. Пожалуйста, забудьте об этом».

Я сказал: «Нет проблем... Я не могу забыть это, я собираюсь вознаградить вас за все. Вы выбраны в качестве директора данного колледжа, потому что вы отчислили меня. Сейчас, во всяком случае, я не могу не выбрать вас, так как, по вашему мнению, это будет просто местью. Хотя вы – не лучшая кандидатура – есть более квалифицированные люди, чем вы, – я вынужден выбрать вас».

«Вы помните, я сказал вам, что когда-нибудь все может поменяться местами? В тот день вы сидели в кресле, а я стоял перед вами. Сегодня я сижу в кресле, а вы стоите передо мной.

Жизнь – очень странная драма... но я назначаю вас директором этого колледжа только потому, что вы отчислили меня. Как я могу забыть это? Простить? Все отлично – я давно простил вас, так как вреда мне не причинили, – но забыть? Этого я не могу сделать. Если я забуду обо всем, то вы не будете назначены на должность. Есть намного лучшие кандидатуры, вы видите. Вот список: здесь доктора философии, здесь доктора литературы, а вы – только дважды магистр гуманитарных наук.

Вашей единственной квалификацией, насколько я помню, является то, что вы отчислили меня без какой-либо причины. Теперь, будучи директором этого колледжа, не делайте подобных идиотских поступков».

Он не мог поверить. Вечером он пришел повидать меня туда, где я остановился: в семью, которая создала этот колледж. В глазах у него были слезы; он сказал: «Я не могу в это поверить! Я был уверен, что со мной все кончено. Увидев вас там, я потерял всякую надежду. Я был без работы полтора года – я в ужасном состоянии. И вы спасли меня, прекрасно зная, что я был несправедлив к вам».

Я сказал: «Забудьте об этом. Эта ваша проблема – быть

справедливым или быть несправедливым, – но это значительно помогло мне. Если бы вы не отчислили меня, я не нашел бы более хороший колледж, более хорошего директора, более хороших профессоров. Я, действительно, благодарен вам».

Действительно, дело обстояло так: благодаря моему отчислению я нашел более хороший колледж. Но и оттуда я был также отчислен, и в конце концов я должен был покинуть Джабалпур, так как ни один колледж не хотел принять меня. Но это было также и великим благословением. Оглядываясь назад на свою жизнь, я пришел к выводу, что если человек немного сметливый, то все превращается в благословение. За всю свою жизнь я не помню, чтобы что-нибудь превратилось в проклятие. Доказано, что все ночи переходят в светлый день.

Когда все колледжи отказали мне в приеме, я жил в Джабалпуре у одной из сестер моего отца, которая была замужем. Она стала плакать, и ее муж тоже был в слезах. Они сказали: «Мы говорили тебе: зачем ты лишний раз попадаешь в беду? И это ведь не один колледж – сколько было колледжей за четыре года? А ты опять что-то делаешь. Нас удивляет: что бы ты ни делал, ты всегда добродетелен. И действительно, мы не можем сказать, что ты ошибаешься; ты тоже прав. Мы никогда не видели, чтобы такое случалось с каким-нибудь студентом, который всегда прав, а его отчисляют. Если ты ошибся и тебя отчислили, то это понятно».

Я сказал: «В этом вся прелесть моего положения. Я никогда не ошибаюсь; но во всем этом неправильном обществе быть правым означает быть неправым. Здесь ошибка допустима, правота не допустима; следовательно, я не чувствую никакого оскорбления. Эти качества определяют мой характер». А вот, как все обернулось.

Я переехал в другой город, Саугар, и отдал все мои справки об отчислении заместителю ректора университета. Он сказал: «Но почему ты рассказываешь мне все эти ужасные вещи?»

Я сказал: «Я говорю вам: вот мои характеристики. И я не хочу держать вас в неизвестности; вначале вам следует узнать обо мне и только потом давать мне разрешение. Более надежно не давать мне разрешения сейчас, чтобы потом не отчислять меня, ведь в таком случае ответственность будет лежать на вас. И вас

будут порицать за это, так как я всегда все делаю правильно; возможно, что в нужный момент правильно выполненное верное дело – это уж слишком, и люди, которые постоянно делают все неправильно, начинают выходить из себя. Поэтому я говорю вам, что вот это мои характеристики».

Он сказал: «Ты странный молодой человек, но я не могу отказать тебе, потому что кто же еще представил бы такие характеристики? И я – последний, кто стал бы думать о твоем отчислении, ведь ты всегда все делаешь правильно. Я не собираюсь отказывать тебе в приеме».

Он дал мне разрешение, и не только разрешение, – он дал мне стипендию. Он предоставил мне питание, проживание, пансион – и все бесплатно. Он сказал: «Ты заслуживаешь всяческого уважения, так как к тебе относились очень несправедливо».

Я сказал ему: «Вы должны запомнить одну вещь: все это делаете вы; вы очень сострадательны ко мне; но если когда-нибудь возникнет проблема, то я доставлю вам много хлопот. Я не буду думать о вашей благосклонности – вам следует постоянно иметь это в виду, – меня нельзя подкупить».

Он сказал: «Я не подкупаю тебя, это не подкуп. Я, действительно, впечатлен». Он был единственным человеком, который на протяжении целых двух лет не отчислял меня. А эти два года были самыми трудными для моих профессоров, потому что они были последними двумя годами, аспирантскими годами. Было так много жалоб...

Но тот человек, доктор Трипатхи, – он был по-настоящему великий историк. Он был профессором истории в Оксфорде, а затем, когда оставил свою должность, он стал заместителем ректора Саугарского университета. Он держал свое слово.

Он просто выбрасывал все жалобы в корзину для бумаг, хотя каждый день, когда я, бывало, отправлялся на утреннюю прогулку и проходил мимо его дома, он говорил мне: «Вчера поступило так много жалоб, все они в корзине для бумаг». И он чувствовал себя таким счастливым от того, что был способен держать свое слово, несмотря на все разногласия. Для него это было действительно трудно; там были жалобы от студентов, от

управляющих, от надзирателя, от профессоров. Но он продолжал спрашивать: «Он был неправ или прав?»

Один профессор читал лекцию. В своей лекции он сказал, – было празднование годовщины основания университета, – он сказал: «Было время, когда Индию называли золотой птицей. Страна была такая богатая и такая религиозная, что не было нужды запирать двери – замки даже не были изобретены».

Я встал и спросил его: «Если это правда, что люди не запирали своих домов, поскольку не было проблемы воровства, воров, преступников, то почему тогда Гаутама Будда постоянно учит людей: 'Не воруйте, не будьте ворами?' Вы полагаете, что вы разумнее Гаутамы Будды? Махавира учит, все учителя из Вед... Если случаев воровства не было, то все эти люди кажутся совершенно сумасшедшими. Сорок лет Будда учит против воровства – кого?»

Я сказал: «Возьмите обратно ваше утверждение. Я могу допустить мысль, что замки не были изобретены; это может быть причиной, почему люди не запирали свои двери. Вторая причина следующая: в то время красть было нечего, люди были очень бедные. А нищета существовала со времен *Риг Веды*; об этом упоминается в каждом священном писании».

«Поэтому единственным объяснением является то, что люди были бедные, настолько бедные, что красть было нечего. У них ничего не было. Кроме того, чтобы изобрести замки, необходима определенная технология – замки не растут на деревьях. Технология отсутствовала. Естественно, богатые люди не нуждались в замках, поскольку у них были люди с обнаженными мечами, охраняющие их дома и дворцы. Но охраняющие от кого? Нищета там, должно быть, существовала на противоположной стороне дороги».

Он пожаловался. Но на лекции он сказал: «Хорошо. Я не хочу, чтобы этот праздник превратился в место споров или дискуссий. Я беру обратно свое утверждение».

Я сказал: «Вы не берете его обратно, вы просто пытаетесь спасти свою репутацию. Но хорошо, достаточно».

Позже он жаловался: «Этот человек оскорбил меня перед всем университетом». В то время, когда он жаловался, я случайно зашел к заместителю ректора по каким-то делам. Я был

старостой по общежитию, а управляющий общежития постоянно издавал приказы – естественно, они должны были проходить через меня. Если я находил их неправильными, то выбрасывал их; если они были правильными, то я приклеивал их на доску объявлений. Он очень сердился.

Он сказал мне: «Не в вашей власти выбрасывать мои приказы».

Я сказал: «А вот докажите, что это не в моей власти». Поэтому я отправился объяснить, в чем дело: что управляющий пришел и что вся ситуация заключалась в следующем: «Он выпускает глупые приказы. Я же не настолько глуп, чтобы вывешивать их на доску объявлений в общежитии. Поэтому или примите мою отставку как старосты, или, когда он придет, объясните ему, что его приказы глупые, а староста поступает правильно».

Например, один приказ был о том, что ровно в девять часов свет должен быть выключен. Я сказал: «Это абсурд. Я читаю до трех часов утра; и я пришел в университет, чтобы учиться как можно больше. Я никому не причиняю вреда. Я не собираюсь выключать свет в девять часов. Он будет выключаться в три часа утра. Свой свет он может выключать в восемь часов, или в девять часов, или когда он захочет. Он может выключить его навсегда – *я* не возражаю».

«И ни один студент не заявил, что его что-то беспокоит, потому что все студенты располагают своим собственным временем и свободой. Кто-то занимается до десяти, кто-то занимается до двенадцати. Кто-то рано ложится спать, рано встает и начинает читать в три часа утра; когда я отправляюсь спать, кто-то намеревается начать читать и включает свой свет. Изменить это – абсурдно. И я сказал управляющему: 'Вы стараетесь управлять даже нашим сном. Днем вы управляете нами: что делать, как делать, куда ходить, куда не ходить. Даже ночью... – скоро вы начнете управлять нашими снами и спрашивать нас: Почему тебе снилось это?'»

Я сказал заместителю ректора: «Вы человек, занимающийся историей, вы должны знать, что один египетский император выпустил приказ – это исторический факт, – фараон издал приказ по всему царству о том, что никто не должен ему сниться.

Если кто-нибудь попытается сделать это, то будет приговорен к смертной казни. Естественно, ведь никто не должен прерывать его сон.

Таким образом, ситуация была затруднительной. Следующей ночью ему приснился один из его придворных. Его немедленно схватили. Он изо всех сил старался объяснить: «Я не выходил из своего дома».

Фараон сказал: «Дело не в этом. Почему ты появился в моем сне? Кто ты такой, чтобы нарушать мой сон?» Итак, это сон фараона, его воображение – несчастный человек ничего не мог поделать; он даже не думал о фараоне, но он был наказан. Поскольку он принадлежал двору, то его, конечно, не приговорили к смертной казне, а лишь к нескольким годам тюремного заключения».

Я сказал заместителю ректора: «Вы должны помнить это. Теперь этот человек скоро начнет приказывать: 'Тебе должно сниться это, а тебе должно сниться то' и 'Ты должен видеть сны только до этого момента, а затем все сны должны закончиться'. Я не могу выставлять на обозрение такой абсурд: студенты – свободны. Не должно быть беспокойств и проблем. Никто никому не мешает».

Итак, я пошел, чтобы сказать ему: «Скоро будут неприятности и драка между мной и управляющим. Вы должны заменить или меня, или управляющего; мы не можем сосуществовать вместе. А если вы помните о слове, которое вы дали, то должны заменить управляющего, поскольку он не может доказать, что он прав».

В этот момент он сказал: «Вы видите сидящего здесь профессора – он говорит, что вы мешали ему вести занятия».

Я спросил профессора: «Вы взяли свое утверждение обратно, а я сказал вам, что вы не взяли его обратно. Если вы взяли его обратно, тогда почему вы здесь жалуетесь? Если бы вы не взяли его обратно, то у вас хватило бы мужества, чтобы спорить. Я не мог сидеть там, слушая такие глупости, – это оскорбление университету. *Я* не мешал занятиям. Вы стали поднимать шум – я старался все уладить».

И заместитель ректора сказал профессору: «Докажите теперь, что он неправ, так как я обещал ему, что если будет доказано, что он неправ, то только тогда против него будут предприняты какие-то санкции».

Но все способствовало мне. Чем больше я конфликтовал с разумными, образованными, культурными, остроумными людьми, тем больше я приходил к выводу, что это очень полезно... ни учебники, ни лекции в классе, а то, что я обычно называл – они их так не называли – занятия, проводимые вне программы обучения. Я обычно называл свои занятия внепрограммными; и они, действительно, вознаградили меня.

Когда первый раз я вошел в университетский класс философии, я впервые встретил доктора Саксену. Действительно, я питал любовь и уважение только к нескольким профессорам. Моими наиболее любимыми профессорами были доктор С.К. Саксена и доктор С.С. Рой – по той простой причине, что они никогда не обращались со мной как со студентом.

Когда первый раз я вошел в класс доктора Саксены, на мне были деревянные сандалии; доктор выглядел немного озадаченным. Он взглянул на мои сандалии и спросил меня: «Почему ты носишь деревянные сандалии? Они производят столько шума».

Я сказал: «Зато они держат мое сознание начеку».

Он сказал: «Сознание? А ты пытаешься держать свое сознание начеку также и другими способами?»

Я сказал: «Двадцать четыре часа в сутки я стараюсь это делать всевозможными способами: когда гуляю, сижу, ем, даже когда сплю. Вы можете верить или не верить, но совсем недавно мне с успехом удалось быть в сознании и начеку даже во сне».

Он сказал: «Занятия в классе закончены – пойдем со мной в кабинет». Все в классе подумали, что я навлек на себя беду в первый же день. Он привел меня в свой кабинет и взял с полки свою докторскую диссертацию, которую он написал тридцать лет назад. Она была посвящена сознанию. Он сказал: «Возьми ее, она опубликована на английском языке, и очень много людей в Индии просили перевести ее на хинди – великие ученые, прекрасно знающие два языка, английский и хинди. Но я никому не разрешал, так как вопрос не в том, хорошо ли ты знаешь язык или нет; я искал человека, который знает, что такое сознание, и я вижу по твоим глазам, по твоему лицу, по тому, как ты отвечал... ты должен перевести эту книгу».

Я сказал: «Это трудно, так как я не знаю хорошо английский, я также не знаю хорошо хинди. Хинди – мой родной язык, но я знаю его настолько, насколько всякий знает свой родной язык. А я верю в определение родного, материнского, языка. Почему каждый родной язык называется материнским языком,

языком матери – потому что мать говорит, а ребенок слушает, – вот так дети учатся языку. Именно так и я выучился языку».

«Мой отец – человек молчаливый; моя мать говорит, а он слушает – так я и выучил язык. Это просто язык моей матери, я не знаю его хорошо; хинди никогда не был предметом моего изучения. Я немного знаю английский, но в достаточной мере для ваших так называемых экзаменов, но для перевода книги, которая является диссертацией доктора философии... и вы даете ее студенту?»

Он сказал: «Не волнуйся – я знаю, ты сможешь это сделать».

Я сказал: «Если вы доверяете мне, я приложу все свои усилия. Но я должен сказать вам одну вещь, что если я обнаружу что-то неправильное в ней, то сделаю снизу редакционное примечание, поставив в этом месте звездочку, обозначающую, что здесь ошибка и как должно быть правильно. Если я обнаружу что-то пропущенное, то я поставлю звездочку и сделаю сноску о том, что пропущено и в какой части».

Он сказал: «Я согласен с этим. Я знаю, там есть много пропущенных вещей. Но ты удивляешь меня: ты даже еще не видел книгу, ты даже еще не открывал ее. Откуда ты знаешь, что в ней будут пропуски?»

Я сказал: «Глядя на вас... способ, с помощью которого вы, глядя на меня, увидели, что я подходящий человек, который может перевести вашу книгу, вполне дает мне понять, доктор Саксена, что вы неподходящий человек, чтобы написать ее!»

И ему это так понравилось, что он всем об этом рассказывал. Весь университет знал об этом – об этом диалоге, который произошел между мной и им. Во время следующих двухмесячных летних каникул я перевел книгу и сделал редакционные примечания. Когда я показал ему книгу, в его глазах были слезы радости.

Он сказал: «Я прекрасно знал, что там кое-что упущено, но я не мог разобраться, так как у меня никогда не было в этом практики. Я просто старался собрать всю информацию о самосознании, имеющуюся в священных писаниях Востока. Я собрал много информации, а затем стал рассортировывать ее. На завершение моей диссертации ушло почти семь лет».

Он сделал действительно великую научную работу, – но только научную. Я сказал: «Диссертация – научная, но она не является трудом медитирующего. Я сделал все примечания – эта

книга могла быть написана только ученым, а не медитирующим».

Он просмотрел все страницы и сказал мне: «Если бы ты был одним из экзаменаторов, дающих оценку диссертации, я не получил бы докторскую степень! Ты обнаружил именно те места, в которых я сомневался, но эти глупцы, которые давали оценку, даже ничего не заподозрили. Диссертация была очень высоко оценена».

Многие годы он был профессором в Америке, а его книга является поистине монументальным ученым трудом; но никто не критиковал его, никто не указал... Итак, я спросил его: «Что вы теперь собираетесь делать с моим переводом?»

Он сказал: «Я не могу его опубликовать. Я искал переводчика, а ты – скорее экзаменатор, чем переводчик! Я буду хранить твой перевод, но я не могу опубликовать его. Благодаря твоим замечаниям и редакционным комментариям вся моя репутация будет уничтожена, но я согласен с тобой. Действительно, если бы это было в моей власти, я дал бы тебе докторскую степень хотя бы за твои редакционные замечания и сноски, так как ты точно нашел места, которые может найти только медитирующий; человек, который не медитирует, не способен обнаружить их».

Итак, всю свою жизнь с самого начала я был озабочен двумя вещами: никогда не допускать, чтобы какая-нибудь неразумная вещь оказывала на меня влияние, сражаться со всеми видами глупости, несмотря на последствия, и до самого конца быть разумным, логичным. Это была одна сторона, которой я руководствовался при контактировании со всеми людьми. А другая была абсолютно частной, моей собственной: становиться все более и более бдительным, что я не успел сделать, будучи интеллектуалом.

Интеллект и медитация, соединенные воедино, взращенные вместе, дают вам целостность бытия.

Существовали медитаторы, которые не обладали взращенными интеллектами. Они получали удовольствие от своей медитации, они были удовлетворены, но они были не способны передать свои мысли кому-либо, так как для этого необходим очень тонкий ум. Вам надо будет разорвать целые заросли джунглей разума другого человека, вам надо будет проложить

тропу в джунглях мыслей. Действительно, вам потребуется острый, подобный сабле, разум.

Но создание тропы еще не является целью. Тропа бесполезна до тех пор, пока нет путника.

Интеллект может проложить тропу, но по ней проходит медитация.

Вы спрашиваете меня, является ли это потенциалом всего. Да, абсолютно является. Это право первородства каждого. Вы просто никогда не пытались.

У вас есть крылья, но никто не толкал вас.

Вы сами не делали прыжок: вы все еще сидите в укрытии.

Все небо ваше, но вы не претендуете на него.

Все, что необходимо сделать, я готов сделать. Если вам нужен толчок – хорошо; если вам нужен удар – хорошо.

Я готов сделать все, чтобы дать вам хотя бы небольшое переживание – переживание того, что у вас есть крылья, тогда моя работа будет закончена.

Если вы можете порхать с одного дерева на другое, то в ваших руках золотой секрет.

Беседа 2

МЕДИТАЦИЯ – ТРАМПЛИН ДЛЯ ПРЫЖКА В ВАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

30 января 1985 года

Бхагаван,

Что такое медитация?

Это самый важный вопрос, которым занимается моя религия.

Медитация – это сама суть всех моих усилий.

Это то самое чрево, из которого родится новая религия.

Но очень трудно объяснить ее словами. Чтобы сказать что-либо о медитации, надо использовать противоречивые термины. Медитация – это то, что можно иметь, чем можно быть, но из-за ее природы невозможно сказать, что это такое. Были различные попытки объяснить это явление. Даже если достичь фрагментарного, частичного понимания его, то и это уже превосходит ожидаемое.

Но даже частичное понимание медитации может стать зерном. Многое зависит от того, как вы слушаете. Если вы только слышите, тогда даже и фрагмент ее невозможно объяснить вам, но если вы слушаете... Постарайтесь понять разницу между двумя вещами.

Слух – это механическое явление. У вас есть уши, значит вы можете слышать. Если вы оглохли, тогда на помощь вам могут прийти механические средства. Ваши уши – не что иное, как определенный механизм для восприятия звуков. Слух – это очень просто, животные слышат; все, у кого есть уши, способны слышать, – но слушание есть гораздо более высокая стадия.

Слушание означает: когда вы слушаете, вы только слышите и ничего больше, – в вашем уме нет никаких мыслей, облака не затеняют ваше внутреннее небо, – поэтому, что бы ни говорилось, все достигает вас в том виде, в каком было это сказано. Оно не попадает в ваш разум; не интерпретируется вами, вашими предубеждениями; не затеняется тем, что прямо сейчас происходит у вас внутри, потому что все это – искажения.

Обычно, это не трудно; вы продолжаете действовать в соответствии с услышанным, так как вещи, которые вы слышите, являются обычными предметами. Если я что-то говорю о

доме, о двери, о дереве, о птице, то проблемы нет. Это обычные предметы; здесь нет необходимости в слушании. Но есть необходимость слушать, когда мы говорим о чем-либо подобном медитации, которая не является предметом вообще; она – субъективное состояние. Мы можем только обозначить ее; вы должны быть очень внимательны и бдительны – тогда есть возможность, что некоторый смысл ее достигнет вас.

Даже если вы поймете немного, этого более чем достаточно, так как у понимания есть свой собственный способ роста. Если небольшая частица восприятия попадет в нужное место, в сердце, она начнет расти сама по себе.

Вначале постарайтесь понять слово «медитация». Это не то слово, которое определяет состояние, о котором должен беспокоиться поистине ищущий человек. Поэтому я хотел бы рассказать вам кое-что о нескольких словах. На санскрите мы имеем специальное слово, обозначающее медитацию, это слово – *дхьяна*. Ни в одном другом языке не существует его синонима; это слово непереводимо. Уже две тысячи лет назад люди поняли, что это слово непереводимо по той простой причине, что ни в каком другом языке люди не использовали его или не переживали состояние, которое оно обозначает; поэтому-то в других языках нет этого слова.

Слово необходимо только в том случае, когда надо что-то назвать, обозначить. В английском языке есть три слова: первое – это концентрация. Я видел много книг, написанных весьма разумными людьми, но не людьми, которые переживали медитацию. Они постоянно используют слово «концентрация» для обозначения дхьяны – дхьяна же не является концентрацией. Концентрация просто означает, что ваш ум сфокусирован на одной точке; это – состояние ума. Обычно ум постоянно находится в движении, но если он постоянно находится в движении, то вы не можете работать с помощью ума над определенным объектом.

Например, в науке концентрация необходима; без концентрации невозможно существование науки. Не удивительно, что наука не развивалась на Востоке – я вижу глубокие внутренние связи, – потому что концентрация там никогда не ценилась. Для религии необходимо нечто другое, не концентрация.

Концентрация – это ум, сфокусированный на одной точке. Она сама по себе обладает практической ценностью, поскольку благодаря ей вы можете все глубже и глубже погружаться в определенный объект.

Именно этим и занимается наука: узнает все больше и больше об объективном мире. Человек, разум которого постоянно блуждает, не может быть ученым. Все искусство ученого состоит в том, что он способен забыть весь мир и направить все свое сознание на один предмет. А когда все сознание выливается на один предмет, то это уподобляется концентрированию солнечных лучей в линзе: тогда можно добыть огонь.

Лучи сами по себе не создают огонь, так как они рассеяны; они находятся на большом расстоянии друг от друга. Концентрация означает, что лучи собраны вместе, в одной точке; а когда множество лучей собраны в одной точке, они имеют достаточно энергии, чтобы создать огонь. Сознание обладает таким же качеством: сконцентрируйте его и вы сможете глубже проникнуть в тайны вещей.

Мне вспоминается Томас Альва Эдисон – один из великих ученых этой страны. Он работал над чем-либо настолько сосредоточенно, что когда его жена входила с завтраком для него, она видела, что он настолько сосредоточен, что даже не слышал, как она входила. Он даже не смотрел на нее, он не знал, что она была там, и она знала, что сейчас мешать ему нельзя. «Конечно, завтрак остынет, но он по-настоящему разгневается, если я помешаю ему – никто не знает, где он находится».

Поэтому она просто ставила завтрак около него так, чтобы после своего возвращения из путешествия в концентрацию, он смог бы увидеть завтрак и съесть его. Но что произошло? В этот момент зашел его друг – он также увидел очень сосредоточенного на чем-то Эдисона. Он посмотрел на остывающий завтрак и сказал: «Пусть себе работает. Я же покончу с завтраком, он остывает». Он съел завтрак, а Эдисон даже не знал, что там был его друг и съел его завтрак.

Когда он вышел из состояния концентрации, он посмотрел вокруг, увидел друга и увидел пустые тарелки. Он сказал своему другу: «Пожалуйста, прости меня. Ты немного опоздал, и я уже съел свой завтрак». Очевидно, раз тарелки были пустые, значит кто-то съел завтрак, а кто же мог его съесть? Должно быть, он сам! Несчастный друг не мог понять, что ему делать. Он думал удивить его, но этот человек удивил его еще больше – он сказал: «Ты немного опоздал...»

Но жена наблюдала за всем происходящим. Она вошла и сказала: «Он не опоздал, это ты опоздал! Он прикончил твой завтрак. Я наблюдала и видела, что завтрак остывает; по крайней мере, кто-то съел его. Ты большой ученый! Я не могу понять, как

ты управляешься со своей наукой». Жена сказала: «Ты даже не знаешь, кто съел твой завтрак, а ты просишь у него извинения: 'Ты немного опоздал, извини...'»

Концентрация – это всегда сужение вашего сознания. Чем уже оно становится, тем сильнее концентрация. Она подобна мечу, который врезается в какую-то тайну природы: вы должны забыть обо всем. Но это – не религия. Многие люди неправильно понимали это – не только на Западе, но также и на Востоке. Они думают, что концентрация и есть религия. Она придает вам огромные силы, но эти силы – силы ума.

Например, царь Варанаси в Индии перенес операцию в 1920 году – уже в этом веке – и распространил новость о ней по всему миру. Он отказался от всякой анестезии. Он сказал: «Я поклялся не принимать ничего, что может привести меня в бессознательное состояние, поэтому я не могу допустить, чтобы мне дали хлороформ; но вам незачем волноваться».

Это была серьезная операция – удаление аппендикса. Удаление аппендикса без анестезии действительно опасно; можно погубить человека. Он может не перенести боль, так как боль будет ужасной. Надо разрезать ему живот; надо отрезать его аппендикс, надо удалить его. Операция займет один час, два часа – никто не знает, в каком состоянии его аппендицит.

Но и он не был обыкновенным человеком – иначе его заставили бы, – он был царем Варанаси. Он сказал врачам: «Но не волнуйтесь», – а там были самые лучшие врачи Индии; и там находился один эксперт из Англии. Все они консультировались: никто не был готов делать операцию, но операцию необходимо было сделать, иначе в любой момент аппендицит мог погубить человека. Положение было серьезным, и обе альтернативы казались серьезными: если оставить его без операции, он может умереть; если делать операцию, оставляя его в сознании, – то, что раньше никто не делал, такого прецедента не было...

Но царь сказал: «Вы не понимаете меня. Такого прецедента не было, потому что вы никогда не оперировали человека подобного человеку, которого вы собираетесь оперировать сейчас. Только дайте мне мою религиозную книгу, *Шримад Бхагавадгиту*. Я почитаю ее, и через пять минут вы сможете начать свою работу. Как только я погружусь в *Гиту*, вы сразу же можете отрезать любую часть моего тела – я даже не буду знать об этом; вопроса о боли не существует».

Он настаивал – и в любом случае он умирал, так что можно было попробовать без особого вреда. Возможно, он и прав – он

действительно был хорошо известен своими религиозными упражнениями. Поэтому операция была сделана. Он почитал *Гиту* в течение пяти минут и закрыл глаза; *Гита* выпала из его рук, и ему сделали операцию. Она заняла полтора часа. Операция была действительно серьезная: если бы еще промедлить несколько часов, то аппендикс мог лопнуть и человек погиб бы. Аппендикс удалили, а человек был полностью в сознании, безмолвен – даже без искорки в глазах. Он был где-то далеко.

Это было его многолетним упражнением: почитать всего лишь пять минут, и он уже в пути. Он знал *Гиту* дословно, он мог повторить ее, не глядя в книгу. Если он начал входить в *Гиту*, то он уже по-настоящему находился в *Гите;* его разум был там – он покидал его тело полностью.

Новость об этой операции облетела весь мир; операция была редкая. Но снова была совершена та же ошибка. В каждой газете было написано, что раджа, царь Варанаси, был человеком великой медитации. Он был человеком *великой концентрации*, а не медитации.

Он тоже находился в таком же заблуждении; он тоже думал, что достиг состояния медитации. Это было не так. Дело в том, что ваш разум так сфокусирован, что все остальное выпадает из его фокуса; это состояние суженного осознавания – настолько суженного, что оно становится однонаправленным, а все остальное существование выпадает из него.

Поэтому до того, как я отвечу на ваш вопрос: что такое медитация? – вы должны понять, чем она не является. Первое: это – не концентрация. Второе: это – не созерцание.

Концентрация однонаправленна; созерцание имеет более широкое поле обзора. Вы созерцаете красоту... Существуют тысячи вещей, которые прекрасны; вы можете все время переходить от одной прекрасной вещи к другой. Вы обладаете многими переживаниями красоты; вы можете постоянно двигаться от одного переживания к другому. Вы остались ограниченными сущностью предмета. Созерцание – это более широкая концентрация, не однонаправленная, но ограниченная одним предметом. Вы будете перемещаться, ваш разум будет перемещаться, но он останется внутри сущности данного предмета.

Философия использует созерцание как свой метод; наука использует в качестве своего метода концентрацию. При созерцании вы также забываете обо всем вокруг, кроме сущности вашего предмета. Сущность предмета – больше, и вы имеете больше пространства для перемещения; при созерцании нет

пространства для перемещения. Вы можете углубляться все дальше и дальше, все уже и уже, вы можете стать все более и более направленными, но вы не имеете пространства, чтобы перемещаться в нем. Следовательно, ученые являются людьми весьма ограниченного ума. Вы удивитесь, услышав это от меня.

Можно было бы подумать, что ученые имеют очень открытый ум. Ничего подобного. Относительно своего предмета их ум абсолютно открыт: они готовы слушать любые вещи, противоречащие их теории, абсолютно беспристрастно. Но, за исключением этого особого случая, они имеют больше предубеждений, они более нетерпимы, чем обыкновенный человек, по той простой причине, что ничто постороннее их больше не волнует: они просто приняли все, во что верит общество.

Многие религиозные люди хвастаются этим: «Посмотрите, он такой великий ученый, лауреат Нобелевской премии и то и это, а посещает каждый день церковь». Они совершенно забывают, что не ученый – лауреат Нобелевской премии посещает церковь. Это не ученый посещает церковь, это человек без всякой своей учености посещает церковь. И этот человек, без своей учености, является намного более доверчивым, чем кто-либо еще, – поскольку обыкновенный человек открыт, доступен, обо всем думает; сравнивает, какая религия лучше; иногда читает книги и о других религиях и имеет некоторый здравый смысл, которого ученые не имеют.

Чтобы стать ученым, вы должны пожертвовать несколькими вещами – например, здравым смыслом. Здравый смысл – это общее свойство обыкновенных людей. Ученый – не обыкновенный человек, он не обладает здравым смыслом. Имея здравый смысл, вы не откроете теорию относительности или закон гравитации. Имея здравый смысл, вы можете делать все остальное.

Например, Альберт Эйнштейн был, возможно, единственным человеком в истории, который имел дело с такими большими числами, что только одно число могло бы занять всю страницу – в нем были бы сотни нулей. Но он был настолько погружен в эти числа – это необычное занятие, но он думал только о звездах, о световых годах, о миллионах, миллиардах, триллионах звезд и подсчитывал их, – что полностью забывал о малых вещах.

Однажды он вошел в автобус и дал кондуктору деньги. Кондуктор вернул ему сдачу; Эйнштейн подсчитал ее и сказал: «Неправильно, вы обманываете меня. Дайте мне всю сдачу».

Кондуктор взял сдачу, снова пересчитал ее и сказал: «Мистер, похоже, вы не знаете цифры».

Эйнштейн вспоминает: «Когда он сказал мне: 'Мистер, вы не знаете числа, – то я просто взял эту сдачу. Я сказал себе: 'Лучше помолчать. Если кто-нибудь услышит, что я не знаю числа, да еще от кондуктора автобуса...' Тогда чем я занимался всю жизнь? Числа и числа – ни о чем другом я не мечтаю. Для меня не существует ни женщин, ни мужчин – только числа. Я думаю с помощью чисел, я мечтаю с помощью чисел, а этот идиот говорит мне: 'Вы не знаете чисел'».

Когда он пришел домой, то сказал своей жене: «Подсчитай эту сдачу. Сколько там?» Она пересчитала и сказала: «Все правильно».

Он сказал: «Боже мой! Значит кондуктор был прав: возможно, я *не знаю* чисел. Возможно, я могу иметь дело только с огромными числами; маленькие числа полностью выпали у меня из ума».

Ученый обязан утратить свой здравый смысл. То же самое происходит и с философом. Созерцание – шире, но все-таки оно ограничено определенным предметом. Например, однажды ночью Сократ думал о чем-то – никто не знает, о чем он думал, – стоя рядом с деревом, и он был настолько поглощен своим созерцанием, что совершенно не заметил, как пошел снег; а утром его нашли почти замерзшим. Снег доходил ему до колен, а он стоял там с закрытыми глазами. Он был почти на краю смерти; даже его кровь могла начать замерзать.

Его доставили домой; ему сделали массаж, дали ему спиртное, и чувства каким-то образом вернулись к нему. Его спросили: «Что вы там делали, стоя на открытой местности?»

Он сказал: «Я не имел понятия, стою ли я, или сижу, или где я нахожусь. Предмет был настолько захватывающим, что я полностью погрузился в него. Я не знаю, когда пошел снег или когда прошла вся ночь. Я умер бы, но я не вернулся бы к своим ощущениям, так как предмет был очень захватывающим. Я все еще не закончил размышлять – это была целая теория, а вы разбудили меня в середине. Теперь я не знаю, смогу ли я ухватить эту незавершенную теорию».

Это подобно тому, как если бы вы спали и кто-то разбудил вас. Вы думаете, что сможете ухватить опять свой сон, лишь

закрыв глаза и пытаясь заснуть? Очень трудно вернуться в тот же самый сон.

Созерцание – это род логического сна. Оно – очень редкое явление. Но философия зависит от созерцания. Философия может использовать концентрацию для специфических целей, чтобы помочь созерцанию. Если некоторые ее меньшие фрагменты нуждаются в сконцентрированном усилии, то можно использовать концентрацию; здесь нет проблемы. Философия – это, в основном, созерцание, но она может иногда использовать концентрацию как инструмент, как прибор.

Но религия не может использовать концентрацию; религия не может использовать также и созерцание, так как она не связана с каким-либо объектом. Находится ли объект во внешнем мире, находится ли объект в вашем уме – мысль, теория, философия, – это не имеет значения; это – объект.

Забота религии – о том, кто концентрируется, о том, кто созерцает.

Кто он?

На нем невозможно концентрироваться.

Кто будет концентрироваться на нем? Это же *вы* сами.

Вы не можете и созерцать его, ведь кто же будет созерцать? Вы не можете разделить себя на две части так, чтобы поставить одну часть перед своим разумом, а другая часть начнет созерцание. И даже если была бы такая возможность, – хотя ее не существует, но просто ради дискуссии я говорю, что если бы была возможность разделить ваше сознание на две части, – то тогда та часть, которая созерцает другую, – это вы; другая часть – это не вы.

Вы никогда не можете быть той другой частью.

Или другими словами: вы никогда не можете быть объектом.

Вы необратимо являетесь субъектом.

Нет способа превратить вас в объект.

Это подобно зеркалу. Зеркало может давать ваше отражение, зеркало может отражать все в мире; но можете ли вы сделать так, чтобы зеркало давало отражение самого себя? Вы не можете поставить зеркало перед самим собой; если вы поставите его перед самим собой, то оно перестает быть самим собой. Зеркало само по себе не может отображать себя. Сознание – это в точности зеркало. Вы можете использовать свое сознание как сосредо-

точенность на какой-то объект. Вы можете использовать его как созерцание сущности какого-то предмета.

Английское слово «медитация» (буквально «размышление») – также неправильное слово, но поскольку нет другого слова, то в настоящее время мы должны использовать его до тех пор, пока слово «дхьяна» не будет принято в английском языке так же, как оно принято в китайском языке, в японском языке, – ведь ситуация в этих странах была одинаковая. Когда две тысячи лет назад буддийские монахи попали в Китай, они усиленно старались найти какое-нибудь слово, с помощью которого можно было бы перевести их слово *джхана*.

Гаутама Будда никогда не пользовался санскритом как своим языком, он пользовался языком, которым пользовались простые люди; его языком был пали. Санскрит был языком священнослужителей, браминов, – и в этом заключалась одна из частей его переворота, направленного на то, чтобы было свергнуто священство; ему не для чего было существовать.

Человек может быть непосредственно связан с существованием.

Этой связи не нужно доверенное лицо.

Она, на самом деле, не может осуществляться через посредника.

Вы можете понять это очень просто: вы не можете любить свою подругу, своего друга через посредника. Вы не можете сказать кому-то: «Я дам вам десять долларов – идите и полюбите мою жену от моего имени». Слуга не может сделать этого, никто не может сделать этого от вашего имени; только вы можете сделать это. Любовь не может быть осуществлена слугой от вашего имени – иначе богачей не волновало бы это грязное дело. Они имеют достаточно слуг, достаточно денег; они могли бы просто послать слуг. Они могли бы найти самых лучших слуг; зачем им самим беспокоиться? Но существует несколько вещей, которые вы должны делать сами. Слуга не может спать вместо вас, слуга не может есть вместо вас.

Как священнослужитель, который является не кем иным, как вашим слугой, может медитировать *между* вами и вашим существованием, или Богом, или природой, или истиной? В последнем послании папы миру сказано, что это грех – пытаться достичь непосредственного контакта с Богом!

Вы должны контактировать с Богом через надлежащим образом посвященного в это католического священника; все должно проходить по соответствующим каналам. Существует

определенная иерархия, бюрократия; вы не можете обойти епископа, папу, священника. Если вы просто обходите их, то непосредственно попадаете в дом Божий. Это не разрешено, это – грех.

Я был действительно удивлен, что этот поляк-папа имеет наглость называть это грехом, говорить, что человек не имеет прирожденного права быть в контакте с существованием или истиной; для этого ему необходимо соответствующее посредничество! А кто должен принимать решение относительно соответствующего посредничества? Существует три сотни религий, и все они имеют свои бюрократии, свои соответствующие каналы; и все они заявляют, что остальные двести девяносто девять религий – все ложные!

Но священство может существовать, если оно делает себя совершенно необходимым. Оно совершенно не нужно, но оно возвышает себя над вами в качестве чего-то неизбежного.

Сейчас этот поляк-папа опять гастролирует. Вчера я видел его фотографию, опубликованную в какой-то католической стране. Он целовал землю. Представители средств массовой информации спросили его: «Что вы думаете об оказанном вам приеме?»

Он сказал: «Он был теплым, но не ошеломляющим».

Этого человека должны ждать; он не удовлетворяется теплым приемом, он ожидает ошеломляющего приема. А когда он говорит «теплый», вы можете быть абсолютно уверены, что это был, наверное, тепловатый прием – он пытается преувеличить его как можно больше. Иначе, теплый прием будет ошеломляющим – что вам еще надо? Сосиски с горчицей? Тогда он будет ошеломляющим? Достаточно и теплого приема. Но я знаю, в чем проблема; прием, должно быть, был тепловатый, а возможно, даже холодный.

В этом году этот человек намеревается созвать синод, то есть католический сенат, на котором встретятся все епископы и кардиналы всего католического мира, чтобы принять решения по неотложным делам. Можете быть уверены, какие это неотложные дела: регулирование рождаемости – грех, аборт – грех; и этот новый грех, о котором никогда не упоминали раньше: прилагать усилия, чтобы быть в непосредственном контакте с Богом, – грех.

Тезис, который он поставил на обсуждение, он намеревается представить синоду, чтобы получить его одобрение; затем этот тезис станет дополнением к Библии, почти таким же священ-

ным, как Библия. Если он будет принят синодом единогласно, то будет иметь такой же статус. А он будет принят, так как ни один священник не скажет, что этот тезис неправильный, ни один кардинал не скажет, что этот тезис неправильный. Они будут безмерно счастливы, что папа обладает поистине оригинальным умом – даже Иисус не додумался до этого!

Когда я получил сообщение о том, что любое усилие для осуществления непосредственного контакта с Богом является грехом, я заинтересовался, что же делал Моисей. Был непосредственный контакт: посредника не было, никто при этом не присутствовал. Когда Моисей повстречал Бога в горящем кусте, свидетеля не было. Он совершал большой грех согласно этому поляку-папе.

Кто был доверенным лицом Иисуса? Необходимо было какое-то посредничество. Молясь, он также пытался войти в непосредственный контакт с Богом. И он никому не платил, чтобы за него молились, он молился сам. А он не был ни епископом, ни кардиналом, ни папой; Моисей тоже не был ни епископом, ни кардиналом, ни папой.

Согласно этому поляку-папе все они – грешники. И синод собирается подписать этот тезис – я могу сказать об этом заранее, – поскольку во всем мире священство находится в шатком положении.

Истина же состоит в том, что вашим прирожденным правом является право интересоваться существованием, жизнью, спрашивать, о чем это все.

Созерцание – теоретическое явление, вы можете продолжать теоретизировать... Оно тоже уводит прочь ваш здравый смысл. Например, Эммануил Кант был одним из величайших философов, которые когда-либо были даны миру. Всю свою жизнь он оставался в одном городе по той простой причине, что любая перемена мешала его созерцанию – новый дом, новые люди... Все должно было быть в точности по-старому, чтобы он мог совершенно свободно созерцать.

Он никогда не женился. Одна женщина даже сделала ему предложение, но он сказал: «Я должен обдумать это». Возможно, это будет единственным в своем роде ответом; обычно мужчина делает предложение. Должно быть, она долго ждала, а когда поняла, что этот человек не собирается делать предложения, то сделала его сама. А что он сказал? – «Я должен обдумать это». В течение трех лет он размышлял над всеми благоприятными сторонами супружества, над всеми неблагоприятными сторонами супружества; а беда в том, что эти стороны были равны, уравновешены, исключали друг друга.

Поэтому через три года он пошел и постучался в дверь дома этой женщины, чтобы сказать следующее: «Мне трудно прийти к заключению, так как обе стороны одинаково обоснованы, одинаково взвешены, и я не могу ничего поделать, пока я не найду, что одна альтернатива – более логичная, более научная, более философская, чем другая. Поэтому, пожалуйста, простите меня; вы можете выйти замуж за кого-нибудь другого».

Дверь открыл отец – Кант спросил его о дочери. Отец сказал: «Вы пришли слишком поздно; она вышла замуж, у нее теперь есть даже один ребенок. Вы настоящий философ – спустя три года вы пришли, чтобы дать ей ответ!»

Кант сказал: «Во всяком случае ответом не было согласие; но вы можете передать своей дочери, что я не смог прийти к нужному выводу. Я очень старался прийти к нужному выводу, но я должен быть честным: я не могу обманывать себя, рассматривая только благоприятные причины и отбрасывая неблагоприятные причины. Я не могу обманывать себя».

Итак, этот человек каждый день, точно в одно и то же время, ходил преподавать в университет. Люди, увидев его, обычно проверяли свои настенные и ручные часы: вы могли быть уверены секунда в секунду – он двигался как стрелки часов. Его слуга обычно провозглашал не «Хозяин, ваш завтрак готов», нет, но «Хозяин, сейчас – семь тридцать», «Хозяин, сейчас – двенадцать тридцать». Не было необходимости говорить, что сейчас – время обеда; двенадцать тридцать... надо было сообщать только время.

Все было фиксировано. Он был настолько погружен в свое философствование, что стал зависимым – почти слугой своему собственному слуге, так как тот каждый раз угрожал ему, говоря: «Я собираюсь уйти». А слуга знал, что Кант не мог допустить, чтобы он ушел. В течение нескольких дней случалось так, что, когда он угрожал, Кант говорил: «Да, можешь уходить. Ты слишком ценишь себя. Ты думаешь, я не смогу прожить без тебя, что не смогу найти другого слугу?»

Слуга сказал: «Попробуйте».

Но с другим слугой ничего не выходило, так как слуга не имел представления, что надо объявлять время. Он говорил: «Хозяин, обед готов», и этого было достаточно, чтобы помешать Канту. Его надо было будить рано утром, в пять часов, и слуге были даны указания: «Даже если я буду бить тебя, орать и

кричать тебе: 'Убирайся, я хочу спать!', ты не должен уходить. Даже если тебе придется побить меня, побей меня, но вытащи из постели».

«Пять часов значит пять часов; если я буду поздно вставать, ты будешь нести ответственность. Ты полностью свободен делать все, что тебе захочется. И я ничего не могу сказать, потому что иногда бывает слишком холодно и я хочу спать... но это преходящее явление – ты не должен обращать на это внимания. Ты должен следить за часами и следовать моим указаниям, и в тот момент, когда я сплю, ты не должен обращать внимание на то, что я говорю. Я могу сказать: 'Убирайся – я встану'. Ты не должен уходить, ты должен вытащить меня из постели в пять часов».

Много раз они дрались, и слуга бил его и силой вытаскивал из постели. А вот новый слуга не мог так делать – бить своего хозяина; и этот самый приказ казался ему абсурдным. «Если вы хотите спать, то спите; если вы хотите вставать, то вставайте. Я могу разбудить вас в пять часов, но выглядит странно, что при этом должна быть борьба». Поэтому ни один слуга не приживался. Кант вынужден был опять идти к тому же самому слуге и просить его: «Вернись! Не умирай раньше меня, иначе я должен буду покончить жизнь самоубийством». И каждый раз происходило так, что слуга запрашивал еще большую плату. И вот, как это продолжалось.

Однажды, когда Кант направлялся в университет, шел дождь и один из его башмаков застрял в грязи. Он оставил башмак в грязи, так как если бы он попытался вытащить его, то опоздал бы на несколько минут, а это было не возможно. Он вошел в класс только в одном башмаке. Студенты взглянули на него; что же случилось? Они спросили: «Что случилось?» Он сказал: «Просто один башмак застрял в грязи, а я не могу опаздывать: столько людей ставят свои ручные и настенные часы по мне. Не важно, что случилось с моим башмаком. Когда я буду возвращаться домой, я заберу его, так как кто станет красть один башмак?»

Итак, эти люди утратили свой здравый смысл; они живут в ином мире. В том, что касается его теоретического мира, он самый великий логик; в его логике невозможно найти ни одного изъяна. Но в его жизни... это просто безумие. Кто-то приобрел дом по соседству с Кантом, и Кант заболел, сильно заболел. Врачи не могли определить в чем дело, так как казалось, что

никакой болезни нет, но Кант был почти на грани смерти – вовсе без причины.

Один из его друзей проходил мимо и сказал: «Проблемы нет. Насколько я вижу, кто-то приобрел соседний дом и вырастил деревья, поэтому окно Канта стало загороженным. А его абсолютным графиком, частью его абсолютного графика, было то, что он стоял перед окном во время заката и смотрел на закат. Теперь деревья выросли слишком высокими, они загородили окно. В этом причина его болезни и больше ни в чем: его график нарушен, вся его жизнь нарушена».

Кант встал и сказал: «Я тоже думал, что что-то не правильно, почему я болен. Хотя врачи говорят, что болезни нет, а я все же на грани смерти. Ты прав, это все из-за деревьев: с тех пор, как выросли эти деревья, я не видел заката. И мне чего-то недоставало, но я не мог понять, чего мне недостает». Спросили его соседей, и они согласились. Если из-за этих деревьев такой великий философ умирает... Они срубили деревья, и на следующий день Кант был совершенно здоров. Его график, его расписание – шедьюл (английское произношение) или я должен сказать скедьюл (американское произношение)? Я не знаю, как здесь будет правильно.

Первую американскую девушку я встретил где-то в 1960 году. Она спросила меня: «Какое ваше расписание (скедьюл)?»

Я сказал: «Боже мой! Что означает скедьюл?» Поскольку в Великобритании, в Индии это слово произносится «шедьюл». Я даже не мог представить, что оно имеет что-нибудь общее с «шедьюл».

Она сказала: «Вы не понимаете то, что я говорю?»

Я сказал: «Я никогда не слышал этого слова. Пожалуйста, постарайтесь объяснить мне каким-нибудь другим способом, используйте какое-нибудь другое слово». Лучше, если вы позволите мне говорить «шедьюл».

Его расписание было нарушено. Если оно было совершенно, то он был абсолютно свободен для созерцания. Он хотел, чтобы вся жизнь его была почти как у робота и чтобы его ум был абсолютно свободен от обычных земных дел.

Но религия – не созерцание.

Она – не концентрация.

Она – медитация.

Но медитацию нужно понимать как «дхьяну», поскольку английское слово «медитация» (размышление) опять-таки дает неправильное представление. Вначале постарайтесь понять, что

это слово означает в самом английском языке, так как, когда вы скажете «медитация», вас могут спросить: «О чем? О чем вы медитируете?» Должен быть объект: само это слово имеет отношение к объекту, что я «медитирую» о красоте, об истине, о Боге. Но вы не можете просто сказать: «Я медитирую»; это предложение является неполным на английском языке. Вы должны сказать «о чем» – о чем вы медитируете? И в этом вся беда.

Дхьяна означает «Я нахожусь в медитации» – даже не медитирую. Если подойти еще ближе, тогда «я *есть* медитация» – вот что означает дхьяна. Поэтому когда в Китае не могли подобрать нужное слово, то заимствовали слово, буддийское слово, *джхана*. Будда использовал джхана, это трансформация слова дхьяна на языке пали.

Будда использовал народный язык как часть своего переворота, так как он говорил: «Религия должна использовать обычный, простой язык так, чтобы священство можно было бы просто выкинуть; в нем нет необходимости. Люди понимают свои священные писания, люди понимают свои сутры, люди понимают то, что они делают. В священнике нет необходимости».

Священнослужитель нужен, так как он использует другой язык, который не используется народом, и он постоянно проводит в жизнь идею, что санскрит – божественный язык и никому не разрешается читать на нем. Он – особый язык, как язык врача. Вы когда-нибудь задумывались над этим? Почему врачи продолжают прописывать лекарства латинскими и греческими словами? Что это за род глупости? Они не знают греческий, они не знают латынь, но названия их лекарств всегда на греческом и латыни. Эта та же самая хитрость, что и священство.

Если они будут писать на языке обыкновенных людей, то они не смогут запрашивать высокую цену, которую запрашивают, потому что вы скажете: «Этот рецепт – вы запрашиваете двадцать долларов за этот рецепт?» И фармацевт, и аптекарь тоже не смогут запрашивать большие деньги, потому что люди могут достать ту же самую вещь на рынке за один доллар, а они запрашивают пятьдесят долларов. Но вы не знаете, что это означает на латыни и греческом. Если они напишут «лук», то вы скажете: «Вы шутите?» Но если это написано на греческом и латыни, то вы не знаете, что это обозначает; только он знает, или фармацевт знает.

А их манера написания также очень важна. Рецепт должен быть написан так, чтобы вы не смогли прочесть его. Если вы сможете прочесть его, значит, возможно, вы можете посмотреть в словаре и найти то, что он означает. Рецепт должен быть совершенно нечитаем, чтобы вы не смогли понять его. В действительности, в большинстве случаев фармацевт не знает, о чем рецепт, но никто не хочет показывать свое невежество, поэтому хоть что-нибудь он даст вам.

Однажды произошло следующее: один человек получил письмо от своего семейного врача; в нем было приглашение принять участие в свадьбе его дочери. Но врач писал в своей манере, просто по привычке; тот человек не смог прочитать, о чем было письмо. Он подумал, что лучшим способом будет следующее: «Я могу пойти к аптекарю, так как, возможно, там что-то важное, а если я пойду к самому врачу, он подумает, что я не умею даже читать. Лучше пойти к аптекарю».

Он пошел к аптекарю и дал ему письмо. Аптекарь просто исчез с письмом и через десять минут вернулся с двумя бутылками. Тот человек сказал: «Что вы делаете? Это был не рецепт, это было письмо».

Аптекарь сказал: «Боже мой! Это было письмо?» Но он понял – невеста и жених, – он понял и принес две бутылки. Поэтому он приготовил какую-то смесь и принес эти две бутылки.

Будда восставал против санскрита и использовал пали. На языке пали дхьяна звучит как джхана. Слово «джхана» достигло Китая и стало *чань*. У них не было другого слова, поэтому они взяли это слово – но в каждом языке разное произношение; это слово стало «чань». Когда оно достигло Японии, оно стало «дзэн», но это то же самое слово, дхьяна. А мы используем слово «медитация» в смысле «дхьяна», поэтому это не то же самое, когда вы медитируете над чем-то.

На английском оно означает нечто между концентрацией и созерцанием. Концентрация однонаправленна; созерцание имеет широкую зону, а медитация – часть этой зоны. Когда вы созерцаете определенный предмет, то существует несколько вещей, которые требуют повышенного внимания; тогда вы медитируете. Это то, что по-английски обозначается словом «медитация»: концентрация и созерцание – два полюса; точно посередине находится медитация. Но мы не используем это слово

в английском смысле, мы даем ему совершенно новое значение. Я расскажу вам одну притчу, которую я всегда любил и которая объяснит вам то, что является медитацией.

Три человека отправились на утреннюю прогулку. Они увидели буддийского монаха, стоящего на холме, и, поскольку им нечего было делать, они просто стали обсуждать, что делает этот парень. Один сказал: «Насколько я могу отсюда видеть, он кого-то поджидает. Возможно, позади остался его друг, и он дожидается его».

Второй человек сказал: «Глядя на него, я не могу согласиться с тобой, поскольку когда кто-то ждет друга, который остался позади, то он изредка будет оглядываться назад, чтобы увидеть, идет тот или нет, и как долго ему еще надо ждать. Но этот человек не оглядывается назад, он просто стоит там. Я не думаю, что он кого-то ждет. У меня такое чувство, что у этих буддийских монахов есть коровы». В Японии они имеют корову для того, чтобы иметь молоко для утреннего чая; иначе надо рано утром идти просить молоко для утренней чашки чая. А дзэнские монахи пьют чай по крайней мере пять, шесть раз в день: это почти религиозный обычай, который надо выполнять, так как чай придает вам бодрость, бдительность, делает вас более мыслящим; поэтому в монастыре они держат корову.

Второй человек сказал: «У меня такое чувство, что его корова где-то пропала, должно быть, пошла пастись, и он ищет корову».

Третий человек сказал: «Я не могу согласиться, так как когда кто-то ищет корову, то ему не надо стоять как статуя. Надо ходить вокруг, надо ходить и смотреть по сторонам. Он даже не поворачивает голову из стороны в сторону. А если говорить о его лице – у него даже глаза полузакрыты».

Они подошли поближе к тому человеку, поэтому смогли увидеть его более отчетливо. Затем третий человек сказал: «Я не думаю, что вы правы; я думаю, он медитирует. Но как мы решим, кто из нас прав?»

Они сказали: «Нет проблемы. Мы как раз подходим к нему, мы можем спросить его».

Первый человек спросил монаха: «Вы рассчитываете на приход друга, который остался позади?»

Буддийский монах открыл глаза и сказал: «Рассчитываю? Я никогда ничего не рассчитываю. Расчет чего-либо противоречит моей религии».

Человек сказал: «Боже мой! Забудьте об расчете; скажите мне – вы ждете?»

Монах сказал: «Моя религия учит меня, что нельзя быть уверенным даже за следующую секунду. Как я могу ждать? Где время, чтобы ждать? Я не жду».

Человек сказал: «Забудьте об ожидании, о том, что вы ждете, – я не знаю ваш язык. Просто скажите мне: вы оставили позади друга?»

Он сказал: «Опять то же самое. У меня нет ни одного друга во всем мире, у меня нет ни одного врага во всем мире – потому что они оба приходят вместе. Нельзя отделить одного и оставить другого. Вы разве не видите, что я буддийский монах? У меня нет никакого врага, у меня нет никакого друга. И, пожалуйста, исчезните, не мешайте мне».

Второй человек подумал: «Теперь у меня появилась надежда». Он сказал: «Я уже сказал ему: 'Вы говорите чепуху. Он не рассчитывает, не поджидает – он буддийский монах; у него нет ни друзей, ни врагов'. Вы правы. У меня такое чувство, что пропала ваша корова».

Монах сказал: «Вы еще глупее, чем первый человек. Моя корова? Буддийскому монаху ничего не принадлежит. И почему я должен искать чью-то корову? Мне не принадлежит никакая корова».

Человек выглядел действительно смущенным – что делать?

Третий человек подумал: «Теперь единственная возможность – это то, что сказал я». Он сказал: «Я вижу, что вы медитируете».

Монах сказал: «Чепуха! Медитация – это не какая-то деятельность. Человек не медитирует, он *является* медитацией. Говоря по правде, чтобы вы, ребята, не смущались, я просто ничего не делаю. Стоять здесь, ничего не делая, – разве это предосудительно?»

Они сказали: «Нет, это не предосудительно; нам кажется, это просто бессмысленно – стоять здесь, ничего не делая».

«Но, – сказал он, – это и есть медитация: сидеть и ничего не делать – ни своим телом, ни своим умом».

Если вы начали что-то делать, значит вы входите в состояние созерцания, или вы входите в состояние концентрации, или вы входите в деятельность, – но вы смещаетесь от своего центра. Когда вы вообще ничего не делаете – ни телом, ни умом, ни на каком уровне, – когда ваша активность ослаблена и вы просто существуете, то именно это и является медитацией. Вы не можете

заниматься ею, вы не можете тренировать ее; вы должны лишь понять ее.

Как только вы сможете найти время просто для существования, отбросьте все дела. Размышления – это тоже дела, концентрация – это тоже дела, созерцание – это тоже дела. Даже если на какое-то мгновение вы ничего не делаете и находитесь в центре самих себя совершенно расслабленными, то это – медитация. И если вы сумеете так делать, то сможете оставаться в этом состоянии сколько захотите; в конце концов вы сможете оставаться в этом состоянии двадцать четыре часа в сутки.

Когда вы осознаете способ, как сохранить свое существование ненарушенным, тогда постепенно вы можете начать что-то делать, сохраняя бдительность, чтобы ваше существование не было нарушено. Это является второй частью медитации. Вначале нужно научиться просто существовать, затем научиться заниматься при этом незначительными делами: подметать пол, принимать душ, но все время оставаться центрированными. Затем вы сможете делать сложные вещи.

Например, я разговариваю с вами, но моя медитация не нарушена. Я могу продолжать говорить, но в самом центре меня нет даже малейших помех; там просто молчание, абсолютное молчание.

Итак, медитация не противоречит действию.

Она не означает, что вы должны бежать от жизни.

Она просто учит вас новому образу жизни:

Вы становитесь центром циклона.

Ваша жизнь продолжается, она продолжается еще более интенсивно – с большей радостью, с большей ясностью, с большей проницательностью, с большей созидательностью, – но все же вы отчуждены, вы – просто наблюдатель, находящийся на возвышенности, просто взирающий на все, происходящее вокруг вас.

Вы – не деятель, вы – наблюдатель.

В этом весь секрет медитации – в том, что вы стали наблюдателем. Деятельность продолжается на своем собственном уровне, проблемы не существует: рубка дров, доставание воды из колодца. Вы можете заниматься всеми незначительными и значительными делами; только одна вещь недопустима – ваша центрированность не должна быть нарушена.

Это осознавание, эта наблюдательность должны оставаться абсолютно незатененными, ненарушенными.

Медитация – очень простое явление.

Концентрация – очень сложна, так как вы должны заставлять себя; это утомительно. Созерцание – это немного лучше, так как у вас есть немного больше пространства, чтобы перемещаться. Вы не пролезаете через узкое отверстие, которое становится все уже и уже.

Концентрация обладает туннельным видением. Вы смотрели в туннель? С одного края, с которого вы смотрите, он – большой. Но если туннель протяженностью в две мили, то другой конец туннеля – лишь маленькое круглое отверстие, ничего больше: чем длиннее туннель, тем меньше представляется другой конец. Чем величественнее ученый, тем длиннее туннель. Ученый должен сконцентрировать свое внимание, а концентрация внимания – всегда напряженное занятие.

Концентрация неестественна для ума.

Ум – это скиталец.

Ум получает удовольствие от перемещения с одной вещи на другую.

Он всегда возбужден новшеством.

В состоянии концентрации ум почти лишен свободы.

Во время второй мировой войны – я не знаю почему – места, где содержались узники, стали называть «концентрационными лагерями». Этот термин имел свое собственное значение – туда доставляли разных заключенных и сосредотачивали, концентрировали их там. Но концентрированность, в действительности, собирает всю энергию вашего ума и тела и направляет ее в сужающееся отверстие. Это утомительно. Созерцание обладает большим пространством для игр, для перемещения, но это все еще ограниченное пространство, это не безграничное пространство.

Медитация, согласно моему мнению и моей религии, обладает всем пространством, всем имеющимся существованием. Вы – наблюдатель, вы можете наблюдать всю картину. Не надо прилагать усилия, чтобы сконцентрироваться на чем-то, не надо прилагать усилия, чтобы созерцать что-то. Вы не делаете все это, вы просто наблюдаете, просто осознаете. Это – умение. Это – не наука, это – не искусство, это – не ремесло; это – умение.

Поэтому вы должны просто продолжать обыгрывать эту идею. Сидя в ванной комнате, просто обыграйте идею, что вы ничего не делаете. И однажды вы будете удивлены: вы просто обыгрывали эту идею, и ожидаемое случилось, потому что такова ваша природа. Просто подходящий момент... Вы никогда не

знаете, когда есть подходящий момент, когда есть подходящая возможность, поэтому продолжайте обыгрывать идею.

Генри Форд говорил: «Мой успех – не что иное, как хватание подходящей возможности в нужный момент. Люди думают или о будущих возможностях – их нельзя ухватить, – или они думают о прошедших возможностях. Когда возможности исчезают, а на дороге остается только пыль, они начинают осознавать, что возможность исчезла».

Кто-то спросил его: «Но если вы не думаете о будущей возможности и если вы не думаете о прошедшей возможности, то как вы сможете ухватить ее, когда она появляется? Вы должны быть готовы».

Он сказал: «Вы должны быть не просто готовы – вы должны сразу же прыгать. Никто никогда не знает, когда она возникает. Когда она возникает, сразу же прыгайте на нее!»

То, что сказал Генри Форд, имеет огромное значение. Он сказал: «Вы просто все время прыгайте. Не ждите; не беспокойтесь, есть ли возможность или нет: сразу же прыгайте. Никто никогда не знает, когда она возникнет. Когда она возникает, прыгайте в нее и исчезайте. Если вы все время смотрите в будущее: "Когда возникнет возможность?" Будущее непредсказуемо. Если вы ждете, думая: "Когда она возникнет, я ухвачусь за нее", то к тому времени, когда вы осознаете, что она появилась, она уже исчезнет. Время проносится так быстро, останется только пыль».

«Лучше забудьте о возможностях, просто научитесь прыгать, поэтому когда бы она ни возникла...»

Именно это я говорю вам: просто продолжайте обыгрывать идею. Я использую слово «обыгрывание», потому что я несерьезный человек и моя религия несерьезная. Просто продолжайте обыгрывать – и времени у вас достаточно.

В любое время – лежа в постели, если сон не приходит, обыгрывайте идею. Зачем беспокоиться о сне – он придет когда придет. Вы ничего не можете сделать, чтобы вызвать его; он не в ваших руках, поэтому зачем беспокоиться о нем? Забудьте обо всем, что не в ваших руках. Это время в ваших руках, почему бы не воспользоваться им? Лежа уютно в своей постели под одеялом холодной ночью, получайте удовольствие – обыгрывайте идею. Вам не надо сидеть в позе лотоса. Согласно моей медитации вам никоим образом не надо истязать себя.

Если вы любите позу лотоса – хорошо; вы можете сидеть в ней. Но западные люди приезжают в Индию, и им требуется

шесть месяцев, чтобы научиться позе лотоса, и они очень истязают себя. И они думают, что когда они научатся позе лотоса, они что-то приобретут. Вся Индия сидит в позе лотоса – никто ничего не приобрел. Это просто их естественный способ сидения. В холодной стране вам нужен стул, чтобы на нем сидеть, вы не можете сидеть на земле. В жаркой стране, кто беспокоится о стуле? Вы сидите где угодно.

Не нужна особая поза, не нужно особое время. Действительно существуют люди, которые думают, что есть особые времена. Нет, не для медитации; любое время – подходящее время, вам надо лишь расслабиться и быть склонными к обыгрыванию, к игре. А если это не происходит, то не важно; не печальтесь... Потому что я не говорю вам, что это произойдет сегодня или завтра, или через три месяца, или через шесть месяцев. Я не призываю вас ожидать чего-либо, потому что в вашем уме появится напряженность. Это может произойти в любой день, это может вообще не произойти: все зависит от того, насколько вы склонны к обыгрыванию.

Просто начинайте обыгрывать идею – в ванной, когда вы ничего не делаете, почему не обыгрывать? Сидя под душем, вы ничего не делаете; душ сам делает свою работу. Вы просто стоите там; в течение нескольких мгновений просто играйте. Идете по дороге, ходьба выполняется телом; в вас самих нет необходимости, работают лишь ноги. В любой момент, когда вы можете почувствовать себя расслабленными, ненапряженными, обыгрывайте идею медитации так, как я объяснил вам. Просто затихните, центрируйтесь в себе, и когда-нибудь... И есть всего семь дней – не беспокойтесь!

Итак: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота или, по крайней мере, к воскресению – в течение семи дней – когда-нибудь это произойдет. Просто сами получайте удовольствие от идеи и обыгрывайте идею столько раз, сколько можете. Если ничего не происходит – я ничего не обещаю вам, – если ничего не происходит, то – прекрасно, вы сами получили удовольствие. Вы обыгрывали идею, вы дали ей шанс.

Продолжайте давать ей шанс. Генри Форд сказал: «Продолжайте прыгать, а когда появится шанс, возможность, прыгайте в нее». Я говорю противоположное. Просто продолжайте давать шанс медитации, и, когда наступит нужный момент и вы действительно расслаблены и открыты, она прыгнет на вас.

А когда медитация прыгнет на вас, то она уже никогда вас не покинет.

Другого пути нет.

Поэтому дважды подумайте, прежде чем начнете обыгрывать идею!

Беседа 3

ПОСВЯЩЕНИЕ: КОГДА ОДИН ПЛЮС ОДИН ДАЕТ ПУСТОТУ

31 января 1985 года

Бхагаван,

Что есть, по Вашему, посвящение?

Поиск истины имеет такой же возраст, какой имеет само человечество.

Но есть много видов искателей.

Первую категорию я называю любопытными.

Они наиболее поверхностные. Они не готовы что-либо сделать, пожертвовать чем-либо, сделать какое-либо усилие. Их любопытство подобно любопытству ребенка – он постоянно обо всем спрашивает. Он даже не удосуживается выслушать ваш ответ; в то время как вы отвечаете ему, он уже спрашивает о чем-то другом. Если вы не отвечаете ему, он не настаивает на своем вопросе. Он не углублен в него – это немного поверхностная, интеллектуальная раздраженность, тип умственного зуда.

Но любопытных много, их большинство. Они не готовы платить чем-либо за свои вопросы. Они хотят получить готовые ответы. Они даже не готовы поблагодарить вас за ваш ответ... как будто это они обязали вас; как будто, только задав вам вопрос, они сделали вас значительными.

Любопытные идут по жизни как сплавной лес, просто двигаясь в каком-нибудь направлении и не задумываясь, куда они движутся, вообще без всякого осмысления направления. Они даже не размышляют над тем, почему они движутся. Их жизнь случайна. Кто-то куда-то движется, – подражая, они могут начать следовать. Кто-то задает вопросы об истине – они могут тоже начать задавать вопросы об истине. Они больше похожи на обезьян, чем на людей.

Мне вспомнилась прекрасная притча: был один старик, который обычно продавал шапки, а в Индии, особенно в те дни, определенный тип белой шапки стал символом революции. Такую шапку называли шапкой Ганди, хотя сам Ганди никогда не носил ее; вы не сможете отыскать ни одной картины, на которой Ганди был бы в такой шапке. Но она стала известной как шапка Ганди, так как последователи Ганди использовали ее как

символ. Белая шапка стала проявлением протеста против британского владычества.

Этот старик делал хороший бизнес, продавая белые шапки, поэтому, где бы ни имело место какое-нибудь сборище, он шел туда продавать белые шапки. Между двумя сборищами, двумя ярмарками, выставками он изготавливал столько шапок, сколько мог. Ее очень просто сделать – шапка Ганди, возможно, самая простая шапка в мире. Она похожа на маленький мешок; затем вы складываете ее три раза, и она становится шапкой. Вы развертываете ее и можете использовать в качестве маленького мешка для переноски овощей или еще чего-нибудь. У нее множество назначений.

Старик зарабатывал достаточно, поэтому его сын ничего не делал. Но старик становился все старее и старее, и он сказал сыну: «Теперь я не способен переезжать из одного места в другое, переходить из одного города в другой, поэтому начинай ты. Я буду лишь изготавливать шапки дома, а ты езжай и продавай их».

Итак, сын отправился продавать шапки. В пути – день был очень жарким, а до места, куда он направлялся, еще было много миль – он задумал немного отдохнуть под большим деревом *бо*. Все шапки, которые он нес, он держал в мешке; и он отправился спать, – конечно, ради рекламы он и сам носил шапку Ганди.

Он не видел, что все дерево было усыпано обезьянами. Обезьяны заинтересовались шапкой и спустились вниз; человек спал. Они заглянули в мешок и обнаружили шапки. Итак, все обезьяны напялили себе на головы шапки и были очень довольны собой; выглядели они привлекательно! Когда молодой человек проснулся, то обнаружил, что мешок пуст. Он оглянулся вокруг: кто взял шапки? И затем он услышал смех обезьян. Когда он взглянул наверх, на дереве была революция: целая армия обезьян против британского владычества. Способа вернуть шапки не было. Очень печальный, он вернулся домой и сказал отцу: «Я был глупцом; я отправился спать, и все случилось. Все шапки пропали, я не добрался до места... а эти обезьяны сделали из меня такого дурака! Они хихикали, хохотали и строили мне всевозможные рожи, а я ничего не мог поделать».

Отец сказал: «В молодости со мной это тоже случалось. Моя вина, что я забыл рассказать тебе. Забудь об этом. Я скажу тебе секрет – секрет, который я тоже вынужден был узнать, когда однажды потерял все свои шапки. И тогда я спросил одного

старика, и он поведал мне этот секрет; и вот в чем секрет. Завтра иди под то же самое дерево. Положи свой мешок на то же самое место и отправляйся спать, – по крайней мере, притворись, даже если ты не будешь спать, – и пусть обезьяны заберут твои шапки». Так все и произошло. Он пошел туда; притворился спящим. Одна за одной появились обезьяны, и они были очень счастливы, что этот человек пришел опять с той же самой вещью. Вчерашние шапки они уже растеряли: это было просто любопытство, они не представляли для обезьян никакого интереса. Обезьяны немного с ними поиграли, а когда человек ушел, они побросали шапки. Но он опять пришел – похоже, что он очень упрямый! Но обезьяны так легко не согласятся с поражением; они снова все повторили. А когда все шапки были у них, человек проснулся – он просто притворялся – и открыл глаза. Когда они захихикали, он захихикал еще громче, чем они. Они были немного шокированы: что случилось? Вчера этот человек был просто пристыжен, испуган. Они пытались строить рожи, но человек сам строил им рожи. Они пытались визжать, человек визжал еще громче. Они взглянули друг на друга: «Что случилось? Что-то странное...» А затем человек в большом гневе схватил свою шапку и отбросил ее.

Все обезьяны в гневе схватили свои шапки и побросали их на дорогу! «Что этот человек думает – только он может бросать? Мы тоже можем бросать». Человек собрал все шапки и, смеясь, ушел. Обезьяны были действительно растерянны; они были одурачены.

Но в этом секрет ума всех обезьян: подражание.

Они просто подражали, не понимая, что они делают, не понимая, почему этот человек бросил свою шапку. Они просто делали это, чтобы превзойти его, без мысли, но лишь чтобы как-нибудь оказаться выше него; ему нельзя позволить делать то, чего не могли сделать они.

Он победил их тем, что громче хихикал, смеялся, визжал и больше строил рожи; и это было слишком. Теперь они не могли позволить ему выбросить свою шапку, когда они сидели там пристыженные, чувствуя себя беспомощными от того, что ничего не могут сделать. Это – свойство ума обезьян; не имеет значения, касается ли это человека или животных.

Любопытный ум – обезьяний, самая низкая категория ума.

Вторая, более высокая категория, это – студент.

Ему присуща интеллектуальная увлеченность. Когда он о чем-то спрашивает, это исходит не только из любопытства, это

– настоящая заинтересованность. Он хочет узнать, он по-настоящему ищет ответ, но его поиск все еще не очень глубокий; он интеллектуальный, он глубже, чем простое любопытство. Любопытство даже не интеллектуально; даже идиоты могут быть любопытными – в действительности, только идиоты и любопытны. Разумный человек не будет бесполезно тратить свое время и энергию на ненужное любопытство.

Суфийский мистик, Баязид, двенадцать лет жил вместе со своим Учителем. Его Учитель обычно жил в маленьком коттедже позади очень большого зала. Этот большой зал предназначался для встреч, Баязид же постоянно приходил к Учителю, чтобы лишь просто посидеть рядом с ним.

В суфизме существует одна такая методология: в течение многих лет Учитель не будет даже и спрашивать: «Кто ты? Какая у тебя цель? Зачем ты пришел?» Это отсортировывает любопытных без пустой траты времени. Если человек такой, что вы приходите к нему, а он даже не спрашивает: «Кто ты? Садись; зачем ты пришел?», – то любопытные не продержатся там даже год или два.

Двенадцать лет – большой срок. Через двенадцать лет Учитель попросил первую вещь у Баязида: «Сын мой, иди в зал. Ты, должно быть, видел, что справа там есть полка с несколькими книгами. Ты должен принести мне книгу» – и он сказал, как она называется.

Баязид сказал: «Я понятия не имел, что справа там есть книжная полка, так как я никогда не смотрел ни направо, ни налево; я смотрел только на вас. Я приходил к вам, мне было неинтересно смотреть на что-то другое. Почему я должен напрасно тратить свою энергию? Моей единственной целью было просто смотреть на вас столько, сколько я смогу, просто находиться здесь столько, сколько я смогу, – просто чтобы впитывать вашу безмолвную силу духа». Учитель был счастлив, и он сказал: «Ты принят. Если бы ты принес ту книгу, тебе было бы отказано в приеме». Кажется, что это очень строго, слишком жестко, слишком негуманно... Любопытный человек не имеет места в мире религии. Он должен ходить в цирк, на карнавалы, в кино, смотреть телевизор – в окружающем мире существуют тысячи вещей – футбольные матчи, волейбольные матчи, хоккейные матчи, бои быков, бокс. Для любопытного весь мир в его распоряжении. Он не должен беспокоиться об истине, он должен оставить истину в покое; это не его дело.

Студент имеет интеллектуальную увлеченность. Интеллект не очень глубок, но по сравнению с любопытством он, действительно, очень глубок. Люди, которые окружали Сократа, были интеллектуалами, студентами. Они задавали вопросы, Сократ давал им ответы; затем они задавали ему еще больше вопросов, касающихся его ответов, и они старались все больше и больше углубляться в данный вопрос, в данный ответ. Но это все оставалось гимнастикой для интеллекта.

Сократ является одним из несчастных Учителей, которые потратили свою жизнь только на студентов. Он не был человеком, которого считали просто профессором, просто учителем; он был прирожденным Учителем. Но Афины не были подходящим местом для этого – ему надо было бы находиться в Индии; он стал бы вторым Гаутамой Буддой, поскольку в Афинах студент был последней категорией, глубже этой категории не было.

У Сократа были гиганты мысли, которые посещали его – Платон, Аристотель, – но они были только интеллектуалами. Слепой человек может философствовать о свете, беды в этом нет; интеллектуально он может знать о свете все. Но знать свет и знать о свете – две совершенно разные вещи.

Интеллект – это всегда нечто о том-то и о том-то, ему не важно, имеет человек глаза или нет. Да, человек может слышать: вы можете говорить о свете, вы можете поведать ему о всех теориях, о самых последних достижениях научного прогресса, о самых последних открытиях, касающихся света, о его природе, о его составных частях... Все можно объяснить ему. Он слеп, но это не значит, что у него нет интеллекта.

Наиболее вероятно, что у слепого человека больше разума, чем у тех, у кого есть глаза – по той простой причине, что человек, у которого есть глаза, использует восемьдесят процентов энергии своего ума через глаза. Если он захочет узнать что-то о свете, он откроет дверь, выйдет на открытую местность и увидит солнце. Если он захочет узнать о цвете, он пойдет в сад и увидит все цветы, и все деревья, и разного рода цвета. У него есть глаза – ему не надо быть очень разумным, чтобы определить, каким является свет, – но у слепого человека есть только один путь, и он проходит через понимание.

Видение не возможно. И те восемьдесят процентов энергии, которые расходуются через глаза, если у человека есть глаза, не предоставлены для использования интеллекта. Вот почему слепые люди слышат лучше, чем люди, у которых есть глаза, так

как их уши получают больше энергии. Им предоставлено больше энергии, поскольку в противном случае те восемьдесят процентов используются только посредством глаз; на все ваше существование остается только двадцать процентов.

А когда предоставлено сто процентов... В прикосновении слепого человека содержится больше энергии, больше ощущений, больше эмоций, больше тепла. Это о чем-то говорит. Человек с глазами может пожимать вам руку, а вы почувствуете, что пожимаете руку мертвому дереву или чему-то еще. Там ничего нет, нет послания. Он может обнять вас, и вы сможете почувствовать, что вас прижали, это – все, но передачи какой-либо энергии не было.

Люди лишены энергии; только двадцать процентов распределено на все остальные чувства, поэтому-то каждое чувство умирает от голода, так как глаза монополизируют всю вашу энергию. Не беспричинно, что глаза воздействуют, влияют на вас больше всего остального. Вы просто можете видеть, что глаза – наиболее живая всего часть вашего тела. Что заставляет ваши глаза быть наиболее живыми? Именно энергия, поступающая через них. Постоянный поток энергии делает их такими живыми.

Не случайно также то, что когда вы видите слепого человека, то испытываете такую печаль по отношению к нему. Вы не так сочувствуете глухому человеку; вы вообще не сочувствуете тому, у кого нет обоняния. В действительности, он намного в лучшем положении; он не ощущает дурной запах. Вы не сочувствуете, если отсутствует какое-нибудь другое чувство.

Даже если у кого-то нет ног, нет рук, вы не испытываете такой печали, когда видите слепого человека. Почему? Не зная, полностью не осознавая, вы чувствуете, что он лишен восьмидесяти процентов своей жизни, что он жив только на двадцать процентов. Естественно, что слепой человек получает больше сочувствия.

Я слышал о том, как на углу улицы слепой нищий распростер свои руки и говорил: «Подайте что-нибудь слепому». И человек, проходивший мимо, был по-настоящему великодушным; он дал ему одну рупию. А тот человек сразу же сказал: «Но она не настоящая». В Индии найти что-нибудь настоящее очень трудно. Даже если вы захотите совершить самоубийство, яд не сработает. Вы не сможете найти даже настоящий яд. К утру вы

обнаружите, что полностью проснулись и удивитесь: «Что случилось с ядом?»

Но слепой человек, говорящий, что рупия не настоящая... Естественно тот человек сказал: «Ты слепой или нет? Я знаю, что рупия не настоящая, именно поэтому я дал тебе эту рупию; иначе, кто подаст рупию слепому? Я сделал это, потому что я больше никому не мог ее всучить; где бы я ни хотел чего-нибудь купить, ее сразу же мне возвращали, так как она не настоящая, и мне даже угрожали, что отправят меня в полицию! Я как-то сказал: ''Это не моя вина, кто-то дал ее мне, поэтому, пожалуйста, простите меня''. Поэтому, в конце концов, я подумал: ''Лучше избавиться от нее, иначе я где-нибудь попаду в беду''. Поэтому я даю ее тебе».

Слепой человек сказал: «Дело в том, что я в действительности не настоящий слепой; настоящий слепой – мой друг. Сегодня он пошел смотреть кино и попросил меня посидеть здесь, чтобы никто не занимал его место. Я просто притворяюсь, я не слепой: настоящий слепой пошел смотреть кино. Но, сидя на его месте, я обнаружил, что здесь гораздо лучше».

«До сегодняшнего дня я притворялся, что я – хромой, но с завтрашнего дня я собираюсь стать слепым. Это оплачивается гораздо лучше, и люди больше сочувствуют. Никто не начинает читать нравоучения, что надо работать, делать это, делать то. Люди подают больше – они более вежливые и более приятные; они не относятся к тебе так, как люди относятся к нищему».

В Индии только к слепому люди относятся с уважением; они будут называть его Сурдасджи, даже если он нищий. Сурдас был одним из величайших поэтов Индии. Он был слепым, и благодаря его слепоте его имя стало синонимом слепоты. Его имя не означает «слепота»; *сурдас* означает «жрец музыки». А он был великим музыкантом, великим поэтом, великим певцом – но слепой. *Джи* используется для выражения уважения. Так что люди даже не станут называть слепого человека просто Сурдас, ведь это неуважительно; его будут называть Сурдасджи.

Человек сказал: «Сегодня я обнаружил, что мой друг имеет гораздо лучшую работу. Я старался притворяться хромым, и ко мне относились так плохо, как только вы можете представить, но его посещение кино изменило всю мою жизнь – я принял решение».

Слепой человек просто вызывает сочувствие в вашем сердце, потому что восемьдесят процентов его жизни утеряны. Он не имеет представления о цвете, не имеет представления о свете, не

имеет представления о красоте, не имеет представления о лицах. Он живет в кромешной темноте – вот, о чем вы думаете; но он даже не знает, что такое – темнота, поскольку для этого тоже нужны глаза. Чтобы видеть темноту, нужны глаза.

Слепой человек не имеет представления о том, что такое свет, не имеет представления о том, что такое темнота. Происходит даже нечто еще более странное. В каком мире он живет? В каком окружении он живет: где нет понятия о свете и нет понятия даже о темноте? Но все остальные его чувства еще более обострены.

Слепой человек слышит лучше, чем вы, он различает вкус лучше, чем вы, он осязает лучше, чем вы, и если он думает, то думает лучше, чем вы. Если он направляет свой ум на какой-то предмет, то у него больше разума, чтобы думать о нем, чем у вас. Ваш разум поделен между очень многими вещами. Ему не на что делить свое внимание.

Студент интеллектуально заинтересован в том, чтобы найти, для чего нужна вся эта жизнь, но он не желает сам измениться для того, чтобы что-то узнать. Он хочет остаться прежним и лишь умственно хочет почерпнуть знания. Он может стать непомерно осведомленным. Именно такими являются все ваши профессора, все ваши великие мыслители: осведомленными. Они знают слишком много, не зная вообще ничего.

Экзистенциально они ничего не знают. Если вы попросите их произнести проповедь о любви, они смогут произнести проповедь о любви. Но если вы спросите их: «Вы когда-нибудь любили? Вы знаете по опыту, что такое – любовь?» Вы шокируете их, удивите их: какой вопрос вы задаете?

Это была одна из моих проблем, когда я был студентом, так как я не студент, я не принадлежу к этой категории. А каждый профессор хотел, чтобы я был просто студентом – это очевидно; вы поступаете в университет, чтобы быть студентом. И я сказал: «Мои интересы глубже. Они не только интеллектуальны, но и экзистенциальны. Я просто не хочу быть загруженным как компьютер, я хочу переживать и знать». И это было поистине очень диковинно для них.

Меня отослали к заместителю ректора с запиской: «Этот студент говорит, что он не студент, что он не принадлежит к категории студентов. Если он не принадлежит к категории студентов, – здесь существуют только две категории: или профессора, или студенты, – поскольку он настаивает на этом, то что с ним делать?»

Заместитель ректора сказал: «Вы настаиваете на том, что вы не студент?»

Я сказал: «Да, потому что я не студент».

Он сказал: «Тогда почему вы поступили в университет?»

Я сказал: «Я поступил в университет не для того, чтобы быть студентом, а чтобы быть учеником. Вы разве не принимаете учеников в этот университет? Сообщите мне об этом в письменном виде, так как я собираюсь представить это в средства информации, что в данный университет ученик не принимается, что, для того чтобы быть в данном университете, вы не должны быть учеником».

Он сказал: «Боже мой! Вы хотите создать мне неприятности. Но какая разница между студентом и учеником?»

Я сказал: «Вы заместитель ректора, и вам еще не довелось узнать разницу между студентом и учеником? Пожалуйста, подайте в отставку».

Он сказал: «Я думал, что ваши профессора слишком нервные и преувеличивают относительно вас, но я ошибался. Вы слишком много себе позволяете! Вы просите меня об отставке?»

Я сказал: «Конечно, поскольку заместитель ректора не имеет представления о том, что такое студент и что такое ученик, то что он здесь делает? Просто покиньте это место и заберите с собой всех тех профессоров, которые не понимают различие, потому что они все – студенты».

Быть студентом – это хорошо по сравнению с тем, чтобы быть просто любопытным, но по сравнению с учеником, студент вообще не представляет никакой ценности. Он – фальшивая осведомленность. Можно продолжать собирать все виды теорий, идеологий, философий, можно стать ходячей энциклопедией, но все это не изменит вас ни на дюйм. Вы останетесь все тем же старым ослом, но несущим теперь также большой груз книг.

Вы думаете, что если вы нагрузите осла полным собранием сочинений *Британской Энциклопедии,* – конечно, это будет слишком тяжело, и осел будет огорчен, – вы думаете, осел станет в меньшей степени ослом или более хорошим ослом? Нет, не произойдет никакого изменения. Он – просто осел и останется просто ослом. *Британская Энциклопедия* не сделает в нем никакой перемены.

Ваша голова способна собрать всю информацию, которая содержится во всех библиотеках мира. Люди, которые интересуются компьютерами, осознали тот факт, что, возможно, мы никогда не сможем создать компьютер, который может вместить

столько же, сколько вмещает человеческий ум – да еще в таком маленьком пространстве! Ваш череп не очень большой, но в таком маленьком пространстве вы можете уместить все знания, имеющиеся во всех университетах мира. А это не мало.

Лишь в Московской библиотеке находится столько книг, что если их выложить в ряд, то он три раза обернется вокруг Земли. Возможно, книги библиотеки Британского Музея четыре или пять раз обернутся вокруг Земли. А есть библиотеки в Китае и есть библиотеки в Индии, и есть библиотеки в Америке – библиотеки есть во всем мире.

В Тибете, Ладакхе, Непале имеются миллионы священных писаний, которые никогда не были напечатаны. Но они все могут быть умещены в одном черепе – таков объем вашего ума. Но это остается только памятью. Она вовсе не видоизменяет вас, у нее нет способа изменить вас. Да, вы будете введены ею в заблуждение; вы начнете галлюцинировать, что вы все знаете. Вы станете уважаемым.

Такой была моя постоянная борьба с моими профессорами: «Все, что вы знаете, является только показным – ваш практический опыт равен нулю. Вы можете знать все о плавании, – вы могли бы прочитать все книги о плавании, – но настоящее испытание – это пойти со мной и прыгнуть в реку. Если благодаря своим знаниям, вы поплывете, то я приму их». И я сказал это профессору, который, как я знал, не умел плавать.

Так что он сказал: «Только такое испытание докажет?»

Я сказал: «Только такое испытание».

За нашим колледжем был большой пруд, поэтому я сказал: «Приходите. Я не прочитал ни одной книги о плавании: почему я должен об этом читать, ведь я умею плавать? Почему я должен тратить время на чтение книг о плавании, когда я могу с удовольствием потратить время на плавание в озере? Пойдемте со мной».

Он не мог сказать, что не знает, как надо плавать, так как это доказало бы мою точку зрения, поэтому он пошел со мной. Но проводить такое испытание было опасно... и несколько студентов пришли посмотреть на то, что произойдет. В конце концов он сказал: «Я никогда не думал, что вы приведете меня к такому логическому заключению. Я не знаю, как надо плавать, хотя могу читать лекции по плаванию». А он считался самым лучшим экспертом; для студентов, которые тренировались перед соревнованиями, национальными соревнованиями, он считался самым лучшим экспертом.

Я сказал: «Дважды подумайте прежде, чем снова говорить, так как если вы будете опять говорить, то я приду и столкну вас в плавательный бассейн. Я не буду задумываться о последствиях, о том, умрете вы или выживите».

Интеллектуально очень легко делать запасы: интеллект – это склад знаний.

Вторая категория доминирует во всем мире, доминирует над первой категорией: хорошо осведомленные доминируют над идиотами. Эти хорошо осведомленные люди стали политиками, профессорами, врачами, инженерами, учеными, и они доминируют над идиотами, над обезьянами в шапках Ганди.

По моему мнению, вы должны понять третью категорию – ученика.

Ученик – это тот, кто интересуется экзистенциально. Он не хочет просто *знать* о любви, он хочет вкусить то, чем является любовь. Он хочет переживать... вся его сконцентрированность основана на опыте. Он не будет удовлетворен теориями любви, теориями красоты, теориями истины. Он хочет иметь что-то осязаемое – не теории, не пустые слова, – что-то основательное. И только переживание может быть основательным. Это – ученик... Это – редкая категория, поскольку, когда вы сможете стать уважаемым лишь будучи хорошо осведомленным, почему вы должны беспокоиться об экзистенциальном знании? Оно рискованно, опасно.

Хорошо осведомленным вы можете стать сидя удобно в библиотеке. Но чтобы знать, вы должны радикально изменить себя, поскольку в вас могут быть вещи, которые препятствуют знаниям. В вас могут быть барьеры, которые необходимо разрушить. Вокруг вашего бытия могут быть стены, которые необходимо убрать. А самым трудным является то, что там могут быть вещи, которые, по вашему мнению, являются очень ценными, но которые, в действительности, являются препятствиями, которые надо убрать перед тем, как вы сможете стать знающим.

Например, если вы хотите переживать любовь, вы должны забыть все то о любви, о чем вы узнали от поэтов и так называемых профессоров и писателей. Вы будете удивлены, но мое собственное понимание состоит в том, что люди, которые писали о любви, – это те люди, которые никогда не любили. Писание о любви – это их способ нахождения заменителя. Они создают прекрасную поэзию, но вы когда-нибудь слышали о поэте, который был действительно серьезно влюблен, который переживал любовь?

Например, Омар Хайям пишет о женщинах, о вине, о любви. Читая его, вы подумаете, что этот человек, должно быть, был величайшим гедонистом; а красота его поэзии просто ни с чем не сравнима. Но этот человек был убежденный холостяк, он никогда не был женат, у него никогда не было любовных связей. Он был математиком, он не был даже поэтом. Он был суфий, и то, что он пишет, когда пишет о красоте... Вы подумаете, что он говорит о красоте женщин, – нет, он говорит о красоте Бога.

Для суфиев Бог – это женщина, возлюбленная, а вы – возлюбленные. Когда он говорит о любви, он имеет в виду любовь между вами и Богом. Итак, вы можете мысленно представить себе, какая любовь возможна между вами и Богом, который, вообще, не существует, которого вы никогда не видели? А он говорит о красоте Бога.

Его книги на персидском языке имеют иллюстрации, и Бог, действительно, изображен там в виде прекрасной женщины с вином в руках, чтобы предложить его вам. Суфии используют вино как символ: человеку, который любит Бога, Бог предлагает вид опьянения, которое не приводит его в бессознательное состояние, а делает его совершенно все осознающим – опьянение, которое будит его от сна.

Фитцджеральд, английский переводчик Омара Хайяма, не имел представления об этих символах. Он был простым, «земным», поэтом, а в действительности, более хорошим поэтом, чем Омар Хайям. Когда он переводил, он просто понимал, что женщина означает женщину, вино означает вино, любовь означает любовь. Для него они не являлись символами.

Фитцджеральд сделал Омара Хайяма всемирно знаменитым благодаря своему неправильному пониманию. Если вы попытаетесь понять Омара Хайяма в оригинале, то обнаружите такое расхождение между Омаром Хайямом и Фитцджеральдом, которое вы не сможете постичь: как Фитцджеральду удалось создать такую прекрасную поэзию при математическом уме Омара Хайяма.

Даже такой великий поэт, как Байрон, который постоянно говорит о любви, на самом деле, никогда не знал любви, за исключением случайных флиртов с женщинами – очень случайных. Байрон был очень молод, когда его изгнали из Англии, ему было не больше тридцати. И он был изгнан, так как представлял опасность для всех красивых женщин, особенно, для королевской семьи, лордов и их семей. Известно, что когда Байрон... Он также был прекрасен, действительно красив и обладал обаянием;

а его поэзия, его имя и его красота, взятые вместе... любая женщина была готова влюбиться в него.

Было известно, что когда бы он ни вошел в ресторан, мужья хватали за руки своих жен и уходили через другую дверь. В конце концов, правительство решило, что он должен быть изгнан, так как его любовные связи вовсе не были любовными связями. Он встречался с какой-нибудь женщиной на одну ночь, и эта встреча становилась великим любовным приключением; он не мог жить без нее, вся его жизнь теперь была в ее руках, – а на следующий день он даже не узнавал эту женщину; он нашел другую, и все повторялось снова... Говорили, что шестьдесят женщин признались, – возможно, их было намного больше, тех, которые не признались, – шестьдесят молодых девушек признались, что он обманул их. А когда это стало хорошо известным фактом и женщины начали рассказывать о том, что он говорил им, то стало известно, что с каждой женщиной он поступал все время одинаково.

Вы назовете этого человека возлюбленным? Разве может он знать всю глубину любви? Любовь нуждается в определенной интимности, ей необходимо определенное время, чтобы созреть, она нуждается в определенной близости. Для любви необходимы два человека, чтобы они узнали друг друга со всех сторон, в хорошем и плохом, темном и светлом. Если вы знаете человека только с одной стороны, вы не можете сказать, что любовь уже созрела. Другой человек еще не раскрыл вам свою вторую сторону; он еще не может доверять вам.

Возлюбленные начинают полностью раскрываться друг другу только тогда, когда они знают, что теперь даже их шипы будут восприниматься вместе с их цветами, что их примут такими, какие они есть; не будет никакого отказа, даже частичного отказа. Но на это необходимо время. Просто случайная встреча может быть развлечением, но не может быть любовью.

Да, любовь имеет свои собственные огорчения – все реальное имеет свои собственные огорчения. Многие люди решили избегать подобных огорчений; а единственный путь для этого – избежать любови, тогда и случайные взаимоотношения – это хорошо.

Одна очень разумная женщина – она англичанка, она – мой санньясин – замужем за одним очень богатым человеком на Филиппинах. Она замужем за его богатством, не за ним; она вообще не интересуется им, не интересуется, что происходит с ним. И она счастлива, потому что он постоянно путешествует; у

него дела по всему миру, поэтому они встречаются очень редко. Она свободна. Он переезжает с места на место, она переезжает с места на место. Она рассказывала мне: «Я хотела бы признаться вам, что боюсь любви и до сегодняшнего времени я жила только случайными взаимоотношениями – настолько случайными, что я даже не хочу знать имя другого человека; что же тогда говорить о его качествах и отличительных чертах».

Она сказала мне: «Самое прекрасное переживание у меня было, когда я путешествовала поездом. Внезапно вы встречаете человека; не надо ничего узнавать о нем, так как на следующей станции или через несколько часов он исчезнет, вы исчезните. Возможно, вы никогда больше не увидите его. Нет необходимости входить во что-то личное – это тип безликой любви».

Это – не любовь, это – просто секс; это – просто физические, биологические взаимоотношения. Но я могу понять. Эта женщина очень разумная. Я спросил ее: «Тогда в самом начале, должно быть, была трагическая любовная связь; иначе, как вы пришли к этому?»

Она сказала: «Это правда. Не один раз, а три раза я была обманута. Я думала, это была любовь – это не было любовью; в следующий раз я думала, что это любовь, – и это не было любовью. А жизнь коротка. Три раза я верила тем людям, но они просто эксплуатировали мою сексуальность; а когда они удовлетворялись ею, они становились посторонними людьми. Тогда я решила, что должна что-то предпринять; я бесполезно теряю свою жизнь. Поэтому первое, что я сделала, – я вышла замуж за человека, которого не люблю, я никогда не надеюсь, что полюблю его, но он достаточно богат, поэтому я могу не беспокоиться о деньгах».

«Во-вторых, я выбрала этого человека, так как он постоянно путешествует, поэтому он не будет постоянно терзать меня, и мы не будем постоянно находиться вместе, чтобы тревожить друг друга, чтобы препятствовать друг другу. Он свободен ехать, куда захочет, с тем, с кем захочет. Я не беспокоюсь, поскольку не люблю его, поэтому проблемы ревности нет. И я свободна. И даже если любить человека три года, а в конце концов он все равно оказывается посторонним, то какой смысл тратить на это три года?»

«Посторонних вы можете встретить каждый день. И я решила иметь отношения только с посторонними, путешествующими самолетом, путешествующими поездом, встречаясь с ними в туристических местах один день, или два дня, или три

дня; а затем эти встречи надо заканчивать, так как если встречаться дольше, то начинаешь привыкать друг к другу – и обязательно возникнут проблемы».

Я сказал ей: «Все то, что вы говорите, имеет смысл, но вы не знаете, что вы полностью утратили любовные переживания, опасаясь огорчений, которые они доставляют. А без шипов вы сможете вырастить розы в своем саду? Это будет глупо. Розы будут утрачены именно из-за отсутствия шипов».

«Шипы можно принимать лишь вместе с розами – вы должны быть только осторожны. И какой вред может принести шип? В худшем случае на вашем пальце появится капелька крови. Но роза намного важнее, чем капля крови из вашего пальца. Вы выбрали способ защитить свои пальцы и совершенно забыли, что утрачиваете розы. Вы счастливы?»

Она сказала: «Нет, вот почему я приехала к вам из Филиппин. У меня есть все – деньги, богатые друзья, случайные связи, респектабельность – но я несчастна».

Я сказал: «Вы будете несчастны и будете все более и более несчастны, так как с течением времени вы будете все больше и больше убеждаться, что то, что вы выбрали, – это не правильно».

Поэты, которые писали о любви, имели лишь мимолетные любовные взаимоотношения. Это считалось чем-то артистичным, авангардным. Художники, поэты, музыканты, певцы – предполагается, что они не имеют продолжительных интимных отношений, что это противоречит их профессии. Они считают, что это делает их обыкновенными людьми, обычными людьми, семейными людьми, – а они ведь исключительные люди.

Но именно они являются людьми, которые преподнесли вам все идеи о любви. Люди, которые ничего не знают о любви, преподнесли вам все идеи о любви; а все их идеи в корне ошибочны, так как у них не было ни малейших переживаний любви.

Например, во всем мире всеми культурами и обществами принята идея, что любовь случается только однажды. Это абсолютно не верно. Она может возникнуть столько раз, на сколько вы способны. Это зависит от вас, от того, сколько любви в вашем сердце. Да, есть некоторые люди, для которых она возникает только однажды, потому что количество любви, которым они обладают, исчерпано. Она даже может быть исчерпана после одной любовной связи; и затем они опустошены.

Но любовь – это не то, что с необходимостью должно быть лишь в таком небольшом количестве. У вас может быть много

любовных переживаний, но каждое переживание за время, пока оно существует, должно быть всеобъемлющим, интенсивным. Если с самого начала вы осторожны – «это мимолетное явление, и завтра я скажу, прощай навсегда», – то возможность возникновения любви отсутствует. Но если вы думаете, что эта любовь будет продолжаться вечно, что вы собираетесь целую вечность любить этого мужчину или эту женщину... Она может закончиться завтра утром – дело не в этом, – но в настоящий момент вы испытываете чувство, что нашли человека, которого искали, и ваше сердце бьется в унисон с сердцем другого человека. В настоящий момент во всем мире нет никого другого, кроме вашего любимого человека. Весь мир исчез, и в данный момент вы готовы стать бессмертными.

В этом случае, даже на одно мгновение, вы можете ощутить вкус любви. Она может длиться годами, может не длиться годами; это не имеет значения – кто знает, что произойдет завтра утром? Но если в данный момент кто-то спросит вас, то вы готовы дать обещание на целую вечность – не только до завтрашнего утра, но на все грядущие завтрашние дни.

Но люди, которые преподнесли идеи о любви, дали очень неверные представления. Одно представление, которое они дали, заключается в том, что если вы любите человека, то должны любить его всегда, если это настоящая любовь. Это их критерий. Если в один прекрасный день, через десять лет, вы обнаруживаете, что ваши пути расходятся, то критерий, который вы носили в уме, гласит: «Все эти десять лет вы были ошибочно влюблены, а думали, что любовь была настоящая».

Я хочу сказать вам, что подлинность любви ничего не имеет общего с ее длительностью. Разве цветок не настоящий из-за того, что к вечеру он увядает? Разве только скала является настоящей из-за того, что она останется завтра, и послезавтра, и после послезавтра, так как в тот день, когда вы родились, она была там и в тот день, когда вы умрете, она будет там же? Разве только скала настоящая; а цветы, тысячи цветов, которые появляются и исчезают, появляются и исчезают; разве они были не настоящие? Вы делаете протяженность времени критерием реальности? Я не вижу никакой связи между этими двумя понятиями.

Но благодаря этой идее многие люди продолжают висеть на шее друг друга, поскольку их любовь должна быть настоящей. Они убивают друг друга для того, чтобы сделать любовь насто-

ящей. Если они расходятся, это означает, что их любовь была не настоящей.

Я не говорю, что они должны разойтись, чтобы сделать свою любовь настоящей, – не переходите в противоположную крайность, что вы обязаны разойтись. Это будет зависеть от каждого отдельного индивидуального случая. Возможно, что два человека могут любить друг друга всю свою жизнь, даже не обращая внимания ни на что другое. Возможно, что один человек может любить другого в настоящее время, а затем вдруг обнаружить, что этой энергии уже нет больше.

Она пришла из неизвестного.

Она ушла в неизвестное.

Не в ваших силах было любить кого-то; не в ваших силах предохранить любовь от исчезновения. Вы ничего не можете поделать, вы просто беспомощны; и то же самое происходит с другим человеком. Никого не обвиняйте. Благодаря неверной идее возлюбленные продолжают обвинять друг друга: «Ты разрушаешь любовь». Никто ее не разрушает. Она – вольный ветерок; она приходит, уходит – вы не можете удержать ее. А если вы закроете все окна и все двери, чтобы удержать ветерок, то он уже не будет тем же самым прохладным ветерком. Вскоре он станет несвежим, какими являются все супружества – несвежие, скучные.

Оба партнера стараются исчезнуть через какую-то дверь, через какое-то окно, но один из них все время следит. Затем он также старается исчезнуть через какую-то дверь, но теперь следит другой. Вскоре мужья и жены становятся узниками друг друга. Любовь должна длиться всю жизнь, только тогда она настоящая? Это – глупость. И благодаря этой идее во имя любви должно быть создано супружество. Оно более стабильная вещь, постоянная, законная, социальная – подобно скале. Оно больше не цветок.

Эта идея возникла с помощью людей, которые не испытывали переживания. Такой же случай происходит с другими идеями – например, с истиной. Люди, которые ничего не знают об истине, продолжают говорить о ней. Она – переживание, она – не какой-то предмет, где-то находящийся, который однажды вы найдете, схватите и положите в свой сейф или в банк.

Истина – не какая-то *вещь*, она – *переживание*.

Вы не можете говорить *о* ней – вы можете говорить *ее*.

Она может быть в самих ваших жестах.

Она может быть в ваших глазах.

Она может быть в вашем присутствии.

Но вы не можете говорить о ней, так как, когда вы знаете истину, вы знаете, что она – самое ваше бытие, она – это вы. Она не находится еще где-то. Вы не можете дать ее описание, вы не можете нарисовать с нее картину. Ее нельзя описать словами.

Каждый язык искажает истину.

Каждое выражение разрушает ее.

Тогда что же делать? Что должен делать ученик? Ведь он хочет знать истину экзистенциально. Тогда и появляется посвящение.

Посвящение не нужно для любопытного – он не может вынести его долго. Я очень много лет путешествовал по Индии и был озадачен... Однажды я намеревался успеть на поезд, а кто-то прибежал и сказал: «Одну минуту – Бог существует?»

Я сказал: «Вы, должно быть, сумасшедший – мой поезд отходит! Что вы хотите? Вы хотите, чтобы Он существовал или нет? Так как я должен успеть на поезд, я не могу в данный момент обсуждать существование Бога».

Он сказал: «Одну минуту – поезд не отойдет еще три минуты, – одну минуту, только один вопрос. Я пытался найти вас, и сегодня, наконец, я нашел вас, но вы спешите на поезд и не видите, что я хочу знать о Боге».

Я сказал: «Проходите на мое место... будьте со мной».

Но он сказал: «Это немного затруднительно, так как чтобы проехать сотни миль... и тогда я должен взять отпуск в своей фирме, в своем офисе».

Я сказал: «Тогда вначале позаботьтесь о своем офисе и о своей семье. А когда вы покончите со всеми этими вещами, тогда, если я буду еще жив, приступайте к Богу... потому что вы не интересуетесь Богом, вы просто хотите человека, который спешит, чтобы успеть на поезд. А вы не видите свою глупость – разве сейчас время спрашивать о Боге?»

Но существуют люди, просто любопытные, подобно этому человеку. Посвящение не для них, тут нет и вопроса о посвящении. Для студента тоже нет посвящения, так как интеллектуально он может почерпнуть знания в университетах, в библиотеках. Там о посвящении не спрашивают – конечно, там просто регистрация.

Когда меня попросили пойти в офис регистрационного бюро, чтобы зарегистрироваться, я сказал: «Но я пришел, чтобы меня посвятили, а не зарегистрировали». А человек, который

пригласил меня в университет, доктор С.С.Рой, отчаянно хотел, чтобы я пришел в университет, где он преподает.

В течение четырех лет я постоянно приходил в его университет, чтобы принимать участие в межуниверситетских дискуссиях, а он всегда был одним из судей. В течение четырех лет он слушал меня, и каждый раз, когда он слушал меня, он приглашал меня после дискуссии в свой дом. И он говорил: «Только одна вещь: оставляйте все – просто приходите. Я хочу такого студента, как вы. Моя профессия просто загнивает. Почему вы не приходите сюда? Я предоставлю вам всевозможные удобства».

«Я никак не могу оказать вам помощь в каком-то другом университете, так как у меня там нет никакой власти. Здесь я возглавляю кафедру, я – декан факультета; в любой день я могу стать заместителем ректора. И даже если я им не стану, заместитель ректора – мой друг, и я все устрою».

«Потом в своей жизни я хочу вспоминать, что вы были моим студентом. А я чувствую себя таким беспомощным, когда вы приезжаете раз в год – я жду целый год, пока университет снова не устроит межуниверситетское состязание. Я всегда являюсь одним из судей... а вы не видите мою беду – то, что я не могу дать вам сто процентов, так как это будет выглядеть так, как будто я питаю к вам расположение, – поэтому я даю вам только девяносто девять процентов. И даже в этом случае все судьи переглядываются, потому что каждый год я присуждаю вам девяносто девять процентов».

Итак, он пригласил меня, и, наконец, после окончания высшего учебного заведения я сказал: «Хорошо, я еду в ваш колледж, в ваш университет и приду на вашу кафедру для ведения аспирантской работы».

Он сказал мне: «Идите в офис регистрационного бюро, заполните бланк и зарегистрируйтесь».

Я сообщил ему: «Профессор Рой, я приехал сюда не для того, чтобы зарегистрироваться. Какое третьесортное слово вы здесь используете – зарегистрироваться!? Здесь армейское учреждение или университет? Где человек, который собирается посвятить меня?»

Он сказал: «Я знал, что вы будете огорчены и что я напрашиваюсь на неприятность. Вы еще не стали частью университета, а уже начали создавать неприятности! Я знал, так как в течение четырех лет я слушал, как вы используете слова, значения, которые вы придаете словам. Я понимаю, что «зарегистрированный» – просто ужасно; должно быть посвящение,

вы правы. Но что делать? Здесь нет человека, который осуществляет посвящение, никого нет. Вы должны зарегистрироваться».

Я сказал: «Это просто ужасно, поскольку я приехал, чтобы стать учеником, а не стать студентом. Неужели здесь нигде нет места для ученика, который хочет знать экзистенциально?»

Но в ваших обычных университетах нет такого места, так как там не поднимаются выше студентов.

Посвящение имеет место только тогда, когда кто-то готов сделать огромный квантовый скачок от интеллекта к существованию, от слов к переживанию.

Вы спрашиваете меня: «Что такое посвящение?»

Первое, что необходимо: человек должен быть готов стать учеником.

Поэтому позвольте мне объяснить вам. Учеником считается тот, кто готов измениться, чтобы узнать истину... поскольку вы не можете знать, кем являетесь; иначе вы знали бы, что является посвящением. В том виде, в каком вы находитесь, кое-что существенно неправильно, перевернуто, не на нужном месте.

Ученик – это тот, кто готов и доступен и отдает себя Учителю, говоря: «Делайте со мной все, что хотите. Если вы хотите отрубить мне голову, отрубайте, но я пришел для того, чтобы узнать истину».

Ученик готов заплатить любую цену, какая бы она ни была, так как при любой цене – истина дешева. Даже если вы отдаете всю свою жизнь, вы получаете истину задаром. Что такое ваша жизнь? Какую она имеет цену? Она подобна мыльному пузырю – скоро он лопнет.

Но истина превратит вас из смертного в бессмертного.

Со временем она унесет вас в вечность.

Из всего этого происходит напряженность, полная страданий, ад; истина вытащит вас и введет в состояние блаженства.

Ученик должен быть готов измениться.

Кришнамурти всю свою жизнь старался работать с людьми без посвящения – это было его неудачей.

Естественно, он мог охватить только студентов; глубже он не мог пойти. Он имел кое-что, чтобы дать тем, кто может пойти глубже, чем студенты, но он сам препятствовал тому, чтобы к нему пришли ученики. Тех, кто пришел, он порицал. Он заставлял их оставаться студентами, быть только на интеллектуальном уровне.

Поэтому в течение шестидесяти лет существовали люди, тысячи людей в мире, которые слушали его из года в год; постоянно читали его и были совершенно переполнены его идеями, но они никоим образом не изменились. Они остались такими же людьми, какими были шестьдесят лет назад, а теперь он чувствует себя несостоявшимся – но в этом только его собственная вина. Кажется, он чувствует, что люди недостаточно разумны. Дело не в этом.

Люди достаточно разумны, но вы не допускали по-настоящему разумных людей и превозносили и очень хвалили интеллектуалов, которые не являются по-настоящему разумными людьми. Разумный человек скажет: «Я готов измениться, но я хочу знать не на словах – я хочу переживать. И я готов делать все безоговорочно». Это безоговорочное обязательство ученика абсолютно обязательно для посвящения.

Слово «посвящение» – очень трудное для понимания слово.

Оно означает нечто, что нельзя выразить словами, о чем невозможно разглагольствовать; это невозможно пропустить через ум... но все же есть способ, чтобы усвоить его. И этот способ – посвящение.

Посвящение означает то, что ученик готов быть доступным, открытым для Учителя, для его духовной силы, его бытия, его безмолвия.

Я говорю вам: не будьте слишком озабоченными тем, о чем я говорю, но будьте озабоченными тем, чем я являюсь.

То, о чем я говорю, является окружностью, а то, чем я являюсь, есть центр.

Когда ученик готов соединиться с центром Учителя, происходит посвящение. Это вход в дом Учителя.

Двери открыты для ученика, чтобы он мог войти, а ученик открыл свое сердце Учителю, чтобы тот мог войти в него. Это раскрытие происходит с двух сторон – доступность, уязвимость.

А когда обе стороны раскрыты – сторона Учителя всегда открыта, даже для тех, кто не раскрыт, – то стоит вопрос только об ученике, так как он постоянно защищается, боится. Вот чему его учит все общество: «Защищайся, иначе кто-нибудь будет эксплуатировать тебя. Будь начеку; не будь доверчивым. Будь всегда в готовности; если кто-то заманивает тебя в ловушку, ты можешь убежать».

Если ваш ум следует этому, то вы не можете подняться выше уровня студента.

Чтобы быть учеником, вы должны быть готовы – осознанно, с открытыми глазами – шагнуть в неизвестное, отбросив все страхи, поскольку Учитель – наиболее неизвестное и непостижимое явление в существовании. Это не его тело, это не его ум. Это его флюиды, его духовная сила, а не его личность. А чтобы войти в его духовную силу, вы должны отбросить все свои меры защиты. Это есть посвящение. Оно может принять любые обычные формы. Это не существенно, это просто для того, чтобы сделать посвящение видимым.

Вам дают красное одеяние, малу; дело не в них. Они нужны просто для того, чтобы сделать ваше посвящение видимым для других, так как если они видимы для других, то и для вас они будут напоминанием. Стоя перед зеркалом, вы вспомните; постоянно вы будете помнить, что вы – ученик и должны вести себя как ученик. Одеяние является внешней защитой.

Но настоящее посвящение есть нечто более глубокое, нечто, что срабатывает в вашем сердце... это тот момент, когда сердце Учителя и ваше сердце бьются в одном и том же ритме.

Когда момент достигнут, когда ваше дыхание и дыхание вашего Учителя едины, когда двойственность утеряна, а ощущается единение – это чувство единения с Учителем и является посвящением.

Ученичество – необходимое условие для посвящения.

И как только ваше посвящение созревает, как только оно становится легким, естественным, самопроизвольным, то наступает четвертая категория: посвященный.

Между учеником и посвященным есть мост посвящения. Ученик – на одном берегу, Учитель – на другом берегу. Но ученик готов пересечь реку, готов рисковать своей жизнью. Для него нет ничего более важного, чем быть с Учителем. Будь там река или огонь – это не имеет значения, он готов пройти через них.

Именно это решение превращает его из студента в ученика. Именно это решение – Учитель может быть на другом берегу, но он начинает пульсировать вместе с ним – появляется синхронность. Он начинает чувствовать, что является нераздельной частью его. Медленно, но мост построен. Все больше и больше без всякого усилия ваша беззащитность становится просто естественной для вас. В тот день, когда она стала естественной, вы пересекли мост; ученик исчезает, и появляется посвященный. Это высшая категория в мире исканий.

Посвященный – это тот, кто ничего не спрашивает, ничего

не ищет. Он нашел Учителя, и это достаточно. Он оставил себя в руках Учителя, и теперь он чувствует себя свободно.

Это подобно тому, как маленький ребенок гуляет с отцом, держа его за руку. Отец может бояться – здесь заросли джунглей, и наступает ночь, – но у ребенка нет чувства страха. Он наслаждается собой и говорит о разных вещах, а отец хочет сказать: «Замолчи! Быстрее шагай – наступает ночь».

А ребенок говорит: «Но взгляни на деревья и взгляни на того тигра!» Он не боится, так как знает, что его рука находится в руке его отца.

Наступает момент, когда ученик начинает чувствовать так же, как Учитель.

Тогда он – посвященный, тогда это – любовная связь.

Теперь это ничего не имеет общего с поиском, исканием, нахождением, ненахождением; нет вопроса о том, что куда-то надо идти.

Теперь, где бы ни находился Учитель, там дом, там рай.

Вы полностью потеряли себя в существе своего Учителя.

И самое странное явление следующее: в тот момент, когда вы совершенно потеряли себя в существе Учителя, вы в первый раз нашли самого себя и нашли, кем вы являетесь.

Беседа 4

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО – ИСТИНА ЧЕЛОВЕКА, ВЫШЕ ЭТОГО НЕТ НИЧЕГО

1 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что такое интуиция и какое место она занимает в Вашей религии?

Это немного сложно, так как вначале следует понять несколько других вещей; тогда вы сможете понять, что такое интуиция.

Интуиция – наивысшая ступенька лестницы, лестницы сознания. Лестница сознания может быть разделена на три части: самая низшая и в то же время первая – это инстинкт; вторая, средняя, – это интеллект; и третья, самая высшая, – это интуиция.

Первые две буквы «ин» используются во всех трех словах. Это имеет определенное значение. Это означает, что эти свойства являются врожденными. Им нельзя научиться, нет способа взрастить их с посторонней помощью.

Инстинкт – это мир животных: там все является инстинктом. Даже если иногда вы видите признаки чего-то другого, то это ваше живое воображение. Например, можно видеть любовь среди животных – мать с большой любовью и заботой присматривает за своими детенышами – и можно подумать, что это не просто инстинкт, это что-то более высокое, не только биологическое. Но нет, это не высокие чувства, это просто биологическое. Мать делает это подобно роботу, который находится в руках природы. Она беспомощна – она вынуждена так делать. У многих животных отсутствует инстинкт отцовства; напротив, многие животные убивают своих детенышей и съедают их.

Например, крокодилы; жизнь их детенышей находится в большой опасности. Мать защищает и сражается за жизнь своих детенышей, а отец только и хочет хорошо позавтракать. У отца нет инстинкта; фактически его природа сходна с природой человека.

Мать крокодилиха должна держать своих детенышей в пасти, чтобы защитить их от отца, у нее огромная пасть – все

женщины имеют большие рты, – она может держать в пасти около дюжины детенышей. В пасти своей матери за ее опасными зубами они чувствуют себя в полной безопасности. Самое трудное для детенышей – это узнать, кто их мать, а кто отец, они ведь похожи друг на друга. И иногда детеныши подходят близко к отцу, попадают в его пасть и исчезают навсегда; теперь они никогда не увидят белый свет. Но мать старается сражаться за них, защищать их.

Возможно, поэтому природа дает детенышей в изобилии: каждый раз мать приносит дюжину детенышей, и так каждый год. Если ей удается спасти хотя бы двух, то популяция остается точно такой же, но ей удается защитить почти половину своих детенышей.

Если наблюдать за крокодилами, то можно заметить, что отец действительно жесток; у него нет сострадания, нет любви, а мать действительно ведет себя по-матерински. Но вы просто живо воображаете свои идеи. Мать защищает детенышей неосознанно; защищать их – просто заложено в ее гормонах, а отец не имеет ничего общего с этими гормонами. Если ему ввести эти же самые гормоны, то он перестанет убивать своих детенышей. Так что это вопрос химии, а не психологии или чего-то другого более высокого, чем биохимия.

Девяносто процентов в жизни человека все еще принадлежит животному миру. Мы живем инстинктом.

Вы влюбляетесь в женщину, или женщина влюбляется в вас, и вы думаете, что это нечто великое. В этом нет ничего великого, это просто инстинктивное страстное увлечение: одни гормоны привлечены противоположными гормонами. Вы просто игрушка в руках природы. Ни одно животное не беспокоится о деликатности и нежной привязанности во время любви, но человек чувствует, что просто быть инстинктивным оскорбительно, унизительно: что ваша любовь – лишь одна биохимия? Ваша любовь – это поэзия, ваша любовь – это искусство, ваша любовь – это философия, – но биохимия? Похоже, что вы стыдитесь своей биологии, своей химии, своей природы. Но это не путь понимания. Вы должны точно понимать, что есть что.

Различия должны быть ясными, иначе вы навсегда останетесь в замешательстве. Ваше эго все время будет заставлять вас воображать как можно более высокими те вещи, которые, на самом деле, не выше самого низшего слоя. Ваша любовь – это просто иллюзия, созданная вашей химией.

Только подумайте: если отбросить романтическую идею любви, то я не думаю, что любой мужчина или женщина смогли бы переносить секс и его абсурдность. Это выглядит так глупо. Лишь отбросьте эту романтическую идею и начните думать с помощью простых биологических и химических терминов – тогда ваш секс заставит вас устыдиться. Там ничего нет, чем можно было бы хвалиться.

Лишь представьте себя, занимающихся любовью с мужчиной или с женщиной без романтичности, без поэзии, когда нет ни Омара Хайяма, ни Шелли, ни Байрона, – а есть только процесс размножения, поскольку природа хочет производить детей при вашем участии, поскольку природа знает, что вы должны умереть. Вы не вечны; вы умрете, а природа хочет, чтобы жизнь продолжалась. Но человек не может заниматься сексом до тех пор, пока у него не будет чего-то романтичного, поэтому он напустил вокруг секса тумана, который он называет любовью. Он притворяется, даже верит, что это любовь, – но понаблюдайте более внимательно.

Вы интересуетесь мужчиной или женщиной. Природный инстинкт в женщине – играть в прятки. Очень странно, что во всех культурах, во всем мире маленькие дети обязательно играют в две игры. У них религии разные, у них культуры разные, у них расы разные, их общества, их языки – все разное, – но не важно, родились они в Африке, или в Китае, или в Америке, или в Индии, все интересуются этими двумя играми.

Одна игра – это прятки. Странно, почему во всем мире нет ни одной культуры, где дети не играли бы в прятки. Похоже, что эта игра связана с инстинктом, раз они готовятся к какой-то большой игре – к игре в прятки. Это лишь репетиция, а игра продолжается затем всю жизнь.

Женщина всегда является той, что старается спрятаться, а мужчина всегда тот, кто ищет. Искать – это вызов для него. Чем больше женщина прячется, тем сильнее вызов, тем сильнее его возбуждение. Итак, вы увидите, что чем красивее женщина, тем более она опытна в прятании, в скрытности, в том, чтобы как можно больше заставить вас чувствовать жажду и голод. Она продолжает говорить «нет» – это «нет» является ее прятанием. И все в мире знают, что когда женщина говорит «нет», она имеет в виду «да» – на всех языках. Если она не готова сказать «да», она даже не побеспокоится сказать «нет».

В моем университете один студент, который был моим соседом по общежитию, очень стеснялся девушек. А я, по какой-то странной причине, с самого раннего детства учил людей самым разным вещам. Какая-то странная судьба! Люди доверяли мне, они могли сообщать мне по секрету о своих слабостях; и чтобы я никому не говорил, и чтобы я дал им какой-нибудь совет – в особенности из-за того, что я никогда не добивался женщин. Наоборот, во время моей университетской жизни девушки добивались меня, а я прятался.

Итак, этот молодой человек спросил меня: «В чем секрет? Мы стараемся найти девушек, а они все убегают. Ты же все время избегаешь их, а они постоянно пытаются найти тебя. В чем секрет?»

Я сказал: «Большого секрета здесь нет. Один должен прятаться, а другой искать. Раз было решено, что я не собираюсь быть искателем, то, естественно, они начинают искать. Это просто обращение инстинктов, и, кроме того, я знаю, что надо играть эту роль».

В моем классе было две девушки. Я был единственным мужчиной там, и я совершенно не интересовался ими. И естественно, это было для них вызовом; это причиняло им боль. А одна из девушек была действительно очень красивой. Она была из Кашмира, а девушки Кашмира – самые красивые в Индии. Она никогда не думала... и так никогда не случалось в ее жизни – все, кто встречался с нею, сразу же проявляли к ней интерес. Я был единственным человеком, который вообще не интересовался ею.

Мы сидели за одной партой. Именно я должен был все время прижиматься к стене, а она постоянно придвигалась ко мне все ближе и ближе. Я сказал: «У тебя достаточно места – оставь немного места между нами».

Мой друг спросил меня: «Что же делать? Когда я подхожу к ним или что-то им говорю, они сразу же заявляют: ''Нет, нам не интересно''».

Я сказал: «Слышал ли ты такое, что когда девушка говорит ''нет'', она подразумевает ''да''? Просто считай, что она говорит ''да'': когда слышишь ''нет'', воспринимай это как ''да'' и действуй дальше, как если бы она сказала ''да''».

Я увидел его на следующий день; он был очень расстроен. Я спросил: «В чем дело? Что случилось?»

Он сказал: «Я думал, что твой совет сработает, но девушка не сказала "нет", она сказала: "Дерьмо!" И я был в полной растерянности, не зная, как поступить, потому что на этот случай ты не дал никаких инструкций».

Я сказал: «Сейчас я дам тебе основную инструкцию на все случаи жизни, так как, если я дам тебе инструкцию для какого-то конкретного случая, а она скажет что-то другое, ты опять попадешь в беду: если она говорит что-либо, она подразумевает "да"; иначе она вообще ничего не сказала бы, она просто отвернулась бы и ушла. Если она рассердится, то это тоже кое-что значит, это означает "возможно". Она проявила к тебе некоторую эмоцию; ее инстинкты задеты. Теперь ты должен быть немного поумнее, чтобы превратить ее эмоции в благосклонность к тебе».

«Но если она ничего не скажет и даже не взглянет на тебя, будет лучше, если ты поищешь кого-нибудь другого. Значит, она – крепкий орешек для тебя. Значит, сейчас она слишком недоступна для тебя, а если ты справишься с ней, то она станет действительно ужасной. Будет лучше, если ты забудешь о ней».

Но все дети во всем мире играют в прятки. Никто их этому не учит, почему же эта игра стала всемирной? Она, должно быть, вытекает из их внутренней природы – какое-то побуждение искать, находить, какой-то вызов. Девушка должна иметь какое-то внутреннее побуждение исчезать настолько, насколько она может. Чем более она красива, тем больше она старается исчезнуть, убежать, так как знает, что ее будут преследовать. Девушка так себе не будет стараться очень долго прятаться; она спрячется, но таким образом, чтобы вы смогли найти ее. Некрасивая девушка не будет даже стараться спрятаться. Она не будет говорить «нет», думая, что это будет понято как «да»; она просто скажет «да», чтобы никого этим не смутить и не ввести в заблуждение.

Это также верно и по отношению к мужчине. Некрасивый мужчина станет величайшим искателем; он отыщет вас, даже если вы прячетесь в аду. Он не оставит вас в покое. Представитель среднего класса, середнячок, будет стараться найти вас, но не очень сильно. Если он сможет найти вас, то это хорошо; иначе он будет искать где-нибудь в другом месте. Самый красивый мужчина вообще не будет пытаться искать, он будет ждать, когда вы сами придете к нему.

Эти вещи происходят естественно – никто не принимает по ним решения, они являются частью вашей биологической природы. Но природа была достаточно мудра, давая вам иллюзию любви; иначе, просто в целях размножения, для продолжения жизни вы не будете заниматься всеми этими упражнениями и принимать эти восемьдесят четыре сексуальные позы, которые предписывает Ватсьяяна – странные, ужасные, глупые. Если отвергнуть любовь, тогда голый секс выглядит, действительно, очень животным. Это одна из проблем, которая беспокоила и все еще беспокоит человечество. Можно только надеяться, что в будущем мы сможем сделать эту проблему более понятной.

Человек продолжает искать, убеждать, писать любовные письма и делать все, что в его силах; но как только его половое влечение удовлетворяется, его интерес начинает пропадать. Итак, это не то, что он делает осознанно. Он не хочет принести страдания; особенно тому, кого он любил, он не хочет принести страдания. Но таков путь биологии. Вся эта романтика и любовь были лишь туманом, в котором природа старалась спрятать сексуальную сторону, которая сама по себе выглядит ужасно, поэтому природа и придает ей красивую завесу.

Но как только работа природы в вас завершена, весь туман рассеивается. Инстинкт имеет понятие только о сексе. Любовь – только сладкая оболочка на горькой таблетке, чтобы помочь вам проглотить ее. Не держите ее долго во рту, иначе вы не сможете проглотить ее; вскоре тонкая сладкая оболочка растает, и вы выплюнете горькую таблетку.

Поэтому-то возлюбленные так спешат заняться любовью. Зачем такая спешка? Почему они не могут подождать? Сладкая оболочка очень тонкая, и они боятся, что если будет слишком поздно, то сахар растает и останется одна горечь, настоящая горечь.

Инстинкт не делает вас человеком, он просто сохраняет вас животным, двуногим, но все еще животным.

Следующая ступень – интеллект, который дает вам нечто большее, чем биология, химия, животная природа. Интеллект также является врожденным, как и интуиция, как и инстинкт. Нет пути увеличить ваш разум; все, что можно сделать, – это претворить в жизнь все ваши потенциальные возможности, и это будет выглядеть так, как если бы ваш разум вырос.

Действительно, самый разумный человек использует только пятнадцать процентов своих потенциальных возможностей;

обычный, заурядный, обыкновенный человек использует лишь от шести до семи процентов. Восемьдесят пять процентов разума остаются неиспользованными даже в Альберте Эйнштейне или в Бертране Расселе. Эти восемьдесят пять процентов могут быть использованы, и это будет огромным достижением. Вы будете думать, что, конечно, ваш разум увеличился, но вы лишь просто вылечились, восстановили то, что уже было вашим.

Мы нашли пути, чтобы обучить ваш интеллект и увеличить силу вашей памяти. Все школы, колледжи и университеты – вся система образования в мире делает только одну вещь: оттачивает ваш интеллект. Но возникла проблема, которую не предвидели преподаватели: когда ваш разум становится несколько более мощным, это начинает мешать вашему инстинкту. Начинается соревнование, борьба за власть.

Интеллект старается доминировать, и поскольку логика на его стороне – мотивирование, аргументы, тысяча и одно доказательство, – он может справиться, по крайней мере в том, что касается вашего сознательного ума, с тем, чтобы убедить вас, что инстинкт есть некое зло. Именно поэтому все религии порицают инстинкт.

Они являются лишь интеллектуальными играми. Инстинкт есть часть вашего подсознательного ума, а интеллект есть часть вашего сознательного ума, но проблема в том, что сознательный ум является лишь одной десятой вашего подсознательного ума. Он подобен айсбергу: только одна десятая часть видна над водой, а под водой спрятано в девять раз больше. Ваш сознательный ум – это лишь десятая часть, но его видно; вы знаете о нем. Вы ничего не знаете о своем подсознании.

Сознательный ум получает обучение в школах, в колледжах, в университетах, в церквях, в синагогах – везде. И они наполняют ваш сознательный ум – наперекор инстинкту. Это весьма ужасное явление; вас делают противоестественными, противными природе, противными себе.

Подсознание же всегда безмолвствует; оно глубоко в темноте. Его совершенно не беспокоит ваш сознательный ум. Какое бы решение вы ни приняли своим сознательным умом, в любой момент оно может быть просто отброшено вашим подсознанием, поскольку оно в девять раз мощнее. Его не беспокоит ваша логика, ваши рассуждения или что-либо еще.

Не беспричинно то, что даже такой человек, как Гаутама Будда, был против того, чтобы вводить в свою коммуну женщин.

Он хотел, чтобы коммуна была чисто мужской, без всяких женщин в ней.

Я против его позиции, но я понимаю, в чем была ее причина. Над этой причиной следует подумать. Он осознавал, что если там будут женщины, то что же тогда делать с подсознанием мужчины? Это вопрос психологии, не религии. Зигмунд Фрейд, или Юнг, или Адлер – просто пигмеи по сравнению с Гаутамой Буддой.

Препятствовать женщинам выглядит негуманно, но если вы заглянете в сущность его проницательности, вы будете удивлены; этот человек имел некоторые серьезные основания. Эти основания не касались женщин; на самом деле он не говорил, что нельзя допускать женщин. Он говорил: «Я знаю, что вы не можете одержать победу над своим подсознанием». В действительности это было не порицанием женщин, это было порицанием учеников. Он говорил, что если допустить женщин, то ваше подсознание начнет одолевать вас.

Он любыми путями старался предотвратить такой случай. Он говорил своим монахам, что они должны ходить, глядя только на два метра перед собой, чтобы они не могли на дороге или где-то еще увидеть лицо женщины; в крайнем случае они могли увидеть только ее ноги. Он говорил своим монахам: «Не прикасайтесь к женщине, не разговаривайте с женщиной».

Один из его учеников был упорный. Он сказал: «В какой-то ситуации, – например, женщина упала на дороге, ей плохо или она умирает, – вы хотите, чтобы мы не разговаривали с ней, не спрашивали, куда она хочет идти? Вы хотите, чтобы мы не прикасались к ней и не отвели ее к ней домой?»

Он сказал: «В редких ситуациях, подобных этой, да, вы можете к ней прикоснуться и вы можете разговаривать с ней, но отдавайте себе полный отчет в том, что она – женщина».

Итак, его наставление «отдавайте себе полный отчет» не направлено против женщин, оно направлено против вашего подсознательного ума. Если вы отдаете себе полный отчет во всем, то есть возможность, что ваше подсознание, может быть, не сможет вторгнуться и сломить сознательный ум.

Все религии были против женщины – не то чтобы они были женоненавистными, нет; они просто пытались защитить монаха, священника и пап. Конечно, я не согласен с их методологией, так как это не способ защиты; в действительности, это делает вас легко возбудимым. Монах, который не прикасался к женщине,

который не разговаривал с женщиной и не имеет представления о женщинах, в большей мере находится во власти своего инстинкта, чем человек, который жил с женщинами, разговаривал с ними и очень свободно себя чувствовал с ними, как с любым мужчиной.

Монахи и монахини в большей степени находились во власти инстинкта. Если вы полностью отделите свой инстинкт от удовлетворения, то он может стать настолько мощным – почти как наркотик, – что сможет отравить вас, он сможет заставить вас галлюцинировать. А в средние века были монахи, которые делали признания перед особым судом, который учредил папа. Это был большой «суд присяжных», куда созывались все честные монахи и монахини и где их просили признаться: «Вы имеете половые сношения с чертями, с ведьмами?» И тысячи из них признавались: «Да, ведьмы приходят ночью, дьяволы приходят ночью».

Монастырские стены и запоры, конечно, не могли помешать им приходить; они же были дьяволами и ведьмами! Они в точности описывали, как выглядит ведьма, как выглядит дьявол, и как они были соблазнены на половое сношение с ними, и как они не смогли сопротивляться. Эти монахини и монахи были сожжены заживо для того, чтобы это стало уроком для других. Но никто не удосужился понять: никакая ведьма не придет к вам; даже если вы будете держать дверь открытой, никакой дьявол не придет к вам. Почему эти дьяволы и ведьмы приходят только к католикам? Странно! Что сделали неправильного несчастные католики?

Причина простая. Они до такой степени подавляли секс, что он стал кипящим пеклом внутри их подсознания. И когда они отправлялись спать, их сны были очень жизненными, красочными и реалистичными – это зависело от того, насколько эти люди были лишены секса.

Попоститесь два или три дня, и вы увидите: каждую ночь вам будет сниться великолепное пиршество. А по мере того, как ваш пост будет продлеваться, ваше пиршество будет становиться все более и более восхитительным, очаровательным, красочным, реалистичным. Возможно, что через двадцать один день поста вы сможете с открытыми глазами, абсолютно бодрствуя, грезить о пище. Больше нет необходимости спать; теперь подсознание начинает проникать в сознание даже тогда, когда вы бодрствуете.

Многие монахини и монахи признавались, что это происходило не только ночью; также и днем дьяволы и ведьмы посещали их и занимались с ними любовью. А они ничего не могли поделать, это было просто не в их силах.

Другие религии делали то же самое.

Мое усилие совершенно противоположно усилиям всех религий, так как я могу видеть, что они делали. Намерение было хорошее, но их понимание было недостаточно глубоким. Я хочу, чтобы женщины и мужчины жили вместе, чтобы они были знакомы с телами друг друга, с расхождениями, с противоположностями, чтобы вашему подсознанию не нужно было нести что-то подавленное в себе.

Когда ваше подсознание полностью свободно от подавленности, то ваш инстинкт имеет другое свойство по отношению к нему. Он объединен с разумом. Когда ваше подсознание больше не подавлено, когда между вашим сознанием и подсознанием нет Берлинской стены, – стена может быть убрана, так как подавление отсутствует, поэтому нет необходимости прятать подсознание, – тогда вы сможете входить и выходить из своего подсознания так же легко, как вы переходите у себя дома из одной комнаты в другую.

Это ваш дом. Гурджиев обычно использовал сравнение со зданием: человек – это трехэтажное здание. Первый этаж – подсознание, второй этаж – сознание, третий этаж – сверхсознание. Если между вашим разумом и инстинктом нет конфликта, значит, вы впервые стали человеком; вы больше не являетесь частью царства животных. И по моему мнению, это именно то, что необходимо каждому, кто хочет узнать истину, жизнь, существование; это необходимо тем, кто хочет познать, кем он является.

Когда девять частей вашего собственного ума подавлено, как вы собираетесь познать себя? Вы слишком сильно придавили самого себя в подвале своего здания, где вы никуда не можете двигаться. Все религиозные люди жили в страхе, дрожа. Каким был их страх? Страх происходил из их собственного подсознания и их подавленных инстинктов, которые стучались в дверь их сознания: «Откройте дверь, мы хотим войти! Мы хотим понимания, мы хотим быть удовлетворенными».

Чем больше они страдают от голода, тем больше они представляют собой опасность. Вы окружены голодными волками; каждый инстинкт становится голодным волком. И это –

агония, в которой жили так называемые религиозные люди, окруженные голодными волками.

Я хочу, чтобы вы были дружны со своим подсознанием.

Точно так же, как Будда должен был воспрепятствовать женщинам, поскольку он хотел создать стену между вами и вашим подсознанием... Я привел женщин в коммуну с той же самой мыслью, с тем же самым намерением: воспрепятствовать тому, чтобы ваше подсознание преобладало над сознанием. Но то, что делал Будда, потерпело неудачу; то, что делаю я, создает защиту от дураков. Невозможно, чтобы такая защита потерпела неудачу, так как я ни в коем случае не поддерживаю никакого вида подавления. Пусть все будет выражено!

Пусть полностью будет удовлетворена ваша биология.

Просто постарайтесь увидеть суть: если ваша биология совершенно удовлетворена, то между сознанием и подсознанием нет борьбы. Что касается вашего ума, вы становитесь одним целым; ваш ум – одно целое.

Это высвободит в вас потрясающую разумность, так как большая часть вашей разумности охвачена подавлением. Вы сидите на вулкане, пытаясь удержать вулкан от извержения. Вулкан стремится вырваться наружу. Ваша сила настолько мала, что вы не сможете навсегда удержать его; напротив, когда он будет извергаться, вас разбросает на такие маленькие кусочки, что невозможно будет собрать вас снова.

Многие сумасшедшие по всему миру находятся в ваших сумасшедших домах, в психиатрических больницах – кем они являются? Кто они? Что произошло с ними? Они распались на кусочки, и их невозможно собрать воедино. Нет возможности собрать их воедино до тех пор, пока вы не устроите так, что все их подавленные инстинкты будут удовлетворены. Но кто хотя бы скажет об этом? Поскольку я постоянно говорю это в течение тридцати пяти лет, я стал пользоваться дурной славой.

Вчера я видел в передовице *Штерна* рассказ в пятнадцать страниц, и это только первая часть. Рассказ будет состоять из пяти частей и будет опубликован в следующих пяти выпусках журнала. На титульной странице – заголовок: «Состояние секса». Мне, действительно, он понравился.

А самое странное то, что если вы просмотрите остальную часть журнала, то будете удивлены. Кто живет в состоянии секса? Штат служащих *Штерна*, редакторы, члены правления журнала – или мы? В журнале – полностью обнаженные, голые

женщины, и они не только обнажены... так как полностью обнаженная женщина бывает не настолько очаровательна; вы должны придать ее наготе еще больше очарования, давая ей сексуальную одежду, которая и показывает ее тело, и скрывает его. Так вы снова играете в прятки.

Вы можете начать мечтать о том, как женщина выглядит под этой одеждой. Она может быть и не очень красивой под этой одеждой. В действительности все женские тела одинаковы и все мужские тела одинаковы; если вы выключите свет, то вся красочность и все различия исчезнут. Темнота – это такой уравнитель, она является такой коммунистической, что в темноте вы сможете полюбить даже свою собственную жену.

Весь этот журнал полон секса, но мы сами являемся состоянием секса. Даже *Плейбой* пишет против меня! Я хотел бы знать – в каком же, действительно, странном мире мы живем! Но я знаю, почему *Штерн*, или *Плейбой*, или другие журналы, подобные этим, третьесортные и эксплуатирующие сексуальность человека... они продаются миллионными тиражами. Продаются почти два миллиона экземпляров *Штерна*, и установлено, что каждый экземпляр читают по крайней мере восемь человек; это значит – шестнадцать миллионов человек.

Почему они должны быть против меня? А они против меня почти шесть или семь лет. Причина в том, что если я добьюсь успеха, то эти журналы должны закрыть свои офисы. Они живут за счет подавления. Это простая логика, поэтому они против меня.

Священники, выступающие против секса, против меня, и люди, которые используют секс для эксплуатации – *Плейбой*, *Штерн* и еще тысячи журналов в мире, – они также против меня! Вот странно, ведь они не выступают против папы; нет ни одной статьи против папы. *Плейбой* должен быть против папы, который постоянно порицает секс. Но нет.

Там свойственная им логика: чем больше папа порицает секс, чем больше он подавляет секс, тем больше продается *Плейбой*.

Только в моей коммуне никто не будет интересоваться *Плейбоем* или *Штерном* – кого они волнуют? Если я добьюсь успеха, то все эти порнографические журналы, литература и кинофильмы просто обязаны исчезнуть. А ведь в них вложены огромные капиталы, поэтому все они будут сопротивляться мне

– и они будут противостоять мне и порицать меня во имя секса так, как будто я распространяю сексуальность!

Если кто-то и распространял сексуальность, так это, должно быть, ваш Бог. Я не имею ничего общего с этим. Он продолжает рождать детей с половыми гормонами. Он должен прекратить это! Он должен прислушаться к папе. И эти журналы тоже не против Бога, ведь это именно Он обеспечивает им весь рынок. Папы и священники, все они находятся в глубоком заговоре. Все они, вместе взятые, против меня, так как я просто стараюсь испортить их игру.

Но с самого начала у меня была такая привычка портить игру людей. Если они играют в футбол, я просто возьму футбольный мяч и убегу, и вся команда бежит за мной. Однажды, когда я пришел домой, я немедленно пошел на террасу и запер дверь. Затем мой отец, моя мать и остальные стали стучать в дверь: «Верни их футбольный мяч. Почему ты постоянно забираешь чей-то футбольный мяч, чей-то волейбольный мяч? Там – вся команда, и они очень рассержены и обливаются потом. Две мили они бежали за тобой».

А я говорил: «Это потому, что я не могу выносить никаких глупостей. Где бы я ни увидел, что происходит что-то идиотическое, я останавливаю это».

«Вот эти люди просто бросают мяч на другую сторону; другая сторона бросает мяч им обратно. А я не могу это вынести. Я просто проходил мимо. Я не специально пришел туда, чтобы смотреть, чем занимаются эти идиоты... Они должны поблагодарить меня».

Мой отец говорил: «Если они хотят делать что-то глупое, пусть делают. Почему ты вмешиваешься? Ты не должен портить чью-либо игру».

Я, бывало, портил и игру своего отца. Он был хорошим шахматистом и обычно играл с одним мусульманином, стариком, от которого до сих пор приходят письма. Ему сейчас больше ста лет. Он был другом моего деда – Абдул Баба. Когда Индию разделили, он переехал в Пакистан, так как его сын, дочь и кто-то еще поехали туда. Он не был счастлив от того, что уехал, – он уезжал, плача и рыдая, – но все уезжали, и они не хотели оставлять старика, поэтому они взяли его с собой. Но он постоянно писал оттуда письма.

За свою жизнь я получил миллионы писем, но ни одно письмо не было таким нежным, как от этого старика. Его письма

все еще приходят сюда, и как раз несколько дней назад от него пришло письмо. Он постоянно пишет *«Бете»* - то есть «сын мой». На хинди *бета* означает «сын мой», но, когда вы пишете «бете», вы вкладываете в это всю свою любовь. «Бета» означает просто «сын мой». В английском языке нет ничего, что могло бы сравниться с «бете». Лишь небольшое изменение, и «бете» превращается в «мой любимый сын» – и даже во что-то большее, во что-то еще, что нельзя перевести.

Он продолжает писать: «Сейчас мне больше ста лет, мое единственное желание – увидеть тебя еще раз перед тем, как я умру». Он приехал в Индию, когда умер мой отец, но поскольку он – хаджи... Он совершил паломничество в Мекку, которое называется *хадж*, а тот, кто совершает паломничество, тот получает титул хаджи. Необходимо, чтобы каждый мусульманин по крайней мере один раз в жизни отправился в Мекку, иначе его не допустят в рай.

Но если вы были в Мекке, тогда вы – хаджи и должны следовать некоторым правилам. Вы не можете говорить что-нибудь лживое и многое другое. Он не имел представления о том, что мой отец был со мной в Пуне, поэтому он получил разрешение от индийского правительства поехать в Гадавару, на родину моего отца, – разрешение было только на посещение Гадавары.

Он мог бы приехать – в этом не было проблемы – и посетить Пуну, так как у него было разрешение на пребывание в Индии в течение пятнадцати дней, но поскольку он сказал, что посетит только Гадавару, то он не мог приехать в Пуну. Теперь он говорит: «Возможно, я сделал неправильно. Мне надо было оставить свой рай. Мне надо было приехать в Пуну повидать тебя и твоего отца. Если понадобится чем-то пожертвовать, я готов это сделать: я готов покинуть рай».

Этот старик был опытным шахматистом. Он был партнером по шахматам для моего деда, а когда дед умер, мой отец стал играть в шахматы с этим стариком. Для меня стало привычкой... когда бы я ни видел, что они играют, я всегда переворачивал их шахматную доску! Но тот старик никогда не сердился – он говорил: «Ты человек принципа».

Я говорил: «Я не могу позволить вам быть настолько глупыми: ''Это слон, а это верблюд, это король, а это ферзь''. Кого вы одурачиваете? Вы оба бесполезно тратите время. Хорошо, что я проходил мимо, иначе вы продолжали бы играть».

Много раз мой отец говорил: «Это уж слишком! Мы теряем не твое время. Мы никогда не мешаем тебе заниматься твоими делами, так как мы знаем, если мы помешаем тебе, ты устроишь большой скандал. Продолжай заниматься всем, чем хочешь, но на наших глазах, даже опасными вещами». Перед моим домом росло дерево ним, очень большое дерево ним, огромное, очень старое, и на него было очень трудно вскарабкаться. Мой отец хотел, чтобы его срубили, но на самом деле он не мог найти какого-нибудь дровосека, который был бы готов залезть на дерево и хотя бы срезать ветки, так как вокруг находились дома, а дерево было огромным; его ветки закрывали многие дома.

Все дровосеки говорили: «Это почти невозможная, трудная робота. Если мы срежем ветки, то они могут свалиться и разрушить чей-нибудь дом или кого-нибудь лишить жизни – и мы рискуем своей жизнью. Дерево находится не на пустом пространстве, где мы могли бы срубить его. Ничего нельзя поделать».

Я обычно залезал на это дерево. А было известно, что в нем живут привидения. В Индии считают, что если привести человека, которым овладело привидение, к дереву, которое хорошо известно и знаменито тем, что в нем живет много привидений, то, естественно, это привидение, увидев других привидений из своей компании, оставляет человека в покое и входит в дерево. И если сразу же забить в дерево длинный гвоздь, то привидение не сможет выйти из него. Поэтому в том дереве было много гвоздей. Каждый день для меня было радостью видеть, как приходят люди, а их привидения входят в дерево. Я пользовался этими гвоздями, чтобы вскарабкаться на дерево.

Мой отец сказал: «Каждый день ты видишь, как исчезают привидения». Я видел, что к дереву подходит человек, прямо как сумасшедший, и прямо перед этим деревом начинает дрожать, кричать и что-то приговаривать.

А люди, которые привели его, говорят: «Влезай в дерево, выходи из этого человека! Здесь вся твоя компания – что ты делаешь с этим человеком?» Затем тот человек сразу же успокаивается, и как только он успокаивается, люди немедленно пригвождают привидение.

Он сказал: «Ты видишь это каждый день».

Я сказал: «Я вижу это каждый день, и вы видите каждый день, что я карабкаюсь по этим гвоздям и ни одно привидение

даже не побеспокоило меня. Возможно, они думают, что я тоже привидение или еще что-то... не пригвожденное привидение!»

А он сказал: «Я смотрю на тебя и боюсь за тебя, но я не останавливаю тебя, потому что нет смысла тебя останавливать; просто начнется спор».

У нас был маленький колодец. Чтобы прочистить колодец, туда опускали железные прутья, поэтому можно было использовать эти железные прутья как ступеньки, чтобы спуститься в колодец. Он был очень глубоким, но маленьким; он был лишь для семейных целей. Изредка я купался в колодце. Мой отец смотрел на меня и говорил: « Хорошо, иди. Ты знаешь, что мы должны пить ту воду, но мы не можем препятствовать тебе. И мы знаем, что когда-нибудь ты попадешь в беду; колодец очень глубокий, по крайней мере тридцать метров. Даже если ты закричишь, никто не услышит».

Я сказал: «Я не такой человек, чтобы кричать. Я живу молча и умру молча. Я не собираюсь кричать – не беспокойтесь об этом. А что касается глубины, то я измерил ее; нет проблем. Я опускаюсь до самого дна, и много раз я находил ваши вещи; туда уронили ведро, и я вытащил его. Вы знаете, что я опускаюсь да самого дна».

Поэтому он говорил: «Мы никогда не останавливаем тебя, а ты просто прыгаешь в...»

Я сказал: «Я прыгаю только тогда, когда вижу, что происходит что-нибудь абсурдное. Это абсолютно абсурдно – а я тот, кто портит удовольствие другим».

Теперь этот прекрасный спор происходит между священником и *Плейбоем:* священник продолжает подавлять, а люди, занимающиеся порнографией, продолжают печатать еще больше порнографии. И их порнография распродается в большем количестве, чем ваши библии. Люди читают *Плейбой,* держа журнал между страницами *Библии,* поэтому вы можете подумать: «Какой святой человек, всегда читающий *Библию*». Если вы видите кого-нибудь, читающего *Библию,* просто подойдите поближе и посмотрите, действительно ли он читает *Библию.* Девяносто процентов вероятности за то, что там журнал *Плейбой.*

Оба эти типа людей эксплуатируют подавление; следовательно, во всех отношениях для них логично быть против меня. По крайней мере, *Штерн* не должен быть против меня, если я создал состояние секса. Они должны быть счастливы, и они

должны быть благосклонны ко мне. Но нет, они совершенно разгневаны. Они, может быть, даже не осознают, почему они гневаются на меня; может быть, они делают это совершенно бессознательно, но бессознательное также имеет свои собственные причины. Вы можете не осознавать их.

Подавляйте что-либо, и оно станет ценным.

Подавляйте больше, и оно станет более ценным.

Не подавляйте, и оно потеряет всю ценность.

Выразите его, оно улетучится.

Я могу сказать миру, что здесь единственное место, где секс ничего не значит; он не имеет ценности.

Никого он не волнует, никто не мечтает о нем, и никто не фантазирует о нем. В действительности санньясины постоянно пишут мне: «Бхагаван, что делать? Моя сексуальная жизнь полностью исчезает».

Я говорю: «Что делать? Пусть исчезает. Вам не надо ничего делать. Вся цель в этом: она должна исчезнуть. Не прилагайте никакого усилия, чтобы заставить ее исчезнуть, но когда она исчезает, пожалуйста, не прилагайте никакого усилия, чтобы воспрепятствовать этому. Скажите "до свидания". Просто великолепно, что она исчезает».

Но беда в том, что люди думают, что когда секс исчезает, возможно, теперь ничего не останется, поскольку секс был их волнением, их экстазом и их радостью. Нет, вас действительно многое ожидает. Пусть секс исчезает, а ваша энергия становится доступной для более возвышенного вида волнения, более возвышенного вида экстаза.

Когда ваше подсознание и сознание встречаются, значит, в подсознании ничего не подавлено – и это момент их встречи и слияния. В этот самый момент перед вами открывается другая великая возможность, так как вы больше не вовлечены в низшее; вся ваша энергия доступна для высшего. Вы находитесь в середине, вы – сознательный разум.

Но поскольку подсознание присутствует, вы остаетесь вовлеченными в его подавление, вы продолжаете подавлять его. Дело не в том, что если вы подавили его, значит, вы покончили с ним; вы должны подавлять его постоянно, так как оно возникает снова и снова. Оно подобно прыгающему мячу; вы ударяете по нему, и он возвращается к вам. Чем большую силу вы прилагаете для удара, тем больше сила, с которой он возвращается к вам.

Такая же ситуация и с инстинктами; вы подавляете их, и чем больше энергии вы прилагаете к подавлению, тем с большей энергией они будут возвращаться к вам. Откуда они могут взять энергию? Это ваша энергия. Но когда вы совершенно свободны от подсознания и его последствий, то все чисто и спокойно; тогда в наличии имеется вся ваша энергия.

Существует основной принцип энергии: она не остается статичной, она должна совершать движение. Движение – ее природа. Она не подобна вещи, которую вы куда-то положили, и она осталась там. Нет, энергия должна совершать движение – она есть жизнь. Поэтому, когда нет причины двигаться вниз, она имеет только один путь движения – вверх. Больше двигаться некуда. Она начинает бить по вашему сверхсознанию, и поскольку ее удар по сверхсознанию очень приятен и восхитителен, то все ваши половые оргазмы просто бледнеют по сравнению с этим. Вы не можете это представить, так как это не количественная разность, о которой я могу сказать вам, что она в количественном отношении в десять тысяч раз больше. Разница – в качестве.

Так что нет способа, чтобы представить ее. Как ее сравнить с вашим половым оргазмом? Но в вашей жизни есть одна вещь, посредством которой можно обозначить нечто возвышенное. Когда ваша энергия начинает бить по вашему возвышенному миру, о котором до сих пор вы даже не знали, возникает постоянный поток радости. Половой оргазм настолько быстротечен, что к тому времени, когда вы узнали о его возникновении, он уже пропал. Вы только держите его в памяти; в действительности вы не осознаете, когда он возникает. Из-за его скоротечности вы становитесь все более и более склонны к нему, потому что вы помните, что происходило нечто, происходило нечто прекрасное, поэтому: «Давайте снова окунемся в него, давайте снова окунемся в него». Но вы не знаете, как это сделать...

Перед тем, как оргазм наступает, – вы знаете, что он наступает, так как у вас в голове начинает звенеть колокольчик. У вас в голове действительно начинает звенеть колокольчик: оргазм наступает. Вы знаете, что он наступает... вы знаете, что он пропал. Колокольчик перестал звенеть, он больше не звенит, и вы выглядите как идиот! В промежутке, когда колокольчик звенел и когда он перестал звенеть, вы выглядите дураком. Возможно, мужчина чувствует себя более пристыженным; вот почему после занятия любовью он просто отворачивается и засыпает. Женщина не так пристыжена по той простой причине,

что она не является активным партнером; мужчина выглядит глупым, потому что он активный партнер.

Как только энергия касается вашего верхнего уровня сознания, сверхсознания – лишь прикосновение, и появляется постоянный поток радости. Энергия медленно продолжает бить и прокладывает себе путь к центру сверхсознания. Вам нечего делать: ваша работа закончена, когда вы остановили подавление и очистили свое подсознание. Тогда вам нечего делать; все, что надо было сделать, сделано вашей энергией.

А когда вы достигли центра, в вас начал функционировать новый дар, который является интуицией.

В центре подсознания находится инстинкт.

В центре сознания находится интеллект.

В центре сверхсознания находится интуиция.

Инстинкт заставляет вас делать вещи, принуждает вас делать вещи даже против вашей воли. Интеллект помогает вам найти пути, если вы хотите сделать определенную вещь, или найти пути, если вы не хотите сделать определенную вещь. Функция интеллекта – находить путь. Если вы хотите следовать с инстинктом, интеллект найдет путь.

Если вы так называемый религиозный человек, псевдорелигиозный человек, и хотите идти против инстинкта, интеллект найдет путь. Пути могут быть странными, но интеллект – к вашим услугам: что бы вы ни захотели, он все сделает. Он – не за и не против чего-либо, он просто в вашем распоряжении. Если человек разумный, то он будет использовать свой интеллект, чтобы помочь своему подсознанию быть удовлетворенным. Чем скорее оно удовлетворено, тем лучше, потому что вы стали свободны от него. Удовлетворение означает свободу от него.

Если вы несколько помешанный, католик, протестант или что-то еще, – в мире существуют все типы помешанных. Вы можете выбрать, каким типом помешанного вы хотите быть: индуистом, мусульманином, джайном, буддистом – имеются всевозможные типы. Вы не можете сказать: «Этого вида, которым я хочу быть, нет в наличии», – вы не можете сказать этого. За тысячи лет человек создал почти каждый отдельный тип помешанного. Вы можете выбирать, вы можете сделать свой выбор; но что бы вы ни выбрали, это одно и то же.

Никто не говорил вам, как использовать интеллект, чтобы удовлетворить ваше подсознание, вашу природу, вашу биологию, вашу химию. Они – ваши. Какое имеет значение, будь это

ваша химия, или биология, или физиология? Они являются частью вас, а природа никогда ничего не дает без причины. Удовлетворите их, и их удовлетворенность проложит тропу для более высокой потенциальной возможности.

Все религиозные люди связаны самой низшей частью своего бытия – вот почему они выглядят такими печальными и такими виноватыми. Они не умеют радоваться. Иисус постоянно говорит этим людям: «Радуйтесь», – а с другой стороны, он говорит им: «Помните об аде». Он создает дилемму для людей, указывая им путь в ад; путь в ад – значит удовлетворить свою природу, а путь в рай – значит идти против своей природы. Но идти против своей природы означает ад здесь, на земле.

Я хочу создать рай здесь, сейчас.

Зачем откладывать такую хорошую вещь?

Вещи, которые не заслуживают вашего внимания, вы можете отложить, – но рай? Я не готов отложить его до завтра или до следующей секунды. Вы можете иметь его здесь и сейчас. Все, что вам надо, это чистое подсознание: удовлетворенное, довольное, биология устанавливается; химия устанавливается и дает вам всю энергию, которая была заключена в тех уровнях развития. Энергия сама взмывает вверх и останавливается лишь в самом центре вашего сверхсознательного ума. И там начинает функционировать интуиция.

Что такое интуиция? – спрашивали вы. Интуиция некоторым образом подобна инстинкту; некоторым образом подобна интеллекту, а другим образом абсолютно противоположна интеллекту. Так что вам нужно понять ее, так как она является трудно уловимой в вас вещью.

Интуиция подобна инстинкту, так как вы ничего не можете с ней поделать. Она – часть вашего самосознания, так же как инстинкт – часть вашего тела. Вы ничего не можете поделать со своим инстинктом, и вы ничего не можете поделать со своей интуицией. Но как вы можете позволить своим инстинктам быть удовлетворенными, так же вы можете позволить и предоставить полную свободу своей интуиции быть удовлетворенной. И вы удивитесь, что за силы вы несли в себе.

Интуиция может дать вам ответы на основные вопросы – не словесно, а экзистенциально. Вам не надо спрашивать: «Что есть истина?» Инстинкт не услышит, он глух. Интеллект услышит, но он может только философствовать; он слеп, он не может

видеть. Интуиция – провидец, она имеет глаза. Она видит истину – нет вопроса о том, чтобы думать об истине.

Инстинкт и интуиция – обе не зависят от вас. Инстинкт находится во власти природы, бессознательной природы, а интуиция находится в руках сверхосознанной вселенной, самосознания, которое окружает всю вселенную, океаническое самосознание, в котором мы – лишь маленькие острова или, лучше сказать, айсберги, так как мы можем растаять в нем и стать едиными с ним.

Некоторым образом интуиция полностью противоположна инстинкту.

Инстинкт всегда ведет вас к другому; его удовлетворенность всегда зависит больше от чего-то другого, чем от вас.

Интуиция ведет вас к себе самому.

У нее нет зависимости, нет потребности в другом; следовательно, она – красота, она – свобода и независимость.

Интуиция – это возвышенное состояние, не нуждающееся ни в чем. Она настолько полна собой, что для чего-то другого там нет пространства.

Некоторым образом интуиция подобна интеллекту, так как она является разумностью.

Интеллект и разум похожи, по крайней мере, по внешнему виду, но только по внешнему виду. Интеллектуальный человек не обязательно разумный, а разумный человек не обязательно интеллектуальный. Вы можете найти фермера настолько разумного, что даже самый великий профессор, самый великий интеллектуал, будет выглядеть пигмеем перед ним.

После революции в Советской России случилось так, что Петроград, город Петроград, переименовали, чтобы создать новый город с именем Ленина, Ленинград. Перед петроградским огромным, прекрасным и старинным дворцом находилась большая скала, которую цари никогда не думали убирать – не было необходимости. Затем в жизнь вошли автомобили, а эта скала загораживала всю дорогу, скалу необходимо было убрать.

Но скала была настолько прекрасной, что захотели ее переместить и сохранить как мемориал и поэтому не хотели ее разрушать или взрывать динамитом. Но все великие инженеры – они все думали о том, чтобы взорвать ее динамитом или начать разрезать на кусочки, а затем позднее собрать эти кусочки воедино. Но Ленин сказал: «Так не пойдет – это будет уже не то

же самое. Скала настолько прекрасна, что именно поэтому цари держали ее перед своим дворцом».

В это время прибыл один человек, бедный человек на осле. Он стоял там, слушая весь спор; затем он засмеялся и стал двигаться прочь. Ленин спросил: «Подожди, почему ты смеялся?»

Он сказал: «Это такое простое дело. Ничего не надо делать особенного: все, что вам надо сделать, – это прокопать землю вокруг скалы. Не прикасайтесь к скале вообще; только прокопайте вокруг скалы, и скала глубоко осядет в яму. Вы не будете разрушать скалу – скала останется там, – но она не будет мешать никому. Нет необходимости взрывать ее динамитом или разрушать ее».

Ленин сказал инженерам: «Вы – великие инженеры и архитекторы, но то, что говорит этот бедный парень, более разумно». Именно так и было сделано. Скала была спасена, и дорога была спасена, но идея пришла от бедного человека, который был никем.

Я наблюдал, встречаясь с тысячами людей, что, в основном, интеллектуальные люди – неразумные, так как у них нет необходимости быть разумными; их интеллект, их знания достаточны для них. Но человек, который не имеет ни знаний, ни интеллекта, ни образования, должен обнаруживать разум внутри себя; он не может смотреть по сторонам. А поскольку он вынужден зависеть от разума, то разум начинает развиваться.

Поэтому интуиция имеет что-то похожее на интеллект, но она не интеллектуальна. Она есть разум.

Работа интеллекта и разума совершенно разная. Интеллект работает поэтапно, постепенно. Он имеет процесс, методологию. Если вы решаете задачу по математике, надо решать ее поэтапно.

В Индии есть женщина, Шакунтала, которая все еще жива и которая объездила весь мир, почти все университеты, демонстрируя свою интуицию. Она не математик, она даже не очень образованна, она лишь принята в высшее учебное заведение. Даже когда был жив Альберт Эйнштейн, она демонстрировала перед ним свою интуицию. И ее демонстрация была странная. Она сидела перед доской с мелом в руке: ей задавали любой вопрос по математике или по арифметике, и вопрос еще не был закончен, как она уже начинала писать ответ.

Альберт Эйнштейн дал ей удостоверение – это удостоверение она показывала мне, когда я был в Мадрасе, где она живет.

Она показала мне все свои удостоверения, а одно, от Альберта Эйнштейна, гласит: «Я задал этой женщине задачу, на которую, чтобы решить ее, я трачу три часа, так как я должен следовать целому методу; я не могу прыгнуть от вопроса прямо к ответу. Я знаю, что никто не может решить ее за более короткое время, чем могу я, а это – три часа. Другие могут потратить на нее даже шесть часов или более, но я могу решить ее за три часа, потому что я решал ее раньше. Но надо соблюдать весь процесс. Если вы пропустите хотя бы один этап...» Числа были такие большие, что они занимали всю доску, когда она писала ответ. И она начала писать ответ прежде, чем он закончил вопрос.

Он был озадачен, абсолютно озадачен, так как это было невозможно. Он спросил: «Как вы это делаете?»

Она сказала: «Я не знаю, как я это делаю, – это просто происходит. Вы задаете мне вопрос, и перед моими глазами начинают появляться цифры, где-то внутри. Я могу видеть 1, 2, 3, и я просто пишу».

Эта женщина родилась вместе со своей действующей интуицией, но мне было поистине грустно за нее, так как она стала просто зрелищем. Никто не задумался о том, что женщина, которая родилась вместе со своей действующей интуицией, может очень легко стать просветленной. Она стоит лишь на границе; один шаг – и она становится непревзойденной в своем самосознании. Но она не осознает этого, так как это лишь некая причуда природы.

Был еще один мальчик, Шанкаран, который в городе возил рикшу. И был профессор математики, англичанин, который обычно ездил в его рикше в университет. Однажды или дважды случалось так, что он думал над какой-то проблемой, а мальчик просто взглянул на него и сказал: «Вот ответ». Профессор не говорил – он просто думал, – а мальчик тащил рикшу и сказал: «Вот ответ».

Профессор приехал в университет, разработал целую методику и был удивлен, что получил тот же ответ. Когда такое произошло два или три раза, он спросил мальчика: «Как ты это делаешь?»

Он сказал: «Я ничего не делаю. Я просто чувствую вас позади себя, обеспокоенного, и начинают появляться несколько цифр. Я не слишком образован, но цифры я могу понять. Я вижу так много цифр в вашем уме, прямо за собой – целую линию, очередь цифр, – и затем внезапно несколько цифр возникает в

моем уме, поэтому я говорю вам, что это – ответ. Я не знаю, как это происходит».

Шанкаран был послан профессором в Оксфорд, так как он даже превзошел ту женщину, Шакунталу. Вы должны ей задать вопрос, тогда она может писать; а при Шанкаране вам надо было лишь мысленно представить вопрос, а он писал ответ. Его интуиция функционировала более совершенно, он видел ответ, и он видел вопрос – он мог читать ваши мысли. А он был более безграмотным, настолько бедным человеком, что был рикшей.

Он стал настоящим явлением в истории математики, так как многие задачи, которые оставались нерешенными в течение веков, он решил – хотя он не мог сказать, каким образом. Он давал ответ; но как судить, был ли ответ правильным или неправильным? На это ушло много лет. Когда была разработана высшая математика, в его ответах разобрались. Шанкаран был мертв, но его ответы оказались правильными.

Интуиция функционирует квантовым скачком.

Она не имеет методологического процесса, она просто видит вещи.

Она имеет глаза, чтобы видеть.

Она видит вещи, о которых вы никогда не думали как о вещах – например, любовь. Вы никогда не думали о ней как о вещи. Но человек с интуицией может видеть, есть ли в вас любовь или нет, есть ли в вас вера или нет, есть ли в вас сомнение или нет. Он может видеть их, как если бы они были вещами.

В моей религии интуиция занимает самое высокое место.

Вот куда я стараюсь толкнуть вас.

Неочищенное подсознание препятствует вам. Очистите его; а способ очистки должен удовлетворить его, настолько удовлетворить его, что оно начинает говорить вам: «Пожалуйста, остановись! Это – больше, чем мне было надо». Только тогда оставьте его в покое. И при этом ваш интеллект наполняется таким свежим потоком энергии, что превращается в разум. Затем энергия поднимается и открывает двери интуиции. Тогда вы можете видеть вещи, которые невидимы для ваших физических глаз, вещи, которые даже не являются вещами.

Любовь – не вещь, истина – не вещь, вера – не вещь, но они – реальности, они намного более реальны, чем ваши вещи. Но они – реальности только для интуиции, они экзистенциальны. И когда начинает функционировать ваша интуиция, вы поистине впервые стали человеком.

С подсознанием вы – животное.

С сознанием вы больше не животное.

Со сверхсознанием вы – человек.

Я люблю цитировать баульского мистика, Чандидаса, так как этот человек простым утверждением сжато выразил всю мою религию: *Сабар упар манус сатья; Тахар упар нахин* – 'Выше всего – истина человека, а выше этого ничего нет'.

Этот человек, Чандидас, должно быть, был подлинным религиозным человеком. Он отрицает Бога, он отрицает все, что выше цветения человека: *Сабар упар* – 'выше всех, выше всего'; *манус сатья* – 'истина человека'; *тахар упар нахин* – 'и выше этого, где я так долго странствовал, – ничего нет'.

Когда вы достигли своих человеческих потенциальных возможностей в их полном расцвете, вы прибыли домой.

Беседа 5

ОТ СЕКСА ДО ЭКСТАЗА

2 февраля 1985 года

Бхагаван,

Действительно ли такие ценности, как любовь, религиозность, подлинность, счастье, изменяются по мере роста сознания человека?

Движение сознания человека от тьмы к свету, от подсознания к сознанию является величайшим переворотом.

Даже при малейшем движении в сознании все изменяется в человеческой жизни. Все зависит от того, где находится ваше сознание. Но существует нечто, что никогда еще не было исследовано. Если вы заглянете в словарь, то не найдете трех значений слова «любовь»; но они должны быть. Вы не найдете трех значений слова «религиозность»; но они должны быть. Вы не найдете также трех значений слова «счастье»; но они должны быть.

Давайте двигаться шаг за шагом.

Любовь для человека, который живет во тьме своих инстинктов, даже не стоит того, чтобы называться любовью. Она является просто сексом, стратегией природы для постоянного воспроизведения самой себя. Вас используют как средство – это самая ужасная роль. Вы – не хозяин воспроизведения, вы находитесь в руках биологии. И что бы вы ни делали, это также не ваше деяние: своей инстинктивной природой вы вынуждены делать это – здесь нет вариантов, это не ваш выбор. Вы не можете выбирать, – а что касается инстинктов, то вы абсолютно схвачены ими; вы – просто узник.

Но вы продолжаете дурачить себя: вы думаете, что это то, что делаете вы; нет, это то, что делается посредством вас.

В Индии есть притча... В Джагганат Пури, одном из священных мест Индустана – «Джагганат» означает «повелитель мира», – храм в Джагганат Пури является храмом повелителя мира. Благодаря храму вокруг него вырос город, и благодаря храму весь город называется Джагганат Пури.

Каждый год там проходит большой праздник, собираются миллионы людей. Из храма берут статую и возят ее на колеснице

для всеобщего обозрения, ее показывают миллионам собравшихся людей. Колесницу везут прекрасные лошади, двенадцать лошадей, одинакового цвета, ослепительно белые – это цвет повелителя мира. Колесница золотая, огромной ценности.

Однажды случилось – так повествует притча, – что перед колесницей, перед лошадьми стала прогуливаться собака. Итак, когда там находились миллионы людей, кто станет беспокоиться о собаке, которая прогуливается перед колесницей? Люди падали на землю, лежали ничком, чтобы оказать почесть повелителю мира. А собака подумала: «Прекрасно! У меня так много последователей – раньше я не имела об этом понятия. Такое количество учеников... я, должно быть, какой-то великий учитель».

Очевидно, логика простая – там были ученики, и все падали перед ней ниц. Она не знала о повелителе мира, который находился за ней. Даже если бы она попыталась увидеть, то не смогла бы, так как статуя находилась высоко на колеснице и там были двенадцать лошадей. Для собаки было невозможно обнаружить, кому... и люди почти касались ее лап. А когда кому-то миллионы людей оказывают почесть таким способом, то мысль о том, что эту почесть оказывают кому-то другому, кто находится сзади, – противоречит эго. А очевидность настолько ясна, любой может это видеть.

Именно такова ситуация с человеком, коль скоро речь идет о биологии. Колесница биологии находится позади вас, везущая повелителя природы, а вы думаете, что все происходит благодаря вам. Необходимо немного бдительности, и вы сможете увидеть, что к вам это не имеет никакого отношения. Природа хочет исполнить себя – вы же используетесь как средство.

Антагонизм религии к сексу на девяносто девять процентов состоит из глупости, но есть один процент истины, который я не могу отрицать. Но я никогда не говорил вам об этом одном проценте истины, так как есть опасность, что этот один процент истины может обмануть вас и вы забудете те девяносто девять процентов, которые не соответствуют истине. Поэтому я втолковываю вам о девяноста девяти процентах. Но, чтобы закончить свой мысленный образ... остались последние мазки этого мысленного образа, поэтому я не могу ничего упустить.

Данный один процент истины очень важен; в действительности из-за этого одного процента все религии стали антисексуальными.

А истина в том, что секс делает человека дураком, он дает ему мысль о том, что человек – его хозяин, в то время как человек является всего лишь его рабом. А это рабство должно быть уничтожено – человек должен быть вытащен из этой ямы. Но если он думает, что эта яма – дворец, тогда можете не вытаскивать его. Вы не сможете даже убедить его вылезти оттуда; таким образом, все религии порицают секс.

Но они переусердствовали и из-за одного процента забыли об опасности девяноста девяти процентов. Это можно было бы сделать легко, не рискуя девяноста девятью процентами лживости. Но они видели опасность того, что человек является просто средством, а это – самое низкое положение; вы – просто средство, а не цель. Вы используетесь какой-то неизвестной силой, о которой не имеете понятия. А своим умом вы продолжаете думать, что все эти люди, павшие ниц, преклоняются перед вами.

Человек, живущий лишь на уровне инстинкта, имеет галлюцинацию любви. Эта галлюцинация создана природой, биологией, химией. У вас в теле есть наркотики, которые реализуются, когда вы занимаетесь любовью, и вы начинаете впадать в эйфорию. Это одна из причин, почему люди, которые стали привержены к наркотикам, мало-помалу перестают интересоваться сексом.

Хиппи и йиппи и люди подобного типа, когда они стали слишком интересоваться наркотиками, полностью потеряли интерес к сексу, так как теперь они нашли лучший способ впадения в эйфорическое состояние. Теперь им казалось, что секс нельзя даже сравнивать с этим. Все это может дать вам ключ к пониманию, что оба эти явления – наркотики.

Природа использовала этот наркотик в весьма ничтожных количествах; до сих пор ей больше и не требовалось. Возможно, природе надо будет опять подумать – найти наркотики получше, создать более совершенную химию, довести ее уровень до современного состояния; пока же она остается далеко позади. Человеческий ум создал настолько превосходные вещи, подобные ЛСД, что такой человек, как Олдос Хаксли, полагал, что ЛСД дает вам самадхи – что это действительно то, о чем говорили Кабир, и Будда, и Руми, и все мистики мира. Но, чтобы достигнуть такого состояния, у них были свои методы.

В настоящее время наука дала нам очень современные наркотики, теперь нет необходимости в йоге, и в тантре, и в других вещах – лишь сделайте инъекцию. Вы сами делаете себе инъекцию, даже не надо, чтобы кто-то другой делал ее вам. И вот

часами вы находитесь в эйфорическом состоянии, которое, конечно, превосходнее того, что вы называете оргазмом, потому что оргазм настолько скоротечен, что вызывает лишь еще большее желание; он никогда не дает вам удовлетворения.

Второй симптом того, что секс – это наркотик, заключается в том, что он обладает силой привыкания: люди привыкают к сексу. А особенностью всякого привыкания является то, что если у вас есть наркотик, то это ничего, нормально; если же его у вас нет, то вам его недостает. Вы никогда не думаете о том, чего вам недостает, так как когда это у вас есть, то все нормально. Каждый раз, когда это есть у вас, вы чувствуете, что усилия напрасны, ничего из этого не выйдет. Вы не шагаете ни на один дюйм в своем развитии. Вы лишь на мгновение взлетаете в воздух и с глухим звуком ударяетесь о землю.

Вот, почему людям не нравится заниматься любовью публично; другой причины нет. Причина в том, что никто не хочет выглядеть очень глупым. В настоящее время в Калифорнии, которая является самым современным глупым местом во всем мире, имеются отели для любителей подглядывать в замочную скважину – вы должны платить за это. В отеле двое дураков занимаются любовью, а многие другие сидят в своих комнатах, наблюдают и получают удовольствие от того, что эти двое дураков получают удовольствие. Люди получают удовольствие от того, как эта парочка делает из себя дураков. Люди платят за это, но те двое не знают об этом; они также заплатили.

Один человек в первый день своего пребывания в таком отеле находился в комнате, а выйдя из комнаты, обнаружил много веселых людей. Он спросил их: «В чем дело?»

Они сказали: «Было такое прекрасное представление!»

«Какое представление?» – спросил он.

Они сказали: «Вы не знаете? Приходите завтра – это стоит посмотреть». Этот человек был таким идиотом и занимался такими идиотскими вещами, на это стоило посмотреть. На следующий день этот человек пришел с этими же друзьями. Теперь он находился за стеной – и он узнал, в чем было дело: в предыдущий день он находился в комнате, а все эти люди получали удовольствие, видя его. Было ловко устроено – теперь *он* получал удовольствие, видя других!

Все культуры в мире тем или иным способом имеют запреты на занятие любовью в общественных местах по той простой причине, что если вы хотите быть идиотом, то, по крайней мере, ищите для этого уединенные места. Не нужно делать из себя

бесплатное публичное представление. Соберется толпа и будет получать удовольствие. Никто не сможет пройти мимо этого места, все остановятся там. И они знают, что все они делают точно такие же вещи. Но это бессознательное состояние.

Любовь на уровне инстинкта, – который является самым низким уровнем, – это только мечта, созданная природой для того, чтобы вы могли пройти через эту трудную работу занятий любовью. Если ее не окружает эйфория, то вы откажетесь от нее: «Я не собираюсь делать из себя дурака». Природа же предоставила вам определенный соблазн.

Поэтому в бессознательном состоянии, где функционирует инстинкт, любовь – только название. Она ничего не значит, она означает лишь игру... так как если подойти к женщине и спросить ее: «Вы готовы отправиться со мной в постель?», то это выглядит так неожиданно и негуманно, что даже если она и хотела пойти с вами, то обязательно даст вам пощечину. Вместо того, чтобы переспать с вами, она тут же даст вам пощечину.

Нет, вы должны следовать определенной процедуре – эту процедуру вы называете любовью. Это не значит, что вы делаете это умышленно, чтобы обмануть женщину, нет: вы сами настолько же обмануты, насколько и она обманута теми же самыми биологическими силами. Эта же самая сила заставляет вас говорить ей прекрасные вещи, то, что называется «милыми глупостями», которые вы нашептываете ей на ушко. Та же самая сила управляет всем и с другой стороны, поэтому-то она верит вам. Что бы вы ей ни говорили – даже если женщина самая некрасивая, какую вы когда-либо видели, – если вы говорите ей: «Вы, возможно, самая красивая женщина в мире, как Клеопатра», она поверит вам! И вы говорите это не для того, чтобы обмануть ее, как-то сбить ее с толку; в этот момент вы действительно искренни.

Один из моих друзей, очень богатый человек, который подарил мне почти все... Он считал своим долгом, чтобы никто не мог сделать подарок раньше его, поэтому все, что мне было нужно или могло быть нужно в любое время, он ухитрялся подарить мне – вещи, которые я никогда не использовал. Я спросил его: «Что мне делать со всем этим?»

Он сказал: «Суть не в этом. Суть в том, что никто ничего тебе не подарит раньше меня. Позднее тебе могут продолжать дарить вещи – и миллионы людей будут дарить тебе вещи от всего сердца, – но они всегда будут делать это после меня. Никто другой не может быть первым».

А я очень сопротивлялся, так как если я не собирался использовать что-либо, если подарки были бесполезны для меня, то получалось так, что он без необходимости тратит деньги. А он был таким особенным и таким взыскательным, что только самое лучшее приносило ему удовлетворение. Если я что-то не принимал, то он находил способы, чтобы как-то тайно принести вещь в мой дом. Однажды, когда я уезжал, – я обычно останавливался у него по крайней мере на три дня каждый год; это было обязательством. Итак, на три дня я обычно останавливался у него каждый год, а когда я уезжал, он сказал мне то, что никогда не говорил раньше: «Только будь немного повнимательнее к своему чемодану».

Я сказал: «Я приезжал так много раз, и так много раз ты приходил к поезду сказать мне на прощание "до свидания", но ты никогда не говорил мне: "Будь внимателен к чемодану". Что случилось?»

Он сказал: «Ничего не случилось» – и дал мне ключ.

Я сказал: «Странно – зачем ты держишь ключ? Если бы он остался у тебя, то у меня были бы неприятности». А путешествие от его дома до Джабалпура занимало тридцать шесть часов.

Он сказал: «Нет, я не забуду о нем».

Как только поезд отправился, первое, что я сделал, – открыл чемодан: в чем дело? Чемодан был полон купюр в сто рупий. Я подумал: «Боже мой! Что он наделал?» И там был конверт с узкой полоской бумаги: «Это для нового автомобиля Фиат. Немедленно купи его. И не смей говорить мне "нет", так как обидишь меня на всю жизнь».

Я сказал: «Странно. Я постоянно путешествую – в лучшем случае я остаюсь в Джабалпуре только на пять-семь дней в месяц, и то не каждый месяц. А он, конечно, обидится». И как только я прибыл домой, сразу же зазвонил телефон. Он сказал: «Вначале ты должен сделать следующие вещи. Я уже все устроил. Я имел контакт с компанией Фиат в Джабалпуре – и автомобиль там подготовлен. Возьми лишь чемодан и прими доставленный автомобиль».

Я сказал: «Ты ничего не оставляешь мне делать!» Автомобиль уже стоял там, и человек сказал: «Мы ждали вас».

Я сказал: «Что же делать? Поезд опоздал на два часа». А мой друг, должно быть, звонил согласно расписанию поезда. В Индии говорят, что расписание публикуется для того, чтобы знать, на сколько опоздает поезд; иначе как вы определите, на сколько опаздывает поезд? Расписание – абсолютная необходимость.

Только однажды случилось так, что я сел в вагон в точное время по расписанию. Я пошел к кондуктору и поблагодарил его. Я сказал: «Это чудо».

Он сказал: «Это не чудо. Вы не знаете – это *вчерашний* поезд! Мы опоздали на двадцать четыре часа, мы идем не по расписанию».

Я сказал человеку в гараже: «Что же я мог поделать? Поезд опоздал, поэтому два часа...»

Он сказал: «Ваш друг был очень аккуратен во всем; в автомобиле должно быть радио». И он позаботился обо всем, страхование... И он попросил владельца гаража устроить для меня разрешение, чтобы автомобиль можно было парковать у моего дома. Он вручил мне отличный магнитофон, отличную камеру – все, что он мог найти там, он немедленно принес мне.

Этот человек был редкостный во многом. Он был скупой – такой скупой, что нищие просто обходили его дом. Если какой-нибудь нищий и стоял там, другие нищие думали: «Похоже, что он новичок – стоять перед домом Рекчанда Парекха, попрошайничая!» Он никогда в своей жизни ни одному учреждению не дарил деньги, никогда не подал нищему ни одного пайса.

Его жена привела меня, чтобы представить своему мужу, так как она сказала: «Он такой скупой, а у него столько денег; и у нас только три дочери, которые замужем и имеют богатые дома, так что проблем у нас нет. А сына у нас нет, никого не останется после нас, он же все продолжает копить – даже я не знаю, сколько у него денег».

Они жили в Чанде, в Махараштре. Она сказала: «Он скупил почти одну треть всех домов в городе – похоже, он собирается купить весь город. А его единственной радостью, похоже, является накопление денег. Я приводила много джайнских монахов – они ведь были джайнами и были сторонниками Ганди, – я приводила много великих учеников Ганди, думая, что, может быть, кто-нибудь изменит его помыслы. Но он очень прямолинеен и никому не дает возможности даже прикоснуться к нему».

Поэтому я сказал: «Хорошо, я приду. Я ничего не могу гарантировать; я не знаю, какого он типа, но он привлекает меня».

Он должен был прийти на станцию, чтобы встретить меня. Когда мы ехали к нему домой – он вел автомобиль, – я сказал ему: «Я должен сообщить вам одну вещь: ваша жена пригласила меня сюда, чтобы я убедил вас не быть таким скупым; я приехал сюда, чтобы познакомиться с вами, так как вы привлекли меня.

Вы редкостный человек! Вы никогда в жизни не подали нищему, никогда не подарили ни одного пайса?»

Он сказал: «Никогда, потому что я жду человека, который был бы достоин того, чтобы отдать ему *все*».

Когда мы прибыли к нему домой, его жена была удивлена, так как никогда раньше он не приводил в свою гостиную ни одного святого, которых она доставляла. И он сказал слугам, что я остановлюсь в его доме для гостей, в его гостиной, что я буду находиться там: «И скажите моей жене, что ей не надо беспокоиться об этом человеке». Его жена была растеряна: что случилось?

Внезапная синхронность... он сказал мне не слово «синхронность», он никогда и не слышал его, но он сказал мне: «Странно, в тот момент, когда я увидел вас, я почувствовал: "Это тот самый человек"». И даже после того, как мы знаем друг друга в течение двадцати лет, он не задал мне ни одного вопроса – ни вопроса, ни сомнения, ни спора, – что бы я ни говорил, все для него было истиной.

Я задал его жене только один вопрос. В первый раз после трехдневного пребывания там я спросил его жену: «Ваш муж интересуется сексом или нет?»

Она сказала: «Совсем не интересуется, и не потому, что он подавляет его; он просто покончил с ним. И теперь вы можете видеть, какой он странный человек. Он сказал мне: "Если ты не покончила с сексом, то ты свободна; можешь заниматься сексом с кем угодно. Я покончил с ним"».

В тот момент, когда человек покончил с сексом как с инстинктом, который заставляет его что-то делать, он определенным образом становится хозяином самого себя и начинает обладать проницательностью, видением, которыми бессознательный, инстинктивный человек не способен обладать.

Лишь взглянув на меня – не было сказано ни единого слова, – он сказал: «Я нашел личность». И с тех пор, когда бы мне ни понадобилось любое количество денег для себя или для кого-нибудь другого, я должен был лишь сообщить ему: «Дайте этому человеку много денег».

Он никогда не спрашивал: «Кто этот человек и почему ему надо так много денег?» Он просто давал их мне. Его жена была шокирована. Она не могла поверить, что этот скупой человек... как неожиданно он стал совершенно противоположным.

Я сказал ей: «Нет проблемы. Он не скупой – вы заблуждались. Он никогда не хотел давать деньги людям, которые не

заслуживают этого. А когда мы ехали со станции к вам домой, он сказал: ''Я нашел вас; теперь все, что я имею, принадлежит вам. Вы можете делать с моим имуществом все, что хотите''. Он – не скупой человек, вы заблуждались. Трудно найти такого человека, настолько великодушного». Но откуда шло его великодушие? Его великодушие шло от того, что он был настоящим хозяином самого себя.

Инстинктивный человек цепляется за все: за секс, за деньги, за власть – за все.

Я спросил его: «Почему вы продолжаете скупать все дома?»

Он сказал: «Может быть, когда-нибудь вы захотите иметь коммуну – тогда откуда я вдруг достану для вас коммуну? А к тому времени я приобрету весь город. Я знаю, что вам понадобится некоторое время перед тем, как у вас возникнет необходимость расположиться в каком-то месте – я подготавливаю для вас место». Итак, никто не подумал бы, что он приобретал дома для... даже перед тем, как он узнал меня, он скупал дома для кого-нибудь, кто войдет в его жизнь, кому когда-нибудь понадобится весь город.

И много раз случалось... он, бывало, отправлялся со мной в путешествие. Кто-нибудь мог подумать, что он был скупец, так как он был настолько богатым, настолько сверхбогатым человеком, но всегда он путешествовал только третьим классом пассажирского поезда. Никогда не экспрессами, не почтовыми поездами, нет; никогда не первым классом с кондиционером – об этом даже не было и речи. Но когда бы он ни путешествовал со мной, он говорил: «Вы можете ехать первым классом с кондиционером; я поеду в третьем классе».

Однажды я спросил: «Почему вы настаиваете на том, чтобы путешествовать третьим классом?»

Он сказал: «У меня свои собственные идеи. Люди думают, что я скупец, – меня же вообще не интересуют деньги. Что я буду делать с деньгами? Скоро я умру, а все эти деньги будут лежать здесь. Но путешествовать третьим классом – это переживание: толпа, люди, сплетни и вещи, которые постоянно случаются в третьем классе поезда индийской железной дороги...» Он объездил всю Индию, и на каждой станции у него были друзья; он даже называл кули по именам. И он знал каждое место, где можно было достать самое лучшее молоко, где можно было достать

самый лучший чай, где можно было достать самые лучшие сладости.

Он сказал: «На экспрессе, на почтовом поезде все это невозможно, так как они останавливаются только на нескольких станциях, а я хочу, чтобы были остановки на каждой станции, поскольку на каждой станции у меня друзья и у меня там есть дела. Пассажирский поезд стоит дольше на каждой станции. Если проходят другие поезда, то пассажирский поезд будет ждать; ни один другой поезд не будет ждать, поэтому у вас всегда есть время. А все эти начальники станций – мои друзья, кондукторы – мои друзья, машинисты – мои друзья, так как я всех их зову, когда знаю, что на станции есть самые лучшие сладости. Поэтому они говорят мне: ''Парекх, получайте удовольствие! Пока вы не сядете на поезд, он не тронется''».

И он сказал: «Мне нравится быть хозяином больше, чем слугой, – не потому что они свистнут, а вы бежите – нет».

Его довод был следующим: «Я хочу быть хозяином. Когда я сажусь на поезд, дают свисток, машут флажком, и все идет своим чередом, но вначале они должны увидеть, что Парекх сел на поезд».

Он был стариком – мне же было тридцать пять лет, а ему в то время было пятьдесят, но он брал меня с собой на станцию и говорил: «Давай выйдем. Здесь прекрасные манговые деревья».

Я говорил: «Там поезд – мы намереваемся собирать манго? А если мы опоздаем на поезд... у меня назначено свидание».

Он говорил: «Не волнуйтесь. Пока я не сяду на поезд, поезд останется на станции. Можете залезать на дерево. Я тоже залезу, мы залезем на дерево и сорвем манго».

Однажды произошло следующее: мы собирали манго, и Парекх сказал мне: «Взгляните наверх», а там был какой-то человек. Он сказал: «Это машинист. Он знает, что я приду собирать манго, поэтому поезд должен стоять. Поэтому зачем терять время? Сорвите несколько плодов манго; эти манго действительно сладкие! Кондуктор тоже где-нибудь здесь, на другом дереве... Все под моим контролем».

У этого человека не было инстинктивной силы. Он никоим образом не интересовался какой-то особенной пищей; ему нравилась любая пища, ему нравились все виды одежды. В действительности он настолько не интересовался тем, что что-нибудь

произойдет – никакой особенной симпатии, антипатии. Но он был человеком, полным любви.

Однажды в городе Биаваре, в Раджастане, он был со мной, а у меня была лихорадка. Всю ночь он оставался рядом со мной. Я сказал ему: «Парекх, идите спать. Из-за вас *я* не могу заснуть!»

Он сказал: «Это касается тебя – это твоя проблема. Я же не говорю тебе: ''Не засыпай'', я стараюсь помочь тебе заснуть. Что касается меня, то я не могу спать, зная, что у тебя лихорадка. Ночью у тебя может возникнуть приступ лихорадки, а я засну. Это недопустимо».

И действительно, так и случилось: ночью возник приступ лихорадки, в два часа ночи температура у меня поднялась до сорока градусов. Он сказал: «Ты видишь, какая температура? Ты даже не разбудил меня».

Я сказал: «Это правда».

Он вызвал врача и сказал мне: «Сейчас не время, чтобы ты испустил дух. Если ты сможешь сделать некоторые приготовления, тогда я смогу испустить дух, а ты останешься в живых – ведь тебе многое предстоит сделать, а мне делать нечего». Эта любовь совершенно другого типа – забота, дружелюбие.

Инстинктивная любовь в любой момент может перерасти в ненависть. Человек, который был готов умереть за вас, может убить вас. Женщина, которая была так заботлива по отношению к вам, была такой любящей по отношению к вам, может отравить вас; буквально она может отравить вас. Любовь, если она инстинктивна, – не в ваших руках; вы – лишь раб. Бессознательное очень легко превращается в свою противоположность, и вы ничего не можете поделать с этим.

Но когда любовь доходит до уровня сознания, – то есть когда она доходит до уровня интеллекта, а не инстинкта, – тогда она имеет другой оттенок. Тогда она не имеет биологической цели.

Какую биологическую цель может иметь музыка? Какую биологическую цель может иметь поэзия? или живопись? или философия? А Сократ готов умереть за свою философию. Похоже, что есть потрясающая любовная связь с его собственной системой, которую он создал. Он отлично знает, что его смерть не уничтожит его философию, но если он пойдет на компромисс лишь для того, чтобы продолжать жить, то это может разрушить всю его философию. Тот самый компромисс, – так как это было одно из его учений: никогда не вступайте в компромисс.

Истина есть истина, а ложь есть ложь.

И возможности для компромисса нет.

Совсем недавно я получил очень приятное, великолепное, нежное письмо от Совета священников, епископов, христианских теологов. У них есть определенный Совет в Америке, и они написали, что обсуждали меня два-три года – читали, обсуждали. Я стал центром их обсуждений. Они пригласили меня приехать, и они обо всем позаботятся; они хотят обменяться со мной мыслями. Вот, где беда.

Все письмо великолепное. И в этом также – они неосознанно написали что-то грубое, они – не здравомыслящие люди. Обмен мыслями не является чем-то плохим, но они не знают, что со мною обмениваться мыслями невозможно; я не занимаюсь этим бизнесом. Если вы знаете, то я не буду беспокоиться. Если вы не знаете, то как будет происходить обмен мыслями? Что дадите вы мне в этом обмене? Вы или знаете, или не знаете; третьего не дано. Вы не можете сказать: «Немножко я знаю», так как истина не может быть разделена на фрагменты.

Вы не можете знать истину немножко; или вы знаете ее, всю ее, или вы не знаете ее, всю ее. Поэтому какой обмен?

Итак, я могу показаться вам грубым. Я не готов для какого-либо обмена, так как, что касается меня, я не нуждаюсь ни в чьих идеях. Так трудно избавиться от них, а теперь снова обмениваться... У меня ушел двадцать один год на то, чтобы избавиться от чужих идей. Мне не интересно. Даже если Бог пригласит меня для обмена идеями – ничего не могу поделать! Вы можете иметь свои собственные идеи, а у меня нет никаких идей, чтобы дать их вам.

Я могу поделиться своими мыслями, но это не будет интеллектуальным обсуждением. Это будет общением разумов, но к этому этот Совет не может быть готов. Они ведь уже решили, что является правильным, кто является мессией. Они уже решили, что Бог существует. Так что же теперь остается для обмена?

У вас есть своя теология, уже решенная другими, не вами. Вы одолжили ее, и теперь вы чувствуете себя смущенными из-за моих идей. Если мои идеи так смущают вас, то это достаточное доказательство того, что вы не знаете, что такое истина; иначе, какой смысл вести обсуждения в течение трех лет? Кто я такой? Я не обсуждал тех ребят даже в течение и трех дней, не говоря уж о трех годах. А они, должно быть, написали великие теологические книги...

Возможности обмена нет; но на инстинктивном уровне все является обменом. Вы даете что-то, вы берете что-то – и

прилагаются все усилия, чтобы взять больше, чем дать. В этом вся трудность всех супружеских пар в мире. Жена продолжает говорить: «Я люблю тебя, а ты меня не любишь». Муж говорит: «Как мне тебе доказать? Я люблю тебя». Но ни один не может убедить другого.

Дело не в убеждении. Но почему возникает вопрос: «Ты любишь меня меньше» или «Я люблю тебя больше»? На инстинктивном уровне любовь – количество. Вы можете измерить ее – сколько килограммов вы отдаете и сколько килограммов вы получаете обратно, в обмен. И вы можете увидеть, кто в проигрыше. Это деловая сделка. И люди постоянно ссорятся и стараются урвать друг от друга как можно больше.

Но когда любовь идет к уровню осознанности, когда она лишена биологического рабства, когда она свободна от биологии... это не значит, что вы не можете заниматься любовью с кем-нибудь. Вы можете заниматься любовью с кем угодно, но теперь любовь будет иметь совершенно иное свойство. Она никоим образом не будет находиться в зависимости, находиться под давлением природы. Она будет исходить из вашей свободы; вы можете делиться ею.

Правильным словом, которое надо применить, будет... это будет просто слово «игривость». Да, вы можете играть с чьим-то телом. Вам нравится это тело, вы наслаждаетесь этим телом, вы наслаждаетесь теплом этого тела, вы наслаждаетесь очертаниями этого тела. Вы можете быть игривыми, и здесь нет бизнеса.

Фактически, вот почему – наряду со многими другими причинами, это также одна из причин – я выступаю в защиту методов контроля деторождения, в то время как все религии против них. Вы будете удивлены, узнав о том, что происходит в умах пап, *шанкарачарьев,* имамов, раввинов. Вы не могли и думать о том, что, возможно, они даже не осознают себя, но я хочу, чтобы это было ясно вам и им. Вот факт, который постоянно стоит в умах религиозных людей:

Если методы контроля деторождения станут распространяться больше, тогда секс станет игривостью.

Тогда вы не сможете назвать его грехом.

В этом ничего нет, нет никакого греха. Два человека, наслаждающиеся теплом друг друга, – в этом нет проблемы. Они не могут порицать секс, они не могут порицать вас за то, что вы – в кабале, что вы – раб. Они не могут сказать вам: «Вы – лишь средство в руках биологии», так как методы контроля деторождения делают вас способными, даже если вы не осознаете этого,

они делают вас способными превратить секс в игривость; а это опасно. Вся их теология разрушится, так как ни в одном священном писании не было и мысли о том, что появятся методы контроля деторождения.

Они были счастливы с сексуальным рабством, так как тогда они могли порицать его, а вы не могли спорить – так ясно, что это рабство, а никто не хочет быть рабом, поэтому подавляйте его, избавляйтесь от него. Но дилемма состоит в том, что чем больше вы подавляете его, чем больше вы стараетесь уйти от него, тем больше вы оказываетесь вовлеченными в него. Только посредством игривости есть возможность когда-нибудь внезапно выбраться из него, поскольку тогда секс больше не является серьезным бизнесом.

Вы должны помнить основное: если вы с чем-то боретесь, то вы должны оставаться на том же уровне; иначе, как вы сможете продолжать борьбу? Если вы боретесь с сексом, то тогда вы не можете выйти за пределы своего инстинктивного уровня – это невозможно, – поскольку, кто тогда будет бороться? Если вы начнете двигаться вверх, то все те волки в вашем подсознании, с которыми вы боретесь, убегут как одержимые. Вы не можете оставить то место, вы должны постоянно быть там, сражаясь, подавляя. Возможно ли преобразование для человека, который борется со своей собственной природой? Это невозможно.

Примите это как категорический принцип; для него нет исключения. С кем бы вы ни сражались, вы должны оставаться с тем человеком, в том состоянии, в том пространстве. Но если вы игривы, то это совершенно другая вещь. Если вы на фронте, на войне, вы не можете сказать солдатам, находящимся по другую сторону: «Сейчас я чувствую себя уставшим; мы сейчас пойдем домой, а завтра продолжим». Вы не можете так сказать. Если вы повернетесь к ним спиной, тогда тот парень сразу же выстрелит в вас и покончит со всей вашей усталостью.

На фронте вы не можете так сделать, но если вы с кем-то играете, играете в карты, вы можете сказать: «Сейчас я устал. Мы начнем завтра; мы можем даже начать с того места, на котором остановились». Здесь нет проблемы, это только игра.

Пусть ваш мир инстинктов станет игривостью...

И этого боятся все священники в мире. Они постоянно порицают меня по той простой причине, что я даю вам шанс вырваться из тисков вашего инстинкта. Но это также и тиски священника; это также тиски человека, занимающегося порнографией.

Если вы сойдете с уровня инстинктов, то вы освободитесь от священника, папы и человека, занимающегося порнографией. Человек, занимающийся порнографией, и священник используют одну и ту же методологию. И они – партнеры, знают они это или нет, они в одном и том же бизнесе.

Вы будете удивлены, когда узнаете, что в племенах аборигенов вы никого не сможете заинтересовать обнаженностью, порнографической картинкой. Вы никого не можете заинтересовать. Я жил в Бастаре и приезжал туда снова и снова... так как в Индии осталось несколько племен, которым пять тысяч лет. И они не шли в ногу со временем; они остановились. Поэтому хорошо, когда окунаешься в историю в пять тысяч лет; другого способа нет, чтобы окунуться в историю, вернуться назад во времени.

Но в Бастаре нет двадцатого века. Вы можете прикоснуться к груди женщины и спросить: «Что это?», и она скажет: «Вы не знаете? Это груди, чтобы дети могли пить молоко». Она не оскорблена тем, что вы прикоснулись к ее грудям. Она просто удивлена, что вы не знаете такой простой вещи.

Они почти голые. Они заворачиваются в материю, лишь когда отправляются в города, спускаются со своих холмов, выходят из своих лесов; в других случаях они все голые. Как можно аборигена из Бастара заинтересовать журналом *Плейбой* или *Штерном?* Он просто удивится: «Что это такое?»

Это подобно журналу о фруктах, который рекламирует помидоры, наполовину завернутые в обертку, плотно завернутые. Человек, который выращивает помидоры, будет просто удивлен: «Эти люди сумасшедшие? Если вы рекламируете помидоры, тогда рекламируйте помидоры, но для чего эти странные обертки, в которые завернуты помидоры?»

Эти люди, занимающиеся порнографией, используют то, что раньше делал священник. Священник – главный партнер, возможно, главный владелец акций. Он подавляет секс; он заставляет людей интересоваться сексом сверх всякого разума – он заставляет их быть неразумными относительно секса. Затем приходит человек, занимающийся порнографией, и естественно, подавленная личность хотела бы, по крайней мере, посмотреть фотографии. Ему не разрешено видеть живые человеческие существа, это грех. По крайне мере, *Библия* не говорила: «Прокляты те, кто будет смотреть порнографию. Они унаследуют царство ада». Я думаю, что человек, занимающийся порнографией, будет необходим также и в раю, так как все ваши монахи

умрут... Они, наверное, уже нашли способ тайно проникнуть в *Плейбой, Штерн* и во все третьесортные журналы, поступающие со всего мира.

Вы, может быть, даже будете удивлены, обнаружив Бога, заглядывающего в журнал *Плейбой,* поскольку Он – настоящий источник всего этого бизнеса. И это естественно, так как у Него нет даже подружки, – что же говорить о жене, у него нет даже подружки. Вместо подружки он имеет Святого Духа. Только подумайте о себе со Святым Духом в качестве подружки; вы предпочли бы жить в одиночестве. Вы попросили бы Святого Духа: «Оставь меня в покое, иди куда-нибудь еще».

Священник создает основу бизнеса: подавление.

Затем человек, занимающийся порнографией, использует подавление.

Я полностью разрушаю их бизнес.

Шила информировала меня из Дели – она брала с собой нашу самую последнюю публикацию, *То Самое Место, Лотосовый Рай,* чтобы показать людям, – о том, что один министр, министр финансов Индии, приехал повидать ее. Она показала ему книгу. К.Д. был с ней, и К.Д. не мог поверить, что делает этот человек... поскольку в *Лотосовом Раю* у нас есть несколько иллюстраций нашего института природы: обнаженные женщины, прогуливающиеся около озера, или массажирующие друг друга, или просто сидящие и дающие интервью.

Шила сидела впереди, поэтому она не могла видеть, но К.Д. был рядом, поэтому он был поражен, когда увидел, как тот человек прикасался к нижней части девушки, изображенной на фотографии! И эти люди находятся у власти.

Он один из тех людей, которые создавали всевозможные препятствия нашей коммуне в Пуне и все еще продолжают их создавать. В парламенте он выступал против меня. В парламенте этот человек сказал, что очень хорошо, что я покинул страну, так как «этот человек был опасен; он проповедовал секс, как если бы он делал что-то религиозное».

Итак, этот человек просто безумный. Но кто свел его с ума? Картинка – это лишь отпечатанная бумага. Там нет никаких ягодиц или чего-то в этом роде, но он пытается потрогать ягодицы и ощутить их. И К.Д. видел такое сальное выражение на его лице – как если бы этот человек готов был изнасиловать женщину, если бы у него была такая возможность. Он может изнасиловать даже картинку! Если он способен прикасаться к ягодицам, изображенным на картинке, неужели вы не можете

представить его насилующим картинку обнаженной женщины? Он способен на это.

Вот что священники сделали для мира.

Теперь все эти люди превратились в покупателей порнографии.

А наша картинка в этой книге даже не порнографическая, поскольку сама по себе картинка с обнаженным телом не является порнографией. Обнаженный ребенок – вы можете назвать его порнографическим? Обнаженный Махавира – вы можете назвать его порнографическим? Тогда все храмы джайнов в Индии порнографические. Но нет – если вы пойдете и увидите статую Махавиры, стоящего обнаженным, вы не сможете сказать, что это – порнография. Там вообще нет порнографии; он просто голый, но он не демонстрирует свою наготу; он не старается развратить ваш ум и отравить вас. Он не старается привлечь вас сексуально – и действительно, глядя на статую обнаженного Махавиры, вы никогда не почувствуете сексуального возбуждения.

У него прекрасное тело, очень пропорциональное, но даже невозможно и подумать о порнографии. Там дети, там женщины, там мужчины, и нет никаких вопросов...

Порнография нуждается в чем-то большем. Она – не просто обнаженное тело.

Необходимо поставить тело в такое положение, в такую позу, представить в такой одежде, чтобы все это распалило ваше воображение. Просто обнаженное тело не может распалить ваше воображение. На самом деле оно останавливает его; куда ему податься? Обнаженная женщина стоит перед вами; что с ней делать? Как долго вы можете смотреть на обнаженную женщину или на обнаженного мужчину? Вскоре вы скажете: «Дерьмо! Я иду домой. Какая чепуха!»

Но искусство человека, занимающегося порнографией, состоит в том, чтобы сделать женщину достаточно обнаженной и чтобы она привлекала вас и была достаточно скрытой под одеждой, чтобы позволить вашему воображению догадываться о том, что спрятано и что скрыто. Настоящее искусство порнографии заключается в равновесии: тело не должно быть слишком обнажено, иначе вскоре вам станет скучно; оно должно быть не слишком скрыто одеждой, иначе вскоре вам станет скучно. Оно должно быть спрятано под одеждой таким образом, чтобы ваше воображение начало работать так, чтобы вы могли закрыть глаза и могли бы созерцать то, что спрятано. А в таком созерцании вы

можете представить тело таким красивым, каким пожелаете, – это *ваше* воображение.

Все религии порнографичны в том смысле, что они являются партнерами в одном и том же бизнесе, они – основные держатели акций. Они создают ситуацию, благоприятную для эксплуатации. Но они боятся, так как если вы освободитесь от сексуального инстинкта и других менее значительных инстинктов, если вы будете свободны от них, то это будет самоубийством для них.

По мере того, как вы подходите к уровню интеллекта... а единственный путь дойти до уровня интеллекта и сознания, как я говорил вам, – не подавлять, а игриво и несерьезно наслаждаться всем тем, что дала вам природа. И вскоре вы будете находиться вне этого; вы не можете продолжать играть с этим всю свою жизнь.

Это подобно игрушечным медвежатам. Есть немногие люди, которым даже во взрослой жизни так или иначе нужны игрушки, игрушечные медвежата, – даже очень важные люди.

Я встретил одного очень важного святого, Шивананду. У него было много последователей в Америке и по всему миру; считали, что он один из величайших живых йогов. Он был подобен слону, а не человеку. Его руки были такие тяжелые, что он даже не мог поднять их. Нужны были два человека, чтобы держать его руки, когда он вставал; настолько руки были тяжелые, толстые. Когда я увидел его, то сказал: «Боже мой! Этот человек – йог?»

Но вот что случилось – он подавил инстинкт, когда был молод. Его учитель постоянно заставлял его поститься и поститься, поэтому он постился, морил себя голодом. Когда учитель умер и он стал его преемником, то, естественно, первое, что он сделал – всякий может представить себе это, – он стал есть столько, сколько мог. Все эти годы голодания необходимо было компенсировать. Его тело было безобразнейшим, он не мог даже нести свой собственный вес.

И этот человек говорил о том, что необходимо становиться бесстрашным, так как страх вынуждает вас поклоняться ложным Богам; а без страха вы начинаете поклоняться всему. Йога не верит даже в Бога. Это одна из прелестей йоги – то, что она очень научна.

Йоги никогда не упоминают тот факт, что йога не верит в Бога. Они просто игнорируют это утверждение или скрывают его в комментариях и так далее и тому подобное; но это утверждение

понятное. То, что говорю я, говорит йога. Йога говорит, что Бог – это гипотеза. Нет необходимости верить в него, нет необходимости не верить в него; он – просто гипотеза. Она может быть использована для определенных целей. Но Бог – не какая-то существующая вещь.

Это подобно тому, как если бы я не хотел, чтобы ребенок выходил из дома; ребенок не послушается, поэтому я говорю: «Подожди, там – привидение. А теперь, если хочешь идти, иди». Теперь ребенок будет сидеть рядом со мной. Я скажу: «Выходи, привидение ждет». Итак, привидение – это гипотеза, но она имеет функцию. Йога говорит, что Бог может быть использован на практике как гипотеза для определенных целей. Это очень хорошо для ребенка. Он спасен от холода.

Я хотел, чтобы ученики Шивананды дали больше информации о Шивананде – о том, что он ест, сколько он ест, когда он встает, когда ложится спать. В этой информации я нашел один пункт, просто забавный. Он спит, держа одну ногу в пластиковом мешке, наполненном солью. Я прочитал все о йоге, но мне никогда не встречалось такое упражнение.

Они сказали: «Это не упражнение йоги; это отваживает привидений». В Индии существует поверье, что если вы держите одну ногу в соли, то привидения не придут и не убьют вас. Этот человек постоянно учит бесстрашию, а ночью... Конечно привидения не прислушиваются к проповедям йогов; и кто знает, может быть, они и есть. Лучше обезопаситься.

Я сказал одному из его главных учеников: «Я с удовольствием посмотрел бы на это».

Он сказал: «Нет проблем. Когда он отправится спать, я оставлю окно открытым; вы можете просто проскользнуть и посмотреть».

Итак, я открыл окно и увидел: он лежал на кровати, а одна его нога была внутри мешка. Я сказал: «Если вы не покончили, играючи, со своим подсознанием, то привидение тем или иным образом появится. Вы учите прекрасным вещам, но вы не обладаете качеством этих вещей».

По мере того, как вы продвигаетесь вверх, играючи, истощая биологические источники, исполняя то, что хочет от вас биология, – это облегчает вас; вы освобождаетесь, вы становитесь осознающими. А осознанная любовь – совершенно другая вещь. Это просто дружелюбие.

Вы не влюбляетесь – больше не влюбляетесь – вы возвышаетесь в любви. Чем больше вы любите, тем больше вы возвышаетесь в своем сознании. То же самое справедливо и по отношению к другим ценностям: подлинность, религиозность, счастье.

Счастье на уровне инстинкта – только удовольствие; счастье на уровне интеллекта – радость. Когда вы слушаете великолепную музыку или видите прекрасную живопись, возникает неожиданный всплеск удовольствия. Ни одно животное не может наслаждаться живописью. Оно может съесть ее, но оно не может наслаждаться ею.

Ни одно животное не способно наслаждаться чем-либо, что принадлежит второму уровню – вашему сознанию, – так как ни одно животное не поднимается до этого уровня; только человек... и даже не все люди. Некоторые люди способны наслаждаться вещами, которые не имеют биологической цели. Какой биологической цели служит живопись? Или музыка? Или поэзия? Там нет биологической цели. Вот почему большинство родителей не хотят, чтобы вы стали художником.

Один из моих дядей – поэт, но вся семья была против него; они испортили ему жизнь. Они не позволяли ему... они забрали его из университета, так как они видели, что если он закончит университет, то все, что он собирается делать, – это писать стихи. Но если бы у него не было диплома, то ему некуда было бы деваться; он должен был бы сидеть в магазине.

И я видел его – когда я был маленьким, я видел его, сидящего в магазине. А если там никого не было, только я... он знал, что я никогда не мешаю ничьим делам. Вы лишь должны осознавать, чтобы не мешать моему делу; тогда это – договор. А договором между мной и им было то, что он никогда не должен ни во что вмешиваться, чем бы это ни было.

Он сказал: «Хорошо, но ничего не рассказывай обо мне».

Я сказал: «Это не мое дело».

Вот что он обычно делал: приходил покупатель, а он просто махал рукой, как если бы покупатель был нищим: «Уходи». Он не разговаривал, так как кто-нибудь мог услышать его, поэтому он лишь делал жест руками: «Убирайся!» Мой отец, мой дед, они были озадачены: «Когда ты сидишь здесь, ни один покупатель не приходит».

Он сказал: «Что я могу поделать? Я здесь сижу, а то, что никто не приходит, – не моя вина».

Он вообще не был заинтересован в бизнесе; сидя в магазине, он писал стихи. Но вскоре ему устроили женитьбу. А я все время говорил ему: «Ты попадаешь в ловушку. Во-первых, почему ты вернулся сюда после университета? Что-нибудь ты мог бы делать

– быть рикшей, быть кули на железнодорожной станции. Что-нибудь ты мог бы делать».

Я сказал ему: «Твоя поэзия отвратительна. Тебе перестали посылать деньги, поэтому ты вернулся; теперь устраивают твою женитьбу, а ты не знаешь, что это – конец твоей поэзии. По крайней мере, сейчас ты можешь прогнать покупателей и продолжать немного писать. Ты не сможешь этого делать, когда здесь будет твоя жена».

Он сказал: «Но моя жена будет дома, а я буду в магазине».

Я сказал: «Только подожди... ведь я вижу, что происходит с моим отцом. Моя мать видит его, лишь когда он приходит домой обедать или ужинать. Он просто продолжает есть с опущенными глазами, а она втолковывает ему разные вещи. И она кричит: ''Ты ничего не говоришь, ни да ни нет. Я знаю: ты не слушаешь меня''. А он скажет: ''Я могу делать одновременно только одну вещь – позволь мне вначале поесть''. Но она скажет: ''Когда ты заканчиваешь есть, ты исчезаешь; затем появляешься только к ужину – я вижу тебя только два раза в день''».

А у нее были проблемы. Она была не очень стара, но вся семья свалилась на ее голову, так как мать моего отца умерла после их женитьбы. И с моим дедом было трудно, так как он постоянно приглашал людей, разных людей; у него было очень много друзей. У него не было другого дела, бизнес он оставил моему отцу. У него было только одно дело – заводить друзей. А лучший способ завести друга – пригласить его на завтрак, на обед, на ужин или еще на что-нибудь.

И моя мать совершенно логично сердилась: «Ты должен, по крайней мере, сообщать мне, скольких людей ты собираешься привести, так как откуда я неожиданно могу достать продукты? Ты просто приходишь на кухню с дюжиной людей, а я даже не имею представления о том, что идет целая дюжина людей». Так что у нее были свои проблемы. Но мой дед был не таким человеком, чтобы слушать кого-то; он делал то, что хотел.

Он создал великий переполох... Когда-то я рассказывал вам о Хаджи Бабе из Пакистана, которому сейчас сто десять лет. Он присутствовал на свадьбе моего отца и прибыл со свадебной процессией в дом моей матери. Это создало великий переполох во всей джайнской общине, поскольку такова традиция, что, когда жених приезжает в дом невесты, они должны быть встречены на границе города, а на главу семьи вешают гирлянды. Тюрбан, очень ценный тюрбан, должен быть надет на его голову.

Прекрасные туфли, сделанные из бархата, должны быть надеты на его ноги, и ему дают халат, специально сделанный для него.

Мой дед сказал: «Хаджи Баба – глава нашей семьи». Итак, мусульманин, глава семьи джайна... отец моей матери был в растерянности; что делать? Хаджи Баба говорил: «Не делайте этого». Но мой дед никогда не был способен кого-нибудь слушать. Он сказал: «Это не имеет значения. Даже если нам придется вернуться назад, мы вернемся назад, но вы – глава моей семьи. Я всегда был для вас вроде младшего брата, и как можно воспринимать меня, когда вы здесь?»

Другого пути не было; отец моей матери должен был принять Хаджи Бабу как главу семьи. Я спросил свою мать – так как в своих письмах он продолжает писать ей: «Как поживает моя Бахурани?» *Бахурани* означает «невеста», и это слово относится к молодым невестам, когда они выходят замуж. Сейчас ей семьдесят пять, а он продолжает спрашивать: «Как поживает моя невеста? Она вообще-то помнит меня?»

Поэтому я спросил свою мать: «Почему он обращается к тебе как к Бахурани?»

Она сказала: «Он – единственный человек, который может писать мне как Бахурани, так как мне было всего лишь семь лет, когда он пришел с процессией как глава семьи твоего отца. Твой дед был его братом, твой отец был его сыном, а ты – внук».

Поэтому я сказал своему дяде: «Ты не знаешь своего отца, но он – мой друг, и я знаю всю эту западню, то, что происходит, весь заговор. Но у меня также заключен пакт с моим дедом о том, что в доме я не буду скрывать никакие слухи. Но это нечто серьезное; они собираются поймать тебя в западню. Они только что нашли действительно красивую женщину для тебя, в этом нет сомнения»... ведь мой дед взял меня, чтобы выбрать ее. Он сказал: «Я стал слишком стар, а ты такой сообразительный. Определи, подойдет эта девушка или нет». И он нашел действительно красивую девушку.

Поэтому я сказал: «Он нашел красивую девушку, но причина того, почему он старается найти красивую девушку, заключается в том, чтобы ты забыл свою поэзию». Именно так и случилось. Когда он женился, то почти все время он был со своей женой или был в магазине – и мало-помалу его поэзия начала исчезать. А его жена стала господствовать над ним по той простой причине, что она чувствовала себя виноватой, так как все в доме, включая детей, знали, что «ваш муж просто бездельник, никчемный, убыточный».

Поэтому она придиралась к моему дяде: «Забудь о своей поэзии». Она сожгла копии его стихов, его многолетнюю работу, и сказала ему: «Для тебя поэзии больше нет, потому что мне стыдно; все смеются надо мной». Они уничтожили его поэзию.

Я спросил своего отца: «Почему все вы против моего несчастного дяди? Он не приносит никакого вреда. Поэзия не вредна, она не насильственна. Он не пишет военные песни или что-то в этом роде; он пишет прекрасные стихи о любви. Почему вы против него?»

Они сказали: «Мы не против него; все, что мы хотим, – это то, чтобы он твердо стоял на ногах. Сейчас он женат, завтра у него будут дети; кто их будет кормить?» И вот, что случилось. Сейчас у него есть магазин, и он больше не волнует людей. Его дети женаты; у них есть дети.

Последний раз, в 1970 году, когда я приехал, я спросил его: «Как насчет покупателей?»

Он сказал: «Покупатели меня не волнуют – вся моя поэзия кончилась. А ты был прав в том, что моя жена будет сущим горем. Ни мой дед, ни мой отец, ни мой брат – никто не был сущим горем. А жена постоянно придирается... в конце концов я должен был решить. Я должен стать монахом, отречься от мира – но это тоже трудно: джайнский монах не может писать стихи, так как поэзия принадлежит обыкновенным людям. А поэзия в основном связана с любовью, поэтому что может написать монах?»

Я сказал: «Ты можешь писать сутры, религиозные бхаджаны, посвященные какому-нибудь Богу, песни, религиозные песни».

Он сказал: «Но я не интересуюсь никаким Богом, никакими религиозными обрядами. Я хочу писать то, что я чувствую в своем сердце».

Я сказал: «С ним покончено – твое сердце в супружеских узах!» А в Индии в то время развод также не был узаконен. И даже сейчас, хотя он и узаконен, но случается редко и только в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Дели – больше нигде. Они уничтожили его поэзию, чтобы удержать его прикованным к самой низшей части его бытия.

Все художники, все поэты, все музыканты сталкивались с миром, который против них. Почему? Потому что то, что они делают, есть нечто такое, что не связано со всем миром и его жизнью. Любовь, о которой они говорят, не является той любовью, которой живут люди. Они говорят о любви, которая

является эфирно-сказочной, не земной. Они делают великую созидательную работу. Чтобы писать как Пикассо, вам необходимо иметь определенное свойство сознания; чтобы быть как Леонардо да Винчи, вам необходимо обладать чем-то таким, чего нет у обыкновенных смертных.

Что он имеет? Он не находится в тисках биологии. Вот почему он может посвятить всю свою энергию новому виду созидания – не детям, а живописи, поэзии, песням, танцам, скульптурам. Это не биологическое созидание. Это осознанное созидание; он – хозяин его. В том, что касается природы, это созидание не служит определенной цели, но оно, несомненно, служит некой цели в том, что касается человеческого сознания.

Глядя на статую Махавиры, вы можете впасть в медитативное состояние. Это было первоначальной функцией статуи. Статуи делали не для того, чтобы им поклонялись, их делали для того, чтобы заставить вас осознавать определенное состояние. Статуя определенного состояния, а не конкретного человека; тот человек не имеет к ней отношения.

Случилось так, что некий фотограф фотографировал Рамакришну. Он впервые сфотографировал его и был очень счастлив. Он принес фотографию большого размера, вставленную в рамку, чтобы подарить ее Рамакришне, который сидел со своими учениками. Тот взял в руку фотографию и поцеловал ноги, изображенные на фотографии. Фотограф не мог в это поверить! Этот человек в своем уме или безумный? Его собственное изображение, а он целует ноги!

Рядом сидел Вивекананда, его главный ученик. Он сказал: «Парамахансадева, что ты делаешь? На этой фотографии изображены вы. Вы видите или нет?» Он думал, что тот не взглянул на фотографию – ее вручили ему внезапно, и он, должно быть, подумал, что это изображение какого-нибудь Бога, и поэтому поцеловал ее.

Рамакришна сказал: «Неужели? Позволь взглянуть». Он посмотрел и сказал: «Да, это мое изображение», и опять поцеловал ноги!

Вивекананда сказал: «Теперь это уж слишком».

Рамакришна сказал: «Я целую не свои ноги. Это изображение состояния, это изображение не имеет ничего общего со мной». Он сказал: «Это изображение определенного состояния. Тело – просто внешние линии, но взгляните в глаза, взгляните в лицо. И я прекрасно помню, где я был, когда делали этот снимок. Я был в самадхи, поэтому это изображение самадхи. И

я говорю вам, что распространить надо только эту фотографию, никакую другую».

Поэтому только эта фотография висит в домах людей, которые поклоняются Рамакришне, так как этому изображению поклонялся сам Рамакришна. Это абсурдная логика, но – немного терпения, и вы сможете понять смысл. Это изображение состояния. Оно нематериальное, духовное, будь в этом состоянии Рамакришна или будь в этом состоянии Махавира, или будь в этом состоянии Будда. Оно нематериальное – что материально, так это сознание.

Прекрасная музыка, прекрасная поэзия могут увеличить уровень вашего сознания. Они могут создать ситуацию для вхождения в третий уровень. Только некоторые музыканты могут это сделать; только некоторые поэты, только некоторые художники и только некоторые скульпторы способны создать такие произведения, которые могут вызвать внутри вас резонанс.

Гурджиев называл такое искусство объективным искусством. Он дал ему специальное название. Все искусство не является объективным. Тадж-Махал – объективное искусство. Он был создан суфийскими мистиками; они были архитекторами, они сконструировали его. Вся конструкция сделана таким образом, что в ночь полнолуния, ровно в девять часов, если вы сидите тихо, то впадете в глубокий сон, что не является сном. Вы будете осознавать. Вы будете переживать то, о чем я вам говорил: гипноз. А к нему очень близка медитация.

Человек, который охраняет Тадж-Махал, по традиции является суфийским мистиком. Если вы медитируете, то в определенный момент можете спросить его: «Что еще надо сделать, чтобы превратить гипноз в медитацию?'' И он даст вам метод того, как гипноз может быть превращен в медитацию.

Итак, Гурджиев назвал Тадж-Махал объективным искусством. И я согласен с ним, потому что я был в Тадж-Махале сотни раз и смотрел на него различными ночами – темными ночами, лунными ночами, полнолунными ночами – и я могу сказать вам, что в каждый отдельный период времени он дает вам разное понимание, разный оттенок. Это не просто обыкновенное здание, не просто прекрасный мраморный мемориал. Здание было только поводом; за ним спрятан секрет медитации.

Поэтому, когда ваше состояние изменяется, ваша любовь изменяется, ваша религия изменяется, вы не можете оставаться христианином, или индуистом, или буддистом.

В сознательном состоянии вы должны отыскать свою собственную религию, вы должны выбирать.

Вы не можете быть рождены в религии; это полнейший абсурд. Религия не является чем-то, с чем можно родиться.

Это – поиск, вы должны найти ее. Это – риск; вы должны пройти длинным путем и рисковать всем. Только в этом случае вы можете обрести ее.

Ваша религия будет другой.

Ваша подлинность будет другой.

Бессознательный человек не имеет подлинности. И это не его вина. Одновременно он является многими людьми; как он может быть подлинным? Он говорит одну вещь – завтра он уже не тот самый человек, кто-то еще должен сесть на колесо. В колесе есть спицы; точно так же на колесе находятся много личностей. Колесо вращается, и этим колесом являетесь вы. Итак, какая личность дала обещание? Другая спица не имеет об этом представления; она может просто сказать: «Я никогда ничего не говорила вам».

Когда вы становитесь осознающим, вы осознаете это колесо. Вы осознаете также, что эти спицы – не вы, и вы не должны позволять им говорить от вашего имени. Впервые вы начинаете говорить от самого себя. Тогда появляются подлинность, искренность, честность, истина – и все они, я говорю, только на втором уровне. Как только вы достигаете третьего уровня... эти вещи помогут вам двигаться к третьему уровню. Тогда они – вне описания.

На третьем уровне, на самом высоком уровне – на уровне интуиции, где Лао-цзы чувствует, что ничто не может быть высказано. Только на втором уровне можно что-то высказать, поскольку там интеллект все еще функционирует. На третьем уровне вы вышли за пределы интеллекта. Теперь вещи нельзя высказать, их можно только показать. Это мое выражение, так как все эти люди сказали: «Ничего нельзя высказать». Верно, но многое можно показать.

Я не смогу сказать что-то о красоте луны, но я могу схватить вас за руку и подвести к окну и могу поднять свои пальцы и указать на луну. Я ничего не говорю, но я показываю что-то.

На интуитивном уровне, только пальцы, указывающие на луну... все становится невыразимым. Но все становится видимым, ощутимым.

Да, даже любовь, религиозность, подлинность, истина – все они становятся ощутимыми. Они больше не являются теориями,

философиями, они – реальности. Вы можете жить ими, вы можете стать ими.

Все что необходимо – это то, чтобы вы двигались к третьему уровню. И это не что-то великое, это простой процесс.

Живите полностью первым уровнем, затем энергия сама начинает движение ко второму уровню и начинает стучаться в третий уровень. Вскоре она проложит свой путь в джунглях.

Ваша работа заключена только на первом этаже вашей жизни; второй этаж и третий этаж появляются сами по себе. Все священные писания описывают жизнь только до второго этажа; третий может быть выражен только молчанием. Но молчание достаточно выразительно, если вы готовы слушать его. Тогда в любой момент от Учителя к ученику случается прыжок.

Передача пламени от Учителя ученику – это то, что я называю самой душой моей религии.

Беседа 6

ОТ ПСЕВДОВЕРЫ К ВАШЕМУ ПОДЛИННОМУ ЛИЦУ

3 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вчера Вы избегали говорить о многих острых моментах?

Каждый день я постоянно лавирую. В природе вещей, о которых я говорю, есть нечто такое, с чем я ничего не могу поделать. Каждое произносимое мною слово имеет много значений; я должен выбрать одно. Не важно, какое слово я выбираю, остальные остаются в стороне. И тогда нет пути, чтобы вернуться к ним, так как каждое новое слово будет уводить к новым последствиям. Поэтому вы должны постоянно напоминать мне – не стесняйтесь по этому поводу.

Мне вспомнилась одна история, поскольку я говорил вам о том, чтобы вы напоминали мне... Вот как я постоянно лавирую! Ну вот, что вы скажете, должен ли я рассказать ее или?.. Ведь если я расскажу ее, значит, я опять ушел. Если я не расскажу ее, тогда тоже... Лучше будет, если я расскажу ее. Если возникает вопрос о том, делать ли что-то или не делать, то лучше делать.

Священника одной маленькой церкви очень раздражал, мешал ему и досаждал один старик, который был самым уважаемым прихожанином. Он был самым богатым человеком города; он очень много денег жертвовал церкви и всегда жертвовал на разного рода благотворительные цели. Конечно, каждое воскресенье он сидел впереди, и еще до того, как священник начинал говорить, он начинал дремать. И если бы он лишь спал в то время, когда говорил священник, то это было бы не большой проблемой. Настоящая проблема была в том, что в тот момент, когда он засыпал, он начинал очень громко храпеть, – а церковь была такой маленькой и приход был такой маленький, что там не было даже громкоговорителя. И он храпел прямо перед священником.

Но этот старик обычно приходил с маленьким ребенком, своим внуком. И у священника возникла идея. Когда служба

закончилась, он отвел в сторону этого маленького мальчика и сказал ему: «Каждое воскресенье я буду давать тебе полдоллара, если ты все время будешь будить своего старика. Вот что тебе надо будет делать: в тот момент, когда он захрапит, ты его толкаешь и будишь».

Тот сказал: «Договорились – аванс?»

Священник сказал: «Ты такой же хитрый, как твой старик, – аванс».

Маленький мальчик сказал: «Аванс – я не доверяю людям. Давайте мне полдоллара и увидите: в следующее воскресенье я не позволю ему спать или храпеть».

Следующее воскресенье было поистине прекрасным днем, так как мальчик не позволял своему деду ни спать, ни храпеть. Но старик был очень сердит на мальчика. После проповеди он сказал: «Что случилось с тобой? Почему ты все время будишь меня? Ты нарушил весь мой день. Фактически это единственное время, когда я сплю и хорошо сплю. Ночью у меня нет такого хорошего сна – столько много мыслей и столько много проблем... А здесь, слушая этого идиота – одна и та же проповедь, один и тот же монотонный голос, – это дает мне такой хороший сон. Я испробовал все лекарства, и ничто так хорошо не действует, как он».

«Что случилось с тобой? Ты всегда сидел тихо, а сегодня ты постоянно толкаешь и будишь меня».

Его внук сказал: «Бизнес есть бизнес».

Старик спросил: «Какой бизнес?»

Он сказал: «Священник дал мне аванс в полдоллара, и сегодня я собираюсь получить еще полдоллара за следующий раз, так как я верю в плату авансом».

Старик сказал: «Не беспокойся: я дам тебе доллар и дам его тебе авансом». Мальчик взял доллар у старика, и старик сказал: «Только сиди тихо, как обычно сидел раньше, и не мешай мне. Это не дорого; я могу себе позволить хорошо поспать за один доллар».

Священник был очень обескуражен. В следующее воскресенье он много раз бросал взгляды на мальчика и даже знаками показывал ему то, что надо делать, но мальчик просто сказал: «Нет», а старик продолжал храпеть. Он храпел даже еще громче, ведь он пропустил одно воскресенье, – в качестве компенсации.

После службы священник позвал мальчика и сказал: «Ты обманщик. Ты взял аванс, а сидел тихо; а старик продолжал храпеть и мешать моей проповеди и всем окружающим. Из-за его храпа никто не мог слушать».

Мальчик сказал: «Бизнес есть бизнес».

Священник сказал: «Какой бизнес?»

Он сказал: «Старик дал мне доллар авансом и собирается давать мне по доллару каждое воскресенье. Если вы заинтересованы, то ставка теперь будет выше».

Священник сказал: «Я – бедный священник, я не могу конкурировать с этим стариком, так как сколько я могу тебе дать? Он всегда будет давать больше. Будет лучше, если я поговорю со стариком».

Он пошел к старику и сказал: «Этот мальчик обманывает нас обоих. Лучше быть честным: вы мешаете моей проповеди».

Старик сказал: «Ваша проповедь просто бессмысленна – вы мешаете моему сну. Что стоит дороже: ваша проповедь или мой сон? Я семь дней ожидаю вашу проповедь, которую вы даете в церкви утром по воскресеньям. Она освежает меня. А вы стараетесь сорвать мои планы с помощью моего внука. Но что касается меня, то я собираюсь спать».

Священник сказал: «Вы можете спать, у нас нет возражений; на самом деле многие люди тоже здесь спят. Но они также возражали: не из-за вашего сна, а из-за вашего храпа, так как он будит их. А у вас такой громкий храп».

Старик сказал: «Ничего не могу поделать, так как когда я сплю, что я могу поделать с храпом? Если я просыпаюсь, я могу его прекратить, но когда я просыпаюсь, храпа уже нет; он случается только тогда, когда я сплю. Вы же не можете ожидать от спящего человека, чтобы он что-то сделал со своим храпом. Я беспомощен. Поэтому, пожалуйста, давайте продолжать все так, как мы делали это раньше».

Я также беспомощен. Я прекрасно знаю, что многие вещи упускаются, но другого пути нет. Это проблема языка. Язык прямолинеен, а существование многомерно. Если бы я был просто мыслителем, я не стал бы вовсе лавировать, так как мышление прямолинейно, как язык. Мышление происходит на языке, словами. Поэтому слова следуют в ряд – они могут быть длиной в мили, но они прямолинейны.

А существование многомерно. С каждой точки... это как солнце с миллионами своих лучей, движущихся в бесконечность. Каждый луч может вести вас в бесконечность, но если вы выбираете один луч, то, конечно, вы должны оставить другие, и вы можете выбрать только один луч. Вы не можете скакать одновременно на двух лошадях, а что тогда говорить о двух измерениях? Вы не можете плыть на двух лодках, а что тогда говорить о двух измерениях? Поскольку лучи будут расходиться все дальше и дальше, все дальше и дальше, по мере вашего продвижения вперед между ними возникнет бесконечное неликвидируемое пространство. Но источник у них один. Из него вы можете выбрать любой луч, но после выбора одной линии остальные отбрасываются.

Я лавирую всю свою жизнь. Вы должны быть бдительны. А если вы можете напомнить мне, что где-то я лавировал, то я смогу ухватить тот момент, который был упущен. Но вы не должны ожидать, что я перестану лавировать, так как, ухватив другое измерение, я снова упущу многие другие.

На каждой стадии существует проблема выбора, так как я экзистенциальная личность, я не мыслитель. Это не логический силлогизм, который я предлагаю вам для обсуждения. Это мое переживание, которым я стараюсь поделиться с вами; а переживание такое обширное, что я могу показать вам только маленькую часть его. Но я всегда буду рад, если вы будете напоминать мне. Да, я помню, что лавировал по многим вопросам, возможно, к нескольким я могу опять вернуться.

Одним вопросом была религия – религия на самом низком уровне человечества, на уровне инстинкта. Все примитивные племена, аборигены, все еще живут в условиях первого вида религии, которую теологи называют «волшебство».

Такая религия верит в то, что если принести жертвы Богу, если исполнить определенный ритуал, определенный танец, совершить определенную молитву, то тогда Бог будет удовлетворен вами и последует награда. Например, когда нет дождя – вот проблемы примитивного народа, – когда нет дождя, то что будет делать примитивное племя? Оно устроит ритуал, возможно, с приношением в жертву человеческой жизни – их Бог очень кровожаден. Или если племя немного более развито, то вместо человека оно выберет животное. Если племя еще более развито,

то оно выберет даже не животное, не человека, а что-нибудь подобное.

В настоящее время, например, в Индии разбивают кокосовый орех. Кокосовый орех очень похож на человеческий череп. У ореха есть бородка, усы, два глаза, маленький нос. На самом деле на хинди череп называется *кхопди*, а *нариал*, «кокосовый орех», называется *кхопда*. Сходство настолько большое, что они оба называются одинаково. Разбивание черепа первоначально было ритуалом, но сейчас это было бы преступлением. Нашли хорошую замену – кокосовый орех, но идея та же самая.

Они думают, что все, что доставляет удовольствие им, также доставит удовольствие их Богу. Перед Богом поставят прекрасную обнаженную девушку, будет приготовлена разнообразная пища и поставлена перед Богом, а они пустятся в сумасшедший танец: таков способ ублажения Бога.

Бог недоволен – вот, почему нет дождя. Если он доволен, то пойдет дождь, – а дожди рано или поздно идут; тогда и их ритуал эффективен – пошли дожди. Изредка случается так, что дожди вообще не идут. Тогда это значит, что Бог, действительно, очень недоволен и нуждается в больших жертвоприношениях, в большем ритуале.

Это самый низший вид религии – назовем ее религией волшебства – вера в то, что, распевая несколько слов, производя несколько действий, вы можете изменить направление существования. Это просто глупо. Существование не нуждается в ваших жертвах, существование не нуждается в ваших танцах – и ничто не оказывает влияния на существование. Но инстинктивный человек, примитивный человек, не может сделать больше, чем это. Это предел его разума.

Этот примитивный человек не полностью вымер даже в так называемых цивилизованных людях. Вы также думаете по той же самой логике. Вы никого не приносите в жертву, но даже цивилизованные люди, культурные, образованные люди, когда находятся в затруднении, в них сразу же возрождается примитивный человек. Ваша жена больна, и врачи говорят: «Все, что мы могли сделать, мы сделали. Теперь только чудо спасет ее». Даже врачи становятся примитивными.

Врач говорит вам: «Только чудо, только что-то волшебное... Медицина не оправдала ожидания, наука не оправдала ожидания; все, что мы могли сделать, мы сделали. Теперь если она

будет спасена, то только по Божьей милости или по милости святого, поэтому сейчас идите в храм, в мечеть, в синагогу, в церковь, или идите к какому-нибудь священнику, или идите к какому-нибудь мудрецу». Врач впал в примитивную религию.

И человек, конечно, непоколебимо желает куда-нибудь идти, что-то делать, так как он хочет спасти свою жену. Сейчас для него не время думать о философских материях – правильны ли они или ошибочны, примитивны ли они или цивилизованы, глупые ли они или разумные. Сейчас не время. Он бежит! Он никогда не был у святого, а сейчас он идет, падает ему в ноги и молится: «Спасите мою жену!»

Примитивный человек все еще внутри вас, поскольку подсознательное все еще внутри вас. Примитивный человек исчезает только с исчезновением подсознательного, бессознательного. Когда ваше бессознательное и сознательное становятся единым целым, тогда весь ваш разум становится сознанием; тогда нет пути возврата к примитивному человеку. Примитивного человека внутри вас в девять раз больше, чем цивилизованного человека. Каждый раз, когда ваш здравый ум начинает ослабевать, ваш интеллект начинает ослабевать, вы впадаете в примитивное поклонение идолу.

Религия интеллекта – вторая категория, более высокая категория – является псевдорелигией. Христианство, иудаизм, индуизм, буддизм, джайнизм, ислам – все они продукты интеллекта. Они не являются религиями волшебства. Они имеют теологии: они размышляли о существовании, о мироздании, о том, почему мир был сотворен; о том, как можно выйти из круговорота жизней и рождений. Они думали над этим, размышляли над этим тысячи лет, и каждая религия создала теологию.

Слово «теология» означает «логические рассуждения о Боге». Здесь противоречие в терминах. Бог – не логическое суждение: вы не можете доказать его существование логически, вы не можете опровергнуть его логически. Логика совершенно не имеет отношения к Богу. Но псевдорелигии не могут сделать больше этого, они могут только думать *над* этим. И они проявляют большое воображение при описании Бога. Их священные писания говорят, что Бог создал человека по своему подобию. В действительности все наоборот: человек создает Бога по своему подобию. Вот почему так много Богов – так как

существует очень много людей, очень много рас, очень много разных лиц – глаза, нос... столько много различных типов.

Нельзя представить негра, создавшего белого Бога. Вы, может быть, не задумывались о том, почему ваш дьявол похож на негра, почему ваш дьявол черный. Негритянский Бог будет черным; а дьявол, конечно, должен быть совершенно белым. И белый человек достаточно показал свое дьявольское лицо. Негры имеют не только доказательство в пользу этого, но и историю, которая представляет все свидетельства того, что белый человек сделал с цветными людьми во всем мире. Это, должно быть, было величайшим злом, которое когда-либо имело место в истории.

Может ли китаец думать о Боге как-то иначе, не так, как китаец? Когда Марко Поло прибыл в Китай, он был первым западным человеком, который достиг Китая. Китай был под пятой великой империи Кублай-хана, сына Чингисхана. Возможно, Кублай был одним из величайших императоров в мире, так как он правил всем Китаем, Средней Азией, Дальним Востоком.

Когда Марко Поло достиг Китая, он захотел получить аудиенцию. Кублай-хан был человеком большого разума. Его первый министр сказал: «Человек, который похож на обезьяну, хочет видеть тебя. Это совершенно беспрецедентно – ни один император еще не давал аудиенцию обезьяне». Для них белый человек был похож на обезьяну.

Кублай-хан сказал: «Нет необходимости беспокоиться. Если он умеет говорить, значит, он не совсем похож на обезьяну; что-то в нем есть человеческое. Приведите его». И он стал интересоваться Марко Поло. Марко Поло был очень разумным молодым человеком, и он очень подружился с Кублай-ханом. Когда он вернулся в Европу, то докладывал папе: «В Китае поклоняются другому Богу, который похож на китайца, а о европейцах думают как об обезьянах».

Для нас эти люди выглядят немного странно. У них маленькая бородка – несколько волосинок, вы можете пересчитать их – плоские носы, очень широкие скулы. Нельзя представить себе более безобразное лицо – но они считают это красотой. Мужчине или женщине, у которых нет широких скул, трудно будет жениться или выйти замуж; также и для человека с носом, типичным для арийских рас: индийцы, немцы, англичане, французы, скандинавы, голландцы, русские... Все они одной

расы, и для них прямой длинный нос считается красивым. А в Китае он считается безобразным, и китайцы не могут делать своего Бога безобразным.

Марко Поло сказал: «Это заставляет меня думать, что, возможно, все мы только воображаем себе Бога. Никто не знает, как он выглядит».

Папа очень рассердился и сказал: «Ты, должно быть, выдумываешь. Ты создаешь вымысел так, чтобы о тебе думали, как о великом открывателе новой земли. Я не могу поверить, что где-то существует нечто более великое, чем христианство».

Марко Поло сказал: «Буддизм – более великая религия; у него миллионы монахов, тысячи храмов и монастырей. Рядом с ним ваше христианство – ничто». Но он был одинок. Какое у него было доказательство? Он привез несколько вещей, которые у него были отобраны и сожжены, чтобы уничтожить доказательства.

Это – псевдорелигиозный ум. Псевдорелигиозный ум верит в свое собственное воображение, в свое собственное мышление и боится всего, что направлено против него или даже немного отличается от него. Иначе религии не сражались бы в течение тысяч лет.

Это нечто странное: все религии учат любви и все религии заканчиваются ненавистью. Все религии учат человеческому братству, но они только плодят врагов друг для друга.

Все религии учат, что каждый человек имеет потенциальное право достичь Бога, но практически они говорят: «Только наша религия – истинная религия. Да, каждый человек может достичь Бога, но он должен достигать его нашим путем: до тех пор, пока вы не следуете Иисусу Христу, у вас нет возможностей». Но то же самое сказано Кришной: «Если вы отдадитесь мне, оставив все в стороне, то я буду заботиться о вас, вам не надо волноваться». И то же самое относится ко всем остальным религиям. Они похожи на конкурирующих владельцев магазинов – каждый старается продать свою вещь: свою святую книгу, своего мессию, своего Бога.

Псевдорелигия всегда в основном находится в состоянии испуга, так как глубоко внутри псевдорелигиозный человек знает, что это только его воображение, у него нет настоящего переживания. Сам он не убежден; следовательно, ему надо убедить других. Он продолжает посылать миссионеров в другие

страны, чтобы убеждать, все больше и больше людей обращать в христианство, в мусульманство. Почему? Почему такое огромное побуждение обращать людей в свою веру? Это потрясающе важно понять с психологической точки зрения.

Человек, который хочет обратить кого-то в свою веру, является человеком, с недоверием относящимся к своей истине. Он действительно старается обратить людей в свою веру, убедить самого себя, что он прав. Если он может обратить в свою веру очень много людей, то это дает ему достаточную опору: «Так много людей не могут быть глупцами. Я могу быть глупцом, но так много людей не могут быть глупцами. Такие разумные люди... и они пришли, чтобы поверить в мою веру. Моя вера обязана быть истинной».

Христианство выглядит наиболее лживым из всех религий, так как оно больше любой другой религии заинтересовано в обращении людей в свою веру. Действительно, иудаизм и индуизм, которые являются самыми древними религиями, не заинтересованы в обращении кого-либо в свою веру. Вы должны понять психологию этого.

Почему евреи не заинтересованы в том, чтобы посылать миссионеров и обращать людей в иудаизм? Иудеем рождаются, а не становятся в результате обращения в веру. Вы где-нибудь видели человека, обращенного в иудейскую веру? Это просто абсурд. Евреи не примут кого-либо, обращенного в их веру. Если Бог не сделал вас евреем, то другого пути нет; они – люди, избранные Богом. Обращая всякие отбросы в свою веру, вы сможете сделать Божий выбор лучше? Если Бог не сотворил вас евреем, значит, вам не суждено быть евреем; вы уже отвергнуты. Поэтому на протяжении тысяч лет они никогда не думали об обращении людей в иудеев.

У индусов такая же идея – то, что они являются единственным народом, избранным Богом, чтобы дать им самую первую в мире святую книгу. Несомненно, что их *Риг Веда* – самое древнее священное писание в мире, и несомненно, что это священное писание самой древней религии. Они имеют четыре касты: брамин, священнослужитель; *кшатрий*, воин; *вайшья*, деловой человек; и шудра, неприкасаемый. Итак, была проблема: как они могли обратить кого-либо в свою веру? И в какую касту они собирались определить его?

Индуизм – не одно целое, это – четыре касты. Брамин – самая высшая. Нельзя обратить кого-либо в брамины. Брамин представляет Бога; отсюда и такое название. Имя Бога в Индии – Брама, а брамин означает человека, избранного Брамой, назначенного самим Богом. Ни для кого нет пути стать брамином. Это предопределяется рождением, поскольку рождение предопределено Богом; не во власти человека предопределять такие вещи.

Ну и кшатрий также не позволит кому-либо войти в эту касту. Он на втором месте по важности, и для него быть воином является традицией; просто кто-нибудь – какой-нибудь x,y,z – не может быть воином. Необходима долгая традиция, тренировка. У вас должна быть кровь воина, обратить в воина невозможно.

Единственные люди, которые могут принять вас, – это неприкасаемые. Деловые люди на третьем месте, но они выше, чем неприкасаемые. Только неприкасаемые могут принять вас, но без разрешения брамина они ничего не могут сделать. Обращение в веру – такое религиозное явление – вне их возможности. Они сами отлучены от общества.

Вот так появляются на свет индусы и иудеи. Вот почему обе эти религии наиболее эгоистичны. Естественно, другие религии должны полагаться на обращение других людей в свою веру, иначе откуда они собираются взять своих покупателей, своих клиентов? Бог сотворил иудеев, Бог сотворил индусов; сейчас весь мир разделен на два избранных Богом народа. Откуда Бог собирается получить свой народ? Откуда Будда собирается получить свой народ? Они должны были зависеть от обращения людей в их веру. Откуда Мухаммед собирается получить мусульман?

Они опоздавшие. Старые магазины имеют кредит; они уже созданы и созданы самим Богом. Другие же – новички на рынке. Естественно, им необходимо привлечь клиентов из старых магазинов, иначе ни один покупатель не зайдет к ним. И им необходимо будет создать новые соблазны, более низкие цены, новые вознаграждения. И вы видите, что...

Бог евреев очень крутой парень. Но бог христиан – сплошная любовь. Вы не знаете... это простая математика: бог евреев может быть крутым парнем, но Иисус вынужден обращать

людей в свою веру, поэтому он должен создать более привлекательный образ Бога, более изысканный, более утонченный, более гуманный, так он сможет сделать еврейского бога устаревшим.

Кого он собирается обращать в свою веру? Богатые люди, конечно, не собираются быть обращенными, так как они уже признаны, уважаемы, находятся на самом высшем уровне общества. Они не станут следовать за скитальцем. Они не собираются становиться посмешищами – для чего? Отсюда следуют все эти благословения Иисуса: «Блаженны нищие, ибо они унаследуют царство Божье...» – так как вы можете удержать только бедных. Бедные уже рассержены, завидуют богатым, а тут приходит человек, который говорит: «Мой Бог – любовь. И мой Бог допускает на небеса только бедных; для богатых людей там нет места».

Это простая деловая тактика – в ней нет ничего сложного. Но никто не удосужился понаблюдать, как новые религии старались затащить покупателей из старых магазинов в свои собственные магазины. Все они выступают в защиту бедных. Странно – у евреев нет ни одного утверждения, в котором порицались бы богатые, а бедные высоко превозносились бы лишь за их нищету. У евреев нет ни одного утверждения, где нищета является чем-то святым; у индусов этого тоже нет.

Богатый человек, согласно индуизму, богат, потому что он был религиозным, добродетельным в своих прошлых жизнях. Это награда от Бога. А бедный человек беден, потому что был злым, не религиозным в своих прошлых жизнях. За это он был наказан. Индусы и евреи, они уже установлены, – почему они должны беспокоиться о бедных и попранных? Но Будда, Иисус, Махавира, Мухаммед – весь их интерес в бедных, в попранных.

Это простая вещь: они – люди, которые могут быть обращены в веру, они – люди, которые являются уязвимыми. Им нечего терять и нечего приобретать. Например, если шудра становится последователем Будды, он сразу же перестает быть неприкасаемым. Если шудра становится христианином, то он больше не неприкасаемый. Это очень странный мир.

У меня был друг, который являлся директором теологического колледжа в Джабалпуре, директор Макван. Я говорил ему следующее: «Почему вы, христиане, заинтересованы только в бедных?»

Он сказал: «Пожалуйста, приходи ко мне домой», – я сидел в его офисе. Он сказал: «Мой дом – прямо за колледжем, приходи ко мне домой, я хочу кое-что тебе показать».

Он показал мне фотографию старика и женщины. Они, несомненно, были нищими, в лохмотьях, грязные; можно было увидеть даже по их лицам – такие голодные. Можно было видеть, что всю свою жизнь они страдали; это было написано морщинами на их лбах. Он сказал: «Ты можешь узнать, кто они?»

Я сказал: «Как я могу их узнать? Я никогда не видел этих людей, но они похожи на нищих».

Он сказал: «Они *были* нищими. Он – мой отец, она – моя мать. И они были не только нищими, они были шудрами, неприкасаемыми. На старости лет они обратились в христианство, поскольку они были такими старыми, уставшими от нищеты; и они были озабочены своими детьми – особенно мальчиком, который сейчас является директором Леонардского теологического колледжа. Что случилось бы с ним, если бы они умерли? Он стал бы тоже нищим».

Поскольку они были больны, то отправились в христианскую больницу, ведь ни одна другая больница не примет бедных людей и не предоставит им бесплатные лекарства, пищу, уход, врачей. Поэтому они пошли, они должны были пойти в христианскую больницу. И в этом вся методология: с предоставлением лекарства предоставляется как можно больше *Библии*; с каждой инъекцией – немного *Библии*. Во время еды врач говорит о ней, медсестра говорит о ней; каждый день приходит священник, чтобы справиться об их здоровье, узнать, как они себя чувствуют.

Впервые они почувствовали себя людьми. Никто раньше не спрашивал их о здоровье. С ними обращались как с собаками, а не как с людьми. И если бы они остались индусами, они подохли бы как собаки, умирая на углу улицы. Вы не знаете подобного, так как на Западе такого нет. На Западе у собак смерть лучше, жизнь лучше, так как любая собака, у которой нет хозяина, должна быть убита. Собакой должен кто-нибудь владеть, ошейник говорит о принадлежности ее кому-то. Но на Востоке нельзя никого убивать. Собака там может распространять заразу или болезнь, но убивать ее нельзя: убийство – грех.

Случилось... Я лавирую – помните!

В Лакнау есть храм Ханумана, обезьяньего бога. Довольно странно, что этот храм окружен большими деревьями и все деревья усыпаны обезьянами – вы никогда не увидите так много обезьян одновременно. Возможно, это происходит по той простой причине, что, что бы ни предлагали обезьяньему богу, обезьяны все съедают, поэтому постепенно они стали там постоянными обитателями. А храм имеет такую славу, что люди приезжают туда отовсюду, из отдаленных мест, так как считается, что, чего бы вы ни пожелали, все исполнится. Поэтому люди что-то желают и клянутся перед обезьяньим богом, что: «Если наше желание исполнится, то мы принесем сладостей на пятьдесят одну рупию», – или они хотят принести еще чего-нибудь, или сделать то, что могут.

Поэтому каждый день предлагается очень много еды, – но все это не имеет никакого отношения к обезьяньему богу. Если приходят с просьбами сто человек, то по крайней мере у одной трети из них – по простым арифметическим правилам, – у одной трети из них их пожелания окажутся выполненными. Даже если бы они и не пришли вовсе, они не проиграли бы, но теперь они верят, что их пожелание выполнено благодаря обезьяньему богу. Две трети, чьи желания не были выполнены, идут в какой-нибудь другой храм, – естественно, ведь этот обезьяний бог не оказался добрым по отношению к ним.

Спрашивать о какой-либо причине невозможно, но это совершенно точно, что ваше пожелание не выполнено, и поэтому вы идете в какой-то другой храм. А в Индии сотни храмов с деревьями, выполняющими желания. Вы просто идете и просите... и вы должны лишь дать небольшую взятку. Но одна треть людей, чьи желания были выполнены... И вот какие пожелания делают люди: «Чтобы мой сын сдал вступительные экзамены», или «Чтобы мой сын получил работу, которую он просил», или «Чтобы моя дочь заимела мужа, потому что у меня недостаточно денег, чтобы дать ей», или «Моя жена больна, пожалуйста, сделай ее опять здоровой»... простые, земные, человеческие мелочи.

Они не просят какого-нибудь чуда: «Когда я пересекаю океан, он должен разверзнуться, как он разверзся для Моисея». Тогда они узнали бы, может ли обезьяний бог что-нибудь сделать или нет. Но, чтобы ваш сын сдал вступительные экзамены... а ведь тысячи людей сдают вступительные экзамены без помощи

обезьяньего бога. В действительности, обезьяний бог сам не окончил высшего учебного заведения! И даже если он будет сдавать экзамены, он не сдаст их; можете не надеяться, что он их сдаст.

Но эти люди чувствуют, что их пожелания выполняются, поэтому они несут... Так что обезьяны мало-помалу накопились; вся дорога, по обеим сторонам, заполнена обезьянами. И по странной причине обезьяны и собаки не любят униформу. Возможно, в своих прошлых жизнях они были революционерами: любой вид униформы – почтальоны в Индии имеют униформу, полицейские имеют униформу, армия, санньясины... кто-нибудь в униформе, и сразу же собаки и обезьяны настроены против них.

Возможно, видя так много людей в различной одежде, в одежде различного стиля, а затем вдруг видя кого-то в униформе, они чувствуют опасность: «Этот человек не похож на человека, что-то где-то случилось...» – и они начинают нападать. Это не открытие Макиавелли, что нападение – лучший способ защиты; что если вы хотите защититься, то нападайте! Не ждите, когда нападет другая сторона, так как тогда вы уже опоздаете нападать. Не давайте им этой возможности.

Итак, обезьяны и собаки нападают на людей в униформе. У меня такое чувство, что они просто боятся; эти люди выглядят немного странно, не так, как другие люди. Там находятся миллионы людей, и они не нападают на них. Они не нападают на этих же людей, если они не в униформе; они нападают на *униформу*. Униформа дает им мысль, что в этом человеке что-то подозрительное.

Итак, это произошло у храма, когда обезьяны начали нападать на полицейских, почтальонов, военных... а обезьян было тысячи. Возможно, кто-то вызвал в них гнев; никто не знает, как это началось, так как обезьяны жили там на протяжении сотен лет, многих поколений. Храм очень древний, и они никогда этого не делали, но лишь десять лет назад однажды внезапно возникли бесчинства между обезьянами и людьми в униформе.

Стало очень опасно, ведь очень много обезьян... даже одной обезьяны достаточно, чтобы напугать вас, но когда много обезьян, сотни, просто бродят по дороге... Дорога была блокирована, никто не ходил по дороге. Она была главной дорогой,

поэтому Лакнау был разделен на две части; обезьяны никому не позволяли пересекать дорогу.

Был поднят вопрос на собрании представителей штата Уттар Прадеш – Лакнау – столица штата, – что «этих обезьян надо перестрелять. Люди не могут перейти на ту сторону, люди не могут прийти на эту сторону. Офисы закрыты, так как многие люди живут на той стороне; многие офисы на той стороне, а люди живут на этой стороне. Некто, который перешел на ту сторону, чтобы работать, был задержан, он не мог вернуться обратно сюда. Надо немедленно что-то сделать».

Один человек встал и сказал: «Если хотя бы одна обезьяна будет застрелена, то будет большое кровопролитие, так как обезьяна – индусский бог: вы стреляете в индусского бога. Это недопустимо». Он был индусским шовинистом, принадлежавшим к индусской шовинистической партии. И хотя весь парламент был неофициально за то, чтобы их перестреляли, – что еще можно было сделать, – но это решение не приняли, так как знали, что то, что говорил этот человек, случится. Сразу же могла бы произойти кровавая резня.

А они этого хотели: все политики хотят, чтобы где-то была беда, потому что только тогда появляется необходимость в них. Если все идет правильно, если нет новостей, ничего не происходит, то политики начинают чувствовать себя не у дел.

Я не был в Индии четыре года. Сейчас журналисты скучают по мне. Странные люди – они все были против меня; когда я был там, они все были против меня. Они писали против меня, даже не беспокоясь, была ли это правда или ложь; девяносто процентов было абсолютной ложью. Они писали это, но это было новостями, распродаваемыми новостями. Сейчас они скучают по мне, так как новости, которые они создавали вокруг меня, они больше не могут создавать, а заменить меня некому.

Журналисты, политики – эти типы людей находятся в поиске какого-нибудь места, которое может стать опасным, каких-то людей, которые могут представлять опасность, какой-то ситуации, которая может стать проблемой. Затем они все будут стараться как можно быстрее сделать все это проблемой.

Решение не прошло; почти две недели дорога оставалась заблокированной. У обезьян не долгая память; они, должно быть, забыли и мало-помалу остыли. Вначале стали приходить

истово верующие со сладостями для обезьяньего бога, а затем опять возобновилось дорожное движение...

Но вы не можете убивать. Вы не можете убивать собак; убийство недопустимо. Но эти религии убивали друг друга. Они не могут убить собаку, они не могут убить обезьяну, но они могут убить человека. Это очень странно. Я спрашивал индусов, мусульман: «Вы не можете убивать животных, но вы можете убивать людей без всякой проблемы, как будто у человека нет жизни». Нет, все дело в бизнесе. Человек может быть обращен в мусульманина – собака не может быть обращена. Собаки – вне досягаемости ваших проповедников и миссионеров.

Профессор Макван сказал мне: «Это мои отец и мать. Они сдохли бы как собаки, и муниципальный грузовик выкинул бы их из города вместе с мусором, который он перевозит каждый день, так как некому отвезти нищего на погребальный костер. Кто беспокоится о нищем? Нищие – не люди, не человеческие существа».

А затем он показал мне фотографию своей дочери и зятя. Я смотрел на три поколения: отец и мать, почти ниже человеческого состояния; Макван, который добился положения, а теперь и очень уважаемого, высоко оплачиваемого поста. Теперь приходят брамины и здороваются с ним за руку, совсем не зная, что он сын двух нищих, которые были шудры. Я знаю его дочь, одну из самых красивых женщин, какую я когда-либо видел; она замужем за американцем.

Глядя на три поколения... такая перемена. Нельзя установить связь дочери с бабушкой, а как можно установить связь между зятем и ее дедом? Кажется, что там нет моста. Зять – хорошо известный ученый, профессор – шесть месяцев он преподает в Индии, шесть месяцев – в Америке. Сама Сарож, дочь, – профессор. Они оба хорошо образованны; сын – директор. Будучи обращенными в христианство, они взяли совершенно другое направление. Я не мог возразить. Я сказал: «Твой отец и мать хорошо сделали».

Индуизм и иудаизм – установившиеся религии. Христиане, мусульмане, буддисты – не установлены. Они стараются обратить людей в свою веру, но что по сути происходит при таком обращении? Установленная религия опирается на свое прошлое, на тысячи лет; это значит, что миллионы людей шли этим путем; вы не одиноки. Но когда вы следуете Иисусу, вы только знаете,

что у этого парня есть фантастические идеи. Кто знает, следуете ли вы глупцу или действительно сыну Божьему? Он может быть или тем, или этим; третьей альтернативы нет. Или он полнейший идиот...

Федор Достоевский написал книгу *Идиот*; это заглавие книги. Но этот идиот по своему характеру почти подобен Иисусу: совершенно невинный, простой, который никогда никому не делал вреда. В действительности он лучше Иисуса. Но Достоевский озаглавил книгу – *Идиот*.

Иисус нуждается в людях, обращенных в его веру. Он сам, может быть, чувствует сомнения в том, что он говорит, и в том, правда ли это или нет. На самом деле, почему он хотел, чтобы евреи приняли его, его мессианство? Почему он так настаивал на том, чтобы его распяли? Он, должно быть, извел их, замучил их своей идеей. Они, должно быть, настолько насытились этим, что решили: «Этот человек не оставит нас в покое – он должен быть распят, иначе он будет продолжать мучить нас».

И он становился все более и более фанатичным. Он стал называть великий храм евреев «Дом моего Отца», и «...я пришел, чтобы очистить дом моего Отца». И он действительно хотел очистить его от всех священников и всех раввинов: зачем нужны все эти люди, когда там единственный рожденный Богом сын? Он стал нудным человеком. В какой-то момент он, должно быть, думал в тишине: «Возможно, я просто сумасшедший. Я не был способен убедить ни единого раввина».

В действительности, я никогда не старался обратить кого-нибудь в мою веру, но здесь есть несколько раввинов-санньясинов. Это странно! И не обыкновенных раввинов, а знаменитых раввинов. И я никоим образом не старался обратить кого-либо в мою веру, так как у меня нет никакого сомнения. Почему я должен беспокоиться о том, чтобы обратить кого-то? Я не должен убеждать себя в том, что я прав. Я прав!

Даже если ни одного человека не будет со мной, я буду прав, как я прав сейчас. Моя правота не растет с ростом числа людей, окружающих меня, не увеличивается с увеличением числа людей, окружающих меня. Моя правота – из моего переживания.

Иисус кажется обеспокоенным, и все христиане понесли его болезнь в своих умах. Все они обеспокоены. Я не могу думать,

что папа действительно верит в то, что он представляет Бога, это невозможно, – но пока вы сумасшедший, все возможно.

Псевдорелигии постоянно стараются обратить людей в свою веру – или они настолько древние, что вопрос об обращении никогда не возникал. Они зачинатели; с самого начала они ухватились за покупателей. Из-за этой идеи обращения людей постоянно происходят сражения, крестовые походы, джихады, священные войны.

А псевдорелигии продолжают создавать все больше и больше теологии; никто не читает ее. Я никогда в своей жизни не видел кого-либо, читающего теологическую книгу. Я посетил сотни библиотек, но я никогда никого не видел в библиотеке, читающим теологическую книгу. Я заглядывал в университетские библиотеки и в государственные библиотеки и задавал библиотекарям один и тот же вопрос: «Я хотел бы узнать, берут ли люди какую-нибудь книгу из теологического раздела?»

Они говорили: «Вы первый человек, который спрашивает об этом. Теологический раздел? Никто не интересуется. Люди интересуются только романами. Кто станет скучать над теологической книгой?'' Один библиотекарь подвел меня к теологическому разделу. Там был один теологический раздел, где можно было видеть, что ко всем этим книгам человеческие руки не прикасались; книги были такими чистыми.

Сотни теологов постоянно создают все больше и больше книг... Для чего – потому что основные вопросы еще остаются без ответа. Они продолжают вносить улучшения в книги, но, что бы они ни делали, основные вопросы остаются на том же самом месте, так как у интеллекта нет ответов на них.

Простая вещь не пришла им в голову, что если за пять или десять тысяч лет теологического мышления вы не были способны опровергнуть ни один вопрос, то сейчас самое время остановиться: возможно, вы движетесь в неправильном направлении.

Религия на второй стадии самосознания, сознательного ума, интеллекта есть теология. Я называю ее псевдорелигией – лишь только слова об истине, Боге, любви, но нет переживания, чтобы поддержать их.

Когда религия достигает третьего, наивысшего пика, только тогда она является религиозностью.

Поэтому первую стадию я называю религией волшебства.

Вторую я называю псевдорелигией.

И третью я называю религиозностью.

Тогда она – качество, тогда она не имеет при себе прилагательного.

Тогда у нее нет традиции.

Тогда у нее нет священного писания, тогда у нее нет теологии.

Тогда источник не в прошлом.

А рай не в будущем.

Тогда и то и другое внутри вас.

Тогда вы имеете свежее переживание, и это переживание будет выражаться в любвеобильности, дружелюбии, сострадании.

Эта религия не будет беспокоиться о Боге:

Ее заботой будет сострадание.

Эта религиозность не будет беспокоиться о рае и аде.

Ее заботой будет то, как поделиться своим блаженством.

Эта религия вовсе не заинтересована в том, чтобы обратить вас в веру определенных догм; ее единственная заинтересованность в том, чтобы сказать вам: «Я нашел ее. Если вы заинтересованы, я могу поделиться своим переживанием. Нет условия, что вы должны принять эту религию, нет условия, что вы должны верить мне. Поделиться ею с вами представляет для меня просто удовольствие. Она для ваших размышлений, хотите ли вы что-то делать с ней или нет. В любом случае я счастлив и благодарен, что вы позволили мне так сокровенно чем-то поделиться».

Религиозный человек, функционирующий на высшей точке сознания – интуиции, – подобен благоуханию цветка.

Здесь нет вопроса об обращении вас в веру. Даже если никто не проходит вблизи розы, благоухание будет все равно распространяться вокруг... где-то кто-то может воспринять его. И даже если никто не воспримет его, это не имеет значения; для цветка просто естественно распускаться с благоуханием.

Я объяснял вам, как приходит счастье. На уровне инстинкта оно было удовольствием, я говорил вам вчера. На уровне интеллекта оно было радостью. Но я лавировал и забыл последнее – то, что происходит на уровне интуиции. Там счастье – блаженство.

Удовольствие – мимолетно, весьма мимолетно. В ближайшую секунду оно исчезает. Оно оставляет воспоминание. Вам не

ухватить его, когда оно есть – оно приходит так быстро и уходит так быстро, а вы не такой быстрый.

Я видел одну картину – но напоминайте мне... Она была одной из прекраснейших живописных картин, но очень странной. На картине был изображен человек, у которого все лицо заросло волосами, а его череп был совершенно лысый, вообще без волос. Я подумал: «Вот странная картина».

Я спросил о художнике, который находился на выставке. Он подошел, и я спросил его: «Что это за живопись?»

Он сказал: «Это картина времени».

Я сказал: «Она имеет смысл».

Он сказал: «А скажите мне, пожалуйста, какой смысл она имеет для вас, так как я ее написал, но для меня она не имеет никакого смысла. Ко мне просто пришла идея, и я написал картину, но у меня нет никакого... Если кто-то спрашивает, что она означает, я просто говорю: "Это время", и люди сразу же перестают спрашивать и уходят. Вы единственный, кто говорит, что она имеет смысл».

Я сказал: «Да, она имеет смысл, так как время вы можете схватить только тогда, когда оно не пришло, оно еще впереди. К тому моменту, когда оно прошло, есть чисто выбритая голова; вы не можете схватить время. Оно прошло».

Он сказал: «Великолепно! Можете ли вы как-нибудь потратить свое время и прийти ко мне в студию, так как там много картин, значение которых я не знаю? Возможно, вы сможете извлечь из них какой-то смысл – ведь сейчас эта картина имеет смысл: вы можете схватить время перед тем, как оно пришло». Но как вы в действительности можете схватить время перед тем, как оно пришло? Оно не пришло, вы не можете схватить его. А когда оно ушло, оно подобно черепу, настолько чисто выбритому, что хватать не за что; ваша рука просто скользит.

Вот, что такое удовольствие. Вы ждете, и ждете, и ждете... а оно ушло! Вы лишь ждали, и теперь это – воспоминание. Удовольствие мимолетно, весьма мимолетно. Радость намного проникновеннее, намного глубже. Вы можете наслаждаться прекрасной песней годами. И каждый раз вы все больше углубляетесь в себя.

У меня есть одна песня, спетая некой Нирмалай Деви. Всю свою жизнь по всей Индии я спрашивал об этой женщине, так как я хочу иметь также и другие ее песни. Но я не смог разузнать,

кто эта женщина, куда она исчезла, и я также не помню того, кто прислал мне эту магнитофонную пленку. Люди все время присылают мне магнитофонные пленки; как только у меня появляется время, я слушаю. Эта песня была со мой в Пуне в течение семи лет, но я никогда не слушал ее. Я никогда не слышал это имя, и, когда я встречал это имя и эту пленку, я просто откладывал ее в сторону; когда-нибудь я... Нирмала Деви; никто никогда не слышал это имя.

Однажды я подумал: «Эта женщина так долго ждала, и, возможно, у нее что-то есть. Вреда нет – позвольте мне послушать». Ее пение – нечто необыкновенно прекрасное. С тех пор я не пропускал ни одного дня, чтобы не послушать ее. И каждый раз, когда я слушаю, в ее пении всегда что-то новое, новый пласт, новое выражение – не только в словах, но и в голосе, в их тонких нюансах.

Песня простая, но имеющая большую глубину, значительную глубину. Она поет песню, в которой говорится: «Лишь позволь мне приготовиться...» Она разговаривает со смертью. Ясно, что в песне об этом не говорится, но она разговаривает со смертью: «Лишь подожди немного. Позволь мне спеть мою последнюю песню».

В этом весь смысл – сказать смерти: «Лишь подожди немного и позволь мне спеть мою последнюю песню... Я так долго жила в печали и скорби. Позволь мне потанцевать немного перед тем, как я присоединюсь к тебе. Я плакала и рыдала; все мое сари промокло от слез. Лишь подожди немного. Позволь мне, по крайней мере, высушить мое сари, позволь мне, по крайней мере, обрести себя, вспомни мою улыбку. Еще немного... поэтому я могу приготовиться. Я не хотела бы идти с тобой в этом печальном, жалком состоянии. Я хотела бы идти с тобой, танцуя, улыбаясь, распевая песни». Простая песня, но ее голос, высокие и низкие звуки ее голоса, красивые переливы ее голоса придают столько красоты, цвета и глубины.

Счастье на втором уровне – радость. Удовольствие вы не можете разделить с кем-либо. Оно является чем-то таким крошечным, мимолетным, таким маленьким, что даже не возникает и вопроса о том, чтобы им поделиться; но радостью вы можете поделиться. На третьем уровне счастье становится блаженством. Радостью вы должны делиться; блаженством вам не надо делиться – оно просто окружает вас. Тот, кто достаточно смел, чтобы близко подойти к вам, получит блаженство.

Блаженство не является чем-то таким, с чем вы должны что-то сделать; оно уже вокруг вас, оно – ваша окружающая среда.

Блаженный человек – вы можете называть его пробужденным, просветленным, вы можете дать ему любое имя... блаженный человек просто постоянно изливает свое блаженство.

Тот, кто испытывает жажду, может напиться им.

Нет и вопроса о том, чтобы он приложил усилие, чтобы поделиться:

Он является самим блаженством.

Лишь будьте с ним в близких отношениях, и вы почувствуете вкус блаженства, его забвение, его красоту.

И наконец вы должны помнить только одну вещь: высшее всегда содержит более низкое. Высшее не против более низкого. Оно всеобъемлющее.

То, что вы познали в удовольствии, вы познаете и в блаженстве – но, как говорят древние священные писания, в тысячу раз больше. Я не могу сказать этого, поскольку это звучит, как если бы разница была только в количестве. Разница в качестве. Но тот, кто написал, что блаженство в тысячу раз больше удовольствия сексуального оргазма, тот это испытал. Он неудачно рассказал об этом, но он старался дать лишь идею того, что вы пропускаете. Нет, оно даже не в десять тысяч раз больше или в сто тысяч раз больше. Оно просто совершенно другое... но есть и аромат удовольствия, содержащийся в нем. Более высокое всегда содержит более низкое; более низкое не может содержать более высокое.

Лишь нарисуйте маленький круг – это удовольствие. Вокруг него нарисуйте больший круг – это радость. Вокруг него нарисуйте другой еще больший круг – это блаженство. Оно содержит радость, оно содержит удовольствие и нечто намного большее, что невозможно выразить, но нельзя не переживать.

Я могу оказаться не в состоянии рассказать вам об этом, но я могу влить это в вас; вы должны лишь позволить мне.

Все зависит от вашей уязвимости, беззащитности. Все зависит от вашей любви, веры, смелости, чтобы открыть свое сердце.

Все вы были воспитаны таким образом, что стали обороняющимися, постоянно обороняющимися... вы всегда боитесь, что

кто-то собирается обмануть вас, кто-то собирается убить вас, кто-то собирается плохо с вами обращаться, унижать вас. И до некоторой степени вы правы, так как это то, что случалось в обществе с каждым. Вы должны всегда быть начеку.

Но если вы встретили Учителя, тогда не надо быть бдительным. В этом секрет нахождения с Учителем.

Не будьте бдительным. Пусть бдительность будет в долгом, долгом отпуске.

Незащищенный, открытый, беззащитный...

И это случится.

Никто не может воспрепятствовать этому.

Беседа 7

ПОЛИТИКА ПРОБУЖДАЕТ В ВАС ЗВЕРЯ

4 февраля 1985 года

Бхагаван,

Не хотите ли Вы пролить немного света на политику в связи с тремя различными уровнями сознания?

Мир политики в основном находится на уровне инстинкта. Он руководствуется законом джунглей: прав сильный. А люди, интересующиеся политикой, самые посредственные. Политика не нуждается ни в каких качествах, кроме одного: глубокого чувства неполноценности.

Политика может быть сведена почти к математическому правилу: политика означает жажду власти.

Фридрих Ницше даже написал книгу *Жажда власти*. Это имеет большое значение, так как жажда власти выражает себя многими способами. Поэтому под словом «политика» следует понимать не только то, что известно под этим названием: если кто-то ощущает какую-то власть, то это – политика. Не имеет значения, относится ли это к государству, к правительству или к другим подобным делам...

По моему мнению, слово «политика» гораздо более всеобъемлющее, чем это обычно понимается. На протяжении всей истории мужчина старался применять политическую стратегию по отношению к женщине, считая, что она находится ниже его. И он убедил в этом саму женщину. И были причины того, что женщина была беспомощна и вынуждена была уступить этой ужасной идее, которая абсолютно абсурдна. Женщина по своему положению не ниже мужчины, не выше его. Они – две различные категории человечества, их нельзя сравнивать. Само сравнение – идиотское, и если вы начнете сравнивать, то окажетесь в беде.

Почему мужчина по всему миру объявляет, что женщина ниже его? Потому что это был единственный способ, чтобы держать ее в кабале, чтобы сделать из нее рабыню.

Так было легче. Если бы она была равна мужчине, то тогда была бы беда. Она должна соответствовать идее, что она ниже

мужчины. И причины такие: она обладает меньшей мускульной силой; ее рост меньше; она не выработала никакой философии, никакой теологии; она не основала никакой религии; не было знаменитых женщин – художниц, музыкантов. Это говорит о том, что у нее нет даже достаточного разума, она не интеллектуал, она не имеет отношения к более высоким проблемам жизни; ее участие очень ограничено: она только домохозяйка.

Итак, выбирая сравнения таким образом, вы можете легко убедить женщину, что по своему положению она ниже. Но это очень коварный способ. Есть также и другие вещи, которые надо сравнивать. Женщина может родить ребенка, мужчина не может. Природа не наделила его такой ответственностью, зная, что он ниже по положению. Ответственность дается лучшему. Природа не наделила его чревом. На самом деле, его функция в рождении ребенка – нечто подобное простой инъекции – очень мимолетна.

Мать должна вынашивать ребенка девять месяцев и переносить все невзгоды, связанные с вынашиванием ребенка. Это не легкая работа. А затем рожать ребенка... это почти то же самое, как если бы кто-то прошел через смерть. Затем она годами занята воспитанием ребенка – и в прошлом она постоянно рожала детей. Сколько времени вы оставили ей, чтобы она могла стать великим музыкантом, поэтессой, художницей, – вы дали ей какое-то время? Она постоянно была или беременна, или заботилась о детях, которых родила. Она заботилась о доме так, чтобы вы могли созерцать более высокие материи.

Лишь на один день, на двадцать четыре часа, поменяйтесь с ней работой: она пусть созерцает, создает поэзию или музыку, а вы в течение двадцати четырех часов заботьтесь о детях, о кухне, о доме. И тогда вы узнаете, кто выше. Всего двадцать четыре часа будет достаточно, чтобы доказать вам, что заботиться о таком большом количестве детей – то же самое, что находиться в сумасшедшем доме.

Они не такие невинные, как выглядят. Невозможно представить, какие они непослушные и как устраивают разного рода шалости. Они не оставят вас ни на одно мгновение; они постоянно требуют внимания, – возможно, это естественная необходимость. Внимание – это пища.

Лишь один день приготовления еды для семьи и гостей, и вы узнаете, что за двадцать четыре часа вы пережили ад. И вы

забудете идею, что вы выше, так как за двадцать четыре часа вы даже ни одной секунды не будете думать о теологии, философии, религии.

Думайте о них другими способами. Женщина обладает меньшей мускульной силой, так как в течение миллионов лет ей не давали работу, которая развивает мускулы. В Индии я был у аборигенов, где женщина мускулистая, а мужчина нет. Поэтому это не нечто естественное, это нечто историческое. Но женщинам так долго не давали мускульной работы, что их тела постепенно, естественно, потеряли способность к мускульному развитию.

В этих же аборигенных племенах мужчина почти домохозяйка, а жена в действительности является мужем, так как она ходит на работу. Она рубит дрова, она охотится ради пропитания; а мужчина просто сидит, пьет спиртные напитки, слоняется вокруг, заботится о детях и о доме. Он занимался этим веками; естественно, он усох, он потерял свою мускулатуру. Достаточно странно, но когда пропала его мускульная сила, рост его уменьшился; рост женщин выше.

Когда я впервые попал в такое аборигенное племя, я не мог поверить своим глазам. Я никогда не думал, что в этом есть нечто историческое, что это ничего общего не имело с природой. А почему мужчина в этих аборигенных племенах выбрал такой путь? Это тоже пикантно – так как эти племена позволяют иметь столько жен, сколько захочешь. Это прекрасно. Мужчина женится на пяти или шести женщинах, а затем лишь отдыхает, пьет, а женщины должны работать.

Женщины делали любую работу, которую должен был делать мужчина. Естественно, что женщины стали сильнее. И вы будете удивлены, узнав, что именно женщина играет на музыкальных инструментах, танцует, старается сделать прекрасные вещи, скульптуру. Все то прекрасное, что сделано, сделано женщиной. Она прядет и шьет одежду прекрасных фасонов.

Мужчина ничего не сделал; миллионы лет он ничего не создавал в этих племенах. Он вел жизнь пьяницы, и так как он часто бывает пьяный, то не может даже присматривать за детьми или готовить пищу. Поэтому, когда жены возвращаются, они еще должны также приготовить пищу и присматривать за детьми, вытаскивать их отовсюду, так как муж пластом лежит на земле. А он может позволить себе пластом лежать на земле, так как он женился... единственно великая вещь, которую он

сделал, – он женился на шести или семи женщинах. Итак, чего же еще вы ожидаете от него? Он сделал свою работу.

Общество этих аборигенных племен – матриархат, так как вожди этого общества – женщины. У них есть комитет, чтобы решать проблемы, связанные с их жизнями. Мужчины не имеют решающей власти.

Вы должны подумать также и с других точек зрения. Женщина имеет большую силу сопротивления, чем мужчина. Теперь это уже установленный медициной факт. Женщины заболевают реже, чем мужчины; они живут дольше, чем мужчины, на пять лет дольше. Это очень глупое общество, в котором мы решили, что муж должен быть на четыре или на пять лет старше, чем жена, – чтобы лишь доказать, что муж более опытный, более взрослый, чтобы сохранять свое превосходство в целости. Но это не медицинское правило, что женщина будет жить на пять лет дольше. Если задуматься с медицинской точки зрения, то муж должен быть на пять лет моложе жены для того, чтобы они могли умереть в одно и то же время, почти в одно и то же время.

С другой стороны, муж должен быть на четыре или на пять лет старше, и, кроме того, почти во всех культурах и во всех обществах женщине не разрешается выходить замуж снова. То, что ей теперь разрешается снова выходить замуж, это новое положение; и оно имеет место только в очень развитых странах. Ей не разрешается выходить замуж, поэтому по крайней мере десять лет она будет жить вдовой. Это звучит не по-медицински – просто арифметика здесь не проходит. Зачем заставлять несчастную женщину десять лет вдовствовать?

Лучше всего было бы, если бы жена была на пять лет старше, а мужчина на пять лет моложе. Это решило бы все дело. Они умирали бы почти одновременно, в одно и то же время. Не было бы необходимости во вдовцах и вдовах и в проблемах, которые вытекают отсюда.

Итак, если вы думаете, что женщина живет на пять лет дольше мужчины, то кто же тогда занимает более высокое положение? Если она болеет реже, обладает большей сопротивляемостью, то кто же выше? Женщины совершают на пятьдесят процентов меньше самоубийств, чем мужчины. Точно такое же соотношение касается сумасшествия: женщины сходят с ума на

пятьдесят процентов меньше, чем мужчины. Итак, эти факты никогда не рассматривались. Почему?

Почему мужчины должны совершать самоубийства в два раза больше, чем женщины? Похоже на то, что мужчина не обладает упорством в жизни. Он слишком нетерпелив и самонадеян, он слишком жаждет успеха; а когда дела идут не так, как ему хотелось бы, тогда он хочет покончить с собой. Очень скоро он разочаровывается. Это говорит о слабости: у него нет мужества, чтобы взглянуть в лицо жизненных проблем. Самоубийство – трусливый поступок. Это – избежание проблем, оно не решает проблем.

У женщины проблем больше – ее собственные проблемы и проблемы, которые создает для нее ее мужчина. Она имеет в два раза больше проблем, и все же она ухитряется мужественно смотреть им в лицо. А вы продолжаете говорить, что она слабая. Почему мужчины в два раза больше сходят с ума, чем женщины? Это просто говорит о том, что его интеллект сделан не из крепких материалов – в любое время он может умереть.

Но почему мужчины постоянно настаивали на том, что женщина ниже по своему положению?

Это – политика. Это – игра во власть.

Вы не можете стать президентом страны, – это не легко, так как конкуренция велика. Вы не можете стать мессией, так как это не легко; в тот момент, когда вы думаете о том, чтобы стать мессией, у вас перед глазами возникает распятие на кресте.

Однажды я видел рекламу какой-то христианской миссии, предназначенную для новых членов; на рекламе был изображен Иисус, висящий на кресте; и реклама гласила: «Вам необходимо мужество, чтобы стать священником». Великолепная реклама! Но это означает, что за исключением Иисуса... а как насчет всех остальных христианских священников? Они не священники; эта реклама – достаточное доказательство. Итак, был только один священник.

Все эти папы, кардиналы и епископы – что это такое? Они не священники... так как, когда Иисус провозглашал свои идеи, ответом был крест. А когда эти папы ездят по миру... красные ковры, теплые большие приемы президентами разных стран, премьер-министрами разных стран, королями и королевами, – это странно. Вы не должны дурно вести себя в присутствии пап и епископов – да, это недостойное поведение; вы провозглашаете,

что он не священник. Распните его! Это будет единственным свидетельством того, что он был настоящим христианином. Распните как можно больше священников. Это не *моя* идея, это их идея. Они публикуют рекламу, что «вам необходимо мужество», с изображением Иисуса на кресте.

Быть политиком так просто. Ему не надо беспокоиться только о правительстве, государстве и делах, связанных с ними. Любой поиск власти делает вас политиком. Муж старается превосходить свою жену – это политика. Жена старается превосходить своего мужа... поскольку жена просто не может допустить мысль... несмотря на то, что в течение миллионов лет она была поставлена в определенные условия, она находит способы для саботажа.

Именно в этом причина того, что жена все время придирается, раздражается, начинает кричать по малейшему поводу, устраивает суматоху из всего, – вещи, о существовании которых вы даже не подозревали, могут стать причиной скандала. Почему все это происходит? Это ее женский способ саботировать вашу политическую стратегию: «Ты думаешь, что превосходишь меня? Продолжай думать, что превосходишь меня, а я покажу тебе, кто превосходит». И каждый муж знает, кто стоит выше; все же он продолжает стараться быть выше жены. По крайней мере, вне дома он расправляет плечи, поправляет свой галстук, улыбается и делает вид, что все в порядке.

В небольшой школе учитель спрашивал учеников: «Вы можете назвать мне животное, которое выходит из дома как лев, а возвращается как мышь?»

Маленький мальчик поднял руку. Учитель сказал: «Да, какой твой ответ?»

Он сказал: «Мой отец». Дети очень наблюдательны. Они постоянно смотрят на то, что происходит. Отец выходит из дома почти как лев, а когда приходит домой, он как мышь. Каждый муж находится под каблуком своей жены. Другой категории мужей не существует. Но почему? Почему возникла такая ужасная ситуация? Существует мужская форма политики, существует женская форма политики – но оба, мужчина и женщина, стараются превзойти друг друга.

В других областях, например, в университете... лектор хочет быть доцентом, доцент хочет быть профессором, профессор хочет быть деканом, декан хочет быть ректором – постоянная

борьба за власть. По крайней мере, надо бы подумать о том, чтобы этого не было хотя бы в образовании. Но никто не заинтересован в образовании, каждый заинтересован во власти.

В религии происходит то же самое: епископ хочет быть кардиналом, кардинал хочет быть папой. Каждый старается забраться выше по лестнице, а другие тащат его за ногу вниз. Те, кто находится выше, стараются столкнуть его так, чтобы он не смог достичь их уровня. И то же самое происходит с теми, кто находится на более низком уровне лестницы: одни тащат их за ноги вниз; другие отпихивают и бьют их, чтобы удержать их как можно ниже. Вся лестница, если вы смотрите на нее как наблюдатель, представляет собой цирк. И это происходит везде вокруг вас.

Поэтому, по моему мнению, политика означает приложение усилия к тому, чтобы доказать свое превосходство. Но почему? Потому что в глубине себя вы ощущаете себя очень неполноценными. И человек инстинкта обязан ощущать себя неполноценным – он *является* неполноценным. Это не комплекс неполноценности; это факт, реальность – он неполноценен. Жить жизнью инстинктов – значит жить на самом низком уровне жизни.

Если вы постигаете борьбу, сражение за превосходство и выпадаете из сражения, то вы просто говорите: «Я сам по себе, не превосходный и не неполноценный...» Если вы просто стоите в стороне и наблюдаете за всем этим представлением, то вы вошли во второй мир – мир разума и сознания.

Вопрос только в понимании всей этой прогнившей ситуации, в которую попадает каждый. Вы должны лишь немного терпеливо наблюдать за всей ситуацией: «Что происходит?.. И даже если я достигну самого высшего положения на лестнице, то какой смысл?» Вы просто висите в небе, выглядя глупцом. Больше некуда двигаться.

Конечно, вы не можете спуститься вниз, так как люди начнут подшучивать над вами: «Куда вы направляетесь? Что случилось? Вы потерпели поражение?» Вы не можете спуститься вниз и не можете куда-то двигаться, так как выше ступеньки нет, поэтому вы зависаете в небе, притворяясь, – улыбаясь улыбкой Джимми Картера, – что вы уже прибыли, что вы достигли цели жизни. А вы-то знаете, что ничего не нашли. Вы были просто

глупцом, и вся ваша жизнь потрачена впустую. Теперь пути наверх нет; а если вы опускаетесь вниз, тогда все будут смеяться.

Поэтому тот, кто становится президентом страны или премьер-министром страны, молится только о том, чтобы умереть на своем посту... Так как ниже вы опуститься не можете – это очень оскорбительно, унизительно; а выше – нет пути. Вы пригвождены; только смерть может освободить вас от этой дилеммы.

Один из главных министров штата Мадхья Прадеш был очень дружен со мной. Я был очень молод, но он любил меня, и ему нравилось обсуждать со мной разные темы. Много раз я говорил ему: «Вы должны беседовать с людьми, которые способны разбираться в политике. Я не знаю политику».

Он сказал: «Я обсуждаю с тобой, потому что эти вещи я не могу сказать больше никому. Только тебе я могу их сказать, так как ты никому больше их не скажешь; действительно, ты не сможешь постичь, в чем заключается проблема. Но я чувствую облегчение, просто разговаривая с тобой».

Я сказал: «Хорошо, если вы чувствуете облегчение, то я готов слушать». И это была основная проблема, которая возникала все снова и снова: «Единственная вещь, на которую я надеюсь, – это то, чтобы умереть главным министром. Я не хочу умирать, будучи в отставке».

Я спросил его: «А какая радость умереть, оставаясь на своем посту? Вы можете отдохнуть, вы можете уйти в отставку – вы уже довольно старый».

Он сказал: «Никогда не предлагай этого, так как если я буду не у власти, то это будет унижением. В тот момент, когда вы теряете власть, все забывают вас. Я хочу умереть со всеми почестями главного министра; с почестями, оказанными армией, правительством, полицией, – со всеми соответствующими почестями».

Он был первым главным министром штата Мадхья Прадеш, и он остался им до самого конца. Он умер, будучи главным министром, и был очень счастлив.

Однажды, до того, как он умер, я пошел навестить его и спросил: «Как вы себя чувствуете?»

Он сказал: «Я чувствую себя очень хорошо, так как похоже, что пришло время, а я все еще на своем посту».

Это выглядит грустно. Этот человек всю свою жизнь боролся за то, чтобы стать главным министром. Он был лишь школьным учителем. Это был долгий путь от школьного учителя, чтобы пройти всех политиков, – а все они великие, хитрые, умные, старающиеся всевозможными способами помешать ему, – но он был непреклонным и в конце концов добился своего.

Но он потерял всю свою жизнь лишь ради того, чтобы добиться огромного прославления с военным парадом и с двадцатью одной винтовкой, а также с семидневными каникулами, устроенными во всем государстве. И все флаги были спущены в его честь в течение семи дней. Но какой смысл? Человек-то мертв! Бросите ли вы его в муниципальный грузовик или сделаете все эти вещи – это не имеет смысла. Он жил и умер лишь за эту военную почесть.

Если вы посмотрите, то будете просто удивлены; в человеческом мозгу, должно быть, происходит что-то безумное, что придает ему постоянную энергию подниматься все выше и выше. Я точно знаю, что человек, который первым достиг вершины Эвереста, был не тем человеком, который известен всему миру. О человеке, который действительно первым достиг этой вершины, мир никогда не узнает, так как он был лишь слугой: Тенсинг, непалец, бедный человек.

Он достиг первым... так как это место было очень опасным. Сотни людей на протяжении сотен лет погибли, пытаясь достичь вершины Эвереста. Конечно, человек, который организовал и вложил деньги в это предприятие, не рисковал тем, что он первый, так как Эверест – просто вершина. Устоять там может только один человек и не долго, потому что ветер там настолько сильный, а высота такая большая, что если сделать один шаг в сторону, то вы пропали – упадете на глубину многих миль. Вас никогда не найдут и не узнают то, что с вами случилось.

Но бедный слуга был первым, а когда он обнаружил, что опасность миновала, он спустился вниз. Затем великий исследователь и «первый» человек, достигший вершины Эвереста, Хиллари постоял там, приготовившись позировать для фотографии. И он поднял флаги Великобритании, Индии и Непала, так как все три страны принимали участие. Итак, он оставил там три флага, но он находился там не больше десяти минут; находиться там дольше было опасно.

История же никогда не узнает о бедном человеке, который первым достиг вершины. И конечно, Хиллари дал ему достаточно денег, чтобы он молчал. Он открыл великолепный институт и сделал Тенсинга директором этого института, который предназначался для обучения людей лазанью по горам, альпинизму, искусству альпинизма. Но такие вещи невозможно скрыть – так как там был не только Тенсинг, там было по крайней мере пятьдесят других слуг, которые, кроме того, несли различного рода инструменты, палатки, продовольствие, одежду. Все они видели того, кто был первым. Всем им дали взятки, но когда пятьдесят человек видят такое событие, то очень странно и неожиданно, если слух об этом не распространяется.

Я встретился с одним из людей, который был в той команде, и он сказал: «Это правда, но мы бедные люди и всего лишь слуги». Он сказал: «Это похоже на то, когда сражаются две армии и солдаты убивают друг друга: одна сторона выигрывает, а другая терпит поражение, но победителем всегда является командир, который никогда сам не сражается, который остается позади солдат, держась на достаточно удаленном расстоянии, чтобы в любой опасной ситуации он смог бы первым скрыться из опасного места. Но когда приходит победа, тогда *он* получает медали и прочее. Вот так вертится мир». Он сказал: «Мы бедные люди, и мы не жалуемся, потому что он дал нам достаточно денег».

Человек постоянно старается любыми способами стать выше, стать особенным, превосходным, но все это – политика. А согласно моему мнению, в этом заинтересованы только посредственные люди. У разумных людей есть более важные дела. Разум не может попусту тратить себя на борьбу с третьим сортом, ужасной политикой, грязной политикой. Только третьесортные люди становятся президентами, премьер-министрами. Разумный человек не стремится быть сбитым с толку такой пустыней, которая никуда не ведет, даже в оазис.

Поэтому на уровне инстинкта политика является «силой, которая всегда права», – закон джунглей. Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, Бонапарт, Александр, Тамерлан – все эти люди были похожи больше на волков, чем на человеческие существа.

Если мы хотим, чтобы в мире существовало истинное человечество, мы должны полностью вычеркнуть имена этих

людей. Мы должны забыть, что эти люди существовали; они были просто кошмаром. Но странно, вся история заполнена такими людьми.

Я ходил в класс истории в колледже только один день. Когда я пришел, чтобы заполнить бланк, директор спросил: «Какие предметы ты хочешь изучать? Ты можешь выбрать четыре предмета».

Я сказал: «Я заполню бланк, я подпишу его и внесу денежный взнос, но я хотел бы немного познакомиться со всеми этими профессорами, которые преподают, так как, по моему мнению, учитель сам по себе более важен, чем то, что он преподает. И, кроме того, я должен немного познакомиться с теми предметами, которые они преподают».

Он сказал: «Это совершенно беспрецедентная вещь. Вот то, что ты должен вначале заполнить, только после этого ты сможешь поступить в колледж».

Я сказал: «Вы должны сделать исключение, в противном случае я готов предстать перед комитетом, который управляет колледжем, чтобы убедить их. Как я могу выбирать предметы, которые я не знаю? И я не хочу многого – лишь небольшой образец всех предметов. Я хочу только две недели: я обойду весь колледж, а что касается предметов – я немного познакомлюсь с этими предметами, познакомлюсь со студентами, с преподавателями и тогда я заполню все бланки».

Он сказал: «Хорошо, но лучше бы тебе держаться спокойно. Никому ничего не говори, так как я думаю, ты смог бы убедить комитет».

Я сказал: «Очевидно, что даже если человек идет на рынок купить обыкновенный глиняный кувшин, то он вначале зайдет в несколько лавок, постучит и пощупает кувшины». В Индии в то время прекрасный глиняный кувшин стоил один или два пайса, но все равно проверяли, есть ли в нем дырка или нет. Если в нем есть дырка, то он издает определенный звук; если у него есть трещина, то звук другой, а если он, действительно, отличный, то он издает музыкальный звук. «Даже ради глиняного кувшина стоимостью в два пайса люди обходят весь рынок, – а я собираюсь принять решение, которое касается четырех лет моей жизни. Вы хотите, чтобы я заполнил все бланки, не зная, что я делаю?»

Директор сказал: «Хорошо, я буду держать их в моей папке. Обходи все в течение двух недель, но не создавай неприятностей, так как, если я попадусь с этими бланками, меня ждут неприятности».

Я сказал: «Не беспокойтесь».

Первое занятие, которое я посетил, был урок истории, так как я случайно зашел в этот класс, когда вошел в здание. Поэтому я сказал: «Все в порядке, хорошо; начнем с истории». Лектор делал обычное вступление, а люди, о которых он говорил, были идиотами: Надиршах, Тамерлан, Чингисхан, Бабур, Хумайун, Аурангзеб – все завоеватели Индии.

Я спросил его: «Вы обучаете нас или вы просто напоминаете нам, что мы родились, чтобы быть рабами? Вы учите нас истории или вы просто напоминаете нам, что мы были рабами на протяжении тысяч лет, и всегда будем рабами, – ведь такая большая страна была завоевана маленькими армиями, варварскими, нецивилизованными».

Я сказал ему: «Если у вас есть хоть какое-то чувство достоинства, пожалуйста, перестаньте говорить всю эту чепуху. Неужели вы не можете найти что-либо, что придает человеку достоинство, что заставляет его чувствовать, что прошлое было не только идиотским и глупым, что в прошлом есть нечто, что заставляет его чувствовать, что он наследует нечто прекрасное, грандиозное, и заставляет его надеяться на будущее?»

Он сказал: «Ты пришел сюда, чтобы изменить всю программу по истории?»

Я сказал: «Полностью, так как только в этом случае я смогу учиться здесь. Я пришел сюда, чтобы лишь проверить, стоит ли на это тратить время, так как все эти кошмары... Что я должен поделать с Надиршахом? И почему я должен хотеть знать о нем? Существует нечто намного прекраснее. Неужели вы не можете говорить о Будде, Бодхидхарме, Нагарджуне, Шанкаре, Паршванате, Махавире, Васубандху? Неужели вы не можете говорить об этих людях?»

Он сказал: «Боже мой! Я никогда не слышал эти имена! Васубандху? Я доктор, у меня есть степень по истории, но Васубандху? Я никогда не слышал этого имени».

Я сказал: «Тогда идите и садитесь, а я преподам вам кое-что о Васубандху. И это не единственное имя, которое вы не знаете.

Я сообщу вам несколько других имен, которые вы тоже не знаете. Вы знаете Дхармакирти? Вы знаете Чандракирти?»

Он сказал: «Нет. Ты выдумываешь эти имена?»

Я сказал: «Я не выдумываю их – они *реальные* люди. Но их нет даже в ваших примечаниях, так как они никогда никого не убивали, они никогда не захватывали какую-либо страну, они никогда не создавали какую-нибудь империю, они никогда не резали людей, они никогда не совершали массовых убийств людей, они никогда не насиловали женщин, они никогда не сжигали людей живьем».

«Что такое история? Лишь вырезки из давнишних газет. Если вы пойдете и поможете кому-то, то ни одна газета не опубликует заметку об этом; идите и убейте кого-нибудь, и все газеты будут заполнены этим. И о чем вся ваша история, как не о людях, которые были сплошной неприятностью, которые оставили лишь раны в сознании человека? И это вы называете историей?»

Я сказал: «Если это история, тогда она не для меня, поскольку у меня другая оценка истории. То, чему вы учите, является на самом деле историей политики. Вы должны изменить название вашего предмета. Это не история, это политическая история. А то, о чем я говорю вам, является историей человеческого разума и, в конечном итоге, историей просветления человека».

Он был просто в шоке. Он лишь сказал классу: «Сейчас я не в состоянии что-либо сказать. Вначале я должен повидать директора по поводу этого мальчика».

Я сказал: «Нет необходимости встречаться с директором – я видел его. Он знает о том, что я делаю. И я не собираюсь возвращаться сюда, поэтому вы можете не беспокоиться, продолжайте разговор об этих идиотах. У вас в голове только этот мусор. Очень странно, что настоящие украшения разума даже не упоминаются».

Для меня было очень трудно разыскать что-то об этих людях. Я искал во многих библиотеках, пытаясь найти что-то еще об этих людях, которые действительно являются творцами; они заложили основы. Но мы знаем только один тип мира – мир, в котором сила всегда права.

Нет, на втором уровне правота есть сила. Разум верит в нахождение того, что является правотой.

Нет необходимости сражаться мечами или бомбами и убивать друг друга, так как сила не доказывает какую-либо правоту. Вы думаете, что Мухаммед Али, боксируя с Гаутамой Буддой... конечно, он будет победителем – в первом раунде. Второго раунда не будет, первого удара будет достаточно; несчастный Будда будет раздавлен! И, видя ситуацию, он сам начнет отсчитывать: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Он не будет ждать, когда начнет считать судья. И он не сдвинется с помоста; лежа на помосте, он будет считать до десяти. И он скажет: «Кончено: вы – победитель».

Но сила не доказывает правоту. Это абсолютно подходит для мира животных и для мира инстинкта. Разум меняет все роли на противоположные: правота есть сила – и правота должна быть определена разумом, логикой, причиной, аргументом.

Вот что Сократ делал в суде. Он был готов ответить на любой вопрос, который хотели задать присяжные и судьи. Он спросил: «В чем мои преступления? Просто начните говорить мне о них: одно за одним – я готов отвечать». Они знали, что с этим человеком спорить невозможно; но неясные преступления – они думали, что, возможно, Сократ не сможет дать ответы по ним. И даже если бы он ответил, то присяжных они не убедили бы, так как они противоречили бы всему их общественному положению. Первое, что они сказали, было: «Величайшее преступление, которое вы совершили, – это то, что вы развращали умы молодежи».

Сократ сказал: «Это правда, но это не преступление. А то, что вы называете развращением, я называю созиданием. *Вы* развратили умы этих людей; теперь я должен разрушить это развращение. А если вы правы, тогда почему вы не открываете школу, академию, какие имею я? И люди будут приходить к тому, кто прав».

С тех пор как Сократ открыл свою школу, все школы в Афинах были закрыты, так как, когда преподает такой человек, как Сократ, кто же сможет конкурировать? В действительности все учителя, которые преподавали в школах, стали студентами Сократа. Он был настоящий Учитель.

Сократ сказал: «Представьте мне единственного молодого человека, который развращен мною... И что вы подразумеваете под развращением?»

Они сказали: «Вы поучаете, что нет ни Бога, ни богов».

Он сказал: «Да, потому что *не существует* ни Бога, ни богов. Что я могу поделать с этим? Я не несу ответственности за это. Если Бога не существует, разве не *вы* развращаете ум юноши? Я просто говорю истину. Вы думаете, что истина может развратить умы молодежи?» Полемика продолжалась целыми днями. В конце концов судьи решили: «Поскольку дело касается разума, он заткнул рот всем вам, – единственный человек против всего бездарного афинского общества, – поэтому мы не должны больше спорить; мы просто предложим проголосовать».

Сократ сказал: «Голосование не может доказать, что – правильно, а что – неправильно. На самом деле существует большая вероятность того, что люди будут голосовать за то, что неправильно, так как большинство состоит из посредственных людей».

Сократ пытался доказать, что правота должна быть определена посредством разума. Именно это, в конце концов, привело к эволюции общества. Сократ должен быть известен как отец всей науки, так как в науке не существует проблемы: «Вы могущественны, именно поэтому вы правы». Вопрос в следующем: если кто-то может доказать свою правоту, то не имеет значения, насколько он могущественен. Вопрос решается посредством логики, здравого рассудка – в лаборатории, с помощью экспериментов и опыта. Поэтому на втором уровне сознания политика – совершенно другое дело.

В течение двух тысяч лет Индия была в рабстве по многим причинам, но одной из причин и самой основной причиной является то, что все разумные люди Индии повернулись спиной к политике, проводимой на самой низкой, третьей категории, на уровне инстинкта. Все разумные люди просто не интересовались ни политикой, ни властью. Весь их интерес заключался в определении, что есть истина и в чем смысл жизни? Зачем мы здесь?

Во времена Гаутамы Будды, возможно, во всем мире второй уровень сознания дошел до самого высокого пика. В Китае: Конфуций, Лао-цзы, Менсиус, Чжуан-цзы, Ле-цзы – они были людьми, современниками. В Индии: Гаутама Будда, Махавира, Маккхали Госал, Аджит Кешкамбал, Санджай Вилетхипутта – они были непреодолимыми, гигантами. В Греции: Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Гераклит, Пифагор – они прикоснулись к самой вершине разума. Во всем мире внезапное

появление разума было подобно волне прилива. Только идиоты продолжали сражаться; все разумные люди были поглощены нахождением путей для определения того, что является правильным, а что является неправильным.

В Индии существовала традиция, заключавшаяся в том, что каждый философ должен был путешествовать по всей Индии и бросать вызов другим. Вызов был не враждебным – вы должны понять это. На втором уровне нет враждебности; оба человека, бросающие друг другу вызов, – искатели. Это дружеское явление, это не сражение; они оба хотят понять истину. Ни один из них не пытается победить другого. Вопрос об этом вообще не стоит.

Когда Шанкара начал беседовать с Манданом Мишрой, он прикоснулся к его ногам и попросил его благословения на то, чтобы победила истина. Итак, прикоснуться к ногам своего врага – о чем это говорит? Вопрос не стоит о победе над человеком; он стар и уважаем по всей стране. Шанкара всего лишь молодой человек; Мандан Мишра годится ему в отцы.

Шанкара прикасается к ногам Мандана Мишры, так как вопрос о победе над ним не стоит; он просит благословения не потому, что он должен быть победителем, а потому, что должна победить истина. А истина не является чьей-то собственностью.

Подобное происходило по всей стране. И рождались такие интеллектуалы, что даже сегодня мы не можем найти таких же высоких качеств, такой же проницательности, – по той простой причине, что все интеллектуалы обратились к науке. Философия опустела. А в то время все те люди находились в мире философии.

Но вы должны помнить, что это – сражение, но ни в коем случае не личная ссора, не желание доказать свое превосходство, а стремление найти истину... В индийской истории философии есть знаменитое изречение: *Сатьямева Джаяте* – «Истина должна победить; не имеет значения, кто проиграл». Это вытекает не из комплекса неполноценности, это вытекает из действительно высшего разума.

Эта традиция перешла в Китай, в Японию, распространилась также в других областях. Вот почему, когда вы увидите двух японских боксеров, или борцов айкидо, или борцов джиу-джитсу или дзюдо, вы будете удивлены – вначале они кланяются друг другу с огромным уважением. Нет вопроса о враждебности.

В этом состоит одно из учений дзюдо и всех боевых искусств в Японии: когда вы сражаетесь с кем-то, то нет вопроса о личной вражде. Если имеет место личная вражда, то вы уже готовы к поражению, так как это заложено в эго – вы опускаетесь до более низкого уровня.

В искусстве дзюдо тот, кто доказывает свое высшее искусство в дзюдо, тот – победитель, но не личность; выигрывает искусство. Так же как в философии: побеждает истина, а здесь побеждает искусство. Даже на единое мгновение вы не должны помнить о себе лично и о своей победе, поскольку это мгновение станет вашим поражением.

И так случалось много раз – никто другой этого не поймет, за исключением того, кто понял всю эту восточную традицию. Иногда бывает, что имеется два в равной степени неэгоистичных бойца; тогда никто не выигрывает. Бой продолжается целыми днями; окончание боя постоянно откладывается, но никто не выигрывает. Они приходят каждый день и кланяются друг другу – с большой радостью, с большим уважением. В действительности они оказывают честь личности, так как боец – не обыкновенная личность; сражаться с ним уже является честью.

И бой продолжается. В конце концов судьи вынуждены сказать: «Никто не может выиграть. Поскольку у обоих в равной степени отсутствует эго, то никто не может найти способа победить другого». Эго – это увертка. Эго – это тип сна, во время которого вы можете быть побеждены. Лишь на мгновение к вам может прийти мысль о победе, и это ваш конец. Искусство дзюдо, джиу-джитсу, айкидо – все они схожи лишь с небольшими различиями, тонкостями, но главная основа – одна. А главная основа заключается в том, что, когда вы сражаетесь, вы должны представить, что вас там нет, что вы полностью отсутствуете; тогда никакой меч не поразит вас. И если вы видите двух сражающихся на мечах бойцов, то вы будете просто изумлены...

Один из моих друзей – он стал моим другом, когда вернулся из Японии, – попал на вторую мировую войну. Он был в британской армии, полковник. Он был сикх, сардар; его звали Чанчал Сингх. Он был захвачен японцами как военнопленный. А затем один из индийских революционеров, Субхаш Чандра, был принят Адольфом Гитлером в Германии, а затем он был принят в Японии; и по рекомендации Адольфа Гитлера Япония

разрешила Субхашу провести подготовку всех индийских военнопленных, чтобы они сражались против британской армии.

Японцы думали, что это хорошая идея; иначе военнопленные были бы бесполезным бременем. Субхаш сражался за свободу их страны, поэтому он смог легко убедить индийских военнопленных. Для них это тоже было хорошо. Прежде всего, кто не стал бы сражаться за свою собственную страну? Во-вторых, это лучше, чем быть пленным. Был также шанс убежать.

Субхаш обучал их всем боевым искусствам. После войны, когда пленные были освобождены, Чанчал Сингх вернулся домой. Я просто сидел в отеле с другом, обсуждая проблему освобождения страны, и я говорил ему: «Просто лишь освобождение от британского владычества не означает автоматически свободу. Свобода – положительное понятие. Вы можете сбросить британцев, но если ваш разум останется разумом раба, то любой может править вами – он может быть индийцем, но вы не будете свободными».

«Да, правители будут меняться: белая кожа уходит, черная кожа занимает ее место; а вы думаете, что с изменением цвета кожи рабство может превратиться в свободу? Свобода нуждается в некоторой положительной перемене и в изменении мыслей. Если у вас ум раба, то вы будете рабом; не имеет значения, кто находится на троне».

И я все еще придерживаюсь этого мнения, так как прошли годы, а Индия все еще рабыня, более, чем раньше. По крайней мере, когда страна была под британским владычеством, существовала возможность переложить ответственность на британцев, они несли ответственность. Теперь у них нет даже такого оправдания.

Как раз на днях ко мне поступила информация о том, что может случиться только в стране, где разум настолько привык к рабству, что, что бы вы ни делали, она не может признать себя свободной. Информация была о том, что грузовик, нагруженный секретными документами, был перехвачен, когда он пересекал границу с другим государством, – все секретные документы! Водитель был индийцем, проводник был индийцем, а грузовик принадлежал очень крупному промышленнику. И этот промышленник... когда был перехвачен грузовик, то был схвачен и этот промышленник; и кроме того, было задержано двенадцать

человек; было обнаружено, что, возможно, этот грузовик был последним из многих. Интересно, остались ли в Индии какие-нибудь секреты?

Такое никогда не случалось в истории. Все секреты продавались индийцами! Никакие агенты других стран не делали этого; с ними контактировали индийцы – о рабство и его ум! – и агенты спрашивали: «Вы хотите секретные документы о ядерном заводе, который строит Индия?» И завод, стоимостью пятьдесят миллионов долларов, был продан за пятьдесят долларов – все секретные документы, весь план, местонахождение, все!

Всю информацию покупал французский частный детектив. У него не было намерений против Индии, но если такие секреты отдаются так дешево, то они стоят того, чтобы заполучить их; в любой момент можно заработать миллионы. Если Индия собирается воевать с Китаем, то Китай будет готов заплатить что-нибудь за эти секреты. Если Пакистан собирается воевать с Индией, то Пакистан будет готов заплатить что-нибудь: что бы вы ни попросили, вы получите.

Самая удивительная вещь заключается в том, что Россия старается заслать шпионов в Америку, а Америка засылает шпионов в Россию... Тогда это тоже не легкая работа – обнаружить секреты. Французский агент сообщил новость средствам информации, что «в полдень Индира Ганди приняла некое решение, а к вечеру оно было в моих руках – максимум в течение трех-четырех часов. Любой секрет, который обсуждался в кабинете Индиры, был в моих руках в течение трех часов».

Поэтому не только какой-то промышленник или кто-то еще, а даже министры кабинета, самые высшие... поскольку несколько секретов обсуждалось только между тремя высочайшими министрами кабинета и президентом. Только четыре человека знали о них, и все же они продавались везде на открытом рынке. Итак, кто же продавал? И что они за люди? Рабство стало частью их крови. Они нуждаются в переливании и полной замене крови. Они нуждаются в новом уме.

Я обсуждал это рабство с одним другом, а тот сардар тоже слушал; он слушал, попивая чай. В конце концов он не смог преодолеть соблазн; он подошел и сказал: «Можно мне сесть здесь? Так как обсуждение на самом деле интересное. Если вы разрешите, я присяду – и позвольте представиться вам, ведь я был борцом за свободу. Я сидел в японских тюрьмах и в

британских тюрьмах – вначале я был майором в британской армии, – и меня только что освободили; так как британское правительство покинуло эту страну, то все заключенные были освобождены. И я ищу какую-нибудь работу, так как я ничего не знаю, кроме сражений. Но я знаю японское боевое искусство. Может быть, вы сможете помочь мне; я мог бы начать обучение студентов боевым искусствам». И он стал другом.

Нам удалось открыть для него школу, и он был полностью погружен в работу. Иногда он в качестве просто развлечения показывал небольшие штучки. Он сказал: «В Японии существует определенная тренировка голоса. Если кто-то с мечом нападает на вас, а у вас нет оружия, то вы лишь издаете определенный звук, и меч выпадет из его рук».

Я сказал: «Это, кажется, нечто особенное! У меня есть друг-борец, он не знает ничего о мечах, но, имея палку... И это хорошо, так как если вы промахнулись или что-то не получается, то он может отрубить вам голову. У меня будут ненужные неприятности – вы уйдете, а у меня будут ненужные неприятности, поэтому лучше попробовать с большой палкой».

И еще я знал одного борца. Поэтому я разыскал известного мне борца и рассказал ему обо всем. Он сказал: «Нет проблем. Я расколю голову этого сардара на две части; лишь один удар, и будет достаточно». Он был сильным человеком, и когда он собрался ударить Чанчала Сингха – он лишь поднял руку, чтобы ударить, – Чанчал Сингх издал звук, и палка выпала из руки борца, как если бы его сердце перестало биться! Вот что случилось: его рука лишилась всей своей силы – всего лишь звук!

Я сказал: «Как вы издаете этот звук? Ведь он ничего особенного собой не представляет; ему можно легко научиться».

Чанчал Сингх сказал: «Этому звуку можно легко научиться; все дело в том, что тебя не должно быть. Это самая трудная вещь. Все эти годы я был в Японии: все просто, но трудность в том, что тебя не должно быть. А ведь в то время, когда кто-то собирается раскроить твой череп на две части, именно в это время ты абсолютно необходим!»

Даже в такое время вас не должно быть – только звук без всякого эго. Человек сразу же забудет то, что он делает; он будет полностью в растерянности, на мгновение даже его память исчезнет. Он не осознает то, что происходит, то, что он делает, то, что он делал. На то, чтобы ему восстановиться, уйдет немного

времени. Должно отсутствовать лишь ваше эго. Это отсутствие создает определенное изменение в уме человека, определенный тип нарушения, внезапное нарушение.

Но если оба человека без эго, то это очень трудно. Известно, что в Японии происходит странная вещь, повседневная вещь: до того, как вы подняли свой меч, чтобы поразить другого человека, меч того человека уже готов к защите. Он не поднят после вашего движения, нет, а перед тем, как вы только *подумали* об этом движении. Как только в следующую секунду вы подумали об этом движении, перед тем, как ваша рука сделала это движение, эта мысль уже достигла его, и человек готов защищаться.

Такое случается, только если вы отсутствуете. Тогда меч неотделим от вас. Вы ничего не делаете; вы просто присутствуете, но в то же время отсутствуете, позволяя происходить всему. Но если эго отсутствует у обоих, тогда схватка может продолжаться целыми днями. Никто не может нанести удара, даже поцарапать другого человека.

Это не обыкновенный, инстинктивный уровень. Вы подошли к высшему уровню, более высокому, чем второй, – вы подошли к третьему уровню, интуитивному. Так же, как это может произойти с мечами или во время бокса, или во время восточной борьбы, такое же может произойти с разумом на третьем уровне.

Один из моих профессоров, о котором я говорил вам... За всю свою карьеру я любил только двух профессоров. Я огорчал многих и даже не оставлял в покое этих двух, но я любил их. Об одном, докторе С.И.Саксене, я что-то говорил вам. Другой был профессор С.С.Рой. Он написал докторскую диссертацию о Шанкаре и Бредли – сравнительное исследование. Он подарил мне первый экземпляр ее. Я сказал: «Это выглядит нехорошо: я ваш студент, а вы дарите мне первый экземпляр вашей диссертации, когда она только вышла из печати».

Он сказал: «По моему мнению, вы заслуживаете ее».

Я сказал: «Но по моему мнению, вся ваша диссертация... даже заглавие неправильное, так как вы сравниваете двух людей, принадлежащих двум разным уровням. Бредли – *интеллектуал*, большой интеллектуал... В первой половине этого века он доминировал во всем философском мире. Он был высшим интеллектуалом. Шанкара вообще не интеллектуал.

Конечно, они оба пришли к одинаковым выводам, именно поэтому вы и сравнивали их; вы видите, что выводы одинаковые. Но вы не видите, что они пришли к одинаковым выводам разными путями. И в этом мое возражение – ведь Бредли просто пришел к этим выводам благодаря своей логике, а Шанкара пришел к этим выводам благодаря переживанию».

«Шанкара не просто спорит по этим вопросам как философ. Он спорит и как философ, но это вторично. Он пережил истину. Теперь, чтобы выразить эту истину, он использует логику, разум, интеллект. У Бредли нет переживания, но интеллектуально он находит эти выводы более разумными, наиболее обоснованными».

Поэтому я сказал профессору Рою: «Если вы спрашиваете меня, то вы сравнили две совершенно разные личности, которые несравнимы».

Он сказал: «Именно поэтому я дал тебе мою первую книгу. Я знаю, что никто даже не задумается об этом, никто не вникнет так глубоко, кроме тебя. Я подарю эту книгу ректору, декану факультета и всем моим друзьям, но я даже не надеюсь, что кто-нибудь еще будет возражать, увидев лишь заглавие».

Я сказал: «Вы должны просмотреть ее еще раз, так как я буду читать ее и возникнет сто один вопрос. Поэтому просмотрите ее снова. Может быть, вы совершенно забыли... Вы работали над диссертацией в течение пяти или шести лет».

А там были и другие вопросы, но основной вопрос постоянно возникал все снова и снова. Можно прийти к выводу просто логически, и он может быть правильным; нельзя быть уверенным относительно его правильности. Но для Шанкары не существует вопроса, правильный он или, может быть, неправильный: вывод правильный. Даже если вы докажете логически, что он ошибается, он не сдвинется со своей позиции. Бредли сдвинется; если вы докажете, что он ошибается, он сдвинется. Я просто дал профессору Рою один пример, который я помнил.

Бредли говорит, что вселенная, существование – он называет ее «абсолютом»... Шанкара называет ее «Брахма», но определение одинаковое – абсолют. Я нарисовал круг и спросил С.С.Роя: «Если этот круг совершенный, то не существует возможности для развития, эволюции, какого-либо прогресса. Совершенность не допускает какого-либо изменения. Если существование абсолютно, совершенно, тогда оно мертво. Если вы

хотите, чтобы оно было живое, тогда сохраняйте его открытым, не завершайте круг; пусть оно растет, движется, развивается».

«Я не согласен с Бредли, так как он даже не сможет возразить на такой аргумент: 'Ваша вселенная мертва или жива?' Конечно, он не может допустить, что она мертва. Если она мертва, тогда я мертв, Бредли мертв, все мертво. Кто спорит? И для чего? Должна быть полная тишина – все мертво. Он не может допустить этого. Но если он допускает, что она жива, тогда несомненно он должен допустить, что она все же не абсолютна, и никогда не будет абсолютной».

«Мой вывод состоит в том, что она постоянно приближается все ближе и ближе к абсолютности, но никогда не будет абсолютной. Она будет всегда приближаться, приближаться, приближаться, но никогда не достигнет абсолютности: она будет оставаться живой».

«Бредли должен изменить свою идею. А вы, будучи учеником Бредли, – а профессор Рой с точки зрения философии был учеником Бредли, – вы должны допустить это во имя Бредли, иначе я готов... Скажите мне, как вы сохраняете идею живой вселенной при наличии идеи ее 'совершенства, абсолютности'?»

Он сказал: «Это правда, я никогда не задумывался над этим. Бредли нельзя поддержать».

Но я сказал: «Шанкара тоже говорит, что Бог, Брахма, истина абсолютны. Он тоже не может защитить свой аргумент, так как этот аргумент точно такой же. Но разница в том, что Бредли должен изменить свою точку зрения, а Шанкара будет просто смеяться и говорить: ''Вы правы. Мое заявление было ошибочно, и я знал, что тот, кто знает это, тот обнаружит, что мое заявление ошибочно''. Но Шанкара не допустит, что *он* не прав. Его позиция основана на переживании, она интуитивна».

На уровне интуиции вообще нет борьбы. Политик на уровне инстинкта подобен дикому животному. Он не верит ни во что, кроме своей победы. Он будет использовать все средства, необходимые для его победы. Результат оправдывает все средства, какими бы ужасными они ни были.

Адольф Гитлер говорит в своей автобиографии: «Средства не имеют значения; имеет значение результат. Если вы добились успеха, то все, что бы вы ни сделали, – все правильно; если вы потерпели поражение, то все, что бы вы ни сделали, – все ошибочно. Вы лжете, но если вы добились успеха, то это станет

истиной. Делайте что угодно, но помните, что в конце должен быть успех; тогда успех, имеющий обратную силу, делает все правильным. А поражение... вы можете все делать правильно, но поражение докажет, что все было ошибочно».

На втором уровне существует борьба, но теперь борьба гуманна; она интеллектуальна. Да, там все еще существует определенная борьба, чтобы можно было доказать, что то, чего вы придерживаетесь, есть истинное, но истина намного важнее вас самих; если вы потерпели неудачу ради великой истины, вы будете счастливы. Когда Шанкара нанес поражение Мандану Мишре, Мандан Мишра немедленно встал, прикоснулся к ногам Шанкары и попросил его, чтобы его посвятили.

Вопроса о борьбе не существует. Это гуманный, намного более высокий мир разума. Но все еще где-то позади во имя истины скрывается маленькая политика. Иначе какая необходимость даже бросать вызов этому человеку? Если вы знаете истину, то наслаждайтесь ею! Какой смысл ездить по всей стране, нанося поражение людям? Если вы знаете истину, люди придут к вам.

В этом есть какая-то очень тонкая политика. Можно назвать ее философско-религиозной политикой, но это все равно политика – очень утонченная.

Только на третьем уровне, где начинает функционировать интуиция, вообще нет борьбы. Будда никогда ни к кому не шел, чтобы покорить его, Махавира никогда ни к кому не шел, чтобы покорить его, Лао-цзы никогда ни к кому не шел, чтобы покорить его. Люди приходили; те, кого мучила жажда, приходили к ним. Они даже не интересовались теми, кто приходил, чтобы вызвать их на интеллектуальную полемику.

Приходили многие – приходил Сарипутта, приходил Моггальяна, приходил Махакашьяпа. Все эти люди были великими философами, имеющими тысячи учеников, и они приходили, чтобы бросить вызов Будде. На протяжении всей его жизни у него был простой принцип: «Если вы знаете, я счастлив. Вы можете думать, что вы победоносны, но вы это знаете? Я *знаю,* и я не думаю, что я должен кому-то бросать вызов... так как существуют только два типа людей: те, которые знают, и те, которые не знают. Те, которые не знают, – как я могу бросать вызов этим бедным ребятам? Такого вопроса не существует. Те, которые

знают, – как я могу бросить вызов этим богатым ребятам? Такого вопроса не существует».

Он спросил Сарипутту: «Если вы знаете, я счастлив; но вы *знаете*? И я не бросаю вам вызов, я просто спрашиваю. Кто вы? Если вы не знаете, то откажитесь от мысли бросить мне вызов. И тогда просто будьте со мной. Когда-нибудь в нужный момент это может случиться – не посредством вызова, не посредством полемики, даже не посредством слов».

А люди были действительно честными. Сарипутта поклонился и сказал: «Пожалуйста, простите меня за то, что я бросил вам вызов. Я не знаю. Я искусный полемист, и я нанес поражение многим философам, но я вижу, что вы не философ. И сейчас пришло время, чтобы сдаться и посмотреть на это с новой точки зрения. Что же мне делать?»

Будда сказал: «Вы должны лишь молчать в течение двух лет». Это был простой принцип для каждого, кто приходил, чтобы бросить вызов, – а приходили многие: «Два года полного молчания, а затем вы можете задавать любой вопрос». А два года молчания – достаточный срок, более чем достаточный. Через два года они забывали даже свои собственные имена, они забывали все эти вызовы, мысли о победе. Они получили представление об этом человеке. Они вкусили истину.

Итак, на уровне интуиции вообще нет политики. В лучшем мире люди интуиции будут путеводной звездой для тех, кто, по крайней мере, может понять их интеллектуально. А интеллектуальные политики – профессора политики, интеллигенция, теоретики – они будут путеводителями для инстинктивных политиков. Только таким образом мир сможет чувствовать себя свободно, жить свободно.

Свет должен прийти с самого высокого уровня. Он должен будет пройти через вторую категорию, так как только тогда третья категория сможет ухватить что-то из него; вторая категория будет функционировать в качестве моста. Вот как однажды произошло в древней Индии...

Настоящие люди интуиции жили в лесах или в горах, а интеллектуалы, профессора, пандиты, ученые, первые министры обычно приходили к ним со своими проблемами, поскольку они говорили: «Мы слепы – у вас есть глаза».

Это произошло с Буддой. Он держал свой лагерь рядом с рекой, а по обеим сторонам реки стояли армии. Там было два

царства, а река была границей, и в течение поколений они сражались за то, чтобы решить, какому царству принадлежит река, так как вода представляла собой большую ценность. И они не могли решить – поэтому много раз они делали реку красной от крови, а борьба продолжалась. Будда держал там свой лагерь, и генералы обеих армий пришли к нему. Совершенно случайно в одно и то же время они вошли в лагерь и увидели друг друга. Они были поражены таким странным совпадением, но пути назад уже не было.

Будда сказал: «Не волнуйтесь; это хорошо, что вы оба пришли. Вы оба слепы, ваши предшественники были слепы. Река продолжает течь, а вы продолжаете убивать людей. Неужели вы не видите простой факт: вам обоим нужна вода, а река достаточно большая.

Нет необходимости обладать рекой – и кто может быть обладателем? – вся вода течет в океан. Почему вы оба не можете пользоваться ею? Одна сторона принадлежит одному царству, другая сторона принадлежит другому царству – здесь нет проблемы. И даже нет необходимости чертить линию посередине реки, так как по воде невозможно прочертить линию. И лучше пользуйтесь водой вместо того, чтобы воевать...»

Это было так просто. И они поняли, что их поля и их урожаи погибают, так как у них не было времени на это. На первом месте было сражение: кто обладает рекой? Вначале надо было завладеть водой; и только потом можно орошать свои поля. Но глупый ум думает только категориями обладания. Проницательный человек думает о практичности.

Будда просто сказал: «Пользуйтесь ею! И приходите ко мне снова, когда вы используете всю воду. Тогда будет проблема, тогда мы посмотрим. Но приходите ко мне снова только тогда, когда вы используете всю воду».

Спустя двадцать пять веков вода все еще течет. Как вы можете использовать всю воду? Это большая река, протяженностью тысячи миль. Она берет воду из вечных снегов Гималаев и несет ее в Бенгальское море. Как вы можете истощить ее? А те царства были маленькими царствами. Даже если бы они захотели истощить реку, способа для этого не было.

Проницательность должна исходить от человека интуиции. Но проницательность может быть осознана разумным челове-

ком, а разумный человек может помочь инстинктивному политику, для которого единственное стремление – власть.

Это я называю «меритократией», общественной системой отбора, при которой высшие должности занимают наиболее талантливые люди, где высшие достоинства доминируют и влияют на более низкие уровни и помогают им подняться выше своего уровня. Эта система не имеет собственной заинтересованности, и поскольку она не имеет собственной заинтересованности, то она свободна и имеет свжий взгляд. Для человека интуиции будет трудно что-то объяснить человеку инстинкта, так как они слишком далеки друг от друга, принадлежа к двум различным измерениям без какого-либо моста. В середине большую помощь может оказать интеллектуал.

Университеты, колледжи, школы не должны обучать только политической науке – это такая глупая идея – обучать политической науке! Обучайте политической науке, но также обучайте политическому искусству; поскольку наука не используется, вы должны обучать практической политике. А эти профессора в университетах должны готовить политиков, давать им определенные качества. Тогда людей, которые сейчас правят по всему миру, вообще не будет. Тогда вы найдете правителей, хорошо обученных, культурных, знающих искусство и науку политики и всегда готовых идти к профессорам, к ученым. И постепенно, может быть, они смогут достичь самого высокого уровня меритократии, стать людьми интуиции.

Если это будет возможным, тогда вначале мы будем иметь нечто, являющееся действительно гуманным – давая человечеству чувство собственного достоинства, индивидуумам – целостность.

Впервые вы будете иметь в мире настоящую демократию. То, что существует сейчас в качестве демократии, – это не демократия, это – толпократия.

Беседа 8

ОТ ИДИОТОКРАТИИ К МЕРИТОКРАТИИ

5 февраля 1985 года

Бхагаван,

Как может быть практически реализована меритократия, система, в которой управляют наиболее талантливые?

Одна вещь абсолютно определенна: дни политиков заканчиваются.

Они сделали слишком хорошо свою работу – разрушительную, насильственную.

Они подошли к точке, где человечество должно решать: или умереть, оставаясь вместе с политиками, совершить глобальное самоубийство, или отбросить политиков и спасти человечество, цивилизацию, культуру, жизнь.

Политику ничто не благоприятствует; и с каждым днем его смерть все ближе. Он сам несет ответственность за это. Он до такой степени усовершенствовал оружие, которое может принести всему миру смерть, что обратного пути нет. Или будет последняя война, которая означает смерть всем и всему, или полное изменение во всей структуре человеческого общества. Я называю это изменение «меритократией», властью людей по их достоинству, по их заслугам.

Прежде всего – мы должны отбросить мысль о том, что каждый человек лишь потому, что ему двадцать один год, способен выбирать нужного человека для решения судьбы наций. Возраст не может быть решающим фактором. Мы должны изменить этот решающий фактор; это является изменением самой основы.

Мое предложение состоит в том, что только человек, который, по крайней мере, зачислен в высшее учебное заведение, может быть допущен к голосованию. Его возраст не имеет значения. И как я объясняю вам, все станет легче. Для местного правительства зачисление в высшее учебное заведение будет являться условием для голосующих. А окончание университета, по крайней мере степень бакалавра, должно быть необходимым условием для баллотирующегося, чтобы быть избранным, для

кандидатов. Степень магистра должна быть минимальным условием для того, кто баллотируется на пост мэра.

Для государственных выборов окончание высшего учебного заведения со степенью бакалавра должно быть минимальным условием для избирателей. Степень магистра по науке, искусству, коммерции должна быть необходимым условием для кандидатов. Для министров минимальным необходимым условием должна быть степень первого класса магистра гуманитарных наук; чем выше степень, тем больше предпочтение. И тот, кто пытается стать министром, должен знать кое-что о предмете своей работы. Его квалификация должна соответствовать сущности его работы, которой он собирается заниматься в своем министерстве.

Например, в Индии, в центральном правительстве, я знал министра здравоохранения, который ничего не знает о здравоохранении, который даже не имеет квалификацию фармацевта, не говоря уж о квалификации врача. Он даже не знает, что такое – первая медицинская помощь. И он – министр здравоохранения! Ну что он собирается делать?

Я видел министров образования, которые никогда не были в университете. Перед тем как стать министрами образования, они никогда не видели университетский студенческий лагерь. Да, после того, как они стали министрами образования, они начинают произносить речи на университетских советах. Университеты начинают присваивать им степени, почетные степени, хотя в действительности они даже не были зачислены в высшее учебное заведение. Некоторые из них могут только ставить свою подпись, а некоторые из них даже и этого не могут сделать; им приходится ставить свою подпись, отпечатывая на бумаге свой палец.

Произошло следующее: один человек недавно стал министром образования в штате Мадхья Прадеш; он крайне необразован, но богатый, умный, хитрый. И он торжественно открывал ежегодные государственные спортивные соревнования... Они продолжаются по крайней мере месяц; принимает в них участие все государство, все колледжи, школы, университеты. Это маленькие, миниатюрные Олимпийские игры. В своей первой речи после того, как он стал министром, он сказал: «Существуют три вида игр: футбол, волейбол и Олимпийские игры». Он даже не имел понятия, что Олимпийские игры – не игра. И я не думаю, что он имел представление, что такое футбол, а что такое волейбол.

Итак, если кто-то собирается стать министром образования, то его квалификация должна давать ему право быть министром образования. Он должен иметь по крайней мере степень магистра первого класса по образованию; со степенью меньшей первого класса никто не должен быть министром на государственном уровне. Да, если у него есть высшие степени – доктор педагогических наук, доктор философии по образованию, – то это хорошо, это сделает его более квалифицированным.

Генеральный прокурор должен иметь, по крайней мере, степень доктора юридических наук, доктора права, не меньше, так как он собирается защищать государственный закон, права граждан. Ему необходимо иметь, по возможности, самую высшую степень и знать все о своей работе.

Губернатор должен иметь, по возможности, самые высшие степени для своего уровня: магистр гуманитарных наук первого класса, доктор философии – его предметом, как для доктора философии, должна быть политическая наука, – и по крайней мере одна почетная степень, доктор по литературе или доктор юридических наук.

При выборах в федеральное правительство степень магистра будет минимальным условием для избирателя. Степень магистра первого класса и доктор философии должны быть минимумом для кандидатов на выборах. А министры должны иметь все самые высшие степени в той области, в которой они собираются быть министрами. Если речь идет об образовании, то самые высокие степени, существующие в стране; если речь идет о здравоохранении, то самые высокие степени, существующие в стране.

Президент должен иметь по крайней мере две степени доктора философии и одну почетную степень доктора литературы или доктора права, и то же самое для вице-президента, так как он может стать президентом в любой день.

Таким путем разрушается толпократия. Тогда возраст в двадцать один год не означает, что вы способны выбирать правительство. Избрание правительства должно быть весьма искусной, разумной работой. В двадцать один год вы, может быть, способны производить детей – это не требует таланта, даже животные прекрасно это делают. Это не требует образования; биология преподносит вас хорошо подготовленными для этого. Но выбирать правительство, выбирать людей, которые собираются иметь всю власть над вами и над каждым и которые

собираются решать судьбу страны и мира... способ, каким мы выбираем их, просто идиотский.

Лишь недавно я получил информацию – и в связи с ней я поздравляю Оксфордский университет; возможно, это будет единственным поздравлением, которое они получат. В Англии, как и в любой стране, существуют обычаи. Каждый премьер-министр в Англии обычно получает почетную докторскую степень от Оксфорда. На этот раз – это беспрецедентный случай во всей истории Англии – Оксфордский университет решил не присваивать эту степень Маргарет Тэтчер. Я поздравляю их, потому что так должен поступать каждый университет во всем мире.

Конечно, причина того, что они перестали так делать, не очень значительная, но это не имеет отношения к делу. По крайней мере, они продемонстрировали достаточное мужество. И Маргарет Тэтчер тоже будет исторической личностью, поскольку ни один премьер-министр Англии не уходил в отставку без почетной докторской степени, полученной от Оксфорда. Причина была в том, что она урезала бюджет для Оксфордского университета, особенно на научные исследования по литературе. Причина не очень значительная, но все же существенная. Женщина, которая думает, что литература не заслуживает научно-исследовательской работы, определенно, сама не заслуживает никакой докторской степени, присваиваемой университетом.

Я хотел бы, чтобы все университеты мира подумали снова: не продолжайте по обычаю присваивать глупым, идиотским политикам докторские степени. Этим вы просто оскорбляете самих себя. Этим вы снижаете статус образования.

Наоборот, я хотел бы, чтобы все университеты – вначале хотя бы одного государства – созвали съезд всех ректоров, выдающихся профессоров, выдающихся представителей интеллигенции, которые могут и не быть сотрудниками университета: художников, артистов, поэтов, танцоров, актеров, музыкантов. На съезде присутствовали бы различные люди, которые добились высокого положения и продемонстрировали свои достоинства, – полностью исключая политиков.

Должны быть приглашены все лауреаты Нобелевской премии – исключая опять же политиков, так как за последние несколько лет некоторым политикам удалось получить Нобелевские премии, и это снизило ценность Нобелевской премии.

Она не добавила веса политику; он все еще остается в сточной канаве, и останется в сточной канаве, поскольку его место там. Он не может жить вне сточной канавы – иначе он умрет. А если вы дадите ему Нобелевскую премию, то он потащит также и Нобелевскую премию с собой в сточную канаву: конечно, где бы он ни жил, он возьмет с собой туда Нобелевскую премию, докторские степени и все виды степеней.

Каждый штат должен созвать съезд всей интеллигенции, принадлежащей университетам или не принадлежащей университетам – писатели, романисты, все направления талантов, – и они должны выбрать делегацию для национального съезда. Итак, на национальном съезде встретятся все представители штатов и подробно разработают методы функционирования меритократии, системы власти людей по их талантам.

Из участников национальных съездов можно организовать международный съезд представителей университетов и мировой интеллигенции. Это будет первый в своем роде съезд, так как никогда раньше представители мировой интеллигенции не собирались вместе, чтобы решать судьбу человечества.

Они должны написать первую всемирную конституцию. Она не будет американской, она не будет индийской, она не будет китайской – она будет просто конституцией всего человечества. Не нужны различного типа законы. Не нужны – всем человеческим существам нужен один и тот же тип законов.

И всемирная конституция будет декларацией того, что нации больше не будут иметь значение. Они могут существовать как функциональные единицы, но они больше не независимые державы. И если всемирная интеллигенция поддержит этот съезд, то будет не очень трудно убедить генералов всего мира отстраниться от политиков.

А какой властью обладают политики? Всю власть, которой они обладают, дали им мы. Мы можем забрать ее обратно. Это не их власть, это наша власть. Мы должны лишь найти способ забрать ее обратно – ведь отдавать очень легко, забирать несколько труднее. Они не будут такими простыми и невинными, когда вы будете забирать у них власть, какими они были, когда они просили ее у вас. Это наша власть, но они будут продолжать держаться за нее, если останется толпа, чтобы отдать ее им; толпу можно убедить во всем.

Это функция интеллигенции... Я хотел бы сказать, что если сейчас с человечеством что-нибудь случится, все обвинение будет предъявлено интеллигенции: «Что вы делали? Если те идиоты

были готовы уничтожить человечество, то что вы делали? Вы даже не могли справиться с теми идиотами? Вы просто продолжали ворчать, раздражаясь, но вы больше ничего не делали».

А время бежит быстро. Если мы решаем, что право голоса не является прирожденным правом каждого человека, а правом, которое нужно заработать... Вы должны видеть различие. Это не право по рождению, это право, которое вы должны заработать своим разумом. Каждому дана возможность заработать его, у всех равные возможности заработать его, но оно не дается при рождении; вы должны доказать его.

Если мы передаем власть толпы в руки нескольких разумных людей, людей, которые знают, что они делают... Если человек, который посвятил всю свою жизнь размышлениям об образовании и его проблемах, сделал все возможное, чтобы выявить каждую деталь, каждый принцип образования, всевозможные философские основы образования – если он становится министром образования, то есть вероятность, что он что-то сделает. И в то же время я хочу полностью отстраниться от толпы в сторону немногих избранных.

Я не против народа. Фактически, находясь в руках этих политиков, народ выступает против себя самого. Я полностью за народ, и то, что я говорю, может быть в точности сказано о демократии: для народа, посредством народа, из народа – я должен изменить только «посредством народа». Интеллигенция будет для народа, из народа. Она будет служить массам.

Это такая простая вещь. Вы не *избираете* врача, говоря тем самым, что им может быть *любой*; это право по рождению, а люди могут избирать. Два человека сражаются между собой, чтобы быть врачом или чтобы быть хирургом? Что в этом ошибочного? Народ выбирает для самих себя: для народа, посредством народа, из народа. Они выбирают одного человека хирургом, так как он говорит лучше, он лучше выглядит по телевидению и много обещает.

Но он даже не мясник – и он собирается быть хирургом. Он даже не мясник. Даже мясник был бы лучше; по крайней мере, он знал бы, как надо резать и покончить с вами. Этот человек... но вы не избираете хирурга на выборах.

Как вы можете избирать президента посредством выборов? Как вы можете избирать губернатора посредством выборов? Вы отдаете так много власти людям, жаждущим власти; своими собственными руками вы указываете им, чтобы они повесили

вас! Это не демократия. От имени демократии эти люди эксплуатируют массы.

Лишь для того, чтобы сделать различие, я называю свою систему меритократией, системой власти по способностям и достоинству. Но достоинство, заслуга для чего? Достоинство, чтобы служить и участвовать. И коль скоро вы решили передать власть от политиков интеллигенции, то все становится возможным – все становится простым.

Далее я хочу, чтобы в каждом университете было по два обязательных отделения, поскольку я хотел бы, чтобы именно таким путем проходили подготовку люди, которые собираются быть у власти.

До сих пор, в течение тысяч лет, никогда и никого не готовили. Если кто-то собирается стать боксером, вы же не выталкиваете его на ринг и не говорите: «Начинай!» Он должен научиться. Если кто-то собирается быть фехтовальщиком, то для этого ему потребуются годы. Иначе он даже не будет знать, как надо держать меч – использовать меч и сражаться с его помощью будет невозможно. Вначале он должен узнать, как вынимать меч из ножен, как держать его. Это требует тренировки. Вы же не даете гитару кому-нибудь, кто никогда раньше не видел этого инструмента, и не ожидаете от него, что он будет каким-нибудь Иегуди Менухиным или каким-нибудь Рави Шанкаром.

Итак, это ваша вина: эти люди, которые обладают властью, – вы готовили их к этому? Подумал кто-нибудь хотя бы раз, что людям, которые будут обладать такой большой властью, необходимы определенные качества для того, чтобы они не пользовались властью неправильно? Это не *их* вина.

Поэтому я предлагаю создать два отделения в каждом университете. Одно отделение для распрограммирования. Тот, кто получает свидетельство об окончании университета, вначале должен получить свидетельство об «очистке» из отделения распрограммирования, которое означает, что вас распрограммировали как христианина, как индуса, как мусульманина, как иудея... ведь это было нашей бедой.

И четыре года – достаточное время. Распрограммирование не занимает много времени; всего лишь несколько часов в месяц в течение четырех лет, и вы будете распрограммированы. И вы не получите свидетельство из образовательного отделения до тех пор, пока вы не будете очищены отделением распрограммирования в том, что «этот человек является теперь просто человеческим существом. Он больше не христианин, больше не индус, больше не мусульманин, больше не иудей».

Второе отделение будет отделением медитации, так как просто распрограммирования недостаточно. Распрограммирование забирает из вас весь хлам, – а быть пустым трудно; вы начнете опять впитывать хлам. Вы сами не можете справиться с собой так, чтобы научиться жить радостно со своей пустотой. Это целое искусство медитации.

Итак, с одной стороны, отделение распрограммирования очищает вас, опустошает вас, вносит в вас вакуум; а отделение медитации помогает вам наслаждаться вашим небытием, вашей опустошенностью, вашим внутренним вакуумом, – но и чистотой медитации, ее свежестью. И как только вы начинаете наслаждаться ею, вы сразу же начинаете чувствовать, что медитация вовсе не пустота, она наполнена радостью. Она выглядела вначале пустотой, так как вы привыкли иметь в себе много хлама, а хлам теперь удален, поэтому вы и говорите, что она выглядит как пустота.

Это подобно комнате, заполненной мебелью: вы всегда видели ее, заполненную мебелью; затем однажды вы приходите, а вся мебель удалена, и вы говорите: «Комната выглядит пустой». Комната не пустая, комната просто чистая. Впервые комната просторная. Прежде она была захламлена, заставлена мебелью, полна мусора; теперь она – чистое пространство.

Вы должны научиться медитации, чтобы наслаждаться своей опустошенностью.

И это один из величайших дней в жизни, – когда человек начинает наслаждаться опустошенностью, уединенностью, небытием.

Тогда никто не сможет перепрограммировать вас, никто в мире.

Даже если Иисус придет и скажет вам: «Вы благословенны. Лишь придите, следуйте за мною, и я приведу вас к Богу», – вы скажете: «Отправляйся в ад со своим Богом. Где я, там и рай. Где бы я *ни был*, там и рай. *Ты* иди, сам следуй за собой – и неси свой крест. А если никто не распинает тебя, распни себя сам, ведь без распятия на кресте ты не будешь настоящим мессией».

Вот что, в действительности, сказал Будда своим ученикам: «Если я войду в вас, немедленно отрубите мне голову. Я не должен захламлять вашу внутреннюю чистоту. Я не должен быть там, никто не должен быть там – даже Бог. Достаточно того,

что вы сами по себе; этого более чем достаточно. Это и так переполняет вас».

Итак, в каждом университете необходимо второе отделение, которое будет преподносить вам простую медитацию. Не нужна никакая сложность. Университеты, интеллигенция имеют тенденцию быть сложными, имеют тенденцию делать вещи сложными. Достаточно лишь простого метода слежения за своим дыханием. Но каждый день на один час нужно приходить на это отделение. До тех пор, пока отделение медитации не присвоит вам свою степень, университет не присвоит вам свою.

Университетская степень будет присвоена только тогда, когда будут выданы свидетельство об «очистке» из отделения распрограммирования и свидетельство об окончании отделения медитации. Все будет зависеть от вас – вы можете закончить университет за один год, вы можете закончить университет за два года, вы можете закончить университет за три года, за четыре года. Но четыре года – слишком долго. Любой слабоумный, если он лишь сидит, ничего не делая один час каждый день в течение четырех лет, он обязан найти то, что нашли Будда или Лао-цзы, то, что нашел и я.

Это не вопрос разума, таланта, гениальности. Это лишь вопрос терпения.

Итак, от университетского отделения медитации вам присваивается степень бакалавра медитации; *затем* вы получите степень бакалавра гуманитарных наук, или коммерции, или технических наук, но не раньше. И так все продолжается тем же путем. Вы получаете степень магистра медитации, и вам снова надо будет продолжить учебу в отделении распрограммирования в течение двух лет, ведь вас нельзя так просто оставить в покое. Люди некоторым странным образом являются коллекционерами различных вещей. Некоторые люди коллекционируют антиквариат, некоторые люди коллекционируют марки – почтовые марки!

Я был постояльцем в одном доме в Мадрасе, и старик – ему, должно быть, было шестьдесят пять лет, – мой хозяин, сказал: «Не хотите ли посмотреть мою коллекцию марок?»

Я сказал: «*Вашу* коллекцию марок?»

Он сказал: «Да, я собираю ее с самого детства. Но вы будете удивлены, у меня есть такие редкие марки».

У него была комната, заполненная всевозможными марками. Я сказал: «Это все, чем вы занимались всю свою жизнь?»

Он сказал: «Вы сказали: "Это все?" Это самая лучшая коллекция во всем мире!»

Я сказал: «Может быть, она и самая лучшая коллекция, но вы впустую потратили всю жизнь, собирая весь этот мусор, эти использованные марки».

Он посвятил этому всю свою жизнь – и у него были великолепные свидетельства от губернаторов, от премьер-министров, от президента. Все они приходили посмотреть: любой значительный человек, который приезжал в Мадрас, обязан был прийти посмотреть его коллекцию; она была самая лучшая в Индии.

Я сказал: «Коллекция хорошая, но оставьте коллекцию в покое: я беспокоюсь о *вас*».

Он сказал: «А что случилось со мной? Со мной совершенно все в порядке».

Я сказал: «С вами не все в порядке! Если бы вы были восьмилетним ребенком, то все было бы в порядке, я имею в виду коллекцию. Но вам шестьдесят пять лет, а вы все еще коллекционируете».

Он сказал: «Я *все еще* коллекционирую. Я собираюсь коллекционировать столько, сколько смогу».

Я сказал: «Продолжайте коллекционировать, но скоро придет смерть: эта коллекция останется здесь, а вы умрете, даже не пожив, так как все ваше время было потрачено впустую на коллекционирование марок».

Люди *являются* коллекционерами. Я думаю, в этом есть какая-то психологическая необходимость. Поскольку они чувствуют свою бессмысленность, поскольку они чувствуют, что не представляют собой ничего ценного, они стараются заполнить эту брешь, коллекционируя что-нибудь. Коллекционируя знания, коллекционируя любой тип вещей, они хотят как-нибудь почувствовать, что они не пустые и что они имеют что-то ценное; что они достойные, что они не напрасно потратили свою жизнь.

Итак, если вы собираетесь продолжать обучение, чтобы получить степень магистра, то в течение двух лет вы будете продолжать учиться на отделении распрограммирования – так как конца вашему очищению нет. Пыль собирается каждый день. Вопрос не в том, что вы коллекционируете эту пыль; это подобно зеркалу: каждое утро вы должны протирать его, а пыль все время собирается на нем.

Разум почти подобен зеркалу, отражателю. Набираются воспоминания, набирается опыт – это и есть пыль, которая

образуется двадцать четыре часа в сутки. Поэтому если вы не будете постоянно стирать ее, то вскоре опять покроетесь пылью. Поэтому это хорошее переживание: в течение двух лет вы распрограммируетесь; а в течение следующих двух лет вы медитируете.

Эти процессы идут одновременно – распрограммирование и медитация. Одно продолжает очищать вас, опустошать вас; другая продолжает наполнять вас – не чем угодно, а некоторым качеством: блаженством, любвеобильностью, состраданием, огромным чувством собственного достоинства – вообще без всякой причины. Лишь то, что вы живете, дышите, – уже достаточное доказательство того, что существование считает вас достойными жизни, что существование считает вас достойными быть здесь.

Вы незаменимы для существования.

Эта незаменимость открывается только через медитацию; другого пути нет. И если вы не откроете эту свою незаменимость для существования, вы будете делать что-то глупое, чтобы чувствовать себя достойными.

Но когда существование овладевает вами, осыпает вас своими благословениями, тогда страсть к коллекционированию мусора просто исчезает.

Тогда вы живете каждое мгновение и умираете каждое мгновение. Это то время, когда медитация достигла своего совершенства: жить каждое мгновение, умирать каждое мгновение.

Умирать для воспоминаний, с которыми вы прожили.

Умирать для мгновения, которое сейчас проходит.

Оно может оставить свой след, свое очертание, свой отпечаток, свои воспоминания... Нет, умирайте для всего этого, и тогда вы снова свежи, готовы ясно отображать существование.

Итак, если человек продолжает учиться в университете, то он продолжает посещать отделение медитации в течение одного часа каждый день; и перед тем, как он получит свою степень магистра гуманитарных наук, он получает свою степень магистра медитации. Он может получить ее через год, он может получить ее через два года; или ему может потребоваться больше времени, если он не медитирует, так как там не будет устного экзамена – он будет зависеть от Учителя.

Если Учитель чувствует вас, наблюдая, как вы приходите каждый день, сидите, уходите, – в течение двух лет он наблюдает за вами, интересуется вами: как вы себя чувствуете, как идут дела, – и никогда не видит в вас какого-либо напряжения,

никогда не чувствует, что вы спешите, расстроены, обеспокоены; а что вы всегда расслаблены, чувствуете себя легко, как дома; что вы не чувствуете нервозности относительно чего-либо; что вы не озабочены прошлым и не озабочены будущим...

Все эти вещи он продолжает наблюдать и, если он чувствует... – тогда нет вопроса о недооценке. Если он сам медитирует, то он не недооценит кого-либо; это невозможно. Он определенно узнает, что вы вкусили это, и он выдаст вам свидетельство.

Это свидетельство «очистки» для вашей степени магистра гуманитарных наук. И я хочу, чтобы это продолжалось: если вы собираетесь получить степень доктора философии, то вы посвящаете три года распрограммированию и три года медитации. Эти годы обязательны для полного завершения курса, поэтому, когда вы покидаете университет, вы не только интеллигентный человек, хорошо информированный, но вы также и медитатор – расслабленный, молчаливый, миролюбивый, наблюдательный, бдительный, интуитивный, и вы больше не христианин, больше не индус, больше не американец, больше не русский. Все это дерьмо полностью сгорело; ничего не осталось от него.

Это единственный путь, чтобы заменить политиков на интеллигенцию. Но что касается современной интеллигенции, то помочь в этом будет трудно, так как вся она увязла в политической борьбе за власть, так же как и сами политики. Вот почему я делаю эти два условия необходимыми. Если вы получаете степень доктора философии, то одновременно вы получите степень доктора философии по медитации. А если институт медитации придет к мнению, что кто-то дошел до состояния, при котором он заслуживает определенных почестей, тогда ему могут присудить степень доктора медитации.

Таким образом, по мере получения образования вы весьма спокойно и утонченно подготавливаетесь к обладанию властью так, чтобы власть не смогла испортить вас и чтобы вы не смогли неправильно пользоваться ею.

Итак, меритократия является целой программой изменения структуры общества, структуры правительства, структуры образования.

Она выглядит утопически. Кто будет выполнять ее? Как это произойдет? Отсюда вопрос – как мы собираемся реализовать ее?

Она *является* утопической, но ситуация такова, что в течение двадцати лет политики приведут вас на грань смерти. Тогда вам придется выбирать; и в то время, когда вам придется

выбирать между смертью и медитацией, я думаю, что вы выберете медитацию – вы не выберете смерть.

Если в то время вы должны будете выбирать между смертью и распрограммированием, то вы выберете распрограммирование: «Пусть христианин умрет, но я смогу жить. Пусть иудей умрет, я смогу жить». И кто станет беспокоиться, когда стоит вопрос о вас или об иудее? Если у вас будет только один выбор: или вы, или иудей, то я не думаю, что вы выберете иудея; даже Моисей не сделал бы этого. Я верю, что он был, по крайней мере, разумным.

Политики бросили большой вызов всему человечеству. До некоторой степени мы должны быть благодарны этим глупцам: они довели все человечество до того состояния, когда человечество вынуждено решать: «Теперь или мы сможем жить, или эти политики останутся у власти – и то и другое одновременно невозможно».

Мой профессор, доктор С.К.Саксена, имел автомобиль, очень старую модель. Он обычно стоял на веранде его дома. Я спросил его: «Я видел этот, стоящий там автомобиль – или продайте его, или избавьтесь от него... Тогда, по крайней мере, у нас будет больше пространства на веранде – по утрам мы сможем пить чай; мы сможем сидеть там, играть в карты или чем-нибудь заниматься, но этот дурацкий автомобиль...»

Он сказал: «Никогда ничего не говори против моего автомобиля. Я держал его почти двенадцать лет в надежде, что когда-нибудь я смогу позволить себе иметь автомобиль и шофера. Проблема в том...» Он был расточителем, он не был скрягой. Он получал хорошее жалованье, он мог себе позволить иметь как шофера, так и автомобиль, но он всегда был в долгах и просил деньги даже у студентов. Через пятнадцать дней каждого месяца он был пуст.

Итак, он сказал: «Проблема в том, что или я могу иметь автомобиль, или я могу иметь шофера. Поэтому, в конце концов, я сказал себе: ''Иметь одного шофера будет выглядеть более глупо – шофер целый день будет сидеть на веранде, и люди спросят: 'Почему вы держите шофера, если у вас нет автомобиля?''' Поэтому я подумал, что лучше иметь автомобиль».

«Ты единственный человек, который продолжает укорять меня этим автомобилем; больше никого это не беспокоит. Мне говорят: ''Профессор, у вас есть автомобиль?'' Я говорю: ''Да, у меня есть автомобиль''. Никого не волнует, что автомобиль никогда не ездит; никто не заинтересован в его передвижении –

только я заинтересован». Он сказал: «И я справляюсь со своими проблемами – у всех соседей есть автомобили, поэтому кто-нибудь может захватить меня, направляясь в университет. И все они знают, что у меня нет шофера. Я даже не знаю, поможет ли шофер, так как этот автомобиль стоит здесь двенадцать лет. Я не представляю, в каком он состоянии».

«Поэтому в этой жизни, по крайней мере, – сказал он, – я потерял надежду. В следующей жизни мне удастся иметь их обоих, поэтому я не попаду в неприятности. А иметь только одного из них – огорчение». Во всяком случае, каждый день он вынужден был сам его чистить, так как на автомобиле собиралась пыль, – а когда сидишь на веранде, эта грязная штука... поэтому он обычно чистил его.

Я сказал: «Занимайтесь этим, я не собираюсь помогать», ведь я обычно много времени проводил с профессором. «Я вообще не собираюсь помогать, так как согласно вашей индусской философии каждый должен страдать за свою карму. У меня нет затруднительного положения с этим автомобилем, и вам не следует смотреть на меня жалобными глазами, как бы говоря: ''Со стороны студента будет вежливо, если он поможет, когда старый профессор чистит свой автомобиль''. Вам не следует так смотреть. Каждый делает все согласно своей карме!»

Политики ведут вас к этому состоянию; они уже довели вас. Поэтому я говорю, что сейчас университеты должны стать более смелыми, отважными, объединенными и должны собрать вокруг себя всю интеллигенцию, так как по всему миру я видел, что любой интеллигентный человек выступает против этих политических глупцов. Но человек не может ничего сделать в одиночку – что я могу сделать? И он не видит, что есть какая-то альтернатива.

Я удивляюсь, почему вы не видите ни одной альтернативы: вы имеете так много высокопрестижных университетов. Например, если Оксфорд может набраться мужества отказать, сказать, что не даст почетную степень доктора Тэтчер, тогда почему университет, подобный Оксфорду, – престижный, достаточно старинный, уважаемый во всем мире, – не начинает созывать эти съезды? Почему бы Оксфорду не стать центром новой власти, власти интеллигенции?

А это не так трудно, как кажется. Я забыл одну вещь. Я сказал: «Исключите политиков»; я хотел включить еще одно: исключите священников, пап, так как религиозное учреждение всегда было оплотом политического учреждения. Вместе они в

глубоком заговоре, они поддерживают друг друга. И они поддерживают друг друга в таких абсурдных условиях, что невозможно извлечь из этого какой-либо смысл.

Адольф Гитлер был благословлен на победу высочайшим христианским священником Германии; он молился за победу Адольфа Гитлера. И он был очень счастлив, так как Адольф Гитлер расправлялся с евреями; возможно, он оказал больше услуг христианам, чем кто-либо другой, – он покончил с миллионами евреев. Поэтому христианский священник, должно быть, чувствовал, что делает правильно, благословляя Гитлера: надо отомстить евреям. Но он полностью забыл, что Черчилль был благословлен на победу христианским архиепископом в Англии; что в Америке американский президент был благословлен... странно! И все они молились одному Богу!

Теперь Бог должен быть в затруднении: кого слушать? Но он, будучи старым евреем, наверное, слушал Черчилля, который вообще не был религиозным человеком. Он не выглядел религиозным и не выглядел разумным. Если Черчилля надо было бы послать в подходящее место, то ему следовало бы находиться в цирке или где-нибудь на карнавале, продавая горячие сосиски; этот человек не похож на разумного человека.

Итак, все эти епископы и папы должны быть исключены; им там нечего делать. А мы должны исключить их, поскольку мы собираемся распрограммировать, а распрограммирование – одна из наиболее значительных вещей, которые необходимо сделать; иначе мир не может быть спасен.

Эти люди – священники, папы, шанкарачарьи, имамы – делали самые ужасные вещи в мире, но благодаря религиозному фасаду вы позволяете им идти свободно. Если бы кто-нибудь другой сделал такое, то был бы немедленно схвачен.

Предыдущий папа, папа Павел Шестой – до того, как этот поляк появился на сцене... Этот папа Павел Шестой был кардиналом в Милане до того, как стал папой. И весь мир знал, что он был гомосексуалистом. Это был настолько известный факт, особенно в Италии и больше всего в Милане, что об этом не было и вопроса.

У него был дружок, мужчина – танцор балета; и когда тот стал папой – в Италии это было как шутка – танцор балета тоже стал знаменитым. В Италии переделали имя папы: его сделали папой-женщиной. Ему дали имя папесса Пролетта. Это была первая женщина-папа, папесса Пролетта. Итальянский язык

кажется великолепным; я выучил бы его, но итальянцы выглядят засаленными, поэтому я не хочу иметь ничего общего с этим.

Но ни одна газета в мире не опубликовала эти факты. Странно – вся страна знает; все кардиналы, все епископы, все знают, и это все еще нигде не опубликовано. Это происходит из-за того, что папа – тоже политическая власть: ваша газета может потерпеть крах, вы можете быть уничтожены.

Против меня продолжают писать совершенно абсурдные вещи, ложь, поскольку эти люди уверены в одном: ни один политик не может поддержать меня, ни одна власть не собирается меня поддерживать. Я против всех тех, кто могущественен. Естественно, любой может писать про меня все, что угодно. Суды, политические власти, правительства – все они уже против меня; они заранее пристрастны. Но нельзя писать против папы, что он имеет... что этот парень гомосексуалист. И даже после того, как он стал папой, он продолжал общаться со своим дружком; папесса Пролетта всегда...

По всей столице распространяется слух о том, что один из выдающихся политиков – гомосексуалист. Это старая новость, но буквально два дня назад обнаружилось, что этот человек не только гомосексуалист, – у него еще и СПИД. А сейчас он собирается на следующих выборах баллотироваться на пост президента; он стремится к этому. В настоящее время он сенатор и один из наиболее могущественных сенаторов, и он готовится баллотироваться на пост президента. Но все газеты молчат.

Что же это за средства массовой информации? Кажется, что они выступают только против людей, которым можно навредить, но которые сами не могут причинить вреда. Например, я не могу никому причинить вреда, поэтому они могут писать против меня что угодно; правильное или неправильное – это не важно. Вы прекрасно знаете, что в присутствии семи тысяч человек в меня был брошен нож. Присутствовали двадцать полицейских и четыре офицера полиции – свидетели. Человек был схвачен на месте преступления – и все же он был освобожден. Семь тысяч свидетелей ничего не доказали; даже полицейские офицеры не могли ничего доказать, потому что правительство хотело, чтобы его освободили.

Судья знал, что если он не будет прислушиваться к мнению правительства, то его продвижение по службе будет приостановлено. И его не волновали ни я, ни моя жизнь, он заботился о своем продвижении по службе. Поэтому, чтобы получить продвижение по службе, он просто освободил того человека от наказания.

А человек, у которого СПИД, может стать президентом Америки – и все будут молчать по этому поводу. Никто не откроет рта, так как тот, кто откроет рот, будет в опасности, идущей от тех, кто находится у власти. Но мне нечего терять, поэтому все, что я хочу сказать, я говорю. И я знаю, что тот человек не может бросить мне вызов, поскольку если он бросит мне вызов, то он должен будет прийти в больницу и доказать, что у него нет СПИДа.

Папа Павел Шестой, конечно, мертв, поэтому он не может что-то сделать против меня; я не верю в привидения. Но только подумайте: если папа Павел Шестой – который считался очень мудрым человеком, возможно, одним из мудрейших пап во всей истории – мог заниматься такими глупыми вещами, то что говорить о папе-поляке? Вы можете себе представить, чем он может заниматься. Он не может потерпеть поражения от папы Павла Шестого; он сделает нечто такое, чтобы нанести тому парню поражение, и он, должно быть, так и делает. Но такие вещи приходится узнавать, когда человек уже мертв. Сейчас история с папой Павлом Шестым известна каждому, так как мертвые не могут ни на кого повлиять, не могут мстить, не могут причинить вам вреда.

Итак, политики и священники должны быть отстранены. Политики скажут, что то, что я говорю, является антидемократичным. Это не так, поскольку демократия не существует нигде.

Я люблю утверждение Г.Дж.Уэллса. Кто-то спросил его: «Что вы думаете о демократии?»

Он сказал: «Это хорошая идея».

Тот человек сказал: «Хорошая идея?»

Он сказал: «Да, она еще только случится».

Она еще не случилась. Во имя демократии кое-что еще произойдет.

Пока я находился в Индии, я думал, что, возможно, в Америке происходит что-то наподобие демократии. Но приезд в Америку был для меня огромным разочарованием. Нигде нет демократии – ни в Америке, ни в Советском Союзе, нигде больше. Это всего лишь слово, которое эксплуатируют политики.

Итак, прежде всего, ее не существует, поэтому отсутствует проблема, что я против демократии, что я антидемократичен. Демократии нет, поэтому как я могу быть антидемократичным? То, что я предлагаю, – верный путь, чтобы изменить всю структуру, так что однажды меритократия сможет слиться с демократией, так как рано или поздно каждый сможет получить

образование. Я никому не мешаю; я просто говорю, что дайте сейчас управленческую власть только тем, кто имеет право на нее и подготовлен для нее. Между тем, продолжайте подготавливать еще людей.

Нас может не быть, это не имеет значения. Но в течение трех или четырех поколений каждый сможет пройти процесс распрограммирования, медитации и образования. Тогда все люди будут иметь право, так как к двадцати одному году большинство уже будет зачислено в высшие учебные заведения – они смогут участвовать в местных выборах. Некоторые из них являются уже выпускниками высших учебных заведений: они могут участвовать в выборах на уровне государства. А к двадцати четырем годам большинство из вас уже окончили высшие учебные заведения: вы можете участвовать во всех выборах. А когда вам будет около тридцати, вы сможете выставить свою кандидатуру на пост президента страны.

Я не прошу многого, лишь десятилетнюю подготовку. А если все правительство медитативное, распрограммированное, без предубеждений – только представьте себе это, – тогда бюрократия исчезает, иерархия исчезает; тогда вещи, на решение которых уходили годы, могут быть решены за секунды.

Я знаю об одном случае: один из моих друзей... – он был очень старым человеком, он умер всего лишь два года назад. Он был очень знаменитым историком, Пандит Сундерлал. Где-то в 1920 году он написал историческую книгу, в которой он выразил несогласие с британскими историками; и он был совершенно прав, так как то, что было представлено британскими историками, не подтверждалось фактами. Это было односторонне, естественно, – они были победителями; побежденные потеряли право голоса.

Победители могут писать что угодно. Так, если побежденные участвовали в революции, то победители не назовут это революцией, они назовут это мятежом. Если же революционеры становятся победителями, то, даже если это был мятеж, он становится революцией. Все зависит от того, кто описывает историю.

Британские историки писали о вождях индийской революции так, как если бы они были преступниками, – и конечно, в *их* глазах они и *были* преступниками. Они пытались свергнуть правительство, создавая беспорядок, хаос. Естественно, эти люди были преступниками. Но для индийцев те люди были

героями, а не преступниками. Они сражались за свою свободу; они жертвовали своими жизнями в борьбе за свободу.

Итак, Сундерлал писал – он был первым историком, который писал с точки зрения индийцев. Конечно, его книга сразу же была запрещена, а против него возбудили дело, которое продолжалось до 1982 года: шестьдесят два года. Дело продолжалось шестьдесят два года – вы можете себе представить? Все те люди уже умерли!

Дело рассматривалось по крайней мере восемью судьями Верховного Суда; все умерли. По крайней мере дюжина адвокатов, которые сражались с обеих сторон, то есть за и против него, все умерли. Издатель книги, типограф, печатавший книгу, писатель и распространитель книги – дело было возбуждено против всех четырех – трое из них умерли. Только писатель продолжал жить, и из-за него дело продолжалось, так как другого пути не было... Даже правительство, которое возбудило дело, умерло. Страна стала свободной, запрет с книги был снят – но дело продолжалось.

Я спросил Сундерлала: «Пандитджи, это чудо. Вы убили всех: двенадцать адвокатов, восемь судей, два правительства – и когда это дело будет закончено?»

Он сказал: «До тех пор, пока я не умру, это дело не закончится, так как есть юридические проблемы. Его просто не могут закончить, не могут просто закрыть папки с документами. Необходимо прийти к определенному заключению. Теперь дело стало... оно становится с каждым днем все более и более запутанным». Все судьи, которые вели дело до того, как Индия стала независимой, – у них есть свои записи и свои мнения; они были против Сундерлала, все они хотели, чтобы он был заключен в тюрьму пожизненно.

После того как сменилось правительство, Индия стала независимой. Сейчас все судьи за Сундерлала: «Он оказал большую услугу нации; его надо чтить». Но что делать с мнениями их предшественников? Не имеет значения, к какому правительству они принадлежат; это тот же самый суд и тот же самый закон. «А сложности были такие, – говорил он, – что те судьи сказали: "До тех пор, пока вы не умерли, мы не можем закрыть папки с документами, дело будет продолжаться. Мы не собираемся наказывать вас – мы не можем наказать вас. Даже они не могли наказать вас"».

Они не могли наказать его, потому что все их свидетели умерли – трое «основных преступников» умерло. Только один

человек, Сундерлал, остался, и этот человек был очень разумным. Он постоянно сражался, говоря, что все то, что он написал, было правильно: «Если вы не докажете, что это неправильно... а вы не можете доказать это со своими британскими писателями, так как что они знают?»

«Их не было здесь, они не знают индийскую ситуацию; они оставались в Англии и писали в Англии историю Индии! Они никогда не были в Индии, а в университетах изучают их истории. Я же был здесь, я видел своими собственными глазами все, что произошло. Я – свидетель, а вы говорите мне, что я ошибаюсь. Призовите своих историков: они должны доказать, на каком основании у них возникли их идеи».

Те историки просто собирали сведения из британских газет. Естественно, все то, что они собирали, было благоприятно для британского правительства. Сундерлал же собирал сырой материал в индийских массах о том, что произошло; он был намного правдивее. И все судьи чувствовали, что он схватил «соль» событий – он был здесь очевидцем. Но хотя они и чувствовали, что у него была «соль» событий, они должны были защищать правительство. Они были слугами правительства, они находились там, чтобы служить Британской империи.

В школах до 1947 года школьники должны были молиться о королеве: «Боже, храни королеву» или «Боже, храни короля». Моим директором был некий Бадри Прасад Гупта. В тот день, когда я поступил в школу, мой отец сказал мне: «Не создавай неприятностей по поводу "Боже, храни королеву". Пусть он хранит ее; не создавай неприятностей по этому поводу».

Я сказал: «У меня нет проблем с этим, не беспокойся».

Он сказал: «Пообещай, что ты не будешь создавать неприятностей по поводу королевы».

Я сказал: «Обещаю». И я не создавал никаких неприятностей по поводу королевы. Я спросил директора: «Где Бог? Я не могу молиться... кому? У меня нет проблем по поводу королевы – лишь покажите мне Бога, чтобы я мог молиться».

Бадри Прасад Гупта сказал: «До настоящего времени здесь были некоторые школьники, создающие проблемы, так как они прибыли сюда из революционных семей. Их вопросом было: "Мы не можем молиться о королеве. Почему мы должны просить Бога о той, что навязала нам рабство?" Это я уже слышал, но теперь – новая проблема».

Я сказал: «У меня нет проблем с королевой; я буду молиться, но вначале покажите мне Бога. Если вы не можете

показать мне Бога, тогда кому, вы хотите, чтобы я молился? Вам?...'Бадри Прасад Гупта, храни Королеву?'»

Он сказал: «Нет, не говори так! Я слуга правительства, а ты и меня вовлекаешь во все это. Может случиться беда».

Я сказал: «Тогда я не могу молиться».

Когда я пришел домой, меня ожидал отец. Он сказал: «Неприятностей нет?»

Я сказал: «Неприятности обязаны были произойти, но я сдержал свое слово, данное вам».

Он сказал: «Как тебе удалось?»

Я сказал: «Я сменил тему. Вместо того, чтобы беспокоить королеву, я сказал: ''Зачем беспокоиться о королеве? Почему бы не ударить по самому Господу Богу, чтобы не было проблемы с молитвой?'' И я сказал Бадри Прасаду Гупте: ''Я могу молиться вам, Бадри Прасад Гупта'', но он так боялся, что сказал: ''Не упоминай мое имя, так как если какому-нибудь британскому офицеру доведется узнать, что я учу школьников молиться: ''Бадри Прасад Гупта, храни королеву'', то меня повесят! Моя работа закончится... и как я отвечу тем людям? Не упоминай это и никому это больше не рассказывай, так как эти дети – сплошное мучение: они могут начать кричать на улицах: ''Бадри Прасад Гупта, храни королеву''. И я буду убит; королева будет спасена, но я умру"».

Я сказал: «Нет, я не буду создавать никаких неприятностей – вам даже не надо снова просить меня. Я буду молчать. Если Бог захочет сохранить меня, пусть сохранит; если он не захочет сохранить меня, то это его дело и его проблема. Это не моя забота. Я абсолютно беспристрастен, спасена ли королева или нет; меня это никоим образом не интересует».

Но те британские офицеры... Бадри Прасад Гупта был индийцем, но быть директором английской средней школы было достаточным для того, чтобы он боялся. Каждое официальное лицо боялось, судьи боялись, индийские офицеры боялись, так как власть....

Итак, и политики, и священники должны быть вышвырнуты из своих давно устоявшихся учреждений, и должен быть создан совершенно новый тип управления.

Это трудная работа, изнурительная, но не невозможная – особенно в такой ситуации, когда смерть – единственная альтернатива.

Бхагаван,

Что Вы скажете о медитации в свете трех состояний сознания?

Я объяснил вам, что медитация не будет трудной... лишь немного новой перспективы.

Концентрация относится к уровню инстинкта; следовательно, даже животные способны к концентрации. Когда животное охотится, оно чрезвычайно сконцентрировано. Оно не движется, не делает ни малейшего движения. А его глаза, если заглянуть в них, остановившиеся, немигающие.

В действительности это одна из находок великих охотников... Иногда случалось так, что безоружный охотник встречался со львом и убежать было некуда, – с остановившимися глазами лев приближался к нему. Поскольку охотник не мог убежать, то совершенно бессознательно, неосознанно для него – конечно, он был до смерти напуган – его глаза тоже переставали мигать, и он следил за каждым движением льва, он смотрел прямо ему в глаза.

Вот так было обнаружено, что если смотреть прямо в глаза льву в течение минуты или двух, то лев становится загипнотизированным. Он забывает убить вас. Он забывает все; он впадает в кому.

В своих мемуарах Гурджиев вспоминает, что, когда он двигался с кочевниками около Кавказа, он обнаружил, что все они гипнотизировали животных. Кочевники – подвижные люди; несколько дней здесь, несколько дней там; они не остаются на одном месте. У них совершенно другая культура. Они многого не понимают в вас, живущих в городах и в домах. Они думают, что вы мертвы, умерли; вы сами выкопали себе могилы.

Что это за жизнь, если вы не находитесь под солнцем, под небом, никогда не двигаясь в неизвестное? Жить надо от случая к случаю, не беспокоясь о завтрашнем дне. Они не верят в ваш закон, они не верят в ваше положение; они ни во что не верят. Они могут украсть, нет проблемы; они могут убить, нет проблемы. Они совершенно другие люди, и они не готовы – многие правительства старались поселить их, запрещая им....

Но вы будете удивлены, что даже в Европе кочевники – все индийцы из Раджпутаны. На самом деле, во всем мире кочевники – индийцы из Раджпутаны, из одного особенного штата. Они все говорят на раджпутани. Язык изменился, приняв различные

формы, но все же можно догадаться, что они говорят на раджпутани. В Европе их называют цыганами, так как из Раджпутаны они вначале отправились в Египет, а после пребывания в Египте они двинулись в Европу. Из-за этого перемещения, прибыв из Египта, они стали цыганами («Иджипт» по-английски – Египет; «джипсис» по-английски – цыгане).

Гурджиев находился с этими людьми, а они люди имеют другой тип мудрости – не книжный, а из реального переживания. И они перемещались по земле, переживая очень многое... Человек, который летит из Нью-Йорка в Лондон, не может сказать, что он путешествовал из Нью-Йорка в Лондон; полет в самолете – это не переживание. Но каждый день перемещаться по земле, прокладывая свой путь через различные общества, различные законы, различные трудности, различные проблемы, – это настоящее переживание.

Гурджиев сказал, что эти люди владеют определенным искусством гипноза. Искусства в этом было не много, это был простой процесс, который вы можете испытать на своей собаке, на своей кошке. Но если они ваши домашние животные, то становится трудно гипнотизировать, так как они начинают бегать туда-сюда; они не будут надолго задерживать на вас свой взгляд. С дикими животными это гораздо проще.

Эти кочевники должны были пересекать дикие местности, и это было их практикой... Гурджиев был очень молод, ему было девять или десять лет, и он наблюдал за ними: даже если приближался лев, то все кочевники-мужчины стояли впереди, не мигая, смотрели на льва. И что-то происходило – лев просто сваливался, падал, как если бы в нем не было жизни. И сразу же те цыгане прыгали и хватали льва; и к тому времени, когда лев приходил в чувство, он уже был пленен без всякого оружия.

Концентрация инстинктивна.

Каждый может попрактиковаться; все, что требуется, – это сконцентрировать свое сознание.

Созерцание – это от интеллекта.

Оно недоступно животным и недоступно большинству людей – не абсолютно недоступно; если они постараются, то смогут подняться до него. Для созерцания необходимо, чтобы ваш интерес достаточно расширился таким образом, чтобы вы смогли создать пространство в уме, необходимое для перемещения. Вам необходимо много информации о единственном предмете, чтобы вы могли перемещаться вокруг этого единственного

предмета, не изменяя его, но все же перемещаться, удерживаясь в одной и той же области.

Например, вы размышляете об истине, или о любви, или о религии: вы удерживаете себя в одной и той же области, но вы смотрите на нее со всевозможных точек зрения. И вы будете удивлены – всегда существуют точки зрения, на которые никогда не обращали внимания. Жизнь настолько таинственна; всегда существуют аспекты, которые, может быть, будут открыты вами впервые.

Вот так функционирует наука. Предметы не новые, это те же самые предметы. Между Архимедом и Альбертом Эйнштейном не большая разница; они размышляли над одним и тем же предметом, но новые аспекты продолжают открывать самих себя. И каждый аспект становится почти целой областью в себе. Понаблюдайте за прогрессом в науке, тогда вы поймете.

В Оксфордском университете на здании физического факультета висит доска, на которой написано: «Факультет Естественной Философии». Странно, так как тысячу лет назад физика была частью естественной философии. Возраст доски – тысяча лет; хотя она снова и снова подкрашивается, хотя могут появиться различные доски, надпись остается одной и той же. Сейчас же философия не имеет ничего общего с физикой.

В Саугарском университете, где я занимался своей аспирантской работой, около факультета философии на доске написано: «Факультет Психологии и Философии». Этой надписи сто лет. Университет новый, но его основатель был старым человеком, и когда он учился, философия и психология были одним предметом. Сейчас психология совершенно отдельный предмет.

Я сказал своим профессорам: «Это глупо – выбросите ее».

Но они сказали: «Она исторический памятник. Оставим ее там».

Я сказал: «Сейчас психология здесь больше не изучается. Почему психология и философия?» Было так, что психология являлась частью философии, затем они разделились; сейчас психология разделилась на различные части. Философия была частью физики; сейчас физика разделилась на различные факультеты.

Вы продолжаете созерцать и обнаруживаете новую область, которая достаточно обширна, чтобы быть одним предметом. А поскольку вы углубляетесь в детали, то обнаруживаете, что там еще есть ответвления, функционирующие отдельно. Такова современная биофизика. Ни один философ никогда не думал, что

возможна биофизика. Метафизика возможна, но с ней полностью покончено; нигде нет факультета метафизики.

Метафизика была во времена Аристотеля – и по очень странной причине. Аристотель написал первую историю философии; он написал все главы. Одна из глав – физика, а после главы о физике следует философия. Именно потому, что она идет после физики – метафизика означает "после физики", – поскольку эта глава шла после физики, постепенно эта наука стала известна как метафизика: глава, которая идет за физикой.

Когда философия обрела свой собственный предмет, то метафизика, само слово, просто исчезла. Оно не применяется больше – хотя кажется, что метафизика может возродиться, воскреснуть, так как сейчас физика очень близко подходит к философии, становится более таинственной, обнаруживая больше областей, которые нельзя объяснить логикой, нельзя объяснить наукой. Возможно, ее начнут называть метафизикой. Она вне физики, после физики. Сейчас ее называют высшей физикой.

Созерцание – всего лишь процесс мышления, очищение ваших мыслей; и чем больше вы практикуетесь в этом очищении, тем утонченнее они становятся. А очищение само по себе – радость. Очищение – это радость, которая намного выше таких вещей, как пища, секс, одежда; оно – более утонченная радость. Когда вы сталкиваетесь с новым явлением, мимо которого люди проходили в течение миллионов лет, а вы – первые, кто обнаружил его, то огромная радость поднимается в вас.

Созерцание – это от интеллекта.

Медитация – это от интуиции.

У медитации нет предмета.

Она – чистый субъективизм.

Медитация – это не размышление о чем-то.

Она – вообще не *размышление*.

Но необходимо помнить одну вещь: она не означает впадение в сон. Вот что происходит: если вы не размышляете, то разум говорит: «Что ты делаешь? Иди спать». Разум свободно себя чувствует во время размышления или во время сна, а между двумя этими состояниями находится медитация: это не размышление и не сон. Размышление закончено, а сон еще не пришел. Вы полностью бодрствуете. Это – сознание без мыслей. Путь вашего разума совершенно свободен от постоянного потока мыслей.

В состоянии не-ума спрятан основной секрет – секрет вашего бытия и секрет всей вселенной... поскольку в определенной точке вашего бытия сходятся все точки. Эта ваша точка является также центром всей вселенной. Чем дальше вы углубляетесь в мысли, тем дальше вы уходите от своего центра, а также от вселенной. Поэтому я предлагал очень простой метод для всех университетов.

Будда обычно называл его «випассана». Слово прекрасное, простое, значительное. Оно означает просто «наблюдение». *Пашья* означает «смотреть», а *пассана* означает «смотреть очень внимательно». Випассана означает «смотреть внимательно, но без размышления». Вы лишь присутствуете, сидите молча, ничего не делая.

На Западе есть пословица – «праздный ум – мастерская дьявола». Это не правда. Праздный ум, абсолютно праздный – это место, где происходит ваше настоящее рождение. Ум, полный мыслей, – вот мастерская дьявола, так как он постоянно подает вам идеи: «Сделай это, сделай то». Безмолвный ум... как безмолвный ум может быть мастерской дьявола?

Запад никогда не достигал состояния медитации; он оставался лишь в состоянии созерцания. Концентрация случалась, созерцание случалось, но медитация оставалась для Запада чем-то неисследованным. Возможно, для нее не были готовы условия, не созрели для нее. Возможно, Запад был слишком озабочен физическим выживанием. Жизнь была трудной, климат был холодным; для того чтобы выжить, требовалась тяжелая работа.

На Востоке климат был теплым, и, для того чтобы выжить, не требовалось много работы. В семье обычно работал один человек, а вся семья просто наслаждалась жизнью. Не нужно было работать каждому. Земля была плодородной, население было небольшим – земля давала так много без большого затраченного на нее усилия, что, естественно, люди стали проводить исследования, просто безмолвно сидя и ничего не делая. Это было естественным явлением, которое должно было произойти.

Так что многие люди были без работы – вот почему так много людей становились монахами. Не было ни беспокойств, ни проблем. С другой стороны, большое количество монахов надо обеспечить пищей, надо обеспечить одеждой, надо обеспечить кровом, они ведь не работают. Но проблем не было: у людей было достаточно еды и они многое могли дать. Миллионы монахов бродили по стране, и все, чем они занимались, было... Никогда в истории человека не было столько людей, старающихся молча сидеть и быть лишь абсолютно спокойными – ни одного движения, ни единого дуновения ветерка. И они достигли своего.

И вот почему я предлагаю, чтобы каждый университет имел отделение медитации. Создайте необходимый климат, необходимую атмосферу – прекрасные сады, коттеджи дзэнского типа, пруды, деревья и маленькие комнаты медитации дзэнского типа, чтобы каждый студент, перед тем как он выйдет из университета, нес в себе качество медитации.

Когда мы, во-первых, сможем помочь людям стать распрограммированными и оставим их чистыми, как грифельная доска, и, во-вторых, сможем помочь им наслаждаться этой чистотой так, чтобы они никогда больше не запачкали ее, вот тогда мы подготовим основу для нового человечества, для нового мира без границ, без наций, без культов, вероисповеданий, религий – лишь одна огромная коммуна, окружающая весь мир.

Беседа 9

СМЕЛОСТЬ: ЛЮБОВНАЯ СВЯЗЬ С НЕИЗВЕСТНЫМ

6 февраля 1985 года

Бхагаван,

Еще ребенком Вы были более пробудившимся, чем я сейчас. Как случилась подобная смелость и осознанность?

Это очень просто, и все же это не так легко объяснить вам. Причина в том, что это относится к вашей прежней жизни. Сейчас то, что касается меня, – это реальность. То, что касается вас, может быть лишь гипотезой. Я не прошу вас, чтобы вы верили в это.

В этом заключается мой основной подход – никогда никому не говорить, чтобы они во что-то верили. Я просто объясняю, как это случилось со мной. Вы можете найти способы, чтобы поэкспериментировать с этой гипотезой; возможно, это произойдет с вами тоже – никогда не бывает слишком поздно.

Вы думаете, что в тот момент, когда ребенок родился, – это начало его жизни. Это неправда. Вы думаете, что в тот момент, когда старый человек умирает, – это конец его жизни. Это не так. Жизнь гораздо больше, чем рождение и смерть. Рождение и смерть – не два конца жизни; много рождений и много смертей случаются *в течение* жизни. Жизнь как таковая не имеет ни начала, ни конца: жизнь и вечность эквивалентны. Но вам не удастся легко понять то, как жизнь превращается в смерть; невозможно даже постичь это.

В мире существует несколько непостижимых вещей; и одной из них является то, что вы не можете понять, как жизнь превращается в смерть. В какой точке это уже больше не жизнь, а смерть? Где вы проведете демаркационную линию? Можете ли вы четко определить, когда жизнь начинается: когда ребенок родился или когда ребенок зачат? Но даже перед зачатием материнская яйцеклетка была жива, отцовская сперма была жива – они не были мертвы, поскольку соединение двух мертвых вещей не может создать жизнь. Они обе были живые и слились в одно целое и создали жизнь, которая, если правильно понимать, пока еще не является ни мужской, ни женской.

В мужчине есть спрятанная в нем женщина; в женщине есть спрятанный в ней мужчина. Обязательно должно быть именно так, потому что вы – это вклад одного мужчины и одной женщины – отца и матери; они оба вложили пятьдесят процентов в ваше существование. Если вы мужчина, то это просто означает, что мужская сторона – сверху, а женская сторона – снизу. Если вы женщина, то женская сторона – сверху, а мужская сторона – снизу. И это вы можете наблюдать в своей собственной жизни.

Бывают моменты, когда мужчина ощущает в себе элементы женского характера: значительную уязвимость, большую любовь, заботливость. Фактически он может быть более женственным, чем женщина, так как женственность женщины – это ее повседневное состояние. Для нее это само собой разумеется; она находилась в этом состоянии всю свою жизнь, в этом нет ничего особенного. Но для мужчины, когда в нем возникают проявления женственности – моменты нежности, каждый знает об этом, – он также удивляется этим проявлениям нежности... как, и в нем? Эта нежность – новое чувство. А женская нежность – обычная, утратившая свою прелесть.

То же самое случается и с женщиной. Бывают моменты, когда она чувствует, как из глубин ее подсознания в ней просыпается мужчина. Она может продемонстрировать такую силу, смелость, отвагу, что даже мужчина может почувствовать себя неполноценным. Дело в том, что мужчина использует свою мужественность каждый день – это не новое чувство, оно не такое живое. Вот почему, когда женщина становится разгневанной, она более свирепа, чем мужчина.

Такое наблюдалось среди животных. Самка становится свирепой только в определенные моменты, когда ее детеныши подвергаются нападению. Они могут подвергаться нападению даже со стороны своего отца... так как отцовство – элемент человеческого бытия, оно не присуще животным. Детеныши никогда не знают, кто их отец, а отец никогда не знает, что он произвел детей. Но материнство изобретено не человеком. Материнство – это нечто природное.

Вот почему нельзя отца ставить выше матери, за исключением, возможно, того, что происходит в Германии. Эти глупцы продолжают называть родину-мать отечеством. Во всем мире свою родную страну называют родиной-матерью, а немецкие глупцы имеют свою особенность. Это даже выглядит неправильно – отечество?

Земля – женское понятие, небо – проявление мужской силы. Поскольку земля дает жизнь всему – животным, насекомым, птицам, деревьям, человеку, – землю можно назвать матерью. Вы будете удивлены, обнаружив сходство между этими словами. Английское слово «материя» и английское слово «мать» произошли от санскритского корня *матра*. *Матри* означает «мать», а матра означает «материя, количество». От матры произошли оба слова «материя» и «мать».

Земля – наиболее ощутимое материальное явление. Ее нельзя назвать отцом; она не имеет отношения к отцовству. Но также нельзя спорить и с немцами. Когда я слышу их язык, я не могу не думать, что если бы в аду говорили на каком-нибудь языке, то он должен был бы быть немецким. А как он режет ваш слух! В нем нет округлости... как будто из каждого слова нож выскакивает. Я не могу постичь, как люди могут любить немецкий язык; он подобен сражению. Возможно, так оно и есть! Есть языки, которые, даже если вы говорите о сражении, звучат так, как будто вы ведете нежную беседу.

Мужчина и женщина, в действительности, не являются двумя разными существами, но личность мужчины нуждается в поддерживающих его женских качествах.

Если таких поддерживающих качеств нет, то мужчина пропадет. И то же самое происходит с женщиной. Она не может существовать только со своими женскими качествами, она нуждается в поддерживающих ее мужских качествах. Поэтому каждое человеческое существо представляет собой соединение двух полярностей, которые кажутся противоположными друг другу, но на самом деле не являются противоположными; они, в основном, абсолютно существенные составляющие одного целого.

В какой момент рождается ребенок? Наука не смогла это определить. Нет способа, чтобы определить это, так как яйцеклетки, которые мать носит в своем чреве, она носит с самого своего рождения...

Между прочим – не позволяйте мне лавировать!

Было обнаружено – и это представляется единственным объяснением, которое может уберечь Иисуса от того, чтобы считаться незаконнорожденным, – было обнаружено, что одна девочка родилась с близнецом, находившимся в ее чреве. В действительности должны были родиться две девочки, но каким-то образом другая девочка, которая должна была быть близнецом, не развилась; она стала частью девочки, которая родилась.

Она способна нести своего близнеца в своем чреве. Этот близнец жив, и в определенный момент эта девочка может родить ребенка без какого-либо полового вмешательства мужчины.

Сейчас это научно доказанный факт. В некоторых животных это обнаруживается снова и снова. И буквально недавно Вивек принесла новость, касающуюся аналогичного случая. Я по крайней мере в течение двадцати лет думал об этом, так как двадцать лет назад мне пришлось узнать о таком случае, об аналогичном случае, когда девушка родила мертвого ребенка. И даже врачи подтвердили, что девушка была совершенно невинна.

Я был в том медицинском колледже, чтобы увидеть все собственными глазами. В Индии это трудная проблема – на Западе это не так трудно: если бы было доказано, что девушка имела половое сношение с мужчиной, тогда не было бы возможности... вся ее жизнь была бы погублена. Она не смогла бы никогда выйти замуж, и ее везде порицали бы. Для нее лучше было бы умереть, чем жить.

Но все врачи были абсолютно уверены, что мертвый ребенок не был зачат обычным образом. Она несла в своем организме маленького, миниатюрного ребенка с самого своего рождения, и, когда она сексуально созрела, ребенок стал расти, поскольку для ребенка все равно... Для ребенка это было все равно, как если бы он был зачат половым путем каким-то новым мужчиной, но на самом деле ребенок нес в себе гены отца этой девушки и ее матери. Ребенок, который был рожден этой девушкой, не был ее ребенком, а был ее сестрой. Хорошо, что он родился мертвым.

Было бы хорошо, если бы Иисус тоже родился мертвым, но, к сожалению, он родился живым. Это единственный научный метод уберечь этого бедного парня от того, чтобы быть незаконнорожденным; иначе, никакой Святой Дух не поможет. Все это абсурд.

Необходимо допустить одну вещь: половина вашего существа жива в вашей матери еще до того, как вы зачаты. А другая ваша половина вносится вашим отцом – она также должна быть внесена в живом виде. Когда сперматозоиды покидают организм вашего отца, они живые, но их жизнь не долгая, они жизнеспособны только два часа. В течение двух часов они должны соединиться с материнской яйцеклеткой. Если в течение двух часов они не соединяются с яйцеклеткой, то начинают слоняться туда-сюда...

Абсолютно точно, что каждый сперматозоид должен иметь свои собственные характерные особенности. Некоторые сперматозоиды – ленивые ребята; когда другие стремятся навстречу яйцеклетке, они лишь совершают утреннюю прогулку. Таким путем они никогда не достигнут яйцеклетки; но что они могут сделать? Их особенности таковы с самого их рождения: они не могут бежать, они предпочитают умереть; и они даже не осознают того, что может произойти.

Но некоторые ребята – как олимпийские бегуны, они сразу же начинают стремительный бег. И там идет большое соревнование, так как вопрос стоит не о нескольких *сотнях* клеток, стремящихся к одной материнской яйцеклетке... Чрево матери имеет резервуар с яйцеклетками, который ограничен и высвобождает только одну яйцеклетку каждый месяц. Вот почему женщина имеет месячные; каждый месяц высвобождается одна яйцеклетка. Поэтому только один парень из всей той толпы, которая состоит из *миллионов* живых клеток... это, действительно, великая философская проблема!

Проблема только биологическая, так как она заключается в том, что из многих миллионов людей может родиться только один человек. А кем были те другие миллионы, которые не попали в материнскую яйцеклетку? В Индии это было использовано индусскими учеными, пандитами, шанкарачарьями как один из аргументов против регулирования рождаемости.

Индия – умная страна в том, что касается аргументации. Папа постоянно выступает против регулирования рождаемости, но он не привел ни одного аргумента. Его индийский двойник привел по крайней мере несколько аргументов, которые выглядят весьма солидно. Один из его аргументов: в какой момент следует прекращать производить детей – два ребенка, три ребенка? Говорят, что Рабиндранат был тринадцатым ребенком у своих родителей; если бы практиковалось регулирование рождаемости, то Рабиндраната Тагора не было бы.

Наверное, этот аргумент обоснован, так как регулирование рождаемости означает прекращение производства детей после второго ребенка, в крайнем случае, после третьего: не упускайте ни одной возможности; один ребенок может умереть, или может произойти еще что-нибудь. Вы можете воспроизвести двух детей, чтобы заменить себя и свою жену, тогда увеличения численности населения не происходит; но Рабиндранат был тринадцатым ребенком у своих родителей. Даже если бы они остановились на

двенадцати детях, то Рабиндранат не успел бы на поезд. Итак, сколько же Рабиндранатов не успевают на свои поезда?

Я разговаривал с одним из шанкарачарьев. Я сказал: «Совершенно правильно; исключительно ради спора я допускаю, что это правда: мы лишились бы одного Рабиндраната Тагора. Но я желаю лишиться его. Если вся страна может жить в мире, может иметь достаточно пищи, может иметь достаточно одежды, может удовлетворить все основные потребности, то я думаю, что это стоит того. Я готов потерять одного Рабиндраната Тагора, это не слишком много».

«Вы должны понимать баланс: миллионы людей умирают и страдают от голода лишь для того, чтобы произвести одного Рабиндраната Тагора. Поэтому вы полагаете, что каждый родитель должен дойти до тринадцати детей? А как насчет четырнадцатого? Как насчет пятнадцатого?» И забудьте об этих небольших количествах; во время каждого занятия любовью мужчина отдает миллионы сперматозоидов, – а ведь почти каждый раз, когда мужчина занимается любовью, зачатия ребенка не происходит.

Вы будете удивлены, узнав, что если с четырнадцатилетнего возраста мужчина становится сексуально зрелым, то он продолжает созревать, согласно моим подсчетам, до сорокадвухлетнего возраста, который, как я чувствую, является новой зрелостью... Половое созревание происходит в четырнадцать лет, а духовность начинает расти в сорок два года. Существует семилетний цикл.

В течение первых семи лет вопрос о сексе не стоит. Ребенок невинен. Он, может быть, играет в сексуальные игры, но они подсознательны, и он не имеет представления о том, что эти игры сексуальные. И он не играет в эти игры ради сексуальности. Он подготавливается с помощью биологии, поскольку позднее он должен будет играть во все эти игры – нужна некоторая репетиция.

Я говорил вам, что есть две игры, в которую играют дети во всем мире; одну в тот день я совершенно забыл. Одна игра – прятки, а вторая – врач и пациент. Странно... пациент – всегда девочка, а врач – всегда мальчик! Я спросил: «Когда-нибудь бывает наоборот, что девочка – врач, а мальчик – пациент?» Нет, девочку вообще не интересуют все эти странности.

Женщину не так сильно привлекает тело мужчины; ее больше привлекает мужское обаяние, импрессивность, личность – как он ходит, как говорит. Она не очень интересуется его

физической красотой – она интересуется чем-то таким, что неосязаемо. Но женщина обладает инстинктом для того, чтобы определить, что в мужчине есть привлекательного.

Много раз мужчина удивится: «Я ничего не вижу привлекательного в этом мужчине», – а случается так, что тот мужчина, по мнению женщин, – почти герой. Многие женщины увлечены тем мужчиной. Они видят в нем что-то такое, что ни один другой мужчина не сможет увидеть. Но их увлеченность не физического свойства, она – более утонченная; там больше вибрации энергии, больше чего-то таинственного.

Например, у Четаны был друг – Миларепа, Миларепа Великий. Миларепа – просто сердцеед, он постоянно губит дам то там, то здесь, повсюду. А я даже не могу распознать его! Вивек продолжает мне его показывать, Четана показывала мне: «Это Миларепа», а в следующий раз я опять забывал, кто же такой Миларепа. Он такой сердцеед, что я хочу увидеть его и внимательнее к нему присмотреться, чтобы понять, в чем дело. Но я просто все время забываю его лицо.

Лишь вчера Вивек сказала мне: «Он стоял с барабаном прямо перед вами». С барабаном! Передо мной! Я видел барабан, но упустил Миларепу. Барабан был хороший, и игра на нем была хорошая – все было хорошее, – но я просто не взглянул на человека, который барабанил. Он великий барабанщик. Я опять упустил его.

Я продолжаю спрашивать Четану о Миларепе, и она мне все рассказала о Миларепе. Миларепа – единственный человек, о котором я имею всю информацию. Каждый день я пытаюсь догадаться – когда-нибудь я попытаюсь догадаться, что это – Миларепа. Но вчера я потерял надежду.

Он стоял передо мною, барабаня – что еще может делать бедный парень? Я просто слепой. А он, конечно, личность, подобная лорду Байрону, так как он проводит время со столькими дамами и ни одна дама не чувствует себя оскорбленной. Все они принимают то, что он такой человек, которым нельзя владеть.

С самого начала существуют индивидуальности. А миллионы людей просто исчезают во время каждого занятия любовью. Мы никогда не узнаем, сколько лауреатов Нобелевской премии было среди них, сколько президентов, премьер-министров... среди них были, должно быть, самые различные люди.

Итак, вот мои подсчеты: с четырнадцати лет до сорокадвухлетнего возраста, если мужчина абсолютно нормально занимается любовью, то он высвобождает такое количество сперматозоидов, которое почти равно всему населению Земли. Один мужчина может населить всю Землю, перенаселить ее – она уже перенаселена. И это может быть сделано одним Миларепой; больше никто не нужен. И все эти люди будут уникальными индивидуальностями, не имеющими ничего общего между собой, за исключением того, что все они люди.

Но жизнь и там еще не начинается; жизнь начинается гораздо раньше. Для вас это только гипотеза – для меня это переживание. Жизнь начинается в момент смерти в вашей прежней жизни. Когда вы умираете, с одной стороны, одна глава вашей жизни, которую люди считают всей вашей жизнью, закрывается. Это была лишь глава книги, которая имеет бесконечное число глав. Одна глава закрывается, но книга не закрыта. Лишь переверните страницу, и начнется другая глава.

Умирающий человек начинает видеть свою последующую жизнь. Это известный факт, так как он происходит перед тем, как глава закрывается. Иногда человек возвращается от самой последней точки. Например, он тонет и каким-то образом оказывается спасенным. Он почти в коме; из него должна выйти вода, ему должно быть сделано искусственное дыхание, и вот каким-то образом он спасен. Он был всего лишь на грани закрытия главы. Такие люди сообщали интересные факты.

Один факт заключается в том, что в последний момент, когда они чувствовали, что умирают, что все кончено, перед ними в одно мгновение проходит вся их прошлая жизнь – с момента рождения до этого момента. За секунду они видели все, что произошло с ними, все, что они помнили, и даже то, что они никогда не помнили; многие вещи, на которые они даже не обращали внимания и о которых они даже не знали, что они были частью их памяти. Вся пленка памяти прокручивается так быстро, в одно мгновение – она должна прокрутиться за одну секунду, так как человек умирает; времени – трех часов – нет, чтобы посмотреть весь кинофильм.

И даже если вы смотрите целый кинофильм, вы не сможете пересказать всю историю человеческой жизни, со всеми ее маленькими незначительными деталями. Но все проходит перед ним – это, определенно, очень значительное явление. Перед тем как кончится глава, ему приходят на память все его переживания, неудовлетворенные желания, ожидания, разочарования, крушения надежд, страдания, радости – все.

У Будды есть слово, определяющее это явление, он называет его *танха*. Буквально оно означает «желание», но метафорически оно означает «вся жизнь желания». Все эти вещи происходили – крушения надежд, исполнения желаний, разочарования, успехи, неудачи... но все это происходило в определенной области, которую можно назвать «желание».

Умирающий человек должен увидеть все это перед тем, как он двинется дальше, просто восстановить это в памяти, поскольку тело покидает его: его разум не собирается оставаться с ним, его мозг не собирается оставаться с ним. Но желание, высвобожденное из его разума, будет цепляться за его душу, и это желание определит его будущую жизнь. Он будет двигаться ко всему тому, что осталось невыполненным.

Ваша жизнь начинается задолго до вашего рождения, до оплодотворения вашей матери, далеко в прошлом – в конце вашей прежней жизни. Тот конец – начало этой жизни. Одна глава закрывается, другая глава отрывается. Итак, то, какой будет ваша новая жизнь, на девяносто девять процентов определяется последним мгновением перед вашей смертью. Все то, что вы собрали, то, что вы пронесли с собой как семя, – это семя станет деревом, принесет плоды, принесет цветы или все то, что произойдет с ним. Вы не можете прочитать это по семени, но семя несет в себе весь отпечаток.

Есть вероятность, что когда-нибудь наука сможет прочитать по семени всю программу – какие ветви собирается иметь это дерево, как долго это дерево собирается жить, что произойдет с этим деревом, – поскольку отпечаток есть; мы даже не знаем его языка. Все то, что произойдет, потенциально уже имеется.

Итак, все то, что вы делаете в момент вашей смерти, определяет, каким будет ваше рождение. Большинство людей умирают, цепляясь за жизнь. Они не хотят умирать, и можно понять, почему они не хотят умирать. Только в момент смерти они узнают тот факт, что они вообще не жили. Жизнь просто прошла как сон, и пришла смерть. Сейчас нет больше времени, чтобы жить, – смерть стучится в вашу дверь. А когда *было* время, чтобы жить, вы занимались тысячей и одной глупостью, напрасно тратя свое время, вместо того, чтобы жить.

Я спрашивал людей, играющих в карты, играющих в шахматы: «Что вы делаете?»

Они говорят: «Убиваем время».

С самого детства я был против этого выражения – «убиваем время». Мой дед был великим шахматистом, и я спрашивал его:

«Вы стареете, и все же вы убиваете время. Разве вы не видите, что на самом деле время убивает вас, – а вы продолжаете говорить, что вы убиваете время. Вы даже не знаете, что такое – время, вы не знаете, где оно. Схватите его и покажите мне».

Все эти выражения, что время течет, проходит, убывает – всего лишь вид жалобы. Именно *вы* убываете – исчезаете каждое мгновение. Время там, где ему положено быть; оно не проходит. Часы – человеческое изобретение, чтобы измерять проходящее время, которое вообще не проходит.

Только в одном сумасшедшем доме я видел правильный тип часов. Я путешествовал и как раз опоздал на поезд. Чтобы попасть на тот же поезд, я бросился ловить такси, чтобы доехать до другой станции – это было возможно, так как поезд проходил длинный путь в сто двадцать миль, поэтому такси могло достичь той станции, проделав шестьдесят миль по дороге. Поэтому я бросился на стоянку такси и обнаружил там одного из моих друзей со школьных дней – мы вместе учились в средней школе. Он был очень счастлив.

Он сказал: «Не беспокойся – я посажу тебя на этот поезд, если не на следующей станции, так на другой или еще на следующей; или я буду везти тебя весь путь. Не беспокойся, – но ты должен прийти ко мне домой».

Я сказал: «У меня нет времени, чтобы его тратить. Я должен успеть на поезд».

Он сказал: «Ты *должен* прийти. Я ждал тебя целые годы, и я слышал о тебе, и я читал о тебе в газетах, и все такое. Я ждал, думая, что когда-нибудь ты придешь сюда, – и сегодня ты пришел; а ты так спешишь и даже не можешь зайти ко мне домой посмотреть, в какую беду я угодил».

Я сказал: «Что случилось?»

Он сказал: «Ты только зайди».

Выхода не было! А он был там единственным владельцем такси; город был маленький. Я сказал: «Другого выхода нет, поэтому я пойду, но помни, что я должен успеть на поезд, что бы ни случилось, где бы ты ни догнал его, но я должен попасть на него». Он обещал.

Он привел меня к своему дому, и через окно я смог увидеть – окно было открыто, – что его жена сумасшедшая. Она стояла там, держась за стальные прутья, которые были закреплены в окне, чтобы помешать ей вылезти. И то, какие у нее были растрепанные волосы и как она выглядела...

Он сказал: «Это моя жена».

Я сказал: «Хорошо, но что я могу поделать? Я спешу. А ты хочешь, чтобы я лечил твою жену или еще что-то?»

«Нет, – сказал он, – нет, я не хочу, чтобы ты лечил ее. Я просто хочу, чтобы ты увидел ее и посоветовал мне, что делать».

Я сказал: «Хорошо». Я вошел и увидел там часы – за всю свою жизнь я видел единственные правильные часы, и сделала их эта женщина. У часов была только одна часовая стрелка. Нельзя было догадаться, какое время они показывают. Я спросил этого человека: «Какой смысл держать здесь эти часы с одной часовой стрелкой?»

Он сказал: «У этой женщины свои идеи. Я чинил эти часы дюжину раз, но она всегда снимает минутную стрелку».

Я сказал: «Как ты узнаешь время?»

Он показал мне другие часы. В кармане у него были карманные часы, которые имели только минутную стрелку. Он сказал: «Я смотрю на те и на другие часы и так узнаю, сколько времени».

Я сказал: «Твоя жена сумасшедшая, но ты тоже сумасшедший. Это нечто! Действительно, ты же творческий, созидательный ученый, – а водишь такси! Я не мог даже представить, что свою работу могут выполнять двое часов «.

Он сказал: «Они работают прекрасно. Поскольку она не собирается меня слушать, мне пришлось самому кое-что устроить».

Это единственные правильные часы, так как по ним вы не могли определить время.

В Индии, в Пенджабе, если вы едете в Пенджаб, – можете спросить Нилама, – никогда не спрашивайте никого другого: «Сколько времени?» – так как если будет двенадцать часов, то вас побьют. И если вам удастся вырваться живым, это будет просто чудо. Здесь есть очень философская причина, но когда философия попадает в руки глупцов, – вот что происходит.

Нанак, основатель сикхизма, сказал, что момент самадхи – это когда две стрелки часов встречаются на цифре двенадцать; больше они нигде не встречаются. Он приводил пример: в момент самадхи двойственность вашего бытия исчезает и вы становитесь одним целым. То же самое происходит и со смертью. Позднее он объяснял, что то же самое происходит со смертью. Если опять две стрелки, которые двигались порознь, соединяются и останавливаются, то становятся одной стрелкой: вы стали одним целым с существованием.

Итак, в Пенджабе двенадцать часов стали символом смерти.

Поэтому, если вы спросите какого-нибудь сардарджи: «Сколько времени?» и если будет двенадцать часов, он просто начнет бить вас, поскольку это означает, что вы дразните его и призываете смерть на его голову. В Пенджабе скажут о ком-то, у кого длинное лицо, несчастное, страдальческое: «На его лице двенадцать часов». Я видел, как сардары быстро переводили свои часы: когда они показывают двенадцать, они быстро переведут их на пять минут вперед. Они не будут держать стрелки на двенадцати; обидно, что их собственные часы подшучивают над ними. Двенадцать напоминает им только о горе, печали, смерти; они полностью забыли о самадхи, о которой Нанак, действительно, пытался объяснить им.

Когда человек умирает – когда для него наступило двенадцать часов, – он цепляется за жизнь. Всю свою жизнь он думал, что время уходит; теперь он чувствует, что *он* уходит, *он* умирает. Никакое цеплянье не поможет. Человек становится таким несчастным, а мучение становится таким невыносимым, что большинство людей впадают в бессознательное состояние или в состояние комы перед тем, как они умирают. Поэтому они упускают момент, чтобы восстановить в памяти всю свою жизнь.

Если смерть приходит и вы не цепляетесь за жизнь, если у вас нет желания остаться в живых даже хотя бы на одно мгновение, то вы умрете в сознании, поскольку природе не нужно заставлять вас впадать в бессознательное состояние или в кому. Вы умрете, будучи в сознании, и вспомните все свое прошлое. Вы сможете увидеть, что то, чем вы занимались, было просто глупостью.

Желания были удовлетворены – чего вы добились? Желания остались неудовлетворенными, и вы страдали, но чего вы добились, когда они были удовлетворены?

Это странная игра, в которой вы всегда проигрываете. Не имеет значения, выигрываете ли вы или проигрываете.

Ваши удовольствия ничего не стоили; это лишь знаки, написанные на воде.

А ваша боль была высечена в граните.

И вы страдали всей этой болью ради тех знаков на воде. Всю свою жизнь вы страдали ради маленьких радостей, которые похожи не более чем на игрушки, на той стадии, с той высоты, с той точки, с которой вы можете увидеть всю долину своей жизни. Успехи были также неудачами. Неудачи, конечно, были неудачами, а удовольствия были не чем иным, как стимулом для страдания от боли.

Вся ваша эйфория была лишь функцией вашей способности мечтать. Вы уходите с пустыми руками. Вся ваша жизнь была лишь порочным кругом: вы продолжали двигаться в одном и том же круге – вокруг, вокруг и вокруг. И вы никуда не добрались, так как, двигаясь по кругу, как вы можете куда-либо добраться. Центр всегда оставался на одном и том же расстоянии, где бы вы ни находились на круге.

Приходил успех, приходила неудача; приходило удовольствие, приходила боль; было горе, и была радость: все продолжало идти по кругу, но центр вашего бытия всегда оставался на одинаковом расстоянии от любой точки круга. Трудно было смотреть, когда вы находились на круге – вы были слишком погружены в него, вы были частью его. Но сейчас внезапно все выпало из ваших рук – вы стоите пустые.

У Халиля Джебрана в его шедевре *Пророк* есть одно высказывание... Аль-Мустафа, пророк, приходит к людям, которые работают на фермах, и говорит им: «Мой корабль прибыл, пришло мое время уйти. Я пришел сюда лишь для того, чтобы оглянуться назад на все то, что произошло, и на все то, что не произошло. Перед тем как я взойду на борт корабля, у меня есть страстное желание увидеть то, что представляла собой моя жизнь здесь».

Высказывание, о котором я собирался напомнить вам... он говорит: «Я подобен реке, которая течет, чтобы впасть в океан. Она ожидает момента, чтобы оглянуться на землю, через которую она протекала, – джунгли, горы, люди. Жизнь протяженностью в тысячи миль была великолепна, а сейчас, через одно мгновение, все исчезнет. Поэтому подобно реке, находящейся на грани впадения в океан, которая оглядывается назад, я тоже хочу оглянуться назад».

Но оглянуться назад можно только тогда, когда вы не цепляетесь за прошлое; иначе вы настолько боитесь потерять его, что у вас даже нет времени, чтобы наблюдать, видеть. А время – всего лишь доля секунды. Если человек умирает, находясь полностью в сознании, видя всю землю, которую он прошел, и видя всю ее глупость, значит он рождается с отточенностью, с разумом, со смелостью – автоматически. Это не является чем-то, что делает он сам.

Вы спрашиваете меня: «Вы были сообразительным, смелым, разумным, даже будучи ребенком; я не такой смелый даже сейчас...» Причина в том, что в своей прежней жизни я умер способом, отличным от способа, которым умерли вы. Это большая разница, поскольку каким способом вы умираете, тем же способом вы рождаетесь. Ваша смерть – это одна сторона медали, ваше рождение – это другая сторона той же самой медали.

Если на одной стороне медали были замешательство, горе, страдание, цеплянье за жизнь, желание, то на другой стороне медали вы не можете ожидать отточенности ума, разумности, смелости, чистоты, осознанности. Все это не будет гарантировано; вы не можете ожидать этого.

Вот почему я говорю, что все это очень просто, но это трудно объяснить вам, так как я ничего не сделал в этой жизни, чтобы с самого начала быть смелым или быть сообразительным и разумным.

Только позднее я постепенно стал осознавать, как глупы люди. Это только более поздние размышления; раньше я не знал, что я смелый. Я думал, что все должны быть одинаковыми. Только позднее мне стало ясно, что все не одинаковые.

Одной из моих радостей в детстве было: взобраться на самую высокую скалу на берегу реки и прыгнуть! Многие соседские мальчики приходили туда со мной и старались прыгнуть. Но они подходили к самому краю и возвращались обратно; видя такую высоту, они говорили: «Вдруг что-то случится». Я снова и снова показывал им прыжок и говорил: «Если я могу прыгать – у меня тело не стальное – и если мне удается справиться с этим и выжить, почему вы не можете?»

Они сказали: «Мы стараемся изо всех сил», и они действительно старались. По соседству со мной жил один мальчик-брамин, который чувствовал себя очень униженным из-за того, что он не мог прыгнуть. Поэтому он, должно быть, спросил своего отца, что ему делать. «...ведь это очень унизительно. Он взбирается на вершину холма и прыгает оттуда, а мы лишь наблюдаем. Мы понимаем, что если он может прыгать, то мы тоже можем прыгнуть; в этом нет проблемы. Если высота не может погубить его, то почему она должна погубить нас? Но как только мы набираемся храбрости, прилагая все усилия, и бросаемся к краю, внезапно возникает пауза. Мы не знаем, откуда она возникает, но это просто пауза; что-то внутри нас говорит: "Нет, эти скалы и эта река... Если ты упадешь на скалу или... а река глубокая. А когда ты упадешь с высоты, вначале ты опустишься на самое дно реки, *затем* ты поднимешься на поверхность; больше ты ничего не сможешь сделать"».

Его отец сказал: «Это нехорошо», так как его отец был очень хорошим борцом, одним из чемпионов района. Он обычно бегал

в гимнастический зал и учил людей бороться, учил их индийской борьбе вольного стиля. Эта борьба более гуманна, более искусна и более артистична, чем бокс. Бокс выглядит абсолютно похожим на то, как ведут себя животные.

В индийской борьбе вы не причиняете боли другому человеку. Очень хороший борец лишь прикасается к другому человеку, и тот человек падает навзничь. Это – искусство, умение; каждая точка тела должна быть натренирована. Как бы силен ни был другой человек, если вы наносите ему удар под правильным углом ниже колена, то человек упадет. Не имеет значения, насколько он силен; вы лишь должны знать нужную точку, куда вы должны ударить рукой. Ваша рука может быть нежной – нет необходимости, чтобы она была как молот, – и человек упадет.

Они знают все виды стратегий – их тысячи; и это искусство, несомненно искусство. Никому не причиняется боль, желание причинить боль отсутствует. А игра заслуживает того, чтобы ее увидеть; она почти захватывает ваше дыхание, так как все происходит так быстро, особенно когда борец – мастер.

А тот человек действительно был мастером борьбы. Он не был похож на гиганта, и это была одна из причин того, почему он стал знаменитым. Он был среднего роста, не чемпионом в тяжелом весе, а наоборот, очень худой. И, на самом деле, когда бы его ни вызывали на бой или когда бы он ни вызывал кого-нибудь, остальные борцы обычно смеялись: «Вот этот человек? Его можно убить! Его кости могут переломиться! Этот человек собирается бороться? Тот другой настолько силен, что просто возьмет его обеими руками и бросит его».

В этом состояло все его искусство, так как каждый был готов бороться с ним, думая, что победит его. А что он делал на ринге... Индийский борцовский ринг похож на боксерский ринг. Его поверхность покрыта очень измельченным порошком, толщиной в шесть дюймов, поэтому если борцы падают, то вреда это никому не приносит. Поверхность намного мягче бархата, а почву для ринга выбирают самую лучшую.

Вот что он обычно делал вначале... Другой борец стоял, конечно, совершенно уверенный, что выиграет. А этот несчастный парень, который выглядел несчастным, но всегда добивался победы, ходил по краю ринга, окруженного наблюдающими за борьбой людьми. А внутри этого круга был борцовский ринг. Он ходил кругами, пританцовывая и отступая назад; на этот танец стоило посмотреть! Он не оглядывался назад, он смотрел вперед, пританцовывая и отступая назад, и входил точно в круг.

После того как его танец заканчивался... а другой человек был поражен тем, что тот делал; танец был таким прекрасным, таким изящным... После своего танца он внезапно прыгал на парня подобно тигру или льву. У него был такой легкий вес, что он почти парил в воздухе, а тот человек был просто ошеломлен от удивления. Что происходит? Во-первых, его танец был странным... ни один борец, которого я видел, не исполнял такой танец...

А после танца он просто прыгал на парня, и его действия были настолько быстры, что за секунды... Люди не могли понять, что он делал, и как другой человек очутился распростертым на земле, и как этот человек очутился сидящим на его груди!

Если бы тот ребенок принадлежал кому-нибудь другому, то тот человек сказал бы ему, чтобы он вообще не ходил туда, но этот человек был не таким. Он сказал: «Если он может прыгнуть, а ты не можешь, то это позор для меня. Я пойду с тобой, я буду стоять там. И не волнуйся: когда он прыгнет, то прыгнешь и ты».

Я не имел представления о том, что его отец собирается быть там. Когда я пришел туда, я увидел отца, сына и нескольких других мальчиков, которые собрались, чтобы посмотреть. Я взглянул и догадался, в чем дело. Я сказал мальчику: «Сегодня тебе не надо беспокоиться – пусть твой отец прыгнет. Он великий борец, и проблемы для него не будет».

Отец взглянул на меня, так как он пришел лишь для того, чтобы воодушевить мальчика и чтобы он не был трусом. Он сказал: «Так что, я должен прыгнуть?»

Я сказал: «Да, вы можете исполнить свой танец – можете делать все, что хотите. Приготовьтесь!»

Он посмотрел вниз и сказал: «Я *борец*. Эти скалы и эта река... ну и нашел же ты местечко! Ты, должно быть, тренировался здесь. Тот, кто попытается прыгнуть, сломает себе шею, или ногу, или еще что-нибудь».

Я сказал: «Вы привели своего сына».

Он сказал: «Я привел его, не зная о том, какая здесь ситуация. Я думал, что если ты можешь прыгнуть, значит, и он может прыгнуть; ему столько же лет, сколько тебе. Но здесь, видя ситуацию, я заволновался и подумал, что если ты не придешь сегодня, то будет здорово, потому что мой мальчик не выживет. Но ты умный: ты просто отстранил моего мальчика и вцепился в меня. Я попробую».

И произошло то же самое. Даже этот борец, который был так смел – всю свою жизнь он боролся всеми возможными

способами... Но когда он подошел к обрыву – внезапная пауза, – ведь скала был такой... по крайней мере с глубиной метров десять, и река была глубиной шесть метров, а скалы были такими, что невозможно было проконтролировать место, куда вы упадете, и то, обо что вы можете удариться. А стоя на верху холма... ветер был таким сильным, что вас могло просто убить.

Он лишь остановился там и сказал: «Прости меня». И сказал своему сыну: «Сын, пойдем домой. Это не наше дело. Пусть он это делает, – возможно, он знает кое-что».

В тот день я странно себя почувствовал: почему эта пауза не возникает у меня? И я попробовал прыгать в самых неожиданных местах.

Железнодорожный мост был самой высокой точкой на реке; естественно, так как во время дождей уровень воды в реке поднимался высоко, поэтому мост должен быть всегда выше, и поэтому он был построен по самой высокой точке. По мосту всегда перемещались два охранника по двум причинам: во-первых, для того, чтобы никто не мог совершить там самоубийство, так как это было подходящее место для людей, желающих совершить самоубийство... Достаточно было упасть оттуда в реку. Вы никогда не достигли бы реки живым, ваше дыхание прервалось бы где-то в середине. Мост был такой высокий, что достаточно было посмотреть вниз, чтобы почувствовать тошноту.

И во-вторых, боязнь революционеров, которые устанавливали бомбы, взрывали мосты, сжигали поезда. Разрушить мост для революционеров было очень важно, так как тот мост соединял две части провинции. Если бы мост был разрушен, то по нему не могла бы пройти армия; тогда революционеры могли что-то сделать в другой части провинции, где не было армейских штабов. Поэтому эти охранники находились там двадцать четыре часа в сутки. Но меня они допустили туда.

Я объяснил им: «Я не хочу ни покончить жизнь самоубийством, ни взорвать ваш мост. На самом деле я хочу, чтобы мост тщательно охранялся, так как это *мое* место. Если мост исчезнет, то исчезнет самая высшая точка, необходимая для моих прыжков».

Они сказали: «Это твоя тренировка?»

Я сказал: «Это моя тренировка. Вы можете наблюдать, и, как только вы увидите, вы убедитесь, что у меня нет других намерений».

Они сказали: «Хорошо, мы будем наблюдать».

Я прыгнул. Они не могли в это поверить. Когда я вернулся,

я спросил их: «Не хотите ли попробовать?» Они сказали: «Нет, но для тебя мост всегда открыт – можешь приходить в любое время. Мы видели, как ты легко вошел в воду, но мы не можем прыгнуть – мы знаем, что люди принимали здесь свою смерть».

Тот мост был известен как «Мост смерти», и самым легким и дешевым способом было совершать самоубийство там. Даже если приобретать яд, на это надо было тратить деньги, а если использовать мост, то это было гораздо проще. Река в том месте была самой глубокой, и она далеко относила вас. Никто даже не нашел бы ваше тело, так как через несколько миль река впадала в еще большую реку, в огромную реку – и вы пропадали навсегда.

Видя страх на лицах тех двух охранников, видя страх у того борца, я просто заинтересовался: «Возможно, я пропускаю эти паузы; возможно, они должны иметь место, так как они действительно являются защитной реакцией». Но поскольку я начал расти, то я рос и не становился старше. С самого своего рождения я рос, рос, рос. Не думайте, что я старею. Только идиоты стареют, все остальные растут.

Поскольку я начал расти, я начал осознавать свою прежнюю жизнь и смерть, и я помнил то, как легко я умер – не только легко, но и с энтузиазмом. Мой интерес был направлен в большей степени на познание неизвестного, которое впереди, чем на познание известного, которое я видел.

Я никогда не оглядывался назад. И это было принципом всей моей жизни – не оглядываться назад. Нет смысла. Нельзя идти назад, поэтому зачем терять время? Я всегда смотрю вперед. Даже в момент смерти я смотрел вперед – и именно это дало мне возможность понять то, почему я упускал паузы.

Эти паузы создаются вашей боязнью неизвестного. Вы цепляетесь за прошлое и боитесь двигаться в неизвестное. Вы цепляетесь за известное, за знакомое. Оно может быть мучительным, оно может быть ужасным, но, по крайней мере, вы знаете его. Вы доросли до определенного вида дружбы с ним.

Вы удивитесь, но это мое переживание о тысячах людей: они цепляются за страдание по той простой причине, что они доросли до определенного вида дружбы со страданием. Они так долго жили с ним, и чтобы теперь покинуть его, – это будет подобно почти разводу.

Точно такая же ситуация с супружеством и разводом. Мужчина по крайней мере двенадцать раз в день думает о разводе; женщина также думает, – но оба как-то продолжают обходиться, жить вместе по той простой причине, что оба боятся

неизвестного. Этот человек плохой, ладно, но кто знает о том другом человеке – он, может быть, еще хуже. И, по крайней мере, вы привыкли к негодности этого человека, к отсутствию его любви. И вы можете стерпеть это, вы же *терпели* это; вы тоже стали толстокожими. Вы не знаете того, что ожидает вас с новым человеком; вы должны будете опять начать все с самого начала. Поэтому люди цепляются за известное.

Понаблюдайте за людьми в момент их смерти. Их страдание – это не смерть. Смерть не имеет боли, она абсолютна безболезненна. Она действительно приятна; она похожа на глубокий сон. Вы же не думаете, что глубокий сон – что-то болезненное? Но они не беспокоятся о смерти, о глубоком сне, об удовольствии; они беспокоятся об известном, которое выскальзывает из их рук. Страх означает только одну вещь: потеря известного и вхождение в неизвестное.

Смелость прямо противоположна страху.

Всегда будьте готовы отбросить известное, – это больше, чем желание отбросить его, – даже не ожидая, когда оно созреет. Просто прыгайте на то, что является новым... на самую новизну, на самую свежесть – это так заманчиво. Тогда появляется смелость. Смелость – это не то, ради чего вы должны упражняться и практиковаться, делать асаны йоги и ходить в гимнастический зал. Нет, я видел тех смелых людей. Они вовсе не смелые.

В том году, когда я был зачислен в учебное заведение, у меня был друг, который очень много интересовался борьбой. Он был хорошим борцом, и, конечно, его считали очень храбрым и смелым; он выиграл чемпионат штата по борьбе.

В те дни в нашем городе была средняя школа, но вступительные экзамены там не проводились. Для вступительных экзаменов мы должны были ехать в район, где проводились вступительные экзамены. Итак, все мы поехали в этот район. Он был не далеко, всего лишь тридцать миль, но мы должны были остаться там на пятнадцать или двадцать дней – столько, сколько продолжались экзамены. Случайно произошло так, что моему другу негде было поселиться, поэтому я сказал: «Ты можешь поселиться со мной».

Один из друзей моего отца, который был дилером в керосиновом бизнесе, имел прекрасный дом. Перед домом для гостей находился большой дом, который он использовал для хранения пустых канистр из-под керосина – он просто складывал их там, – а сбоку находился его магазин. Раньше я знал по многочисленному опыту – я много раз бывал там и останавливался в их доме

для гостей, – что в Индии жарким летом, когда днем очень жарко, канистры расширяются, а ночью они опять принимают свои прежние размеры. Поэтому они создают большой шум, а если в доме тысячи канистр, то вы можете себе представить, какой шум они создают.

Итак, этот борец... мы говорили о разных вещах и по какой-то причине стали говорить о привидениях. Он сказал: «Я не верю в привидения».

Я сказал: «Дело не в вере в привидения. Ты хочешь увидеть одно привидение?»

Он сказал: «Нет, но дело не в том, чтобы увидеть его. Я не верю в привидения».

Я сказал: «Если ты не веришь, тогда не бойся. Я могу устроить с ними встречу сегодня ночью».

Теперь он был загнан в угол. Он сказал: «Хорошо. Я не верю, что здесь есть привидения». Но по его *лицу* я мог видеть, какая борьба происходит у него внутри – ведь с привидениями бороться невозможно. И я сказал: «Надо сделать простую вещь. Ты видишь дом впереди?»

Он сказал: «Да».

Я сказал: «На втором этаже есть прекрасная комната. Иди туда. Поспи там ночью, и ты встретишь их, так как первый этаж дома занят привидениями».

Он сказал: «Я не верю в это – все это чепуха».

Я сказал: «Нет проблемы. Если случайно ты прав, то проблемы нет; если случайно ты ошибаешься, то я всегда здесь. Ты можешь с балкона позвать меня».

Он сказал: «Не придется никого звать».

Он пошел в дом. Вся лестница была заставлена теми канистрами. Он взглянул на канистры, но он не представлял себе, что эти канистры могли делать. Он поднялся наверх и сказал: «Здесь ничего нет – нет проблем». Я оставил его наверху и сказал ему: «Я ухожу. Пожалуйста, запри дверь изнутри, чтобы никто не вошел». Поэтому он вернулся, запер дверь и пошел наверх.

Где-то около часа ночи все началось. Конечно, к этому времени я уже крепко заснул, полагая, что уже ничего не произойдет. Я ждал полтора часа, а затем сказал: «Возможно, сегодня климат нехороший или дело еще в чем-то». Поэтому я отправился спать. Но к часу или к часу тридцати собралась такая толпа, что я проснулся, подумав: «В чем дело?» Я совершенно забыл, что поместил туда этого парня, – а в этом было все дело.

Там собралась целая толпа, а он, визжа, стоял на балконе; он не мог вымолвить ни единого слова. Он стал почти как человек, который не может говорить, а как только он увидел меня – так как все те люди были ему не знакомы, – как только он увидел меня, он лишь поднял руку, и я сказал: «В чем дело – привидения?»

Он утвердительно кивнул головой – он не мог произнести это; он кивнул головой. Поэтому я сказал: «Почему ты не идешь и не открываешь дверь?...»

Мы вынуждены были приставить лестницу к балкону, но он был так потрясен, что два человека вынуждены были поместить его на лестницу, и мы каким-то образом спустили его вниз. Мне пришлось вылить ему на голову холодную воду; затем он начал говорить. Он сказал: «Боже мой! Если бы ты сказал, что там так много привидений, я не поверил бы тебе. Я думал, что, может быть, там будет одно или два привидения – я смог бы с ними справиться. Но их там было так много, и они переходили от одной канистры к другой, от одной к другой. Они проходили мимо и бегали кругом и издавали звуки – а ты сказал мне, чтобы я спустился вниз по ступеням, которые проходят рядом с этими канистрами!»

Я сказал: «Теперь ты думаешь, что привидения существуют?»

Он сказал: «Я не только знаю, но я никогда это не забуду; этого переживания хватит на всю мою жизнь. Я никогда ничего не скажу против привидений. Хотя они не причинили мне вреда, я никогда не был так потрясен. Я чувствую, как будто вся моя энергия исчезла и я стал пустой внутри».

Я сказал: «Не волнуйся, к утру ты опять станешь сильным; просто хорошо выспись».

Но он всю ночь не мог спать, метаясь и ворочаясь, и он сказал: «Ты даже отсюда слышишь эти шумы?»

Я сказал: «Я слышу их, но я знаю, что те привидения – очень дружелюбные люди, и я был здесь много раз. Напрасно ты волнуешься».

Он сказал: «Дружелюбные? Привидения – и дружелюбные! Только ты способен здесь спать – я ухожу. Я буду спать на железнодорожной станции, а утром я буду искать какой-нибудь другой дом, так как даже в этом доме я слышу этот звук. Я не смогу ни заниматься, ни сдавать экзамены, если эти звуки будут продолжаться».

И вот что действительно случилось. Среди ночи он отправился на железнодорожную станцию. Я не знаю, что он делал, где он спал на железнодорожной станции, но утром в экзаменационном зале его не было. Я делал запросы; я звонил по телефону его семье, и они сказали: «Да, он вернулся ночным поездом. Он говорит: "Там столько привидений – этот год пропал. В этом году я не могу присутствовать на экзамене в том городе. В следующий раз я выберу другой центр, другой район, только не тот город". И он так боится... Что в действительности случилось?»

Я сказал: «Ничего не случилось; а когда я вернусь, я все объясню. Но этот год пропал, и он ответственен за это, так как он настаивал: "Я не верю в привидения". Я сказал: "Я знаю, где они располагаются", и я показал ему это место».

Его семья все еще сердита на меня, так как тогда он так и не сдал вступительные экзамены; он все еще не зачислен в учебное заведение. Он пытался одиннадцать раз, но страх так глубоко вошел в него, что во время экзамена он становился очень нервным. Все переживание той ночи снова оживало; он начинал опять переживать ту ночь.

Через одиннадцать лет даже его семья сказала: «Не изнуряй себя без пользы – забудь об этом. Это твои дела. Почему ты настаивал, говоря тому человеку, что привидения не существуют? Ты знаешь, что он достаточно умен, чтобы что-то подстроить, и, должно быть, он так и сделал. Мы не можем понять, как он это подстроил, но он, должно быть, что-то сделал».

Я объяснял им, что ничего не было там подстроено; что это были лишь банки, пустые банки, которые сжимаются ночью, когда становится холодно, и производят шум. И поскольку они навалены одна на другую, то кажется, что что-то движется от одной банки к другой, что-то бродит вокруг. Но объяснение не могло помочь. То потрясение действительно глубоко вошло в его сердце.

Боязнь смерти – действительно величайшая боязнь, и она – наиболее разрушительная сила для вашей смелости.

Поэтому я могу предложить только одну вещь. Сейчас вы не можете вернуться к своей прежней смерти, но вы можете начать делать одну вещь. Всегда будьте готовы перейти от известного к неизвестному, хотя бы в чем-то, в любом переживании.

И даже лучше, если неизвестное хуже, чем известное, – не это главное.

Лишь ваше изменение от известного к неизвестному, ваша готовность двигаться от известного к неизвестному – вот, что имеет значение. Это безмерно ценно. И продолжайте делать это во всех видах переживаний. Это подготовит вас к смерти, так как, когда смерть приходит, вы не можете сразу же решить: «Я выбираю смерть и покидаю жизнь!" Такие решения сразу не принимаются.

Вы должны двигаться дюйм за дюймом, готовясь, живя от мгновения к мгновению. И по мере того, как вы становитесь все более близкими к красоте неизвестного, вы начинаете создавать в себе новое качество. Оно там, оно еще никогда не было использовано. Прежде чем придет смерть, продолжайте двигаться от известного к неизвестному. Всегда помните, что новое лучше старого.

Говорят, что все, что старое, – не золото. Я говорю, что даже если все, что старое, – не золото, то это не имеет значения.

Имеет значение ваш *выбор*: ваш выбор познавать, ваш выбор переживать, ваш выбор идти в неведомое. Мало-помалу ваша смелость начнет функционировать. А отточенность разума не отделима от смелости; они почти одно органическое целое.

Вместе со страхом существует трусость, и имеет место отсталость ума, посредственность. Они – одна часть. Они существуют вместе, они поддерживают друг друга. Со смелостью приходят отточенность, разум, открытость и непредвзятый ум, способность познавать – все они приходят вместе.

Начните с простого упражнения, то есть: всегда помните, что при всяком выборе вы выбираете неизвестное, рискованное, опасное, ненадежное, тогда вы не будете в убытке.

И только тогда... на этот раз смерть может стать потрясающе открывающимся переживанием, может дать вам способность проникновения в ваше новое рождение – и не только способность проникновения, но даже определенный выбор. Вы можете осознанно выбрать определенную мать, определенного отца. Обычно это происходит подсознательно, просто случайно, но сознательное умирание человека – это сознательное рождение.

Вы можете спросить кое-что у моей матери, потому что случилось так, что она находится здесь... После моего рождения, в течение трех дней, я не воспринимал никакое молоко, и все волновались, беспокоились. Беспокоились врачи, поскольку: как этот ребенок собирается выжить, если он даже отказывается принимать молоко? Но они не имели представления о моих

трудностях, о той трудности, которую они создавали для меня. Они всячески старались заставить меня. А у меня не было способа, чтобы объяснить им или чтобы дать им понять, что они сами могли бы найти способ.

В моей прежней жизни, перед тем как я умер, я постился. Я хотел закончить свой двадцатиоднодневный пост, но я был убит перед тем, как был закончен мой пост, за три дня до этого. Те три дня остались в моем сознании даже при новом рождении; я должен был закончить свой пост. Я, на самом деле, упрямый! С другой стороны, люди не переносят события из одной жизни в другую жизнь; если глава закрыта, то она закрыта.

В течение трех дней им не удавалось положить что-нибудь мне в рот; я просто отвергал все. Но через три дня со мной все было в полном порядке, а они были удивлены: «Почему он отказывался три дня? Болезни не было, не было проблем, – а через три дня он совершенно нормальный». Это осталось для них тайной.

Но я не хочу говорить об этих вещах, так как для вас все они будут гипотетическими, а у меня нет способа доказать их научно. И я не хочу дать вам какую-либо веру, поэтому я продолжаю отсекать все то, что может создать какую-либо систему веры в вашем уме.

Вы любите меня, вы верите мне, поэтому, что бы я ни сказал, вы можете верить в это. Но я настаиваю снова и снова на том, что если что-либо не основано на вашем переживании, то воспринимайте это только гипотетически. Не делайте это вашей верой. Если иногда я привожу пример, то это полнейшая необходимость, так как человек спросил: «Как вам удалось в детстве быть таким смелым и сообразительным?»

Я ничего не сделал, я просто продолжал то, что я делал в моей прежней жизни. И именно поэтому в детстве меня считали сумасшедшим, эксцентричным, – потому что я не давал никакого объяснения тому, почему я хотел что-либо сделать. Я просто говорил: «Я хочу сделать это. У меня есть причины того, почему я делаю это, но я не могу предоставить их вам, так как вы не сможете понять».

Мой отец говорил: «*Я* не могу понять, а ты можешь?»

Я сказал: «Да, это нечто такое, что принадлежит моему внутреннему переживанию. Это не имеет ничего общего с вашим возрастом, с тем, что вы мой отец. Вы, конечно, можете понять намного больше, чем я, но это нечто такое, что находится внутри меня – только я могу добраться туда, вы не можете».

И он просто говорил: «Ты невозможный».

Я сказал: «Если бы все допустили это, то это было бы большим облегчением. Просто воспринимайте меня как невозможного, тогда я больше не буду для вас проблемой, и я не должен буду огорчаться, объясняя все эти вещи. Я собираюсь делать то, что я собираюсь делать. Нет способа изменить это. Для меня это абсолютно. Вопрос не стоит о том, чтобы вы давали мне разрешение или нет».

Итак, это было моей обычной практикой: что бы я ни захотел делать, я делал. Например, в моем городе в те дни, до того, как Индия была разделена... Создание Пакистана разрушило многое в Индии. Все заклинатели змей были мусульманами; все они отправились в Пакистан. В Индии почти не осталось заклинателей змей; а раньше каждый день индийские дороги представляли собой просто удовольствие. На одном углу вы видели фокусника, делающего такие потрясающие фокусы, что вы просто забывали о том, что Иисус был человеком чудес. Люди на улицах делали такие вещи лишь для того, чтобы после представления получить хотя бы одну рупию – и это была большая сумма. А где-нибудь в другом месте кто-то с помощью особого вида флейты заставлял змей танцевать вокруг себя.

Я интересовался змеями; я наблюдал за многими заклинателями змей. Я искал кого-нибудь, у кого было хоть немного сострадания к ребенку. Я последовал за одним стариком. Заклинатели змей обычно селились за городом, на другом берегу реки. Муниципальный комитет не разрешал им селиться на этой стороне реки из-за их змей. Они должны были селиться на другой стороне реки, так что если даже змеи хотели перебраться на эту сторону, то они не могли.

Я последовал за ним. Много раз он оглядывался, а когда мы были одни, он сказал: «Сын мой, почему ты идешь за мной?»

Я сказал: «Я искал вас многие годы».

«Меня?» – спросил он.

Я сказал: «Да, потому что я хотел узнать: в чем заключается искусство ловли змей?»

А он спросил: «Почему ты ждал меня? Существует так много заклинателей змей, которые то приходят, то уходят».

Я сказал: «Я хотел такого, который мог бы проявить сострадание ко мне. Я не могу дать тебе денег, так как я не могу сказать своим родителям, что мне нужны деньги для того, чтобы научиться заклинанию змей. Это будет конец всему».

Он сказал: «Это правда. Но у тебя есть их разрешение?»

Я сказал: «Если я получаю их разрешение, то я получаю его только тогда, когда я ничего не хочу делать. Когда я хочу что-то сделать, я вначале это делаю, затем, что бы ни случилось, случается. Когда я уже сделал это, они спрашивают: "Почему ты не попросил разрешения?" А мой ответ всегда таков: "Просто потому что я хотел сделать это, а вы могли не разрешить мне. Теперь вы создаете мне трудности. Если вы даете мне пустое обещание, то проблемы нет, а если вы обещаете мне, что даже если я попрошу вас о некой вещи, по поводу которой вы скажете да, то я попрошу разрешения". А заклинание змей? Я думаю». Я сказал тому старику: «Они не разрешат мне. Но в этом нет необходимости; вы лишь расскажите мне о фокусе». И я убедил его.

Он был очень любящим человеком; он сказал: «Хорошо. Когда-то я тоже был ребенком, и однажды я тоже захотел научиться этому и просил некоторых об этом, и мне отказали так много людей. Нет, я не могу отказать тебе».

И он рассказал мне о маленьких фокусах. Он сказал: «Вначале ты начинаешь ловить водяных змей, так как водяные змеи не имеют яда. Они выглядят абсолютно похожими на других змей, но они без яда. Поэтому попрактикуйся с водяными змеями».

«Водяные змеи? – сказал я. – Я знаю многих из них, так как я знаю их места вокруг реки. Как мне поймать их?»

Он сказал: «Метод очень простой. Тебе лишь надо держать их пасть закрытой, чтобы они не смогли высунуть язык. Итак, одна вещь: для того, чтобы они не высунули язык, держи их пасть закрытой. И вторая вещь: другой рукой держи их хвост, так как, если ты отпустишь другой конец, они сразу же обовьются вокруг твоей руки, а они обвиваются так крепко, что твои пальцы разожмутся. А если их язык высунут, тогда тебя не спасут. Но с водяными змеями проблемы нет, даже если их язык высунут; вот почему для практики начинай с водяных змей».

«Вначале держи их пасть, удерживай ее плотно закрытой; схвати хвост и растяни змею насколько сможешь, тогда даже если ты иногда забудешь и ослабишь свою хватку... Растяни ее насколько сможешь, тогда она не сможет обвиться вокруг твоей руки и сжать ее так, что твои пальцы разожмутся. И даже если твои пальцы разожмутся, а ее язык высунется, держи ее обеими руками. Не позволяй ей свернуться.

У змеи ядовитые железы находятся в верхней части пасти, а метод ее укуса таков: вначале она кусает зубами; это для того,

чтобы сделать рану в твоем теле. Затем она сворачивается так, что яд из желез начинает течь в твою рану. По-настоящему она не кусает тебя, ее зубы не ядовитые. Ее зубы лишь для того, чтобы сделать рану, а кровь впитает ее яд; затем кровь разнесет яд по всему телу. Поэтому, даже если она откроет свою пасть, не волнуйся. Не позволяй лишь ей свернуться – держи ее».

Я попробовал с водяными змеями. Это было великолепное переживание. Они действительно быстрые; все это не так просто. Когда я научился обращаться с водяными змеями, я сказал об этом тому человеку, а он сказал: «Теперь попробуй с моими змеями, так как они натренированы, а их ядовитые железы удалены. Но дикие змеи действительно очень опасны. Тебе не надо начинать с них; вначале попробуй с тренированными. Они все для представления. Их железы были удалены, поэтому они ничего не могут сделать; но они могут демонстрировать, как они могут кусать. А вот как заклинатели змей обычно продавали лекарство».

Маленькое семя какого-то дерева, редкого и обнаруженного только в Гималаях, – оно ценное, так как его невозможно нигде больше обнаружить, – они обычно продавали это семя. Их простой метод был таков: они позволяли своей змее кусать их на ваших глазах; появлялась кровь. Змея сворачивалась, ничего, кроме слюны, не попадало в их кровь – и затем они прикладывали это семя, которое было пористым, к своей ране. Оно прилипало к ране и впитывало слюну, которую оставила там змея; затем они снимали семя, рука была почти чистой, ничего не оставалось. Они продавали те семена, – а они были бесполезны, в них ничего не было. С настоящими змеями они не работали, а эти змеи были для представления.

Поэтому он сказал мне: «Это наш бизнес. Мы ничего общего не имеем с настоящими змеями. Не беспокойся о настоящих змеях, ты можешь играть с моими змеями. Но когда ты научишься, и если представится возможность, ты сможешь поймать любую змею».

А когда моим родителям довелось узнать... они должны были узнать, так как это было единственное, чему я учился. Я принес в класс длинную водяную змею. Это был класс, который вел обычно сам директор. Он всегда говорил о смелости и то, и это... А когда я вошел в класс со змеей, свисающей с моей спины, и, держа ее пасть, близко подошел к его столу, он взобрался на стул. Он сказал: «Прочь! Прочь! Не подходи близко».

Я сказал: «Ничего особенного, это всего лишь ядовитая змея. Вы не трусливый человек, спускайтесь».

Он сказал: «Убирайся из комнаты! Я не хочу иметь с тобой дело. И я обещаю, что не накажу тебя, – только убирайся. Я никогда не подниму вопроса о том, что ты принес змею в класс. Только убирайся!»

Но я остался там и сказал: «А как насчет моего отца? Вы должны обещать перед тридцатью учениками, что не скажете о том, что я приходил в класс со змеей. Скажите это громко».

А змея была такая большая, что он вынужден был громко сказать: «Я обещаю, что не скажу о том, что ты приходил в класс со змеей».

Я сказал: «Все в порядке. Я ухожу».

Но он стал таким капризным... «Теперь это уже слишком. Если этот мальчик начинает делать такие вещи, то он может привести льва или еще что-нибудь. Как ему удалось?» Он бросился к моему отцу и рассказал ему. Он сказал: «Не говорите ему о том, что я сообщил вам, так как он взял с меня обещание в присутствии тридцати учеников, которые всегда за него, потому что если они не будут за него, то он создаст им неприятности. Поэтому весь класс как монолит всегда на его стороне. Что бы он ни сделал, не имеет значения – они всегда за него. Поэтому они скажут, что он никогда не приходил со змеей».

Я пришел домой. Мой отец сказал: «Что-нибудь случилось сегодня?»

Я сказал: «Каждый день что-нибудь случается. Жизнь – такое удовольствие».

Он сказал: «Может быть, для тебя, но для других ты – сплошное горе. Я думаю отослать тебя в школу-интернат».

Я сказал: «Это великолепная идея. Вы действительно имеете в виду школу-интернат?»

Он сказал: «Ты имеешь какое-нибудь представление о школе-интернате?»

Я сказал: «Это было бы прекрасно, потому что вас там не будет, семьи там не будет. Никто не помешает мне – и вся эта свобода... А я буду продолжать делать те же вещи, которые делаю. Я знаю, что именно вас беспокоит. Бадри Прасад Гупта был здесь?» Я понюхал вокруг и сказал: «Я чувствую его – его дурной запах!»

Мой отец сказал: «Исчезни! Я не хочу разговаривать с тобой, так как ты подготовился с самого начала».

Я сказал: «Да, и если вы хотите увидеть змею, то она в мешке». Он убежал от меня – он выскочил из комнаты!

Но тренировки как таковой не было; я просто всем наслаждался. Было таким удовольствием научиться ловить змей. Я ходил за фокусниками для того, чтобы научиться их маленьким фокусам, всему, с чем я сталкивался. И я очень многому научился вне стен школы, колледжей и университета, гораздо больше, чем в самом университете, колледжах и школах.

Поэтому мне действительно грустно и печально за всех тех людей, которые думают, что вся учеба ограничена этими стенами. Настоящая учеба – снаружи. То, что находится в стенах школ, колледжей, университетов, – все заимствовано, фальшиво, ничего не имеет общего с подлинностью вашего собственного переживания или исследования.

Смелость придет к вам.

Начните лишь с простой формулы: никогда не упускать неизвестное.

Всегда выбирайте неизвестное и безудержно идите вперед. Даже если вы страдаете, неизвестное стоит того – оно всегда отплатит вам. Вы всегда выходите из него более взрослыми, более зрелыми, более разумными.

Беседа 10

ОТБРОСЬ БОГА, ОТБРОСЬ ВИНУ – СТАНЬ РЕЛИГИОЗНЫМ

7 февраля 1985 года

Бхагаван,

Какая разница между приятием себя и любовью к себе?

Существует огромная разница между этими двумя понятиями. Приятие себя – намного более низкая стадия самосознания, но, конечно, это лучше, чем отвержение себя. Это – лекарство; болезнь – отвержение. А всякое лекарство не имеет постоянной или предельной ценности; его ценность – только в лечении болезни. Когда болезнь вылечена, лекарство должно быть отброшено.

Идея приятия себя возникла благодаря тому, что религии веками учили вас не принимать самих себя. Они создали определенные условия в вашем уме, который порицает вас. Именно священнику, государству удалось постоянным повторением убедить вас, что в вас есть несколько отвратительных вещей – вы должны спрятать их, подавить их. И они же дают вам идею того, что хорошим является то, чего в вас нет, то, чему вы должны учиться, в чем вы должны практиковаться.

Этот момент должен быть отмечен: плохое – в вас, оно заложено в вас при рождении, это часть вашей природы, – очевидно, что оно должно быть подавлено, осуждено, проконтролировано, должно содержаться в строгости. Самое лучшее – полностью уничтожить это плохое. Если же для вас представляется невозможным уничтожить его, тогда, по крайней мере, не оставляйте его без контроля; контролируйте его. И общество больше всего уважает человека, который полностью уничтожил свою плохую сторону, сжег ее.

Таких людей называют святыми, мудрецами, махатмами.

Ниже их находятся люди, которые не были способны полностью уничтожить плохую сторону, но успешно контролировали ее. Она внутри границ. Для нее сделали клетку – она может продолжать бродить внутри клетки, рычать внутри нее. Для людей это мучительно, но зато это приносит огромное уважение во внешнем мире.

Они – уважаемые граждане.

Наиболее порицаемые – это те, кто дает свободу своим естественным сторонам, которых религии считают плохими, – эти люди руководствуются своими плохими сторонами. Эти люди осуждаются законом как преступники. И если они не привлечены к ответственности по закону, тогда религии призывают Бога, который все видит в течение двадцати четырех часов в сутки.

Он никогда не спит, ни одного мгновения, никогда не теряет вас из виду – как будто бы вы единственный человек во всей этой бесконечной вселенной – и продолжает замечать каждую подробность того, что вы делаете; и не только это, но и то, о чем вы думаете, мечтаете, фантазируете. И все это должно быть собрано к одному дню; в судный день вы должны ответить за это.

Поэтому тех, кто привлечен к ответственности по закону, закон накажет, а те, кто каким-то образом не привлечен к ответственности по закону, – а закон, конечно, не может привлечь вас к ответственности, если вы всего лишь замышляете плохое, о чем-то фантазируете... Даже если вы замышляете убийство, то это не незаконно, это не преступление; закон не может наказать вас. Закон может наказать вас, когда ваша мысль превращается в действие.

Но религии не удовлетворялись только этим, они хотят наказать также ваши мысли; поэтому Бог накажет вас... И они создали свой ад для тех, кто позволяет своим неприемлемым сторонам функционировать согласно природе.

Короче говоря, ваше естественное состояние является полностью неприемлемым для этих религий. Многие его фрагменты абсолютно порицаются. Некоторые его фрагменты могут быть использованы, но умеренно, под контролем. А по-настоящему хорошее еще должно быть выучено. Вы не можете вынести хорошее из природы; его надо заработать, заслужить.

Таким образом, если в течение миллионов лет этот тип обусловливания продолжается и продолжается, то, естественно, в вас возникает своего рода совесть, – но это не осознанность.

Совесть – социальный побочный продукт.

Осознанность – ваша предельная природа.

Для осознанности в вас нет ничего неправильного. Все то, чем снабдила вас природа, может быть использовано для роста самосознания, осознанности. Это – сырье.

Вы видели, как строится дом и используются разнообразные сырьевые материалы? Невозможно постичь, что из всего этого получится прекрасное здание, что из всего этого беспорядка будет создан Тадж-Махал. Вашей незамедлительной мыслью будет: «Для чего нужен весь этот беспорядок? Чистая площадка гораздо лучше». Но вы не знаете, что из всего того, чем захламлена земля, может получиться исключительно красивое здание. Требуется лишь соответствующий архитектор, соответствующие строители.

Существует суфийская школа, которая называется просто «Строители». Название «Строители» было выбрано благодаря тому факту, что человек возникает из природы как сырье. Природа дает вам все, что вам необходимо, чтобы стать богом; она дает вам свободу. Она не навязывает вам божественность, так как если вы *созданы* богом, изготовлены как бог, то ваша божественность не будет иметь никакой ценности. Тогда вас просто собрали на фабрике.

Нет, вам дано так много свободы, что из одного и того же сырья вы можете создать дьявола, вы можете создать бога; вы можете создать для себя ад, вы можете создать рай. Вы можете пасть до самого низкого, и вы можете вознестись до самого высокого. Но нет ничего неестественного, ни самое высокое, ни самое низкое. Они – ваши возможности, и вы свободны выбирать.

Религии же говорили абсолютную ложь.

Они говорили, что вы рождены во грехе, что ваша природа, в основном, ведет вас все к большему и большему греху. Вы должны *бороться* с природой, поэтому все естественное становится каким-то образом злом, а все то, что вы делаете против природы, становится добром. Это их определение.

Лишь взгляните на все религии и их определения хорошего и плохого. Они могут расходиться во мнениях относительно определенных вещей – хорошие ли они или нет, – но что касается их принципов, там нет различий.

Вот основной принцип: все то, что естественным путем притягивается к вам, является испорченностью. Вы должны избегать власти природы, естества: природа – это зло, а вы должны стать чем-то сверхъестественным. Тогда, естественно, возникает идея отвержения. Многое должно быть отвергнуто в вас; почти все то, что естественно, должно быть отвергнуто в вас.

Другими словами, это означает, что жизнь надо отрицать, любовь нужно разрушить, смех должен быть подавлен. Вы должны быть сделаны почти как робот, функционирующий согласно принципам, предоставленным вашими псевдорелигиозными пророками, мессиями.

Например, Иисус сказал: «Возлюби врага своего». Ни он сам не может возлюбить, ни его Бог не может. Это такая простая вещь: если Бог любит своих врагов, тогда грешники должны быть посланы в рай, а не в ад. И вся фальшивая теология распадается от одного удара; больше ничего не требуется. Если Бог любит своих врагов, тогда как же насчет дьявола? Дьявол – заклятый враг Бога. Он должен сделать его своим другом, подругой, чем угодно, он должен возлюбить его.

А что тогда люди делают в аду, если Бог любит своих врагов? Если Иисус любит своих врагов, тогда в судный день вначале он должен отобрать своих врагов, чтобы они вошли в рай. Христиане должны быть последними, так как они не его враги; его любовь вначале должна быть направлена на тех, кто против христиан. Но дело не в этом.

Он обещает своим ученикам, что «в последний судный день я буду там, чтобы отобрать своих людей, своих овец». И это знаменательно, что он называет их овцами. Был ли он пастухом или нет – это вопрос, но те люди, определенно, были овцами, – они ими и остались. Действительно, кто, кроме овец, нуждается в пастухе – только не человек.

Иисус унизил людей до овец, заставляя их верить, иметь веру, – не спорить, не сомневаться, не интересоваться. Вы разрушаете человеческое в человеке, и постепенно он становится овощем. Конечно, овощи – великие верующие. Они никогда не спорят, они никогда не сомневаются; даже если вы разрезаете их, они не сомневаются в вас. Вы продолжаете кромсать их, они продолжают верить в вас – и именно этого хочет от людей Иисус.

Иисус не может любить своих врагов. И он прекрасно знает, что его отец, который на небесах, того же мнения, поскольку, когда он был распят... На его последнюю молитву никогда не смотрели с этой точки зрения. Считали, что она прекрасна; с одной точки зрения она выглядит прекрасно, но прежде, чем судить о чем-то, вы должны обойти ее кругом и увидеть ее с другой точки зрения.

Иисус говорит: «Прости этих людей за то, что они не ведают, что творят». Он просит своего отца простить этих людей, которые

распинают его, «потому что они не ведают, что творят». Итак, две определенные вещи: прежде всего, он не уверен, собирается ли его отец простить их или нет; иначе, какой смысл молитвы?

Если он любит своих врагов, то он просто обнимет и поцелует этих людей, которые распяли его сына. Нет вопроса о прощении их; иначе вы лишаете их божьих поцелуев, и божьих объятий, и божьей любви. Если он прощает их, то они больше не враги; они не сделали ничего неправильного, поэтому не возникает и вопроса о том, чтобы любить их. А молитва Иисуса определенно показывает то, что он не уверен, что Бог собирается простить их. Он недоверчив; иначе молитва неуместна, абсурдна.

Во-вторых, даже молясь за них, чтобы они были прощены, он продолжает оставаться высокомерным – за это его и распинают. И он вовсе не отказывается от этой черты характера. В конце он опять настаивает: «Прости их...» Почему? «...потому что они не ведают, что творят». Они невежественны, а *он* – знает. Эта идея о том, что все они невежественны, – просто эгоистична.

И у вас нет никакого доказательства того, о чем вы говорили им. Они просто просят доказательство, и вот он один из путей определить, являетесь ли вы мессией или нет: мессия должен быть распят, и будет воскресение. Так что эти бедные парни просто следуют религиозным священным писаниям. Они *точно* знают то, что творят. Они не невежественны, на самом деле они слишком осведомленные. Невежественные люди невинны; невежественные люди никого не распинают.

Это – осведомленные раввины, верховные священники еврейского храма. Они очень осведомленные люди, намного осведомленнее Иисуса. И в этом весь конфликт: они думают, что этот человек просто помешанный, – без аргументов, без логики, без рациональности, без поддержки священными писаниями, – продолжающий провозглашать, что он единственный порожденный сын Божий. Но любой может сказать это. Нет способа опровергнуть это.

Я слышал один рассказ... Один мужчина, очень безобразный, грязный, бедный, необразованный, влюбился в очень красивую городскую девушку – богатую, культурную. И он был в затруднении: как заполучить эту девушку? Даже встретиться с нею было трудно. Этот рассказ принадлежит Индии, это могло случиться только в Индии. Один гандиец, последователь Махатмы Ганди, предложил простой метод: делай то, что делал Ганди.

Мужчина сказал: «Что же мне следует делать?»

Гандиец сказал: «Просто иди со своей кроватью, поставь кровать перед дворцом того богатого человека и постись все время. Скажи, что до тех пор, пока ты не женишься на этой девушке, ты не прервешь свой пост – пост до смерти. А я соберу людей; не беспокойся».

Идея была привлекательная, и вскоре мужчина лежал там в окружении плакатов и флагов: «От нас с любовью...», «Пост до смерти за любовь». Никто раньше не слышал о таком великом влюбленном, да еще таком религиозном, не угрожающем никому, просто убивающем себя. Ну и невозможно предпринять акцию против любого человека... и особенно в Индии. Все гандийцы поддерживали его, поскольку это, несомненно, ненасильственный метод. Полиция не может вмешаться, правительство не может вмешаться.

Отец девушки был огорчен, думая: «Это что-то странное. Если он умрет, то меня будут порицать всю жизнь. Люди скажут: ''Ты убил этого человека''. Убийство на моей совести. А я не могу позволить этому человеку жениться на моей дочери. У него нет заслуг, нет особых качеств – он нищий, преступник».

Прошло два или три дня, и это событие попало во все газеты с большими фотографиями этого человека, говорящего, что он умирает за любовь, и порицающего того богатого человека.

В конце концов старик пошел к старому гандийцу, чтобы спросить: «Предложи что-нибудь, поскольку я спросил всех своих друзей и они говорят: ''Ничего нельзя сделать против этого; даже Британское правительство вынуждено было уйти в отставку из-за гандийского поста. А ты кто такой? Ты должен уступить, иначе этот человек умрет на пороге твоего дома, а ты навеки будешь проклят. И никто не женится на твоей дочери, запомни, так как убийство на тебе, на твоей дочери: ты убил бедного человека''».

Поэтому, в конце концов, он подумал, что лучше будет, если спросить какого-нибудь гандийца, старого гандийца. Гандиец сказал: «Это очень просто – примени гандийский метод против гандийского метода. Я знаю одну проститутку, еще более безобразную, чем тот человек, очень старую, на грани смерти, страдающую от проказы. За небольшие деньги она будет готова...»

Богач не мог понять; он спросил: «Что вы имеете в виду? Что эта проститутка сделает?»

Он сказал: «Она сделает все. Нам надо будет дать ей немного денег, и сегодня ночью она тоже придет со своей кроватью, ляжет рядом с тем человеком и скажет: "Я умру, если ты не женишься на мне". И к утру этот человек исчезнет – не беспокойся. Достаточно увидеть эту женщину! Он никогда не вернется к вашему дому».

И вот что произошло. Тот человек даже не стал ждать до утра; в тот момент, когда он увидел подходящую к нему женщину, он спросил: «В чем дело? Что ты здесь делаешь?»

Она сказала: «Я собираюсь выйти за тебя замуж, иначе я намереваюсь поститься здесь до смерти, прямо рядом с тобой. Или женись на мне, или я умру».

Человек посмотрел туда-сюда, но все было тихо, а среди ночи там никого нет. Он свернул свою постель и не только убежал из того места, он убежал из города на несколько дней, так как – кто знает? – та женщина могла отыскать его и ухватиться за него... Он сам начал гандийскую игру, а теперь сам попался в нее.

Это очень хитрое устройство, изобретенное всеми религиями... Они вынуждены были изобрести его, так как без него не было способа охватить человечество. И, несомненно, они добились успеха. Миллионы лет они сидели на вашей шее. Всевозможными способами они превратили все человечество в рабов.

Вот что они сделали: различные части того, что естественно для вас, они порицали. Разные религии выбрали разные части – значения это не имеет. Значение имеет то, что это должно быть естественным.

Естественное означает: что бы вы ни делали, вы не можете это уничтожить. Что бы вы ни делали, нет способа, чтобы избавиться от него; в крайнем случае, вы можете подавить его, спрятать его так глубоко в себе, что никто не сможет его обнаружить. Но вы будете знать всегда... Священник, конечно, знает; и у священника есть способы, чтобы отыскать его.

Первое: оно абсолютно есть; по этому поводу вопроса нет; отбрасывать естественное – это против природы. Священник знает, что оно есть; вы знаете, что оно есть. Вы можете даже забыть, что оно есть, но священник не позволит вам забыть. Он будет продолжать напоминать вам в каждой проповеди, каждым священным писанием, каждый день всевозможными способами о том, что ваше животное – они называют ваше естество животным – находится внутри вас, оно есть. А наиболее искушенные религии даже заставляют вас признаваться в этом, например, – католицизм.

Вы должны пойти и исповедаться священнику в том, какой грех вы совершили, какой грех вы думали совершить, о чем ваши фантазии, о чем ваши мечты. Папа называет также грехом исповедь непосредственно Богу. Мир представляется абсолютно идиотским, тупым: этот поляк продолжает говорить всякие вещи, и ни у кого не возникает ни одного вопроса. Признание непосредственно Богу – грех? Почему? Разве Бог также не ваш отец? Нет, причина в том, что если вы начинаете исповедоваться непосредственно Богу, то что же тогда делать священнику?

Все ключи к католическому порабощению своих последователей находятся в руках священника. Он знает все темные уголки в душе каждого в своем приходе. Вы не можете покинуть приход – священник может подставить вас под удар. Он до некоторой степени опасен, поскольку вы доверили ему свои тайны и вы признались в вещах, которые вы скрывали от других. Всю вашу респектабельность он может уничтожить за секунду; вы очутитесь в пустоте. В настоящее время вы на вершине респектабельности, но перед священником... он точно знает, где вы находитесь.

Итак, это великое изобретение католиков – заставлять вас исповедоваться. Но это не имеет значения: все другие религии даже без исповеди знают вас... так как то, что они просили от вас, – просто немыслимо. Они говорили вам, что два плюс два равняется пяти, хотя сами они знают, что такого быть не может. Два плюс два всегда равняется четырем.

И вы согласились с ними, что два плюс два равняется пяти; теперь вы схвачены. Если вы говорите, что два плюс два равняется четырем, то вы опускаетесь до своего животного состояния; два плюс два *должно* равняться пяти. И вы знаете, что это неправильно, но эта ошибка почитаема. Правота не является правотой; естественное недопустимо.

Именно благодаря этому психоанализ стал чрезвычайно успешным явлением. Он охватил весь мир. Никогда идея одного человека не была такой значительной, чтобы за время его жизни превратиться в мировую революцию. В чем был его секрет? Секрета не было. Просто видя то, что христианство, иудаизм, а также другие религии делали с людьми... Все они подавляли вашу сексуальность; в этом вопросе они все сходятся во мнениях, так как секс – самая значительная сила, имеющаяся в вас.

Секс – ваша жизненная сила.

Он из энергии, с которой вы приходите.

Он является той энергией, которая способствует вашему бегу, тому, что вы живы.

Называйте его жизненной силой, ведь слово «секс» стало настолько осужденным священниками, что даже использовать его – значит чувствовать, что вы делаете что-то неправильное. Используйте выражение «жизненная сила», и вы поймете разницу. С выражением «жизненная сила» вы вовсе не чувствуете себя виновными. Со словом «секс» что-то внутри вас немедленно начинает сжиматься – это ваша совесть. Священнику удалось создать внутри вас маленький механизм; он начинает сжимать вас, говоря вам о том, что что-то неправильно.

Зигмунд Фрейд – следствие религий. Если бы не было ни одной из тех религий, то не было бы возможности ни для какого психоанализа, так как что тогда надо было бы анализировать? Вначале нужна система подавления, затем необходим некий Зигмунд Фрейд, необходим некий Адлер, необходим некий Юнг – и они все еще будут прибывать.

Пока религии продолжают подавлять, будет прибывать все больше и больше изощренных методов психоанализа и лечения. Это растущая профессия. Но они должны помнить это, и, я думаю, они поняли смысл; в течение второй половины века психоаналитики поняли смысл. Сейчас они функционируют в сотрудничестве с религиями, занимаясь распрограммированием... очень странно.

Отец-христианин может привести своего сына к такому ''распрограмматору'', поскольку сын отходит от христианства и приобщается к какому-то новому движению, к какой-то новой идее, к какой-то новой идеологии; и психоаналитик помогает отцу. Конечно, он взимает за это деньги – это его бизнес, – и он распрограммирует сына. И все может поменяться местами.

Всего лишь несколько дней назад здесь был старик, возможно, ему шестьдесят пять лет. Сейчас его дети подумывают о том, чтобы отвести его к распрограмматору, так как старик приходил сюда постоянно в течение года и принимал участие в терапии и медитации, а теперь он подумывает о том, чтобы принять санньясу. Сейчас настал решающий момент – семья боится. Он – глава семьи, и не только глава семьи, он председатель корпорации – семейный бизнес, чрезвычайно большой; он зарабатывает много миллионов долларов в год.

Конечно, миллионы долларов он жертвует на благотворительность, христианам, поэтому здесь замешана религия. Они боятся, что если он станет санньясином, то эти миллионы не попадут в христианство. Дети боятся, так как это их наследство, но оно в его власти. Есть психиатр, готовый помочь вернуть его в христианскую паству.

Психиатры прекрасно поняли, что их профессия и их религия находятся вместе, они не могут быть разделены. Если психоанализ будет преуспевать, то он совершит самоубийство; таким образом, психоанализ продолжается и продолжается, он никогда не преуспевает. Он не предназначен для того, чтобы быть успешным, так как если человек успешно подвергается психоанализу, то он будет полностью распрограммирован и тогда с ним уже нечего делать. Он полностью свободен.

Он будет делать вещи... Сейчас ему никто не нужен, чтобы направлять его, указывать ему путь, вести его к Богу. Будучи полностью свободным, он узнает, что он – часть вечного существования и нет никого, чтобы вести его. Достаточно его природы. Достаточно его интуиции. Теперь он достаточно чист для того, чтобы функционировала его интуиция. Нет, психоанализ никогда не будет завершен.

А в начале возникновения психоанализа к нему был такой подход, как будто бы он против религии. Это не так. Они – заговорщики в одной и той же игре. Вначале священник и политик были двумя держателями акций в этом заговоре. Теперь к ним присоединился третий держатель акций – психотерапевт, психоаналитик, психолог; все разновидности. Все они присоединились к заговору.

Лишь недавно я слышал новость, что четырем священникам в Южной Америке – в одной маленькой стране, которая попала в руки левых революционеров, – четырем священникам сообщили о том, что они больше не являются священниками, так как они приняли посты в правительстве. Один – министр образования, остальные трое занимают еще более высокие посты. Итак, папа не может вынести этого – в левом правительстве?!

Америка пыталась саботировать это правительство. Вы можете видеть то, как заговорщики, даже не встречаясь друг с другом, продолжают синхронно функционировать. Америка пытается саботировать эту страну; папа со своей стороны пытается саботировать ее. А те четверо священников – что неправиль-

ного они совершили? Я не думаю, что там есть какая-то проблема.

Если священник стал министром образования, то папа должен быть счастлив, поскольку теперь этот священник будет иметь достаточно власти над образованием: он сможет обучать людей религии. Папа должен быть счастлив, он должен приветствовать это. Но нет, священник изгнан из священства. Основание – то, что ни одному священнику не разрешается занимать государственный пост.

Я был удивлен. Тогда как же насчет самого папы? Ведь он – глава правительства в Ватикане. Ватикан – это страна, независимая страна, не очень большая, всего лишь восемь квадратных миль, но это независимая страна; а папа – глава как государства, так и церкви.

Этот человек должен быть немедленно изгнан. Но кто изгонит его? Вот в чем вопрос. Только я могу изгнать его, но никто за этим не последует. Я провозглашаю его изгнанным, он вообще больше не папа: ведь если некто, став министром образования в маленькой стране, теряет свое священство, тогда вы, став главой целого правительства...

А Ватикан, может быть, и маленькая страна, но имеет огромную политическую власть во всем мире, так как шестьсот миллионов католиков... Итак, территория может быть маленькой – это не имеет значения, – но шестьсот миллионов католиков в мире, это его настоящее государство. Оно – по всему миру, оно распространилось по всему миру. Но мне хотелось бы знать, думал ли он сам об этом, о том, что он делает. Это может привести к неожиданным неприятным последствиям. Но это не приведет к неожиданным неприятным последствиям, так как никто, обладающий властью, не собирается сказать что-либо против; все они будут счастливы.

Между прочим, те священники были выгнаны; папа продемонстрировал свою позицию – то, что он против левого правительства, что католики должны покинуть это движение, что они должны быть против этого правительства, а не за это правительство. Он продемонстрировал: «Я за Америку», ничего не сказав.

В Ватикане создали академию наук. Цель – не наука; ее будут эксплуатировать. Уже двадцать шесть лауреатов Нобелевской премии – члены этой академии. Она уже стала уважаемой. Кого будут приветствовать в этой академии? Шестьдесят других ученых со всего мира присоединились к этой академии. В этом

году члены академии будут собираться четыре раза, обсуждая научный прогресс и проблемы, которые создает научный прогресс.

Но настоящая причина в том, что они будут снабжать папу всей необходимой информацией, самой новейшей информацией обо всех областях науки для того, чтобы он мог решить, что – правильно, а что – неправильно; чтобы он мог решить, что наука должна двигаться в этом направлении и не должна двигаться в том направлении. Особенно он заинтересован в генной инженерии.

Итак, рано или поздно это случится, это должно случиться. В настоящее время мы способны создать человеческое дитя тысячью способов. Мы можем дать ему здоровое тело на всю его жизнь, с самого начала подготовленное к сопротивлению всем видам болезней. По нашему собственному желанию мы можем сделать определенную продолжительность его жизни, продолжительность его молодости; он может быть молод до самого последнего дыхания.

Преклонный возраст не нужен. Преклонный возраст может быть просто вычеркнут из жизни, так же как может быть вычеркнута болезнь. Человек может расти до юношества, а затем он может оставаться молодым в течение ста лет, двухсот лет; бесспорно, возможны и триста лет. В настоящее время это может быть сделано, но этого не делают, потому что никто не заинтересован в жизни. Все правительства заинтересованы в смерти.

Все правительства вкладывают семьдесят пять процентов своего бюджета в вооружение. Даже бедные страны принимают участие в этом соревновании: семьдесят пять процентов бюджета их страны. Люди умирают, они не доедают, – а правительства создают водородные и атомные бомбы.

Никто не заинтересован в жизни; с другой стороны, имеются факты и научно-исследовательские работы, показывающие, что человек может жить по крайней мере триста лет. В действительности, ученые говорят: «Мы не видим причины того, почему человек должен умирать, так как если он может в течение семидесяти лет обходиться заложенной в нем системой автоматического обновления, то все, что требуется, – это, чтобы его гены были вновь запрограммированы». Это – генная инженерия.

Если ваш отец дожил до семидесяти лет и ваш дед дожил до семидесяти лет, то вы можете быть совершенно уверены в том, что вы не сможете прожить больше, чем они. Может быть, вы

проживете на год или два больше, поскольку вы имеете более хорошие медицинские средства, но проживете вы не намного больше, так как они дали вам гены, которые имеют свою программу. Это те же самые гены, которые были у вашего отца, которые были у вашего деда, которые были у вашей матери, которые были у вашей бабушки. В крайнем случае вы можете взять среднее сочетание генов всех этих людей, и ваш возраст будет равен примерно среднему арифметическому их возрастов.

Но гены могут быть перепрограммированы; вопрос только в том, чтобы в их умы заложить правильную идею. Эти гены имеют определенный маленький ум, и этот ум несет в себе идею семидесятилетнего возраста. Если вы сможете добавить один ноль, то возраст уже станет семисотлетним; а эти несчастные гены, во всяком случае, не будут возражать против добавления одного ноля. Для них это не проблема, не бремя. И в настоящее время генная инженерия способна это сделать; она добилась успеха с животными, поэтому нет причины... поскольку процесс с человеком такой же, как с животными.

Сейчас папа обеспокоен этим. И это одна из причин для создания академии – чтобы запретить генную инженерию; папа решит, моральна она или аморальна. И, конечно, я могу сказать, что он решит, что она аморальна, так как Бог отпускает вам семьдесят лет – это вещь, отпущенная Богом, – а вы пытаетесь усовершенствовать Бога и сделать человека семисотлетним?

Несомненно, будут сложности, огромные сложности, так как человек, который собирается жить семьсот лет, останется молодым по крайней мере до пятисот лет. Это будет эквивалентно пятидесяти годам – до пятисот лет он будет продолжать интересоваться женщинами!

Вам прийдется изменить выражение «грязный старик»; грязных стариков не будет. До пятисот лет мужчина будет интересоваться женщинами, женщины будут интересоваться мужчинами, и они будут способны заниматься любовью.

Несомненно, что папа обеспокоен. Именно поэтому он старался сократить возраст как можно больше, – а эти глупцы, генные инженеры... они стараются продлить его. Семьдесят лет – достаточно для вечного ада. Пятьсот лет молодости – они должны будут создать новые преисподние для вас. Старый ад не сможет содержать такое большое население; придут такие великие старые грешники, что бывшие старые грешники будут выглядеть детьми и им скажут: «Убирайтесь отсюда!»

Странно, что академия, которую создал папа, не заинтересована ни в одной настоящей жизненной проблеме, а заинтересована только в том, как укоротить человеческую жизнь, – не решать какие-либо проблемы. Но это логический конец всей их истории. Ваша природа должна быть разрушена, искалечена, подавлена. Это создает величайшее религиозное явление: вину. А любой человек, который испытывает чувство вины, не может выбраться из тюрьмы религий.

Он может сменить одну тюрьму на другую; он может стать христианином после того, как был индусом, или стать буддистом после того, как был христианином. Это не имеет значения; это просто выбор своей тюрьмы. Вам полностью это дозволено, так как эти тюрьмы без стен; вы просто переходите из одной тюрьмы в другую тюрьму. Но вы останетесь заключенными в тюрьму, поскольку каждая религия рассчитывает на вину.

Вот почему я говорю, что моя религия – первая подлинная религия; она вообще не имеет идеи вины.

Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя в чем-то виноватыми, так как природа дала вам от своих щедрот. Это дар, который должен быть принят с радостью, *каким бы* он ни был. И дар этот не должен быть выброшен, подавлен. Наслаждайтесь им.

Поэтому первая вещь – приятие себя – не очень великая вещь; но, видя ситуацию, в которой находится человечество, это все же великий переворот: приятие самого себя.

Но я не люблю слово «приятие», так как оно каким-то образом означает: «Что делать? Это то, чем я являюсь; я принимаю это». Нет, в моей религии одного лишь приятия себя недостаточно.

Любовь к себе – это совершенно другое.

Тогда вы чувствуете себя благословенными.

Что бы ни дала природа – а мы *являемся* природой, ее продолжением, частью ее, – мы должны жить с песней, с танцем, без всякой проблемы вины. Идея приятия себя возникла из-за вины. Вина говорит: «Не принимай себя; отвергай, все время отвергай. Чем больше ты себя отвергаешь, тем более великим святым ты являешься».

Если вы заглянете в историю религий, то обнаружите, как много различных извращений возникло из этого отвержения.

В России до революции существовал христианский культ, очень известный, при котором отрезали половые органы. Каждый год на Рождество – конечно, это самое святое время – люди

собирались огромными толпами вокруг церквей, отрезали свои половые органы и сваливали их в кучу. Женщины были не у дел, но не долго; вскоре они пришли к выводу, что могли бы отрезать свои груди... и они начали отрезать свои груди. Это было такое кровавое, идиотское мероприятие, но эти люди были уважаемы, почитаемы почти как мудрецы – они сделали великое дело.

Но даже если вы отрежете свои половые органы, это не означает, что сексуальные фантазии исчезнут или секс исчезнет. Но образованные люди, даже в начале этого века, делали это. Только благодаря революции это стало считаться преступлением. Даже после революции было очень трудно остановить их, поскольку это было их религиозным обычаем. Это продолжалось даже после революции то здесь, то там; они тайно собирались и делали это.

Все религии более или менее делали это различными способами. Джайнизм дает своим монахам так мало пищи, что для них нет возможности вырабатывать какую-либо сексуальную энергию. Пищи им достаточно лишь для того, чтобы дышать – лишь столько энергии... Джайнские монахи как скелеты. Но удивительно то, что сексуальные фантазии не покидают их. Тело почти исчезло, остались одни кости: пищи недостаточно для наиболее существенных процессов в теле, поэтому о настоящем сексе вопрос не возникает.

Вначале должна быть сохранена *ваша* жизнь. Секс – это жизнь ваших детей, ваших будущих поколений; но вначале должна быть сохранена ваша жизнь; поэтому, когда пища попадает в вас, она имеет приоритет. Первое: она должна сохранить ваш мозг; иначе, даже если вы живы, вы будете бесполезны, вы будете хуже, чем мертвый.

Поэтому вначале приоритет для мозга. Но вы увидите, что у джайнских монахов мозг начинает исчезать. Вы можете видеть, что на их лицах нет никаких признаков разума.

За пять тысяч лет они не сделали ни одного созидательного поступка. Так много ничего не делающих людей – что случилось с их мозгами? Те утонченные ткани мозга умерли, так как не было достаточно пищи. Не было в наличии необходимых протеинов, не было в наличии необходимых витаминов – ткани медленно, медленно отмирали.

Потом необходимо присматривать за сердцем. Затем у тела есть и другие функции. Только когда за всем вашим телом есть хороший уход, тогда вы накапливаете сексуальную энергию, так

как сексуальная энергия не связана, во всяком случае, с вашей жизнью, она связана с жизнями, которые должны появиться. Она связана с будущими поколениями, она может подождать. Но если вы умираете, то вопрос об ожидании не стоит; вначале вы должны быть предохранены.

Поэтому джайнизм ограничивал джайнского монаха в пище таким образом, что монах просто разрушал всю свою жизненную энергию, всю систему. Он живет, – это означает, что он дышит, – и он умирает. Он никогда не переживал какой-либо радости, он не способен даже улыбаться. В его жизни ничего не осталось, чему он мог бы улыбаться или над чем смеяться.

Все религии ловкими способами... например, католики имеют монастыри, где живут только монахи; ни одна женщина не может туда войти. Есть женские монастыри, где живут только женщины; ни один мужчина не может туда войти. А когда говорят, что ни один мужчина не может войти или что ни одна женщина не может войти... я спрашивал: «Там должно быть какое-то возрастное ограничение, – например, шестилетний мальчик, он мужчина, может ли он войти туда, где живут монахини? Или шестилетняя девочка, может ли она войти туда, где живут только монахи?»

Они говорят: «Что вы говорите? Священные писания гласят, что даже шестилетняя девочка – шестилетняя девочка! – не может войти в мужской монастырь». И в течение тысячи лет в один монастырь, Атхос, ни одна женщина, даже шестилетняя девочка, не вошла. Итак, они отсекают секс различными способами, – но они создали тысячу и одно извращение.

Гомосексуализм – один из побочных продуктов религий.

Сейчас, когда я говорю это, все религии будут чувствовать себя оскорбленными; пусть чувствуют! Гомосексуализм – побочный продукт религий, – я не могу отрицать эту истину, – поскольку это вы заставили монахов жить отдельно, монахинь жить отдельно, вы поощрили его.

Там, где живут только мужчины, рано или поздно возникнет гомосексуализм. В военных лагерях, в религиозных монастырях, в мужских общежитиях, в женских общежитиях, в женских монастырях – где бы ни жил один пол, смышленый человеческий ум найдет какой-либо способ, чтобы выразить свою сексуальную энергию; он обязан найти путь в гомосексуализм.

Все религии порицают гомосексуализм.

А они – его родоначальники.

Они, в действительности, ведут очень преступную игру с человечеством. С одной стороны, они – причины всех извращений; с другой стороны, они порицают вас, потому что вы развращены.

Все мое усилие здесь сводится к тому, чтобы заставить вас осознать, что люди, которые являются причиной извращений, – не те люди, которые стараются помочь вам отказаться от извращений. Они живут респектабельной жизнью – раввины, мудрецы, папы, епископы, кардиналы – благодаря вашей вине.

Позвольте вине исчезнуть из жизни человечества, и вы увидите, как быстро исчезают все религии... Это подобно тому, как ранним утром восходит солнце и вы можете видеть капли росы, накопившиеся холодной ночью на лепестках роз, на листьях деревьев. Они там, но как только взошло солнце, они начинают испаряться; в течение нескольких минут они исчезают.

Когда вина отброшена, религии просто испарятся; они не смогут остаться на Земле ни на одно мгновение. Именно вина продолжает давать им пищу, поддержку; отсюда и возникла идея приятия себя. Это гуманная идея. Она пришла от тех людей, которые думали: «Как человек стал так излишне жалок? Он сделал себя жалким, борясь с самим собой». Они создали идею приятия себя. Для их времени это было хорошо, но этого недостаточно.

Это минимум, который вы можете сделать. Но когда вы можете сделать максимум, зачем останавливаться на минимуме? Когда вы можете танцевать, забыв обо всем, тогда зачем продолжать небольшие телодвижения, как по принуждению, стыдясь: «Что я делаю?» Приятие себя подобно этому: улыбаясь и все же чувствуя: «Что я делаю?..»

В «приятии себя» есть что-то негативное. Само слово «приятие» означает, что прежде было отвержение, отрицание, а теперь вы стараетесь скрыть то отрицание, то отвержение с помощью приятия. Нет, я не хочу, чтобы вам была внушена такая идея.

Я мечтаю о человеке, совершенно живом, очень живом, наслаждающемся всем тем, что может дать жизнь, и наслаждающемся с благоволением, с благодарностью к существованию.

И именно это означает любовь к себе.

Это означает, что вы выбросили весь мусор религиозного отвержения, подавления. Вы отбросили все идеалы, которые они

дали вам; теперь вы стоите на своей собственной позиции, как будто вы – Адам и Ева. Прежде не было священника, прежде не было религии; вы не растлены, не испорчены – чисты.

Начинайте как Адам и Ева – лишь задумайтесь об этой идее!

Зачем беспокоиться о прошлом? Забудьте о нем. *Вы* – первый человек.

Начните жить так, как будто вы не знаете, как надо жить. Никого нет, чтобы научить вас, путеводителей не существует. Не существует книг, которые говорят вам, как надо делать это, как надо делать то. Вас в одиночестве оставили на острове. В наличии есть все: разум внутри вас, инстинкт внутри вас, интеллект внутри вас, интуиция внутри вас. Теперь начинайте движение.

Да, вы, может быть, совершите несколько ошибок – это не страшно, именно так учатся. Может быть, несколько раз вы упадете – здесь не о чем беспокоиться. Вы можете опять встать; и в следующий раз вы будете идти более осторожно, более бдительно, так как вы кое-чему научились в результате падения. Из каждого просчета, из каждой ошибки вы постоянно что-то приобретаете.

Ошибки полезны. Просчеты очень необходимы. Если вы каким-то образом защищены от совершения просчетов и ошибок, то вы никогда не вырастете, вы никогда ничего не узнаете, вы никогда не созреете.

Поэтому ведите себя так, как будто вы здесь первый. Весь мир предоставлен вам для исследования. И, исследуя его, вы будете удивлены, узнав, что одновременно ваш внутренний мир тоже исследуется, поскольку, когда вы исследуете внешний мир, ваша проницательность становится глубже, ваш разум становится более отточенным, ваше сознание становится еще более восприимчивым. А совершенно исполненный человек – это тот, кто исследует внешнее и внутреннее и у кого в момент смерти улыбка на лице: он жил насыщенно, он счастлив, что жил насыщенно, он поджег свечу своей жизни сразу с двух концов.

Когда вы можете поджечь свою свечу с двух концов, зачем скупиться и поджигать один конец? Когда вы можете наслаждаться одновременно двойным светом и двойным пламенем, наслаждайтесь ими, так как наслаждение – это не просто наслаждение. Каждое наслаждение – это рост; оно подводит вас ближе к блаженству, к экстазу.

А до тех пор, пока вы не достигли состояния экстаза, когда вы можете сказать: «Я прибыл, я удовлетворен... Цель существо-

вания во мне достигнута, если сейчас придет смерть, добро пожаловать. Теперь она – единственная вещь, которой я не знаю». Человек, который может сказать: «Смерть теперь – единственная вещь, которой я не знаю, – жизнь я познал», – будет восторжен смертью, будет страстно стремиться встретить ее; он хотел бы окунуться в нее.

И вот парадокс жизни: тот, кто готов умереть, никогда не умирает.

Для того, кто сам готов прыгнуть в объятия смерти, смерть исчезает.

Смерть – только для трусов.

Смерть – только для тех, кто не жил, кто на самом деле оставался мертвым всю свою жизнь.

Смерть – не для живущих.

Чем более вы живы, тем дальше от вас смерть.

Смерти нет.

Тогда есть только жизнь, жизнь вечная.

Беседа 11

ОСОЗНАННОСТЬ: ЕДИНСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

8 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вы можете поговорить об ответственности и о том, что она означает для нас? Я все больше и больше чувствую ее значение, но я также смущен ею. Я чего-нибудь избегаю?

Проблема ответственности – один из самых основных, фундаментальных вопросов. Но прежде чем мы сможем углубиться в него, необходимо правильно понять несколько выражений. Так называемые религии проституировали язык настолько, насколько могли. Действительно, они ответственны за все виды проституции в мире – они не оставили в стороне даже язык.

Слово «ответственность» как таковое – это прекрасное слово, очень изящное и имеющее огромное значение, но, проходя через руки религиозных людей, оно стало почти безобразным, отвратительным. Во-первых, рассмотрим естественное значение этого слова: оно происходит от слова «ответ», «отклик». Для того, чтобы понять слово «отклик», необходимо понять слово «реакция».

Некто оскорбляет вас; это его действие. Вы становитесь раздраженными, обеспокоенными, рассерженными; это ваша реакция. Вы не действуете по своему усмотрению – другой человек нажал на вашу кнопку. Он – хозяин, а вы ведете себя как раб.

Позвольте мне рассказать вам одну историю, но не позволяйте мне лавировать... истории бывают опасными, интригующими. И когда я начинаю рассказывать историю, я держу что-то в уме, а к тому времени, когда я заканчиваю ее, я уже забываю, зачем я начал ее рассказывать. Поэтому я вынужден снова начать с чего-то, когда история заканчивается. Но эта история не похожа на другие.

В ней говорится о том, что Гаутама Будда проходил мимо деревни. Деревня была населена противниками буддистов; поэтому, хотя Будда проходил мимо них – он даже не зашел в эту деревню по той простой причине, что не хотел создавать там

какой-нибудь нежелательный скандал – те идиоты не оставили бы его в покое.

Они выскочили из деревни, окружили его и начали повсякому оскорблять его, используя такие выражения, которые невозможно употреблять против любого человека, не говоря уж о таком человеке, как Гаутама Будда. Последователи Будды рассердились по-настоящему. Они уже были готовы к ответному удару, но в присутствии Гаутамы Будды было невозможно что-либо предпринять до того, пока он сам ничего не сказал. А то, что он сказал, привело в замешательство всех, шокировало всех.

Он повернулся к своим ученикам и сказал: «Вы разочаровали меня. Эти люди делают свое дело. Они разгневаны. Они думают, что я – враг их религии, их моральных ценностей, – естественно, они разгневаны. И я слушаю их; они оскорбляют меня, а не вас. Почему *вы* сердитесь? Хотя вы контролируете себя, но это не имеет значения. Вы позволили этим людям манипулировать вами. Разве вы их рабы?»

Люди из деревни были также озадачены. Они неожиданно замолчали. Будда сказал им: «Я спешу попасть в другую деревню, где меня ждут люди. Если вы закончили, то я могу идти. А если у вас еще что-то есть в мыслях, то я сообщу вам заранее о том, когда я вернусь. И вы сможете закончить свое дело со мной. Итак, можно мне идти?»

Те люди сказали: «Мы оскорбляли тебя, говоря тебе различные гадости; многое из этого – ложь, мы знаем, но в любви и на войне – все правильно. Но ты такой хладнокровный и спокойный, как если бы мы радушно принимали тебя, приветствовали тебя; и ты еще спрашиваешь у нас разрешения, можно ли тебе двигаться дальше».

Будда сказал: «Все то, что вы сделали, – это ваша проблема. Я не реагирую, я действую. Никто не может заставить меня что-либо делать, никто не может повлиять на меня, чтобы я что-либо сделал. Если я хочу что-либо сделать, никто не может мне помешать в этом. Мои действия – это мои действия, они – не реакция».

Когда вы действуете, это – отклик; когда вы реагируете, это – не отклик. Но для того, чтобы действовать, вы должны быть очень сознательны, чтобы никто не мог нажать на ваши кнопки, чтобы никто не мог манипулировать вами, заставляя вас совершить определенное действие.

Манипулируют всеми.

Все наше общество основано на манипулировании.

Родители манипулируют своими детьми, политики манипулируют массами, священники манипулируют своими прихожанами.

Даже дети начинают манипулировать своими отцами, своими матерями... даже очень маленькие дети. Даже шестимесячный ребенок начинает учиться тому, как надо манипулировать. Он знает, что если он улыбается, то он получит игрушки, сладости, объятия, поцелуи. У него не было желания улыбаться, но он вынужден научиться определенным движениям губ. Все это на губах, целое упражнение – он лишь раскрывает губы. Похоже на то, что он улыбается, но если вы заглянете в глаза ребенка, вы будете удивлены – это политик.

Шестимесячный ребенок вынужден стать политиком: какое же общество мы создали?

Он манипулирует, а вы продолжаете вознаграждать усилия его манипуляции. Мало-помалу он может забыть, что его первая улыбка была фальшивой, а все остальные улыбки – лишь продолжение первой. Возможно, что его последняя улыбка в тот момент, когда он умирает, будет также продолжением первой улыбки.

Он может никогда не узнать, что такое настоящая улыбка, улыбка, которая исходит от вас без всякой причины, не ради какой-то просьбы, не ради какого-то вознаграждения. Она – не деловая сделка. Вы так рады внутренне, что улыбка разливается по всему вашему телу.

Когда имеет место настоящая улыбка, то она – во всем теле. Вы можете определить ее только по губам, возможно, по глазам, но она – во всем теле. Каждая черточка вашего бытия радуется. Поэтому нет и вопроса о вознаграждении. Нет вопроса о том, чтобы пожелать что-то, подкупить кого-то... Но не только улыбка; ребенок учится манипулировать и всем остальным.

Будда сказал своим ученикам: «Вы ведете себя по отношению к этим людям как рабы». А деревенским людям он сказал: «Вы появились несколько поздно. Вам следовало бы появиться на десять лет раньше – тогда я отрубил бы ваши головы и вы узнали бы, что значит оскорблять. Сейчас слишком поздно! Я не могу действовать как раб. Сейчас я – Учитель; вы не можете манипулировать мною».

«Я хотел бы задать вопрос, касающийся вас. В предыдущей деревне люди приносили сладости, фрукты, цветы лишь для того, чтобы поприветствовать меня. Я сказал им: ''Мы уже позавтракали в другой деревне: заберите эти фрукты и эти

сладости с моим благословением. Мы не можем нести их с собой. Мы не носим пищу, мы не носим что-либо впрок. Мы увидим то, что произойдет позднее: кто-нибудь сможет нам что-нибудь предложить. И так всегда происходит, поэтому с этим проблемы нет''».

«Я спрашиваю вас: те люди забрали обратно сладости и фрукты – что они должны были сделать с ними?»

Один человек из толпы сказал: «Должно быть, они раздали фрукты, сладости своим детям, своим семьям, взяли их себе. Должно быть, они насладились ими».

Будда сказал: «Вот когда вы опечаливаете меня. Что вы теперь будете делать? Я отвергаю, я не принимаю ваши оскорбления. Если я могу отвергнуть фрукты и сладости, то те люди должны забрать их обратно. А что вы можете сделать? Я отвергаю ваши оскорбления, я не принимаю их. В течение десяти лет я ни от кого не принимал таких вещей. Так что и вы уносите свой груз по домам, распределите его между собой, между своими детьми, своими друзьями; вы можете делать с ним все, что хотите».

«Это ваше дело; я не имею с ним ничего общего; я просто отказываюсь. И у меня есть право отказать в чем-либо. Вы даете мне, а я говорю: ''Спасибо, я этого не хочу''. Вы не можете принудить меня. Я поступаю только в соответствии со своей осознанностью. Вы не можете затемнить мою осознанность своими оскорблениями и заставить меня не осознавать то, что я делаю; вы не можете заставить меня реагировать».

Реакция – это подсознательное. Вы не знаете точно, что вами манипулируют. Вы не осознаете, что ведете себя как раб, а не как хозяин.

Действие, вытекающее из осознанности, – это отклик.

Но религиозные люди снабдили слово «ответственность» такой безобразной ассоциацией, что оно потеряло все свое первоначальное качество: они сделали вас «ответственными» за многие вещи. Они сказали вам о том, что является правильным; они сказали вам о том, что является неправильным, – они ничего не оставили вам решать самим. Ни одна религия не позволяет вам по-настоящему быть ответственными – ведь, по моему мнению, слово «ответственный» означает то, что вы способны принимать решения. Вы зрелы. Вы достаточно сознательны, чтобы решать, что надо делать и что не надо делать.

Сейчас у меня есть новость: папа-поляк, обращаясь к молодежи в Латинской Америке, сказал: «Дорогие мои, опасай-

тесь дьявола. Дьявол будет соблазнять вас наркотиками, алкоголем и, особенно, добрачным сексом».

Итак, кто этот дьявол? Я никогда не встречал его, он никогда не соблазнял меня. Я не думаю, что кто-нибудь из вас когда-нибудь встречал дьявола или что он соблазнял вас. Желания исходят из вашей собственной природы; это не какой-то дьявол, который соблазняет вас. Это стратегия религий – переложить ответственность на воображаемую фигуру, на дьявола; поэтому вы не чувствуете, что вас порицают.

Порицают *вас*, но косвенно, а не непосредственно. Он говорит вам, что вы – дьявол, но у него даже нет мужества сказать это прямо. Поэтому он говорит, что дьявол – это нечто другое, другая сила, единственной функцией которой является соблазнение людей.

Но очень странно... прошли миллионы лет, а дьявол не устал, он продолжает соблазнять. А что он извлек из этого? Ни в одном священном писании, обнаруженном мною, не говорится о вознаграждении его за неутомимую работу на протяжении миллионов лет. Кто платит ему? Кем он нанят? Есть только одна вещь...

И во-вторых: разве ваш Бог не всемогущий? Именно об этом гласят ваши священные писания – о том, что он всесильный. А если он всесильный, неужели он не может сделать простую вещь – остановить дьявола в его искушениях людей. Вместо того, чтобы идти к каждому человеку и говорить ему: «Не позволяй дьяволу соблазнять себя», почему бы не покончить с одной личностью? Или дай ему то, что он хочет. Это то, что должно быть решено Богом и дьяволом. Разве это наше дело – бессмысленно топтаться между ними?

В течение миллионов лет Бог не был способен убедить дьявола, или изменить дьявола, или покончить с дьяволом. А если Бог такой немощный перед дьяволом, то что тогда говорить о его несчастных людях, к которым продолжают обращаться эти представители Бога: «Не позволяйте дьяволу соблазнить себя?» Если Бог такой немощный и слабый перед дьяволом, то что может сделать обычный человек?

Веками эти люди лгали и даже ни разу не попытались взять на себя ответственность. Это безответственность говорить молодежи: «Будьте осмотрительны, дьявол собирается искусить вас».

В действительности этот человек уже заложил искушение в умы этих людей. Они, должно быть, и не думали о наркотиках, об алкоголе, о добрачном сексе. Они пришли послушать папу,

послушать какую-нибудь духовную проповедь. Теперь они пойдут домой, думая о добрачном сексе, о том, как соблазниться дьяволом, где найти торговца наркотиками.

А алкоголь, несомненно, не дьявольское искушение, так как и Иисус Христос употреблял алкоголь, не только употреблял, но и давал его своим апостолам. Алкоголь не противоречит христианству. Христианство приемлет алкоголь, потому что если отрицать алкоголь, то можно подвергнуть Иисуса опасности. Иисус не был членом общества «Анонимные алкоголики». Он получал удовольствие от спиртного и никогда не говорил, что спиртное – грех; как он мог сказать такое?

А вот поляк-папа кажется намного более религиозным, чем Иисус Христос. И я могу определенно представить, что если сын божий пьет, то отец, должно быть, пьяница, и Дух Святой тоже. Эти люди могут быть причиной, поскольку, где же этому еще научился Иисус? Несомненно, что дьявол не мог соблазнить его. Мы знаем, что дьявол пробовал искусить его, но он сказал дьяволу: «Скройся от меня, тебе не искусить меня».

Эти же люди кажутся умственно больными. Вы никогда не сталкиваетесь с дьяволом, и вы не разговариваете с дьяволом подобным образом: «Скройся от меня и позволь мне продолжать свой путь. Не мешай мне, не пытайся меня искусить». А если вы скажете такие вещи и кто-нибудь услышит вас, то он доложит в ближайший полицейский участок о том, что сюда прибыл человек, который разговаривает с дьяволом, а мы нигде не видим никакого дьявола.

На Иисуса также оказывают пагубное влияние раввины и священники. Это одна и та же компания, лишь с различными этикетками и различными торговыми марками. Но бизнес один и тот же, компания одна и та же, их работа одна и та же – они развращают людей, они разрушают вашу невинность.

Этот поляк-папа обеспокоен добрачным сексом – секс, должно быть, у него на уме, иначе откуда взяться такому? И это самое примечательное явление. Но что случилось с добрачным сексом? В прошлом это было проблемой, – но вы вступили в двадцатый век или нет?

Это было проблемой в прошлом, так как секс может привести к беременности, к появлению детей и тогда возникнет проблема: кто будет воспитывать этих детей? Кто тогда женится на этой девушке, у которой ребенок? Будут сложности и трудности.

В этом нет необходимости – они только в умах. На самом деле, большинство брачных трудностей возникает потому, что отрицается добрачный секс. Это подобно тому, как если бы вам сказали, что пока вам не исполнится двадцать один год, вы не можете плавать: не соблазняйтесь дьяволом; плавание до совершеннолетия – грех.

Хорошо, в один прекрасный день вам исполнится двадцать один год, но вы не знаете, как надо плавать. И, думая о том, что теперь вам двадцать один год и вам разрешено плавать, вы прыгаете в реку. Вы прыгаете навстречу своей смерти, так как нет необходимости, нет непреложного закона о том, что, достигнув возраста в двадцать один год, вы научитесь плавать. И когда вы научитесь плавать?

Что в действительности говорят эти люди? Они говорят о том, что перед тем, как войти в реку, вы должны научиться плавать; если вы входите в реку, вы совершаете грех. Но где вы собираетесь научиться плавать – в своей спальне, на своих матрацах? Для того, чтобы плавать, вам надо идти на реку.

Существуют племена аборигенов, которые намного гуманнее, естественнее, где добрачный секс поддерживается обществом, воодушевляется, поскольку пришло время учиться. В четырнадцать лет девушка становится сексуально созревшей; в восемнадцать лет юноша становится сексуально созревшим. И возраст созревания снижается: по мере того, как человеческие общества становятся более научными, технологичными, люди имеют достаточное количество пищи, проявляется забота о здоровье, и возраст созревания продолжает падать.

В Америке девушки созревают раньше, чем в Индии. И, несомненно, как можно стать сексуально зрелым в Эфиопии? Вы умрете задолго до этого. В Америке возраст созревания упал с четырнадцати лет до тринадцати, двенадцати лет, так как физически люди стали более энергичны, у них лучше пища, более комфортабельная жизнь. Сексуально они стали созревать раньше, и они смогут функционировать гораздо дольше, чем люди из бедных стран.

В Индии люди просто не могут поверить, когда они читают в газетах о том, что какой-то американец в возрасте девяноста лет собирается жениться. Индийцы не могут в это поверить – что происходит с этими американцами? К тому времени, когда индийцу исполнится девяносто лет, он уже двадцать лет как должен находиться в могиле; только его дух может жениться, а не он сам. А те американцы, которые еще в форме... девяностолетний человек женится на восьмидесятилетней... просто потрясающе! Просто невероятно! И они проводят свой медовый месяц...

Они, действительно, очень практичны; они занимались этим много раз в своей жизни – вступали в брак, проводили медовый месяц, – и они были достаточно удачливы, так как за одну жизнь они прожили по крайней мере пять, шесть, семь жизней.

Добрачный секс – одна из наиболее важных вещей, которая должна быть решена человеческим обществом.

Девушка никогда не будет более сексуальна, чем когда ей четырнадцать лет, а юноша никогда не будет более сексуален, чем в восемнадцатилетнем возрасте. Когда природа находится на самом своем пике, вы мешаете им. К тому времени, когда парню тридцать, вы разрешаете ему жениться. Его сексуальность уже ослабевает. У него уже спад жизненной энергии, он теряет интерес. Биологически он уже опоздал на четырнадцать или шестнадцать лет – он давно опоздал на поезд.

Именно из-за этого возникает так много брачных проблем и процветает так много брачных советников, поскольку оба партнера уже прошли свои пики, а эти пики были тогда, когда они могли бы узнать, что представляет собой оргазм. Теперь они читают о нем в книгах и мечтают о нем, фантазируют о нем, – а его нет. Они слишком опоздали. Между ними стоят папы.

Я хотел бы сказать вам: не позволяйте папам искушать вас. Они – настоящее зло. Они испортят всю вашу жизнь. Они испортили жизни миллионам людей.

Когда вам тридцать лет, вы не способны иметь то качество, ту интенсивность, тот огонь, которые вы имели, когда вам было восемнадцать лет. Но тогда было время безбрачия; это было неподходящее время для того, чтобы быть искушенным дьяволом. Когда дьявол искушает вас, начинайте молиться Богу, повторять мантру: *Ом мани падме хум*. Именно это делают тибетцы.

Когда вы видите тибетца, быстро произносящего: «Ом мани падме хум», можете быть уверены, что его искушает дьявол, так как эту мантру используют, чтобы заставить дьявола испугаться. И чем быстрее вы делаете это, тем быстрее дьявол убежит прочь.

В Индии существует маленькая книга, *Хануман Чалиса*. Это молитва обезьяньему богу Хануману, которого считают безбрачным и защитником всех тех, кто хочет остаться безбрач-

ным. Поэтому все люди, которые хотят остаться безбрачными, являются почитателями Ханумана. И эту маленькую книгу можно очень легко выучить наизусть.

Они все время повторяют эту молитву, поэтому Хануман постоянно защищает их безбрачие, защищает их от дьявола, который всегда рядом, ожидая подходящего случая, чтобы схватить и искусить их.

Никто не искушает вас.

Это просто природа, не дьявол.

А природа не против вас: она полностью за вас.

В лучшем человеческом обществе добрачный секс необходимо ценить так же, как его ценят в некоторых племенах аборигенов. Доводы очень простые. Во-первых: природа подготовила вас для чего-то, вы не должны отрицать право, данное вам природой. Если общество не готово к тому, что вы можете вступить в брак, то это проблема общества, а не ваша. Общество обязано найти какой-то путь.

Аборигены нашли путь. Очень редко случается, что девушка становится беременной. Если девушка становится беременной, то юноша и девушка вступают в брак. Нет никакого стыда, нет никакого скандала, нет никакого осуждения. Наоборот, старшие благословляют молодую пару, так как они доказали, что они энергичны; природа сильна в них, их биология более живуча, чем у кого-либо. Но это случается редко. А происходит то, что каждый юноша и каждая девушка становятся опытными.

В обществах аборигенов, которые я посетил, существует правило, что после четырнадцатилетнего возраста девушке, а юноше после восемнадцатилетнего возраста не разрешается спать в своих домах. Посередине деревни у них есть общее помещение, куда идут все девушки и юноши и спят там. Итак, им не надо прятаться за автомобилем, на автомобильной стоянке. Это ужасно. Именно общество вынуждает людей быть ворами, обманщиками, лжецами.

А их первые любовные переживания происходят в таких ужасных ситуациях – скрываясь, боясь, чувствуя себя виновными, зная, что это дьявольский искус. Они не могут насладиться этим в то время, когда они способны насладиться этим в полной мере, пережить это в высшей мере.

Я говорю о том, что если бы они пережили это в высшей мере, то тогда власть секса над ними пропала бы. Тогда за всю свою жизнь они ни разу не заглянули бы в журнал *Плейбой*; в этом не было бы потребности. И они не мечтали бы о сексе, не

занимались бы сексуальными фантазиями. Они не читали бы третьесортные романы и не смотрели бы голливудские фильмы.

Все это возможно, поскольку было отвергнуто их прирожденное право.

В обществе аборигенов ночью все живут вместе. Им говорят только одно правило: «Не оставайся с одной девушкой более трех дней, так как она еще не твоя собственность и ты не ее собственность. Ты должен познакомиться со всеми девушками и она должна познакомиться со всеми юношами перед тем, как вы выберете себе партнера на всю жизнь».

Итак, это выглядит абсолютно разумным. Перед тем как выбрать партнера на всю жизнь, вам должна быть предоставлена возможность познакомиться со всеми имеющимися женщинами, со всеми имеющимися мужчинами. Ни один астролог не может подобрать вас друг для друга...

Один астролог жил рядом с моим домом. И он был очень знаменит. Люди обычно издалека приходили к нему за советом, касающимся женитьбы и приносили ему метрики о рождении юноши и девушки. Его гонорар был выше, чем у кого-либо другого... А я часто видел, как его бьет жена. Однажды, гуляя утром, я неожиданно столкнулся с ним. Я спросил его: «Я понимаю, что вы – великий астролог, но что случилось? Вы не можете управиться со *своей* метрикой о рождении? И вас бьет жена!»

Он сказал: «Не говорите никому об этом. Это единственная проблема в моей жизни; с одной стороны, моя деятельность процветает и я очень хорошо зарабатываю. Но эта женщина... Я вынужден держать ее вне поля зрения моих посетителей и клиентов, так как если они увидят ее и ее отношение ко мне, то они будут думать: ''Какой же он астролог?''»

Я сказал: «Тогда вы должны обещать мне одну вещь, иначе я сделаю это общеизвестным, я опубликую это в газете». Я редактировал газету, поэтому я сказал: «Я собираюсь опубликовать это. Это – мошенничество».

Он сказал: «Я сделаю все, что бы вы ни сказали».

Я сказал: «Лишь обещайте мне – как только я скажу: ''Пусть эти двое поженятся'', вы должны будете это устроить».

Он сказал: «Я все сделаю – нет проблем; это всего лишь игра. Что бы вы ни сказали, я все сделаю».

И изредка так и происходило... Один из моих друзей был очень обеспокоен, поскольку метрика о рождении его девушки

не соответствовала в определенном смысле метрике о рождении юноши; и он очень устал от всего этого.

Я сказал: «Не беспокойся. Лишь принеси обе метрики о рождении – у меня есть самый лучший астролог».

Он сказал: «Но его гонорар очень высокий, а я бедный человек».

Я сказал: «Не беспокойся, гонорар не понадобится. Лишь дай мне обе метрики; я отнесу их ему, и он все устроит».

И вот что обычно делал этот астролог, если метрики не соответствовали друг другу, – он изготавливал другую метрику, которая соответствовала, а старую он выбрасывал! Он говорил: «С этим нет проблем. Иногда ко мне приходят люди и говорят, что надо сделать так, чтобы метрики не соответствовали друг другу. За это я беру гонорар. Я делаю так, чтобы они не соответствовали друг другу; одну я рву, даже если она соответствует, так как другой астролог мог бы доказать их соответствие, – поэтому я лишь подменяю метрику».

Эти люди, а они очень религиозные люди... Но это не способ. Во всем мире вы можете видеть, что и подстроенное супружество бывает несчастливым, так же как и супружество, которое вы называете «супружеством по любви». Оба типа супружества бывают неудачными, а основная причина в том, что в обоих случаях пара просто неопытна; этой паре не дано было достаточно свободы для того, чтобы каждый мог найти подходящего себе человека. Другого пути для того, чтобы найти подходящего человека, кроме жизненного опыта, нет.

Помехой могут быть очень незначительные вещи. Запах чьего-либо тела может быть достаточной причиной для того, чтобы разрушить ваше супружество. Это не очень важная вещь, но этого достаточно: каждый день... как долго вы можете терпеть это? Но для кого-нибудь другого такой запах может быть вполне подходящим – запах, который он любит.

Пусть у людей будет жизненный опыт – и особенно сейчас, когда проблемы беременности больше нет. Те аборигены были мужественны; они практиковали это на протяжении тысяч лет. Тогда многих проблем тоже не было. Если девушка становится беременной, то они женятся; других проблем нет.

В тех племенах нет разводов, так как если вы, конечно, пригляделись ко всем женщинам, провели время со всеми женщинами племени, то вы делаете выбор; и тогда что вы измените? Вы сделали выбор на основе жизненного опыта,

поэтому в тех обществах нет необходимости, нет и вопроса о разводе. Такой вопрос просто не возникал.

Дело не в том, что развод не разрешен; в тех племенах даже не возникал сам вопрос о разводе. Они не задумывались над ним, он никогда не был проблемой. Никто не говорил о том, что они хотят расстаться.

Все цивилизованные общества страдают от брачных проблем, поскольку муж и жена – почти враги. Вы можете назвать их интимными врагами, но это не имеет значения. Лучше, когда враги далеко друг от друга и находятся в не слишком интимных отношениях. Если они в интимных отношениях, то это означает, что между ними идет война двадцать четыре часа в сутки, постоянно. А простой тому причиной является глупая идея этих религиозных учителей: остерегайтесь добрачного секса.

Если вы хотите остеречься, то остерегайтесь брачного секса, поскольку именно в нем заключается проблема. Добрачный секс – не проблема, и особенно сейчас, когда имеются все методы регулирования рождаемости.

Каждый колледж, каждый университет, каждая школа должны сделать так, что каждый ребенок, девочка или мальчик, должен пройти через все виды жизненного опыта, познакомиться со всеми типами людей и, наконец, сделать выбор. Этот выбор будет основан и укоренен на знании, на понимании.

Но для папы проблемой является не то, что все человечество страдает от супружества, что все пары страдают от супружества и что из-за их страдания их дети начинают познавать пути страдания, – его это не волнует. Вся его забота заключается в том, чтобы не использовались методы регулирования рождаемости. На самом деле папа не говорит: «Остерегайтесь дьявола»; он говорит: «Остерегайтесь методов регулирования рождаемости».

Настоящими проблемами не занимаются, а занимаются только ненастоящими, фальшивыми проблемами. И он продолжает советовать всему миру... И на этот раз, когда он вернется в Ватикан, он обнаружит, что все рабочие в Ватикане – их всего восемьсот – угрожают объявить забастовку, так как им мало платят.

Обещания, которые им дали, не были выполнены. В течение восемнадцати месяцев они ждали и задавали вопросы. Поэтому теперь они готовы; когда папа вернется из своего путешествия по Латинской Америке, они собираются устроить ему неприятности.

Он не может справиться с восемьюстами человеками, а пытается справиться со всем миром. Он пытается справиться с психологическими проблемами каждого, а не может справиться даже с восемьюстами человеками. А они, должно быть, отчаялись; только по этой причине они пришли к выводу, что надо объявить о том, что они собираются бастовать, если немедленно не будут предприняты меры.

Папа сейчас – самый богатый человек в мире. Шестьсот миллионов католиков постоянно вносят в Ватикан деньги – и вы не можете накормить восемьсот человек? И вы продолжаете ездить по миру, читая великие проповеди...

Эти люди дали ошибочную идею об ответственности: вы ответственны перед своими родителями, вы ответственны перед Богом, вы ответственны перед священником, вы ответственны перед учителем, вы ответственны перед обществом; вы ответственны перед всеми, но не перед самим собой.

А я хочу сказать вам, что вы ответственны только перед самим собой и больше ни перед кем другим.

И когда я говорю это, не поймите меня неправильно, поскольку человек, который ответствен перед самим собой, ответствен и перед каждым, с кем он входит в контакт. Он не может быть безответственным. Каждый его поступок вытекает из осознанности; как же он может быть безответственным?

Что сделали религии? Они сделали как раз противоположное. Ни одна религия не говорит, что вы должны быть ответственны перед самим собой, а отвечать перед родиной-матерью, перед отечеством, перед церковью... перед всяким абсурдом. А неся ответственность перед всем этим абсурдом, вы уничтожаете свою свободу, свою осознанность.

Они дали вам другое слово – совесть. В этом другом слове не было необходимости. Они подавили вашу осознанность и сверху на нее положили пласт обусловленности, который они называют совестью. Совесть означает: вы должны делать то, что хотят от вас религии; если вы выступаете против этого, это означает, что вы безответственны. И священное писание решает, что правильно, а что неправильно.

Нет, ни одно священное писание не может решить, что правильно, а что неправильно. В каждый момент ситуация меняется, и в каждый момент вы должны принимать совершенно новое решение, будь оно правильным или неправильным. Мертвые принципы в этом не могут помочь; помочь может только живая осознанность. И нет необходимости...

Только слепой спрашивает: «Где дверь?» и «Я должен пойти направо или налево?» Но если у вас есть глаза, то нет необходимости спрашивать: «Где дверь?» – вы сами можете видеть. На самом деле, даже не надо думать о том, где находится дверь; когда вы хотите выйти, вы просто выходите – у вас есть глаза.

Осознанность дает вам глаза.

Совесть дает вам только слова.

И тогда каждый готов эксплуатировать вас.

Я раздражал одного из моих профессоров, и причина этого раздражения была основательная. Он был профессором экономики. В то время в индийских университетах происходил переход от английского языка к хинди. Профессора привыкли к английскому, хотя все они могли говорить на хинди. Он был их родным языком, но что касается своего предмета, английский для них был легче. Они привыкли преподавать на английском, но изредка они натыкались на какое-нибудь слово.

Этот профессор знал, что я всегда помогал ему; когда он натыкался на какое-нибудь английское слово и не мог подобрать ему эквивалент на хинди, я обычно говорил ему эквивалент этого слова на хинди. Поэтому он доверял мне, но у него совсем не было чувства юмора. Однажды он рассказывал о торговых сделках и о спорах по поводу цен. Он споткнулся на выражении «спор по поводу цен». Как это будет на хинди? Поэтому он спросил меня: «Как на хинди будет выражение 'спор по поводу цен'?»

Я сказал: «Чакаллас». По звучанию оно похоже на звучание выражения «спор по поводу цен», но чакаллас означает «шутка»; это слово не означает «спор по поводу цен». Итак, он стал использовать слово «чакаллас». Когда он сказал: «Вы идете на рынок и начинаете чакаллас», весь класс начал смеяться. Когда он использовал слово «чакаллас», все смеялись; поэтому он сказал мне: «В чем дело? Почему вы все вдруг начинаете смеяться без всякой причины?» Но он не мог догадаться, что это было из-за чакаллас, слова, которое создавало всю неприятность.

Но он, должно быть, спросил других, и они сказали: «Этот мальчик сыграл с вами шутку. Чакаллас не означает 'спор по поводу цен'; вот почему все они смеялись».

На следующий день, когда он вошел, он был очень сердит и сказал мне: «Встань!»

Я сказал: «Я знаю... Это все из-за чакаллас».

Он сказал: «Да».

Я сказал: «Но это была всего лишь чакаллас – не воспринимайте ее всерьез. Вы такой серьезный, и в вашем классе

впервые был смех. Вы должны получать от него удовольствие. Никому не был причинен вред, никто не был оскорблен – мы просто получали от этого удовольствие. Вы ненавидите нас за то, что мы изредка получаем удовольствие и изредка смеемся?»

Он сказал мне: «Прежде никто не спрашивал меня об этом, но поскольку ты поднял этот вопрос, то мне, действительно, печально за себя, так как я никогда не получал удовольствия от смеха. И если смеются другие, то я раздражаюсь, я сержусь».

Я сказал: «У вас большая путаница. Мы можем избавить вас от нее. Если вы позволите мне сказать, то вам следовало бы быть в монастырской школе».

Он сказал : «Да».

Я сказал: «Вот что монастырские школы делают с людьми – они делают их серьезными».

Все религиозное серьезно, а все радостное каким-то образом порицается. Вы когда-нибудь видели картину смеющегося Бога? Я не думаю, что он хоть раз улыбнулся за миллион лет – он занимается серьезным делом. Это такая серьезная вещь, что даже дьявол не смеется. Вы можете себе представить, насколько серьезным стало существование: даже дьявол забыл смех.

Тот профессор позвал меня к себе домой и сказал: «Я снова и снова думал об этом и чувствую, что я что-то упускаю. Моя жизнь кажется такой скучной, и я даже не могу подружиться с людьми».

Я сказал: «Вы нуждаетесь в небольшой чакаллас»,

Он сказал: «Не применяй это слово! Это слово сделало меня посмешищем всего колледжа. Теперь каждый говорит, что меня одурачили. Этот перевод на хинди – такая неприятность, и я должен принимать твою помощь. Никогда больше не делай такого».

Я сказал: «Я не могу обещать, так как обещания – не мой образ жизни. Завтра мы увидим, завтрашний день сам позаботится о себе. Я никогда не обещаю. Если вы боитесь, то перестаньте спрашивать меня; вы можете спрашивать кого-нибудь другого или можете поступать по своему собственному усмотрению; меня это не интересует. Но если вы изредка будете спрашивать меня, то будет чакаллас. Мне не нравится этот серьезный, мертвый класс. И как вы можете ухитряться годами жить в этой апатии? Какой смысл? Если вы даже не можете смеяться, то совершите самоубийство».

Эти люди столько всего уничтожили в других людях, что вы будете удивлены: если все это можно восстановить, то вы впервые

почувствуете себя по-настоящему живыми. Вас учили, что за все надо нести «ответственность».

Во время последних лет моего пребывания в университете в Индии ввели закон о том, что каждый студент университета должен пройти военную подготовку. Я пошел к заместителю ректора и сказал: «Я не могу следовать этому закону. Если предусмотрено какое-либо наказание, то я готов к нему».

Он сказал: «Нет, наказания нет; но вы создали некоторое беспокойство: если вы не принесете свидетельство из военного учреждения о том, что вы регулярно посещали их курсы, то мы не сможем вам выдать свидетельство. Вначале необходимо их свидетельство».

Тогда я сказал: «Я не буду просить у вас свидетельство».

«Но, – сказал он мне, – у вас есть ответственность перед родиной».

Я сказал: «Не говорите мне *чепуху*. Вся Земля – моя; поэтому, почему я должен нести ответственность только перед этим маленьким кусочком земли? И на каком основании вы разделили ее? Кто вы такой, чтобы делить Землю на участки и налагать на людей ответственность?»

«Я ответствен перед существованием. Я не ответствен ни перед какой-либо нацией, ни перед каким-либо политическим делением. И я собираюсь бороться за это – если вы не дадите мне свидетельство, то я пойду в Верховный суд для того, чтобы бороться за это. Вы не можете обязать меня к военной подготовке, поскольку я не хочу никого убивать. Я предпочел бы сам быть убитым – с этим проблемы нет, – но я не хочу никого убивать и не хочу никакой подобной подготовки».

Он понял, что ему будет трудно и у него будут неприятности. Поэтому он сказал: «Не беспокойтесь. Я поговорю с армейским полковником и как-нибудь устрою вам свидетельство».

Я сказал: «Это ваше дело. Вы должны дать мне свидетельство, иначе я пойду в суд. Я не несу никакой ответственности за какую-либо часть земли. И вам следует доказать, на каком основании и с какими полномочиями я несу ответственность за какую-либо часть земли».

«Лишь несколько лет назад я был ответствен за землю, которая теперь стала Пакистаном. Сейчас я не ответствен за нее. Она была моей родиной; теперь это больше не моя родина. Моей ответственностью был Бангладеш; теперь ответственности больше нет. Поэтому какая гарантия? Я могу умереть за эту землю, а завтра она даже не будет моей родиной?»

«Вначале вы дайте мне ясную идею того, что является моей родиной, поскольку я видел собственными глазами, как часть страны стала Пакистаном. Теперь это больше не моя родина, это вражеская страна, а вся эта подготовка только для того, чтобы воевать с Пакистаном. Бангладеш был частью моей страны; теперь вся эта подготовка для того, чтобы воевать с Бангладеш. Завтра, возможно, Пенджаб станет независимой страной, и тогда *он* – уже не моя родина».

«Поэтому, какая же это мать – руки, голова, ноги постоянно исчезают, а я буду отвечать за все то, что останется? Моя ответственность не уменьшается по мере постоянного уменьшения моей матери. По крайней мере, мне должно быть дано больше свободы: столько же, на сколько уменьшается моя мать...»

С армией он все устроил. Он дал мне свидетельство и сказал: «Держи его при себе, потому что если ты будешь распространяться об этом, то другие студенты начнут создавать неприятности. Для одного человека я могу это устроить, но для всех не могу. И я знаю, что ты прав».

Земля есть просто земля. Или вся Земля – наша мать, или нет земли, являющейся нашей матерью. Страны продолжают возникать и исчезать – это лишь политические игры, шахматы. На протяжении сотен лет Израиля не было, теперь он существует. И теперь это родина евреев, а их ответственность – умереть за него, и они умирают за него.

И они будут продолжать умирать за него, так как никогда он не будет безопасной, тихой, мирной землей; это невозможно, так как он повсюду окружен мусульманами. И, действительно, на протяжении веков он был мусульманской страной – Палестиной. Когда-то много веков назад страна была Израилем, но нельзя возвращаться назад. И те мусульмане не собираются покидать ее.

Когда создали это государство, я был очень маленьким ребенком, но даже тогда я сказал: «Это просто глупо. Взгляните на карту: страна окружена мусульманами, это мусульманская страна. Вы просто изменяете ее название и отдаете ее евреям, поскольку сейчас они сильны».

Британцы и американцы, – поскольку они выиграли вторую мировую войну и были сильны, а их армии находились там, – просто вручили Израиль евреям. Я не думаю, что это было дружественным актом, это было актом абсолютной вражды.

Для евреев они создали место вечных неприятных проблем, которые никогда не будут разрешены; нет способа решить их. Евреи будут постоянно воевать, и они постоянно будут нищими, просящими помощь у всего мира, особенно у Америки.

Итак, Америка сыграла хорошую политическую игру: укрепила там евреев, и поэтому вся их проблема сосредоточена там, их неприятности там. Если бы евреи были достаточно разумны, то они отказались бы и сказали: «Мы не хотим страны, которая веками была мусульманской, населена мусульманами, где у власти были мусульмане. Сейчас это *их* страна».

Если Америка так сострадательна к евреям, то пусть отдаст им Орегон. Сделайте его новым Израилем – это будет прекрасно. И все деньги, которые расходуются на Израиль, остались бы в Америке, а Орегон стал бы прекрасной страной.

Евреи сделали там огромную работу, но это все бесполезно. И они вложили туда много денег, которые тоже бесполезны. Ничто не поможет: место неприятностей навсегда останется местом неприятностей. Оно лишь маленький остров в океане мусульман. Нельзя покончить с этим океаном; рано или поздно этот океан потопит всех вас.

Передача Орегона евреям – это было бы благородством, состраданием, дружелюбием. Во всяком случае, пятьдесят процентов земли Орегона уже является землей федерального правительства, и они хотят приобрести оставшиеся пятьдесят процентов. Они хотят сделать ее федеральной, полностью федеральной, государственной.

Поэтому было бы очень легко отдать ее евреям; проблемы не было бы. Это помогло бы евреям, это помогло бы Америке. Деньги остались бы там, люди остались бы там. Новые люди приезжали бы со всего мира. И Новый Израиль был бы намного лучше, чем приобретение того старого прогнившего Израиля, который был найден Моисеем. А на самом деле, он не нашел его...

Моисей устал от поисков, поэтому он в конце концов сказал: «Вот она», потому что он должен был в каком-то месте сказать это... сорок лет поисков! Так и я бы сказал: «Вот она»... Сколько же можно продолжать искать? Иначе стал бы я говорить, как вы думаете, об этой пустыне: «Вот она?» Сейчас у меня не так много времени, и я не могу продолжать и продолжать искать.

Я знаю, что то же самое случилось с Моисеем. Израиль не лучше того, что вы имеете; он хуже. Моисей устал, окончательно устал. Его ученики умирали каждый день, три четверти их уже

10 Зак. 224

были мертвы... Появилось новое поколение, которое даже не знало его – кем он был. И он вовсе не волновал их, так как был разрыв, большой разрыв. И даже его ближайшие друзья рассердились: «Настало время; сорок лет мы скитались – где же твой Израиль?»

Это беда всех утопистов. Они могут настолько приукрасить утопию, что многие очаровываются. Но если вы начали искать утопию, тогда начинаются неприятности, поскольку такого рода утопия никогда и нигде не существовала. Она должна быть создана, не найдена. И это было основной ошибкой; они искали, веря, что где-то есть Израиль.

Нигде нет никакого Израиля. Вы должны создать его.

И я не искал таким образом: думая, что где-то есть некое место, и нам лишь надо добраться туда, и все будет в порядке. Я искал место, где мы сможем *созидать* такую утопию. Она всегда будет созиданием.

Но сейчас эта мусульманская страна является ответственностью евреев...

Один из великих поэтов Индии всегда жаловался на своих сыновей, так как они не слушали его и не следовали ему. А он был очень уважаемым человеком; он был известен как национальный поэт. Он был другом Майтреи, Рамдхарисинг Динкар. Устав от его постоянного разговора о своих сыновьях и о том, что они не слушаются его, я спросил его: «Вы хоть спросили их перед тем, как родить их: "Вы хотите родиться?"»

Он сказал: «*Что*?»

Я сказал: «Вы спросили их? Это ваша ответственность, а не их ответственность. *Вы* привели их на землю, а теперь вы возлагаете на них всяческую ответственность: "Я – ваш отец; вы должны уважать меня, вы должны все делать по-моему". Почему они должны? Вначале вы заставили их без их разрешения прийти в этот мир, а теперь вы хотите, чтобы они постоянно следовали вам, – и вы хотите, чтобы они чувствовали за собой вину».

«Вы снова и снова спрашиваете меня.... по какой причине? Вы хотите, чтобы я сказал вашим сыновьям: "Это ваша ответственность". Я не могу сказать этого. Вы жили так, как хотели вы. Теперь позвольте им жить так, как *они* хотят. Почему вы вмешиваетесь? Они же не дети».

Он смотрел на меня несколько мгновений. Он сказал: «Итак, вы заодно с ними?»

Я сказал: «Нет, я не с ними. Я никогда не видел их, я никогда не встречал их. Но если вы хотите, то, когда в следующий раз я приеду в Патну, организуйте встречу».

Он сказал: «Нет, я не хочу никакой встречи с вами – вы еще больше их испортите. Вы говорите, что я ответствен за то, что дал им жизнь?»

Я сказал: «А чья же эта ответственность? Моя? И даже после того, как вы дали им жизнь в этом несчастном мире, вы хотите, чтобы они все еще следовали вам? Достаточно того, что они не убили вас!»

Это был последний раз... После этого я часто спрашивал: «Как ваши сыновья?»

А он отвечал: «Никогда не упоминайте моих сыновей! Вообще не начинайте эту тему; я отбросил эту тему. По крайней мере, с вами я не собираюсь обсуждать эту тему».

Отцы и матери продолжают принуждать своих детей, говоря им, что «это ваша ответственность». Они придали слову «ответственность» странное значение.

Оно просто означает «способность к ответу, к отклику». Разбейте это слово на два слова: не ответственность, а способность к ответу, ваша способность к отклику. Это означает, что вы должны отбросить всю свою совесть, те вещи, о которых люди сказали вам, что они правильные и неправильные. Они могут быть правильными и неправильными для них; вы с этим не имеете ничего общего.

Отбросьте совесть, которая навязана вам, и будьте сознательными в любой ситуации, с которой вы сталкиваетесь. А в любой момент есть ситуация, с которой вы сталкиваетесь; осознайте ее и, исходя из этого осознания, действуйте.

И все то, что вы делаете, исходя из осознания, – правильно.

А все то, что вы делаете бессознательно, – неправильно.

Поэтому, по моему мнению, действие как таковое не является ни правильным, ни неправильным. По моему мнению, оно зависит от вас – от вашего осознания, от качества осознанности, которое вы превращаете в действие. Тогда все имеет иную перспективу.

Я расскажу вам несколько дзэнских анекдотов. Вот один из них: у одного великого дзэнского Учителя была такая привычка, что он время от времени без всякой видимой причины поднимал палец, указывая им на небо. Говоря о чем-то, он, без всякой связи со своим рассказом, вдруг поднимал палец, указывая на небо, как будто там происходит нечто такое, о чем никто не знает.

Одним из его молодых учеников был маленький двенадцатилетний мальчик, который обычно стоял рядом с ним и обмахивал его, так как было очень жарко. Он также видел этот палец и научился подражать Учителю, он ведь стоял рядом и немного сзади, так что Учитель не мог видеть его.

Изредка, обмахивая Учителя... и тогда все начинали смеяться, а он снова начинал обмахивать его. Учитель не мог догадаться о том, что происходит, почему люди начинали смеяться и откуда все исходит. А этот мальчик снова махал своим веером и изредка... В конце концов Учитель все обнаружил.

Однажды, когда мальчик проделывал это, Учитель схватил его палец, – а у него был нож, – и полностью отрезал у мальчика палец! Это был шок. Никто не мог даже представить, что Учитель способен сделать такое. Он полностью отсек палец! И кроме этого он сказал: «А теперь указывай опять!» Мальчик был в таком шоке – кровь лилась ручьем, а палец уже лежал на земле, но Учитель сказал: «Указывай!» И мальчик указал пальцем, которого уже не было.

На мгновение воцарилось молчание. Затем мальчик вышел вперед, поклонился, прикоснулся к ногам Учителя и сказал: «Я никогда не думал... я слушал, стоя там и зная, что это не для меня, но затем... ни мысли, ни намерения, и блаженство начало переполнять меня».

«Когда вы кричали на меня, боль переполняла меня, но я забыл о ней, когда вы закричали: ''А теперь указывай своим пальцем!'' И вы вытащили меня вперед, и я указал пальцем, которого не было. И поскольку пальца не было, а я указывал им, внезапно все мои мысли остановились. Мой ум не мог извлечь какой-то смысл из всего; что происходило?»

Все было так внезапно – отсечение пальца и крик Учителя; все в шоке; палец на полу... а он говорит: «Теперь указывай им!»

И мальчик сказал: «В то мгновение, лишь за секунду, у меня пропал разум; меня не было, не было и разума. И вы правы, Учитель, счастье стало переполнять меня».

Итак, отсечение чьего-то пальца – это правильно или неправильно? Морально или аморально? Очень трудно сказать. Если дзэнский Учитель делает это, вы не можете сказать, что это неправильно. И результат показывает, что это не неправильно: тот мальчик стал преемником своего Учителя. То отсечение пальца привело к такому процессу в его жизни, о котором он вообще не знал. Он был лишь слугой, он даже не входил в религиозное братство.

Трудно принять решение только по этому поступку как таковому. Вопрос заключается в следующем: что вы выносите из этого? Вопрос заключается в следующем: кто это делает? Из какого осознания это исходит? К каким результатам это ведет?

Это исходило из ясного здравого ума и вело к мгновению, когда возникает ясное осознание. Отсечение пальца ничего не означает. Даже если бы Учитель отсек всю руку, было бы не плохо. Даже отсечь голову и дать возможность на мгновение прожить без мысли, без разума, заставить время остановиться... Даже если человек обезглавлен, то такое действие абсолютно правильное.

Я не говорю о том, что вы должны начать обезглавливать людей. Я подчеркиваю, что сам поступок не важен. Вот чему старались учить все религии: поступок правильный или неправильный. Если вы совершаете его, то вы ответственны; если вы не совершаете его, то вы не ответственны.

Я переношу ударение с поступка на действующее лицо.

Именно *вы* правы или неправы, но никогда не поступок.

Именно мое сознание всегда принимает решение.

Поступок, совершенный другими руками, может быть аморален, но если он совершен руками человека здравого ума, то поступок изменяет свое качество.

Осознание – единственная присущая этому магия.

Поэтому я называю ответственность «действием с осознанностью».

А если вы просто продолжаете бессознательно выполнять так называемые ответственности, то я не считаю это ответственностями; вас обманули.

Именно это собирается сделать папа с академией наук, которую он создал в Ватикане. Вся цель заключается в том, чтобы зародить чувство вины в ученом... поскольку это очень странный шаг. Папы всегда были против науки, против ученых.

Триста лет назад ни один папа даже не думал о том, что в Ватикане будет академия наук. Но если бы они представляли то, что за этим скрывается, то они не удивились бы. В течение трехсот лет они всеми способами старались помешать науке. Они потерпели неудачу, они не смогли помешать ей. Сейчас они хотят убедить нас.

Бесполезно стараться быть антагонистами – в течение трехсот лет они были врагами, и христианство потерпело неудачу; наука вышла победителем. И вот папа предпринимает новый шаг. Если невозможно было победить через вражду, то, вероят-

но, это станет возможным через дружбу. Он, несомненно, хитрый человек. А ученые никогда не бывают хитрыми; в этом вся трудность.

Священники всегда хитрые, а ученые всегда невинные люди, даже, в некотором смысле, неполноценные, так как весь их ум сосредоточен на их работе. Они абсолютно не обращают внимания на другие стороны жизни. Они живут очень простой жизнью, сосредоточившись на своей собственной работе. Священники же хитры.

Итак, эта академия наук – один из самых хитрых шагов, которые папа когда-либо предпринимал, – и жертвами становятся ученые, попадающие в его ловушку, так как он делает из этого вопрос огромного уважения. Быть членом академии наук, быть академиком Ватиканской академии – это уважение, которое не каждому будет оказываться. Туда будут приняты только несколько человек, такие, как лауреаты Нобелевской премии; знаменитые научные институты могут предложить несколько имен, которые будут рассматриваться.

И поскольку наука, в основном, является монополией Запада, то много беспокойства не будет: большинство ученых – христиане, и половина или более половины из них – католики. Большинство этих ученых находятся в Америке, в Европе, в Англии.

Единственная проблема с Советским Союзом. Он открыл двери также и для Советского Союза; приглашаются их ученые. Четверо уже присоединились к академии. Конечно, советские ученые вступят в академию по другой причине. Они вступят для того, чтобы выяснить то, что там происходит, что там ничего не будет предприниматься против Советского Союза. Они будут там шпионами.

Папа же намеревается сделать из всего этого суету: что в настоящее время это международная, единственная международная академия, в которой представлены все, даже атеисты, коммунисты, – представлены все.

И что он хочет сделать с этой академией? Он хочет решить то, чем должна заниматься наука и чем не должна заниматься наука. Таково будет решение папы. И он развратит умы этих ученых, поскольку сейчас он заявил, что наука не представляет собой предельной ценности; предельную ценность представляет собой религия, мораль. Поэтому основной сутью будет религия и мораль, а не наука.

Позиция не меняется, позиция та же самая. Это то, что они говорили на протяжении всех веков: что ученые должны прислушиваться к папе, к церкви, поскольку предельная ценность – это религия. Наука должна быть только слугой. Она может быть хорошим слугой только в том случае, если следует религии, иначе она будет плохим слугой.

Та же самая позиция... Сейчас он заявляет о том, что наука не представляет собой предельной ценности, предельную ценность представляет собой религия и мораль. Конечно, решение о религии и морали должно приниматься папой.

Функцией академии будет обзор того, что происходит в различных областях науки, это лишь резюме о последних достижениях в различных областях; поэтому папа сможет заявить о том, являются ли они моральными или аморальными, должны ли христианские ученые придерживаться их или нет. Непосредственно не будет сказано «*христианские* ученые» – они все христианские, – но таким способом он будет саботировать научный прогресс и попытается повернуть его в направление, в которое хочет его повернуть церковь.

Я хотел бы сказать вам: наука – вот предельная ценность.

И существуют два вида науки: одна – объективная наука, которая принимает решения, касающиеся внешнего мира; и вторая – субъективная наука, которая до сих пор называется религией.

Но лучше не называть ее религией. Лучше называть ее наукой о внутреннем мире, а науку подразделять на науку о внешнем мире и на науку о внутреннем мире – на объективную науку и субъективную науку. Но считайте ее одним целым; наука остается предельной ценностью – нет ничего выше ее. И решение не должно исходить от третьесортного папы, который ничего не знает о науке. Решение должно приниматься консенсусом самих ученых.

Если бы мы создавали здесь академию ученых, тогда я хотел бы, чтобы *они* встретились – мы должны только обеспечить их местом встречи, местом для отдыха, создать для них праздник. Они должны встретиться здесь, и они должны прийти к консенсусу между собой. Это их забота – что надо делать, а что не надо. Если они хотят получить от нас какую-либо помощь, то мы можем помочь им в совершенно другом виде, не в принятии решения, поскольку кто мы такие, чтобы решать?

Наша помощь может быть осуществлена только через медитацию. Мы можем сказать, что они могут медитировать вместе с нами.

Это даст им больше сознания, больше осознанности.

Если они исходят из своего осознавания, то все, что бы они ни делали, будет ответственным. Если они опираются на свое бессознательное, то все, что бы они ни делали, будет безответственным, даже если папа направляет их.

Беседа 12

БОГ: ИДЕЯ, ВРЕМЯ КОТОРОЙ ПРИШЛО – И УШЛО

9 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вы против Бога, а также против Иисуса Христа? Это обескураживает меня.

Меня это также обескураживает. Как я могу быть против Бога, которого вообще не существует. Для того, чтобы быть за или быть против, абсолютно необходима одна вещь – чтобы Бог существовал.

В мире существуют фанатики-теисты, а также фанатики-атеисты. Фанатизм тех, кто верит в то, что Бог существует, простить можно. Но фанатизм тех, кто думает, что Бог не существует, нельзя простить. Им вообще не следует беспокоиться о Боге. Я вовсе не беспокоюсь.

Но существует человеческая слабость, слабость категоризирования: если вы – не за что-то, значит вы – против. И ум функционирует в полярных направлениях; он не допускает промежуточного направления. Очень важно понять, что ум может существовать только в крайних положениях. Чем больше вы удаляетесь от среднего положения, тем больше вы становитесь разумными. Чем ближе вы приближаетесь к среднему положению, тем больше разум покидает вас.

Когда вы находитесь точно в середине, то разум вообще отсутствует. Вот почему Будда называл свой путь *маджхим никай* – «срединный путь». Он выбрал, действительно, мудрое название – срединный путь, избегая обеих крайностей. Но ум ощущает неудобство... При каком-то крайнем положении он чувствует себя свободно.

Поэтому если я говорю, что Бога нет, то вы, естественно, делаете вывод, что я против Бога, но вы не подумали о простой вещи: если Бога нет, то как я могу быть против него? Люди, которые за Бога, могут стать против него. Но вы можете полагаться на меня: я не могу быть против него, так как для того, чтобы быть против, вначале я должен изобрести его.

Фридрих Ницше говорит: «Бог мертв». Я не могу сказать даже и этого. Он думает, что говорит нечто значительное антибожественное, антирелигиозное, антихристианское, антихристовое. Это не так. Когда говорят, что Бог мертв, подразумевают, что он был жив. Вы допустили существование Бога – если не в настоящее время, то в прошлом, – и поэтому очень трудно будет доказать, что существовавший Бог умер. Ницше никогда не вел спор дальше этого; а теисты вообще не способны поднимать существенных вопросов.

Все христианство Запада было шокировано утверждением о том, что Бог мертв. Они были разгневаны, они хотели бы убить Фридриха Ницше. Но никто не спросил его: «Вы допустили первичное существование Бога; тогда теперь вы должны объяснить то, как он умер. А если он был Богом, то как он мог умереть?» И в особенности спросить у Ницше... ведь Ницше верит в возврат жизни, в то, что жизнь продолжается. Он – единственный западный философ, который верит в восточную идею перевоплощения.

Если Бог мертв, то он должен родиться опять. Это простое следствие его собственной философии. Если человек умирает и рождается, то почему надо быть таким неблагосклонным к Богу? По крайней мере, дайте ему столько же, сколько вы даете обыкновенным людям, животным, птицам – всей жизни.

Или Бога никогда не было, или он всегда будет. Жизнь может менять свои формы, но никогда не может стать смертью. Ницше допускал это. И ни один христианин не побеспокоил его, не поднял вопрос, не поспорил с ним.

Я не могу сказать, что Бог мертв. Я думаю, что Ницше, на самом деле, не против Бога. Он против священства, в особенности против христианства, против Иисуса. Но Бог – основа всего этого, поэтому он вынужден нанести удар по Богу для того, чтобы разрушить всю доктрину единственного сына, рожденного Богом, мессии, папы, церкви и всей безобразной истории христианства. Без Бога все это становится абсурдом. Вот почему он говорит, что Бог мертв, но глубоко в душе он знает, что Бог *есть*.

Моя позиция совершенно другая.

Я не против Бога.

Я разыскивал и искал его повсюду.

И вот моя находка: его нигде нет.

Я заглядывал, я выглядывал; я сделал все, что можно было

сделать. Бога нет. Это простое констатирование факта – без гнева, без враждебности. Что я могу поделать, если он не существует? Это не моя вина.

Но человеческий ум хочет занимать некоторую крайнюю позицию. Это заслуживает понимания.

Почему человеческий ум хочет занимать некоторую крайнюю позицию? Вы должны быть или теистом, или атеистом; вы должны быть или за, или против. Он не разрешает вам третьей альтернативы. Причина проста: третья альтернатива становится смертью ума. Ум живет экстремизмом; это его пища.

Точно в середине, где две полярности уничтожаются, а противоречия сходятся, ум просто перестает функционировать. Ум не способен постичь то, как противоречия могут сойтись, как полярности могут стать одним целым. Но в существовании они *сходятся*, они *являются* одним целым.

Вы видели жизнь и смерть отдельно друг от друга? Именно ваш ум разделяет категории и слова. Но вглядитесь в существование – жизнь переходит в смерть, а смерть переходит в жизнь. Там нет разделения, они – части одного целого. Именно ум создал идею о красоте и безобразии.

Но в существовании... вы думаете, что если все человеческие умы на мгновение исчезнут с Земли, то останется красота в чем-то, безобразие в чем-то? Роза все еще останется прекрасной? Нет, в том случае, если ум отсутствует, некому судить; а красота и безобразие – это умственные суждения.

Роза будет существовать так же, как и шип, но не будет их оценки, поскольку нет оценщика. Они оба будут существовать без всякой иерархии. Роза не будет лучше шипа. Цветок ноготков не будет некрасивым цветком, а роза не будет великолепным цветком; они оба будут на одном уровне.

Вся иерархия создана умом: более низкое, более высокое, за и против.

Подумайте по-другому: на мгновение представьте, что ум существует, но отбросьте суждения – это несколько более трудно. Вы можете мысленно представить себе то состояние, когда все умы исчезли, и, конечно, вы сможете увидеть, что тогда нет возможности чему-то быть безобразным, прекрасным. Вещи будут существовать сами по себе, без их сравнения, без суждений о них, без приклеивания им ярлыков.

Испытайте иное – то, что является несколько более трудным. Пусть ум существует – так что все умы *существуют*, но

никто не судит, – в течение часа нет никаких суждений. Сможет ли тогда существовать красота, сможет ли существовать безобразность? Что-нибудь может быть моральным, а что-нибудь аморальным? Сможет ли существовать грешник или святой?

В течение часа все эти категории исчезнут, а вы впервые будете иметь настоящий контакт с реальностью как таковой, а не с облеченной вами в конкретную форму, созданную вашим умом. Ваш ум постоянно создает реальность; иначе, кто же тогда является святым, а кто является грешником?

Только что я прочитал новость о том, что в Англии один викарий умер от СПИДа. Ну негоже святым заниматься этим, священникам заниматься этим! И он создал неприятность. Все пожилые дамы звонят по телефону и спрашивают об этом, поскольку в христианстве викарий пьет вино как кровь Христа, а затем из того же бокала все пьют – особенно пожилые дамы. Потому что кто же еще ходит к этим викариям? Вы думаете, что молодые девушки? У них много других забот. Эти пожилые дамы сделали все, но ничего не нашли; теперь они пробуют Бога.

Теперь эти пожилые дамы обеспокоены тем, что они могут заразиться СПИДом от викария. Сейчас самое время для того, чтобы христиане остановили эту глупость: передавать хлеб и вино, так как слюна священника, викария, кардинала может нести СПИД.

Теперь есть кое-что, о чем поляк-папа должен заявить: «С сегодняшнего дня и далее пить кровь Иисуса – грех...» В действительности, это было грехом с самого начала. Это просто ужасная идея: пить кровь Иисуса, есть его плоть. До сегодняшнего дня все было в порядке, но сейчас... и священник должен начать игру.

Папа вовлечен в вещи, которые ничего не имеют с ним общего. Теперь я предоставляю ему проблему, которая встает перед ним в полный рост; и если у него есть мужество, то он должен заявить, что эта практика аморальна. Тогда до сих пор все папы делали аморальные вещи; даже Иисус делал аморальные вещи.

СПИД, может быть, не новая болезнь; может быть, лишь открытие его припозднилось. Он, может быть, существовал и раньше, ведь у него нет симптомов. Это странный тип болезни, без симптомов. Называть его болезнью – неправильно; на самом деле, это медленная смерть, очень медленная смерть. Поэтому и невозможно найти симптомы. Можно только наблюдать за

жизнью человека: если он теряет сопротивляемость к болезням, значит, у него СПИД.

Это очень сложное явление. Если он теряет сопротивляемость к другим болезням, значит, у него СПИД. Следовательно, только продолжительное наблюдение может дать уверенность в том, что у вас СПИД: вы продолжаете получать инфекции, а вылечивать от любой инфекции становится все труднее и труднее; и постепенно вы обнаруживаете, что ваши жизненные силы все больше и больше падают, и без особой причины вы начинаете терять свое благополучие. Вы не можете точно определить, что именно является причиной того, что вы теряете свое благополучие – внезапно вы уже не чувствуете себя хорошо. Ничего не случилось, но в вашей жизни больше нет той самой силы.

Явление такого типа, может быть, существовало всегда, но раньше невозможно было определить его – это возможно только сейчас, но даже сейчас это делается в большом замешательстве. Но замешательство будет развеяно. Возможно, что культуры, где поцелуй считается не гигиеничным, обладают более передовой идеей... а ведь там примитивные люди.

Вероятно, что брамины в Индии, джайны в Индии обладают лучшей идеей относительно СПИДа, поскольку у них нет такой практики, чтобы пить из одного и того же бокала; это считается ужасным. А сделать это к тому же религиозным делом – это уже слишком. Рано или поздно папа будет вынужден отменить эту практику.

Я говорил о том, что очень трудно сказать, кто – грешник, а кто – святой. Итак, тот викарий до сих пор был святым. Этому глупцу следовало бы умереть немного раньше; хотя бы на год или два раньше, и он остался бы святым. А сейчас какая будет ситуация?

Доказано, что он был гомосексуалистом; доказано, что он не был безбрачным; доказано, что он не отказывал себе в разных сексуальных извращениях. Если бы он умер на два года раньше, то он был бы на небесах. А теперь спросите Господа Иисуса Христа о том, куда отправляется его викарий. И с этим викарием по всему миру откроется еще много такого же, поскольку одной из самых опасных вещей, связанных со СПИДом, является то, что он передается через слюну.

Возможно, что французы докажут высочайшее, величайшее... ведь это они открыли великолепные поцелуи. И, должно быть, французы более, чем кто-либо другой в мире, передали

СПИД другим людям. Сейчас необходимо остановить этих французов. Это вопрос здоровья, жизни, будущего мира. Надо сказать этим идиотам: «Прекратите весь этот абсурд. Найдите какие-нибудь способы любви получше», ведь существуют...

На некоторых островах около Японии возлюбленные трутся носами. Это абсолютно разумно и гигиенично и приносит вам такую же радость. Какую радость вы получаете от поцелуев? Вы думаете, что вы что-то извлекаете из этого? Трение носами – намного чище и выглядит намного лучше.

Индийское сексуальное священное писание, первое сексуальное священное писание в мире, *Камасутра* Махариши Ватсьяяны, предлагает разнообразные вещи, которые могут преобладать во всем мире. Например: возлюбленные должны играть с мочками своих ушей. Это абсолютно гигиенично; а мочки ушей очень эротичны. Попробуйте открыть это для себя; лишь поиграйте с мочками ушей. Это может выглядеть несколько бесстрастным – это *является* сухой чисткой, – но, по крайней мере, вы можете избежать СПИДа.

Человеческий ум всегда готов к любой крайности, так как крайность – это его жизненная сила. Когда две крайности сходятся, то они аннулируют друг друга и оставляют вакуум. Вот в чем смысл среднего пути: пусть крайности дойдут до точки, в которой они аннулируют друг друга, и внезапно вы делаетесь ни атеистом, ни теистом. Эти вопросы становятся неуместными. Но ум не готов отбросить что-либо ни в религии, ни в философии, ни даже в науке.

Вивек дала мне документальный фильм об истории математики. Можно сказать, что вся история математики является целой проблемой человеческого ума. В течение двух тысяч лет или более на Западе и в течение пяти – десяти тысяч лет на Востоке математики старались найти предельную науку.

Одна вещь очевидна для них – то, что только математика может стать предельной наукой по той простой причине, что вокруг вас нет математических вещей. Она – *чистая* наука. Вы не видите математических объектов, вы не можете сказать, что это – математический стул, а это – математический дом.

Математика – всего лишь чистая идеологическая игра. Она состоит не из вещей, а из идей. А поскольку идеи – собственность вашего ума, то вы можете очистить их до максимальной чистоты. Поэтому было сделано допущение, что математика может стать самой чистой наукой. Но были проблемы. Те математики не

осознавали то, что ваш ум как *таковой* является проблемой и этот ум намеревается создать науку, в которой не будет ни проблем, ни противоречий, ни парадоксов.

Вы можете играть в игру. Вы можете создать стройную систему взглядов, но если вы взглянете на ее основание, вы узнаете, что в самом основании предельная проблема остается нерешенной. Например, геометрия Евклида... Я не мог слишком углубиться в нее по той простой причине, что я не мог согласиться с основными гипотезами.

Мой учитель геометрии просто сказал мне: «Твоя проблема не имеет ко мне никакого отношения. Найди Евклида – убирайся из класса. Найди Евклида и реши эти вещи с ним. Я бедный учитель, я лишь получаю свое жалованье; я ничего не имею общего с его фундаментальными аксиомами. Я преподаю все то, о чем написано в учебнике. Я вовсе не интересуюсь, правильны ли или ошибочны его фундаментальные гипотезы. Убирайся».

Он не позволял мне оставаться в классе. Я сказал: «Но как вы можете продолжать преподавать из года в год, зная, что основные моменты абсурдны?»

Он сказал: «Я никогда не знал этого; именно ты втолковываешь мне в голову то, что они абсурдны. Я никогда не беспокоился об этом; я не ученый и не математик, я просто бедный учитель. И я никогда не хотел быть учителем, я хотел быть инспектором, но меня не выбрали. Я пытался стать инспектором, но меня не выбрали. Я пробовал найти другие работы; нигде не было свободных мест. Я вынужден быть здесь учителем».

«Не терзай меня. Твоя проблема связана с Евклидом – не впутывай меня. Если ты хочешь прочитать то, что написано в учебнике, то я готов. Но если ты говоришь мне о том, что основные принципы ошибочны...»

Я сказал: «Я не могу продолжать до тех пор, пока я не буду уверен в основах, так как это опасно: фундамент здания упущен, а вы говорите мне, чтобы я взобрался на небоскреб. Я не могу сдвинуться ни на дюйм. Вначале я должен быть уверенным в наличии фундамента: есть ли там фундамент, который может удерживать этот небоскреб. Вы собираетесь упасть – это ваше дело, – но я не собираюсь падать вместе с вами. Если вы хотите совершить самоубийство, то совершайте его».

Он сказал: «Странно! В связи с Евклидом никто не совершает самоубийство. О чем ты говоришь?»

Я сказал: «Я говорю в точности то, что сказал. Это – самоубийство. Ни одна из гипотез Евклида не объяснима».

И все же на протяжении двух тысяч лет Евклид был основой не только геометрии, но и всех других наук, ведь его надо применять и в других науках. Он говорит о линии, о ее определении, о том, что она имеет только длину – *только* длину.

Я попросил учителя: «Начертите линию, которая имеет только длину. В тот момент, когда вы ее будете чертить, она будет иметь еще и некоторую ширину, как бы тонка она ни была». А точка, согласно Евклиду, не имеет ни длины, ни ширины. Я сказал: «Сделайте точку, которая не имеет ни длины, ни ширины. И тот же Евклид говорит о том, что линия состоит из точек – одна точка за другой, в ряд. Итак, линия имеет только длину; точка не имеет ни длины, ни ширины – тогда как же линия может иметь длину? Поскольку она имеет только точки, стоящие в ряд. Откуда появляется длина?»

Он лишь простер свои руки по направлению ко мне и сказал: «Просто уходи отсюда. Я сказал тебе о том, что я лишь бедный учитель, а ты выше меня».

Я сказал: «Это не ответ. Вы можете просто допустить, что эти аксиомы необъяснимы».

Но уму трудно допустить идею о том, что существует нечто необъяснимое. Ум имеет сумасшедшее побуждение к тому, чтобы все было объяснено... если не объяснено, то, по крайней мере, поверхностно объяснено. Все то, что остается загадкой, парадоксом, продолжает беспокоить ваш ум.

Вся история философии, религии, науки, математики имеет один и тот же корень, одну и ту же мысль – один и тот же зуд. Вы можете скрести себя одним способом, кто-то другой может делать это по-другому, но этот зуд должен быть понят. Этот зуд – вера в то, что существование не является таинственным: ум может ощущать себя успокоенным лишь в том случае, если каким-то образом существование лишено таинственности.

Религия сделала это, создав Бога, Святого Духа, единственного рожденного сына Божьего; разные религии создали разные вещи. Это их способы закрыть отверстие, которое не закрываемо; что бы вы ни делали, отверстие останется. Действительно, чем больше вы закрываете его, тем настойчивее оно остается. Ваше усилие закрыть его говорит о вашей боязни того, что кто-то увидит это отверстие.

Такое случалось со мною в детстве каждый день, так как я любил залезать на деревья: чем выше было дерево, тем больше было радости. И, естественно, много раз я падал с деревьев; у меня все еще остались шрамы на ногах, на коленях – повсюду. Поскольку я постоянно залезал на деревья и падал, то моя одежда каждый день была разорвана, а моя мать говорила: «Не выходи на улицу с дыркой на одежде. Позволь мне поставить маленькую заплатку».

Я сказал: «Нет, никакой заплатки».

Она сказала: «Но люди увидят, что ты, сын торговца самой лучшей одеждой в городе, постоянно бродишь по городу в рваной одежде и никто не заботится об этом».

Я сказал: «Если вы залатаете одежду, тогда она станет безобразной. А сейчас все могут видеть, что она новая. Я не выходил из дома с этой дыркой. Это новая дырка; я только что упал с дерева. Но с вашей заплаткой... это старая вещь, которую я скрывал».

«Я буду выглядеть бедным из-за вашей заплатки; моя разорванная рубашка делает мою внешность мужественной. Не беспокойтесь об этом. А если кто-нибудь скажет мне об этом, то я смогу бросить вызов: ''Вы можете залезть со мной на это дерево, и если вам удастся не упасть, тогда, только в этом случае, вы имеете право что-то говорить мне''».

А в Индии есть некоторые деревья, очень мягкие, легко ломающиеся. Одно из них – дерево *джамун*. Джамун – очень сладкий фрукт, но дерево вырастает очень высоким, и оно очень хрупкое; его ветви могут сломаться в любое время. И пока вы не залезете выше, вам не достанутся фрукты самого лучшего качества, так как фрукты более низкого качества были уже сорваны людьми более низких качеств – теми, кто осмелился залезть вверх только на три метра.

Если вы обладаете мужеством для того, чтобы залезть на высоту десяти метров, тогда вам достанутся по-настоящему сочные фрукты. Они сохранены для тех, кто обладает мужеством. Но почти несомненно, что оттуда можно упасть. Лишь немного сильного ветра... Невозможно очень быстро слезть; все ветви дерева ломаются, и прежде чем вы успеете что-либо сделать, вы уже очутитесь на земле.

Но моя мать никогда не могла понять мою идею. Я пытался объяснить ей: «Это очень просто. Если вы не зашили мою рубашку, то это просто означает, что дыра свежая – это случилось только что. Но если она зашита, то это означает, что она не новая. Вы вышли из дома в зашитой рубашке. Она слишком заметна, а я не хочу, чтобы думали, что я бедный».

Она сказала: «Я не могу понять, какой у тебя ум, так как все в доме, чья рубашка порвана или чьи пуговицы оторваны, приходят ко мне и говорят: ''Я собираюсь уходить – вначале зашейте ее''. А ты единственный.... Я вынуждена идти к тебе, а ты даже не хочешь, чтобы тебе зашили рубашку».

Я сказал: «Нет, не надо зашивать. Если вы хотите дать мне другую рубашку, то все в порядке. Я не собираюсь носить зашитую рубашку. А незашитую я могу носить целый год; нет проблем, так как она всегда новая. Я всегда могу сказать, что только что упал с дерева».

Вся история разума ставит заплатки в различных областях – особенно в математике, так как математика – чисто умственная игра. Есть математики, которые думают, что это не так – наподобие тех теологов, которые думают, что Бог – это реальность.

Бог – это только *идея*. И если лошади имеют идеи, то их Бог будет лошадью. Вы можете быть абсолютно уверенными в том, что это будет не человек, поскольку человек был настолько жесток по отношению к лошадям, что человека они смогут рассматривать лишь как дьявола, а не как Бога. Но в этом случае каждое животное будет иметь свое собственное представление о Боге, точно так же, как каждая человеческая раса имеет свою собственную идею Бога.

Идеи – это подмены там, где жизнь таинственна, и вы находите бреши, которые не могут быть заполнены реальностью. Вы заполняете эти бреши идеями; и, по крайней мере, тогда вы начинаете испытывать удовлетворение от того, что жизнь постижима.

Вы когда-нибудь задумывались о слове «понимание»? Оно означает «стояние под вами» (по-английски ''понимать'' – understand – буквально ''под+стоять''). Странно то, что это слово воспринимается со значением, которое далеко ушло от его истинного значения: если вы можете поставить что-либо ниже себя, то есть под свой ноготь, под свою власть, под свой башмак, в этом случае вы – хозяин.

Люди пытались понять жизнь таким же способом, так чтобы они могли поставить жизнь также себе под ноги и заявить: «Мы – хозяева. Теперь нет ничего, чего мы не понимаем».

Но это невозможно. Что бы вы ни делали, жизнь – это тайна и она останется тайной. Даже если вы – я имею в виду человека – когда-нибудь прийдете к пониманию всей жизни, то возникнет новая проблема: «Кто этот человек, этот ум, это самосознание, которые все поняли? Откуда это исходит?»

В том документальном фильме вам будет полезна одна вещь. В начале этого века один из математиков – очень известный математик, один из величайших во всей истории математики – Фреше, проделывал такую же работу. Всю свою жизнь он посвятил созданию математической системы, которая уничтожает все парадоксы, все тайны, все загадки и решает все – дает окончательное решение.

И он собирался опубликовать свою работу – она опубликована сейчас, и это потрясающая работа, которую он выполнил... А Бертран Рассел – в то время еще молодой человек и не очень знаменитый, лишь немного известный в философских кругах как философ – также интересовался математикой. Позднее Рассел написал одну из монументальных книг по математике, *Основания Математики*, в которой триста шестьдесят две страницы посвящены только доказательству простой проблемы: один плюс один равняется двум.

Книга просто невыносима – пытаться читать ее – этого достаточно, чтобы свести кого угодно с ума! Даже сам Бертран Рассел признался в том, что после написания этой книги он никогда не был снова таким проницательным; вся его проницательность пропала. Несомненно, что он вложил слишком много энергии в эту книгу, и это очень странный вид энергии; никто не читает ее.

Я путешествовал по Индии, посещая все университеты, великолепные библиотеки, и у меня было несколько вещей, которые я всегда брал на заметку. Одной из таких вещей было взглянуть на книгу Бертрана Рассела *Основания Математики* для того, чтобы убедиться: читал ли кто-нибудь ее или нет. Страницы книги не были даже разрезаны.

В старые времена, особенно очень знаменитые издатели использовали метод – я не знаю, почему, – согласно которому они никогда не разрезали страницы; они оставляли их соединенными. Уже гораздо позднее, через тридцать-сорок лет, издатели начали разрезать страницы книг. Но я думаю, что одно было правильно относительно этого, относительно неразрезания страниц: вы всегда могли узнать – читали эту книгу или нет.

Я никогда не видел ни в одном университете Индии, ни в одной библиотеке Индии разрезанные страницы этой книги. Кто будет читать триста шестьдесят две страницы лишь для того, чтобы обнаружить вывод о том, что один плюс один равняется двум? Это и так известно! Кто будет читать триста шестьдесят две страницы книги большого формата?.. А в ней тысячи страниц.

Итак, Бертран Рассел интересовался математикой. Зная о том, что Фреше собирается опубликовать книгу, которая решит все парадоксы, тайны и математические задачи, он послал один парадокс этому великому математику, который пытался решить все великие тайны, – простой парадокс.

Фреше был опустошен; он чувствовал, что весь его энтузиазм пропал. Книги были готовы – два тома, работа всей его жизни, – а этот человек посылает короткое письмо с маленьким парадоксом, в котором пишет: «Прежде чем вы опубликуете свою книгу, пожалуйста, подумайте над этим парадоксом». Этот парадокс стал известным как парадокс Бертрана Рассела.

Он очень прост, но у Фреше не было ответа на него. При жизни он не опубликовал свои книги; они были опубликованы после его смерти. Они были монументальные, но он потерпел неудачу в решении парадокса. Он не смог решить тот единственный парадокс, который послал ему Рассел.

Парадокс очень прост: всем библиотекам в стране приказано сделать каталог всех библиотечных книг и послать его в Национальную библиотеку. Один библиотекарь сделал весь каталог и собирался упаковать его и отослать в Национальную библиотеку. У него возник вопрос: «Должен ли я включить этот каталог в перечень или нет – поскольку сам каталог также является библиотечной книгой? А в приказе ясно сказано о том, что *все* библиотечные книги должны быть включены в каталог».

«Итак, как же мне поступить с этим каталогом? Поскольку он является библиотечной книгой, то согласно приказу будет правильно, если включить его в перечень». Эта проблема, должно быть, возникла у всех библиотекарей. Получилось так, что в Национальную библиотеку прибыло два типа каталогов.

В Национальной библиотеке сделали две пачки книг; в одну был включен каталог, а в другую каталог не был включен. Библиотекарю Национальной библиотеки было приказано сделать каталог всех каталогов, в которые не был включен первоначальный каталог из всех библиотек. Поэтому он сделал

каталог всех тех каталогов, в которые *не* был включен первоначальный каталог.

Но когда он закончил, то он был озадачен: как же поступить со своим собственным каталогом? Если он не включил его, тогда один каталог, который не включал самого себя, будет упущен из его каталога. Если он включил его, тогда он не будет каталогом только тех каталогов, которые не включили самих себя.

Итак, Рассел послал этот простой парадокс: «Что должен сделать библиотекарь? Перед тем как решать другие более сложные проблемы, пожалуйста, решите эту проблему! Этот библиотекарь в затруднении». Итак, все, что бы вы ни делали, – неправильно. Если вы не включаете этот каталог, тогда один каталог, который не включает самого себя, выпадает из вашего каталога: все каталоги, которые не включают самих себя, не включены в него. Если вы включаете его, тогда это не каталог только тех каталогов, которые не включают... Вы понимаете меня?

Но я не вижу никакой проблемы. С Фреше было покончено; у Рассела тоже не было ответа для этой задачи. И каждая наука, каждая философия, каждая религия приходит к одной и той же точке: там или тут что-то приходит к такой точке, что или вы вынуждены принять ее, не задавая вопросов, вслепую... это то, что религия называет верой, верованием. Это заплатка.

Просить вас поверить в это, иметь веру в это означает, что вы не должны пытаться убрать заплатку, там ведь дыра – глубокая, бездонная – прикройте ее! Но если прикрыть ее, она не уничтожится. Ничего не решено; прикрыв ее, вы ничему не помогли – за исключением того, что сами остались слепы. Поэтому зачем прикрывать дыру? Лишь закройте свои глаза.

Именно поэтому все последователи слепы, так как если у них есть глаза, то произойдет неприятность. Тогда они начнут находить проблемы, которые не решаемы, вопросы, которые неразрешимы.

Почему был создан Бог? Лишь для того, чтобы решить неразрешимый вопрос: кто создал вселенную? Из-за этого вопроса все религии принимают некоторую гипотезу – Бог создал мир...

Но этот вопрос в точности то же самое, что и парадокс Бертрана Рассела. Он ничем не отличается; он подобен математике и религии, – но проблема одна и та же. Аксиома состоит в том, что если что-либо существует, то оно должно быть кем-то

создано. Как это само может войти в существование? Вот проблема.

Все, что есть, было создано; иначе как, прежде всего, оно может появиться? Поэтому, чтобы помочь вам решить эту проблему, призывают Бога. Кто создал вселенную? Но как быть с Богом? Бог существует?

Если он существует, тогда кто создал Его? Если он не существует, тогда как он мог создать вселенную? Если он сам не существует, то как тогда он может создавать существование?

Если он существует, тогда как насчет вашего основного принципа, говорящего о том, что все существующее нуждается в создателе? Нет, о Боге не спрашивайте. Именно это говорят все религии: не спрашивайте о Боге. Но странно; почему не спрашивать? Если вопрос касается существования, то почему он не касается Бога?

А когда вы спрашиваете о Боге, о том, кто создал Бога, то вы впадаете в регрессивный абсурд. Тогда вы можете продолжать: Бог один, Бог два, Бог три – и вы продолжаете считать их и... вопрос же, в конце концов, останется все тем же. После перечисления тысячи Богов вы обнаружите, что вопрос остается чистым, нетронутым; своими ответами вы даже не прикоснулись к этому вопросу. Кто создал существование? Все тот же вопрос.

По моему мнению, существование – это тайна.

Ему нет необходимости стоять под нашими ногами, существование не нуждается в том, чтобы быть понятым.

Живите им, любите его, наслаждайтесь им – *будьте* им.

Почему вы стараетесь понять его?

Я не против Бога, я только против глупой гипотезы, которая никуда не ведет.

И вы спрашиваете меня, против ли я также и Иисуса Христа? Почему я должен быть против этого бедного парня? Я чувствую к нему жалость, мне грустно за него. Я не думаю, что он заслужил того, чтобы быть распятым. Да, он был немного сумасшедшим – я не могу отрицать это, – но все, кто немного сумасшедший... это не означает, что его надо распинать. И распятие – это не лечение от сумасшествия.

В действительности, распяв Иисуса, вы создали тем самым христианство и свели с ума очень много людей. Именно распятие ответственно за весь этот абсурд, который продолжался две тысячи лет и все еще продолжается.

Двум нашим санньясинам, которые являются учителями в школе в Германии, сказали о том, что им нельзя ходить в оранжевой одежде и в "мала". Они так ходили два года, поэтому они спросили: «Что произошло? Ведь мы приходили в мала и в нашей оранжевой одежде, и это не вредило нашей учительской работе. Была ли какая-нибудь жалоба? Повлияло ли это каким-то образом на нашу учительскую работу? Разве мы старались убедить кого-нибудь в нашей религии или в наших идеях?»

Им сказали: «Вопрос не в этом. Ваша одежда – религиозные символы, а мы не хотим, чтобы кто-либо здесь имел религиозные символы».

Эти учителя сказали: «Многие люди носят кресты – тогда их кресты должны быть сняты».

И вы удивитесь тому, каким был ответ комитета: «Крест – не религиозный символ; он просто ювелирное изделие». Поэтому они написали мне письмо, спрашивая: «Что же теперь делать? Говорят, что он – ювелирное изделие».

Поэтому я посоветовал им: «Идите в суд и захватите в суд вашего председателя. Пусть он докажет, что крест – ювелирное изделие и что он не имеет отношения к христианству, к Иисусу Христу. Затем спросите, почему только христиане носят это ювелирное изделие? Затем спросите, почему этот крест имеется в каждой церкви? Ювелирное изделие... что же ювелирное изделие делает в церкви? Почему же он находится на каждой церкви – ювелирное изделие? А что это ювелирное изделие делает на каждом кладбище, на каждой могиле? И оно только в христианских церквях, на *их* могилах; ни один индус не носит это ювелирное изделие. Странное ювелирное изделие!»

«Поэтому возьмите его с собой в суд, и пусть он докажет, что это – ювелирное изделие и что оно не имеет религиозного значения. Пусть он это скажет. Тогда его будут порицать сами христиане. А если крест разрешено носить, тогда он не может помешать моим людям носить мала и свою одежду».

Именно распятие сделало Христа – без его ведома – основателем христианства.

Я не против этого несчастного парня. На самом деле, он заслужил несколько лучшее обращение. Если мы сможем где-нибудь найти его, то нет необходимости распинать его; он нуждается в некоторой терапии для того, чтобы привести его в порядок, чтобы собрать его воедино.

Небольшое распрограммирование... «Ты не сын Божий – отбрось эту идею. Это то, что делает тебя без необходимости похожим на клоуна. Это не доказывает, что ты – мессия; это просто доказывает, что ты – спятивший. И мы многих собрали воедино из тех, которые разваливались на части. У некоторых людей ослабляются гайки, у некоторых людей подтягиваются болты – мы должны лишь немного починить их».

Иисус был вовсе не опасен. Он был прекрасным парнем, но быть прекрасным – это не защита от сумасшествия. Он был прекрасным и доверчивым. Он слышал идею, которую постоянно провозглашали: «Придет мессия, который спасет все человечество», – и это запало в его голову; у него была распухшая голова. Его немного полечить бы здесь, и он стал бы прекрасным санньясином.

Я не против него, я сочувствую ему. Это уж было слишком – распинать его на кресте; он не совершил никакого преступления. И свобода слова позволяет это; любой может сказать: «Я – сын Божий». Я не думаю, что это кому-то приносит вред или кого-нибудь лишает прав. И вы можете сказать, что и вы – сын Божий. С этим нет проблем.

Почему они так суетились с ним? В этом вовсе не было необходимости. Все, что требовалось, – это проигнорировать его. Если бы никто не замечал его, то он сам пришел бы в себя без всякой терапии. Но поскольку люди начали замечать его и люди стали гневаться на него, то эта идея все более и более стала овладевать им.

Естественный вывод: «Если люди обеспокоены, раздражены, то, значит, в этом что-то есть, иначе, почему... почему они должны беспокоиться? Если бы я был лишь сумасшедшим, то они посмеялись бы и пошли домой». Но весь иудаизм, все раввины были встревожены. Для Иисуса было достаточным доказательством то, что все сказанное им имело какое-то значение.

Те старые глупцы, те раввины уничтожили этого молодого человека. Придав ему большое значение, оказав ему внимание, тем самым они испортили его. На самом деле, надо было наказать *их*, – а наказан был *он*. Я сочувствую ему. Я полностью за то, чтобы лечить и вылечить его; я за его долгую благополучную жизнь.

А вы говорите, что вы обескуражены.

Разве я должен быть обескуражен или вы должны быть обескуражены?

Я постоянно объяснял вам, что я хочу, чтобы существование воспринималось как таинство, поскольку только таинство прекрасно, жизненно, привлекательно, блаженно, исступленно.

Хорошо то, что существование не может быть лишено таинства.

Нет способа лишить его таинственности.

И я самый последний человек, чтобы лишать чего-либо таинственности.

Моя цель совершенно противоположная.

Именно этим я занимался всю свою жизнь – делал все таинственным. Это не трудная работа, поскольку люди намеренно лишали вещи таинства; я же просто снимаю крышку, заплатку и даю вам настоящую жизнь, как она есть.

Нигде нет окончательного ответа.

И очень хорошо то, что нет Бога, иначе нас порицали бы. Тогда не было бы возможности ни для радости, ни для свободы, ни для исследования, ни для восторга – не было бы возможности ни для чего. Бог уничтожил бы все.

Поэтому я говорю вам, что даже если бы Бог был, я научил бы вас, как убить его. Но, к счастью, его нет, поэтому мы, во всяком случае, спасены от того, чтобы быть жестокими; иначе я допустил бы хотя бы одно насилие. Хотя я – за вегетарианство, но если бы Бог был, я сказал бы вам: «Покончите с ним, так как жизнь с ним невозможна».

Вы не задумывались над скрытым смыслом: только без Бога вы свободны.

Тогда ваш внутренний мир имеет свободу. Тогда ваша сущность имеет все потенциальные возможности для роста. Тогда никого нет, кто мог бы доминировать, кто мог бы диктовать, кто мог бы манипулировать.

Вы не ответственны ни перед кем, а только перед самими собой. Никто не может спросить вас: почему вы сделали это; никто не может наказать вас или наградить вас. Нет способа для того, чтобы как-то заставить вас вести определенный образ жизни, так как Бога нет; а поскольку Бога нет, то как же может быть мессия и сын Божий?

Вот почему я называю Иисуса спятившим. Я называю его спятившим из любви и сострадания. Но я не против него. Если

бы я был там, то я сказал бы евреям и Понтию Пилату: «Что вы делаете? Вы создаете религию – религию помешанных!»

«Распиная на кресте этого человека, вы совершаете преступление против всего человечества на грядущие века. Оставьте его в покое. Какой в этом вред? Это просто чистое развлечение. Люди получают удовольствие, они собираются и слушают его – в этом нет вреда. А он ничего не говорит против священных писаний. Освободите его, чтобы не создавалась никакая религия».

Он был не способен создать христианство, вы прекрасно это видите. Все, что ему удалось создать, – это двенадцать необразованных тупиц; они стали его апостолами. Но в этом мире очень трудно определить, кто самый величайший тупица – очень трудно. Те тупицы были великими, но есть еще более великие тупицы – подобные Рональду Рейгану.

Сейчас в своей речи, касающейся бюджета, он цитирует тех тупиц из *Библии*. Тех неграмотных, необразованных рыбаков, фермеров и лесорубов – что они знают об Америке и бюджете? Они, наверное, даже никогда не слышали слов «бюджет, экономика, планирование», – а он цитирует их! Вот, почему я говорю, что очень трудно сказать, кто является величайшим тупицей. Существуют одни тупицы и другие тупицы.

Иисус был бы не способен в любом случае создать христианство. У него не было организаторских способностей, у него не было способности влиять на сливки общества. Как он собирался создать религию? Но распятие на кресте сделало все. В этом мире вещи функционируют очень странным образом.

Когда он был распят, тысячи людей, которые никогда не беспокоились о нем, стали сочувствовать ему. Те самые люди, которые даже не ходили слушать его, если он встречался на их пути, стали сочувствовать ему. И это было естественно. Даже евреи чувствовали: «Это уж слишком. Человек был невиновен... только, может быть, говорил возмутительно, но это был всего лишь разговор, горячая обстановка – в этом ничего нет. Не было необходимости распинать этого парня». Подобное сочувствие – естественное явление.

А те двенадцать тупиц впервые обнаружили, что люди, которые никогда не слушали их учителя, теперь слушали их. И мало-помалу люди начали собираться. Они создали *Библию*. Они создали церковь. Они начали рассказывать притчи, рассказы-

вать о чудесах, о которых легче рассказывать, когда человек умер.

В те дни все это было лишь слухи. А слух, передаваемый из одного уха в другое ухо, имеет тенденцию разрастаться, так как каждый хочет добавить в него что-то, некоторую пикантность. Более чем за триста лет Иисус стал в тысячу раз более великим, чем был когда-либо: поэтому он стал мифом.

Реальный человек был всего лишь сыном обыкновенного плотника. Но за триста лет человеческое воображение сделало всю работу. И потом за эти две тысячи лет ученые, профессора, теологи, философы – все они стремятся увеличить миф, насколько это возможно, и извлекают из Иисуса значения, слова, философии и идеологии, о которых несчастный парень даже никогда и не знал.

Я не против Бога, или Иисуса Христа, или кого-либо.

Но я – за истину.

Если она направлена против кого-то, то я бессилен.

Беседа 13

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ – ЭТО НАСТОЯЩИЕ ДЕБРИ!

10 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вы говорите, что любовь и ненависть – это одно; но я вижу в мире больше ненависти, чем любви. В то же время Вы говорите о том, что просветление – это ни любовь, ни ненависть. Вы говорите о двух различных качествах любви? Как это согласуется с Вашим откровением любви?

Любовь и ненависть – это всего лишь две стороны одной медали.

Но с любовью произошло нечто очень радикальное. Невообразимо, как этот радикальный шаг был предпринят людьми, имевшими самые добрые намерения. Вы никогда даже не заподозрили бы то, что разрушило любовь. Именно постоянное учение о любви разрушило ее. Ненависть все еще чиста – любовь нет.

Когда вы ненавидите, ваша ненависть имеет подлинность.

А когда вы любите, это лишь лицемерие.

Это необходимо понять. На протяжении тысяч лет все религии, политики, педагоги учили одной вещи, и эта вещь – любовь: возлюби врага своего, возлюби своего соседа, возлюби своих родителей, возлюби Бога.

Почему вначале они стали проводить эту странную серию учений о любви? Они боялись вашей подлинной любви, так как подлинная любовь – вне их контроля. Она владеет вами. Вы – не владелец, владеют вами. А каждое общество хочет, чтобы вы были под контролем.

Общество боится вашей дикой природы, оно боится вашего естества, поэтому с самого начала оно подрезает ваши крылья. А самая основная вещь в вас, которая представляет опасность, – это возможность любви, так как если любовь владеет вами, то вы можете пойти даже против всего мира.

Маленький человек, которым владеет любовь, ощущает в себе способность сделать невозможное. Во всех старинных любовных историях этот факт проявился очень тонким способом; и

никто даже не заинтересовался этим и даже не объяснил, почему этот фактор автоматически входит в старинные любовные истории и рассказы.

Например, на Востоке у нас есть самые знаменитые любовные рассказы о Меджнуне и Лейле. Это суфийская история. Не имеет значения, является ли рассказ историческим или нет; это не наша забота. Наша забота – о фабуле, которая почти одинакова для всех любовных рассказов во всем мире. Вторая знаменитая восточная любовная история – о Ширин и Фархаде, – но фабула та же самая. Третья знаменитая история – о Сони и Махивале, но фабула остается такой же.

Фабула заключается в том, что возлюбленного просят сделать нечто невозможное; если он сможет сделать эту невозможную вещь, то он сможет получить свою возлюбленную. Конечно, родители и общество не готовы принять эту любовную связь. Ни одно общество не готово принять любую любовную связь, но сказать «нет» выглядит неучтиво.

Когда кто-либо приходит с любовным предложением, то вы не можете просто сказать «нет». Даже если вы хотите сказать «нет» и вы *скажете* «нет», то в этом случае должен быть найден путь – и вот в чем он заключается. Попросите возлюбленного выполнить нечто невозможное, нечто такое, что, как вы знаете, он не может выполнить, что является нечеловеческой задачей. А если он не может это выполнить, тогда вы не ответственны; он сам потерпел неудачу.

Это цивилизованный путь для того, чтобы сказать «нет». Фархаду сказали, что он сможет получить Ширин в том случае, если он сможет построить канал, проходящий через горы, и подвести этот канал ко дворцу царя; Ширин – дочь царя. И канал должен быть заполнен молоком, а не водой.

Итак, это абсурд. Прежде всего, даже если канал будет заполнен водой, но молодой человек голыми руками... и через горы, на сотни миль; на это уйдут тысячи лет, чтобы он смог подвести канал к дворцу. Даже если гипотетически допустить, что это возможно, то как он ухитрится заполнить канал молоком? Откуда такое количество молока будет все время течь по каналу? И царь хочет, чтобы его дворцовые сады орошались молоком – только в этом случае Фархад будет вправе просить руку царской дочери.

Я раздумывал над сотнями любовных историй со всего мира, но так или иначе постоянно появляется этот фактор:

просят о чем-то невозможном. Мое собственное мнение заключается в том, что этот фактор появляется не беспричинно. Где-то в подсознании человеческого разума имеется знание о том, что любовь способна невозможное сделать возможным.

Любовь – это такое безумие. Когда вами владеет любовь, вы не мыслите такими категориями, как здравый смысл, логика, реальность; вы живете в мире мечтаний, в котором все в ваших руках. Единственное, что беспокоило меня в этих любовных историях, – это найти что-нибудь существенное, касающееся любви; и вот что я обнаружил: любовь делает вас настолько безумным, что ничто не представляется невозможным.

Когда Фархада попросили сделать работу, связанную со строительством канала, проходящего на много миль через горы, он начинает действовать. Он даже не говорит: «Вы сумасшедший? Что вы просите? С самого начала вы делаете это невозможным. Почему вы просто не говорите 'нет'? Зачем идти таким окольным путем?» Нет, он не произносит ни единого слова; он просто берет лопату и идет в горы.

Люди при царском дворе спрашивают царя: «Что вы сделали? Вы прекрасно знаете, что это невозможно. Вы не можете этого сделать, мы не можем этого сделать – никто не может этого сделать. Со всей своей армией, со всеми своими силами вы не можете подвести канал ко дворцу – и откуда взять столько молока? Горные ручьи не несут молоко. Вы можете завоевать весь мир – мы знаем вашу власть, и мы знаем ваши армии, – но это совсем другое дело. Вы не можете изменить ход природы».

«Прежде всего, этот несчастный мальчик в одиночку – вы сказали ему о том, что он не должен просить чьей-либо помощи, – в одиночку собирается выкопать канал, идущий с гор к вашему дворцу. На это уйдут миллионы лет; и даже если ему удастся сделать это, то откуда молоко попадет в канал?»

Царь говорит: «Я все это знаю – этого не произойдет. Вот почему я попросил об этом; именно поэтому я переложил всю ответственность на него. Теперь если он не сможет это сделать, то ответственность несет он. Я свободен от того, чтобы сказать кому-либо 'нет'».

Но люди при дворе больше беспокоятся за молодого человека, Фархада. Они выбегают, хватают его и спрашивают: «Ты сумасшедший или еще что-нибудь в этом роде? Куда ты направляешься? Это невозможно».

Фархад говорит: « Все возможно. Лишь моя любовь должна быть подлинной, должна быть истинной».

Существование не может отрицать любовь. Существование может изменить свою природу, свои законы, но оно не может отрицать любовь, поскольку любовь – это высший закон природы. Во имя высшего закона низшие законы могут быть стерты, изменены.

Те мудрые советники царя шокированы ответом, но этот ответ кажется основательным. То, о чем говорит сумасшедший молодой человек, имеет смысл. История повествует о том, что Фархад добился успеха. В одиночку ему удалось построить канал, и лишь благодаря его истинности, его верности, его вере в существование, вода превратилась в молоко.

Это просто рассказ; я не думаю, что существование или природа изменят свои законы. Но одна вещь несомненна: общество очень рано стало осознавать, что любовь безумна. А когда любовь владеет человеком, тогда он – вне вашего контроля, тогда вы не можете в чем-либо убедить его. В этом случае здравый смысл отсутствует; никакая логика не имеет для него смысла; его любовь – основной закон. Все остальное подчинено ему.

Я не говорю о том, что все подчиняется ему; я не говорю о том, что природа изменит свои законы; я не говорю о том, что любовь сделает чудеса возможными. Нет, то, о чем я говорю, касается боязни за то, что любовь может сделать человека безумным и что он может начать верить в вещи, подобные этим; в этом случае он – вне вашего контроля.

Для того, чтобы держать человека под контролем, с самого раннего возраста вы должны создать в нем идею любви и постоянно продолжать внушать ее, тогда им никогда не овладеет подлинная любовь, и он никогда не сойдет с ума, а навсегда останется разумным. Разумный – это раб, подвластный правилам общества; разумный – это приверженец игр общества.

Любовь может сделать вас мятежными.

Фальшивая любовь делает вас послушными.

Вот почему вас учат любить Бога. Итак, говорить маленькому ребенку о том, чтобы он любил Бога, – совершеннейший абсурд. Ребенок не знает, кто такой Бог; а не зная объекта, как вы можете ожидать от него, чтобы он любил Бога? Но вы со сложенными руками, простертыми к небу, молитесь Богу, и ребенок начинает подражать вам. Бог там, наверху, на небесах; хотя сейчас каждый знает, что Земля – круглая.

То, что является высшим для нас, не является высшим в Индии; оно ниже их, и мы ниже их. Небо выше нас, но не выше их. Но люди во всем мире смотрят на небо и на Бога, который живет там, наверху, на небесах.

Сейчас, зная тот факт, что Земля круглая, мы знаем, что небеса повсюду наверху. И различные уголки небес – над разными народами; и эти уголки также не стоят на месте, так как Земля постоянно вращается вокруг своей оси, поэтому то, что было над вами несколько минут назад, уже больше не над вами. То, что было над вами несколько часов назад, уже больше не над вами; оно может быть под вами.

Ваш Бог должен выполнять самый настоящий цирковой трюк для того, чтобы удовлетворить ваше желание оставаться над вами. Вы задали ему такую задачу, что даже если вы наделяете его всемогуществом, то он не сможет сделать этого. Это просто невозможно.

А маленький ребенок просто начинает подражать; что бы родители ни делали, ребенок начнет тоже это делать. Они ходят в церковь – он ходит в церковь. Они ходят в синагогу – он ходит в синагогу. Это воспитание против природы. А человек, который может любить Бога, – это человек, который никогда не познает любовь.

Лишь подумайте: человек, который может любить Бога, даже не зная, кто этот парень, где он, существует ли он, а если существует, то заслуживает ли он любви – заинтересован ли он вообще в вас и в вашей любви? Человек, ничего не зная об этих вещах, любит Бога, любит Иисуса Христа, не зная, был ли этот человек когда-либо историческим персонажем или нет. Если христианские притчи о Христе – правда, то в этом случае Христос не может быть историческим персонажем. Это парадокс.

Если их притчи об Иисусе – правда, то в этом случае Иисус не может быть достоверным. Иисус может быть достоверным только при одном условии: если доказано, что притчи, рассказанные о нем христианами, – недостоверны. Сейчас это трудная проблема, так как если доказано, что все притчи, рассказанные о нем христианами, недостоверны, то христиане не будут заинтересованы в таком Христе. Они были заинтересованы только благодаря тем притчам, которые, как вы доказали, являются недостоверными.

Иисус ничего не значил для них за исключением тех притч: непорочное зачатие, его прогулка по воде, превращение воды в

вино, превращение камней в хлеб; излечение слепых людей, хромых людей, парализованных людей; воскрешение мертвых. Все эти притчи – основание для того, чтобы христианин имел веру.

Я говорю о том, что если все эти притчи – правда, то в этом случае Иисус – мифологическая фигура. Он не может быть историческим фактом, так как реальные люди не ходят по воде. Нет способа превратить воду в вино, нет способа превратить камни в хлеб.

В самой жизни Иисуса вы найдете достаточно доказательств того, что эти вещи не могут быть правдой, так как были дни, когда он и его ученики голодали и были вынуждены спать с пустыми желудками, потому что жители деревень, с которыми они встречались, были настроены против них. Они не давали ему приюта, они не давали ему хлеба. Но если этот человек был способен превратить камни в хлеб, то в чем же была проблема?

В действительности, он мог бы изменить весь статус человечества, и в этом случае евреям не понадобилось бы распинать его, если бы он обеспечил все человечество пищей. А в мире достаточно камней – целые горы! Он мог бы превратить Гималаи в большую буханку хлеба, и тогда индийцы могли бы постоянно есть в течение многих веков. Он мог бы превратить океаны в вино, и не было бы необходимости беспокоиться о нем; даже бедные люди могли получить самое лучшее вино, самое старое вино, прекраснейшее вино.

Если бы он был способен воскресить мертвого вместо того, чтобы воскрешать Лазаря – который вообще был бесполезен... Я не вижу того, что была какая-то польза от воскрешения Лазаря. Ему следовало бы выбрать Моисея, Авраама, Иезекииля – тогда евреи почитали бы его вместо того, чтобы распинать. Если бы он воскресил всех старых пророков, то евреи без сомнения восприняли бы его как единственного порожденного сына Божьего. Для чего надо было бы спорить? Он мог бы проявить себя действием.

Но те притчи – всего лишь притчи. Для того, чтобы быть историческим персонажем, Иисус должен быть лишен всех этих чудес. Но если вы отбрасываете все эти чудеса, то в этом случае христиане больше не заинтересованы в Иисусе. Что остается в нем? Почему они должны верить в него?

Они, действительно, никогда не верили в *него*. Вот почему я говорю о том, что моя религия – первая и последняя религия на Земле, так как вы здесь со мной не ради какого-то чуда,

которое я сотворил. Вы здесь со мной не из-за чего-то такого, что особенно касается меня.

Я не обладаю какими-либо полномочиями от Бога, у меня нет никакой поддержки от священных писаний. Я такой же обыкновенный, как и вы.

До сих пор такого никогда не случалось. Люди любят Иисуса благодаря его чудесам; уберите эти чудеса, и их любовь исчезнет. Они были привлечены волшебными свойствами; Иисус их вовсе не интересовал. Они были заинтересованы в Кришне, поскольку он был воплощением Бога и сотворил так много чудес. Лишь уберите эти чудеса, и с Кришной покончено!

Вы не можете покончить со мной. Вы можете все забрать у меня, но вы не можете покончить со мной, поскольку я никоим образом не пытался повлиять на вас, впечатлить вас чем-то сверхчеловеческим. У меня можно забрать все, но ваше отношение ко мне останется таким же; его нельзя изменить, так как прежде всего это простое отношение.

Отношения между христианами и Христом, между евреями и Моисеем, между индусами и Кришной вообще не связаны с индивидуальностью. Если Иисус встретит вас на пути и скажет вам: «Я Иисус Христос», – то первая вещь, о которой вы его попросите, это пройти по воде.

Вы не можете попросить меня об этом. Вы не можете даже попросить меня пройти по воде, так как я никогда не делал такого чуда. Идти по воде... вы не можете попросить меня об этом, так как вы будете выглядеть глупо. Но Иисуса вы можете попросить об этом, и вы будете совершенно правы. Если он тонет в воде, то он и *утонет*. Это противоречит законам физики: он утонет.

Тогда каким же будет ваше отношение к Иисусу, который тонет... вам надо будет бежать, прыгать, и спасать его, и делать ему искусственное дыхание. Каким будет ваше отношение к этому человеку? Лишь подумайте об этом. Нет, у вас вообще нет никакого отношения к Иисусу, к Махавире, к Будде, к Кришне. Ваше внимание обращено в другую сторону.

Вас учат возлюбить Иисуса. Почему? Потому что он превратил воду в вино? Даже если он превратил воду в вино, то это не означает, что он заслуживает вашей любви. На самом деле он совершил преступление; ему следовало бы быть за решеткой. Превращение воды в вино без лицензии... вы идете против закона, против правительства, против общества. Его надо наказать – я не вижу, как он может заслуживать вашу любовь. И это старая история – сегодня он превратил бы любой овощ в марихуану, в гашиш.

Президент Рональд Рейган продолжает цитировать Иисуса, не зная об этом человеке того, что если бы он был здесь и если бы ему надо было сотворить чудо, – а он сотворил бы чудо, так как без этого чуда он – никто, – то в этом случае он был бы самым крупным торговцем наркотиками в Америке. Это было бы единственным чудом, которое Америка поняла бы. Он не превратил бы камни в хлеб – в Америке достаточно хлеба, – он превратил бы камни в ЛСД.

Нет, он никогда не делал ничего подобного. Но тогда ваша любовь и ваша вера исчезают. С самого детства вам говорили о том, чтобы вы любили Бога, которого вы не знаете; вы даже не уверены в том, что он существует. Ваша любовь была обращена в другое измерение, которое абсолютно воображаемо; она не имеет соответствующей реальности.

Ваша любовь к Иисусу – не ради Иисуса, а ради вещей, которые впечатляют любой посредственный ум.

Если у вас есть немного разума, то вы можете увидеть, что все это абсурд.

Но с самого детства вашу любовь обращали в нереальные измерения. Одной из хитрых стратегий является стремление придать вашей любви вид, определенное направление, которые невыполнимы; и из-за этого выполнимый вид любви становится непривлекательным для вас.

Человек, которого научили любить Бога, почувствует, что, любя женщину или мужчину, он опускается слишком низко. Бог там, высоко наверху, на небесах, – а это обыкновенный человек, обыкновенная женщина.

Они дали для вашей любви объект настолько невозможный, что все возможное становится ниже вас. Даже если благодаря своей природе, своей биологии вы влюбляетесь, то в вас есть частица, которая продолжает говорить: «В этом есть что-то неправильное», – и вы все время испытываете чувство вины. Это одна вещь, которую сделали с вашей любовью.

Вторая вещь, которую сделали с вами, говорит: «Люби свою мать...» Почему? «Потому что она твоя мать». Разве этого достаточно для того, чтобы была любовь? Вы должны кого-то любить только потому, что эти кто-то – ваша мать, ваш отец, ваша дочь, ваш брат, ваша сестра? Эти взаимоотношения не

могут создать любви. Они могут создать определенный тип уважения: она – ваша мать, и вы можете уважать ее. Он – ваш отец; вы можете уважать его; он воспитал вас. Но любовь – это нечто, чем вы не можете управлять.

Уважение – это нечто такое, что находится в ваших руках, но только не любовь.

Любовь – это нечто такое, что когда она приходит, то приходит как циклон; она окружает вас, полностью захватывает вас.

Вас больше нет.

Нечто такое, что выше вас, больше вас, глубже вас, овладело вами.

Для того, чтобы избежать этого, вас учили лицемерию во имя любви: любите свою мать. Из-за этого учения – любите своего отца, любите свою мать, любите своего брата, любите свою жену, любите своего мужа, любите своих детей, – из-за того, что это было сказано так много раз, вы даже ни разу не спросили: «Это возможно? Человек способен любить кого-то?» Самый основной вопрос был полностью забыт.

Если вам сказано, что надо любить кого-то, то как вы собираетесь это делать? Да, вы можете действовать, вы можете притворяться, вы можете повторять прекрасные диалоги из кинофильмов, которые вы видели, из романов, которые вы читали. Вы произносите прекрасные вещи, но ничего не поднимается в вас. Вы не влюблены, вы просто играете спектакль. И трагедия в том, что большинство из нас продолжают в течение всей своей жизни репетировать... и даже не спектакль. Время для спектакля никогда не наступает – лишь репетиция все продолжается и продолжается.

И даже если для некоторых людей наступает время спектакля, то спектакль тоже нереален, потому что в нем нет вашего сердца. Он мертв, он не дышит. В нем нет ни теплоты, ни жизненности, ни танца. Вы исполняете его, так как вас научили это делать. Это вид упражнения, гимнастики, этикета, манерности – чего угодно, – но это не любовь.

Это способы, которыми испортили ваше подлинное понятие любви.

Ваш вопрос о том, что я говорю, что любовь и ненависть – это одна и та же энергия; и почему в мире так много ненависти и не так много любви?

Это происходит из-за того, что никто не учил вас ненависти; следовательно, ненависть осталась чистой, не фальсифицированной. Никто не побеспокоился о вас, никто не сказал вам о том, как надо ненавидеть, кого ненавидеть. Поскольку ненависть осталась нетронутой вашими родителями, учителями и священниками, поэтому она имеет чистоту, искренность.

Когда человек ненавидит вас, вы можете поверить в то, что он ненавидит.

Но когда он любит вас, вы не можете доверять ему.

Вы прекрасно знаете, что когда вы ненавидите кого-то, то ненависть имеет огромную силу, а когда вы любите кого-то, то сила не такая большая. Вы помните своих врагов больше, чем своих друзей. Вы можете забыть своих друзей, но вы не можете забыть своих врагов.

Почему так происходит?

Это происходит из-за того, что ваша любовь была искажена, а вам вручили нечто нереальное, что не является любовью. И вы играли с этой игрушкой, называемой любовью, и не осознавали, что внутри себя вы имеете потенциальную возможность любить.

Поэтому, когда вы любите, то это так себе, поверхностно. Царапните ее немного, и она исчезла. Но когда вы ненавидите, то вы ненавидите всей душой. Это не поверхностно – это от всей души.

Я был удивлен тем, сколько чистоты в вашей ненависти, сколько в ней подлинности, натуральности, стихийности. И как раз благодаря ее стихийности, натуральности, подлинности, ясности я вижу в ней определенную чистоту, которой нет в вашей любви. Ваша любовь – это очковтирательство.

Вот причина того, что в мире вы не видите много любви, а видите много ненависти.

Вы слушаете слишком много разговоров о любви в мире. Каждый любит каждого, говоря о любви, но это всего лишь *разговор*: яккетти-яккетти-як! Он продолжается во всем мире. Каждый говорит о любви – прекрасные диалоги, – но, на самом деле, повсюду вы видите ненависть.

Религии ненавидят друг друга. Нации ненавидят друг друга. Политические партии ненавидят друг друга. Классы ненавидят друг друга. Продолжайте смотреть, и вы будете удивлены тем, как много существует источников ненависти.

И каждые десять лет, двенадцать лет вам необходима мировая война – так много ненависти, и она все еще накаплива-

ется. Каждый день вы продолжаете выражать ненависть – это отдельно – ее накапливается все еще так много, что каждые десять, двадцать лет она выплескивается в мировую войну.

За три тысячи лет в мире было пять тысяч войн. Кто ответствен? Сеятели добра, которые постоянно приглядывают за вами, учат вас любви, доброте, состраданию. Никто не учит вас ненависти, поэтому она все еще есть, намного сильнее, намного более живая, молодая и свежая.

Я хотел бы, чтобы пришло время, когда никто не будет также учить вас любви. Вас необходимо оставить в покое. Вам необходимо сказать, чтобы вы больше осознавали то, что происходит с вами – ненависть или любовь, это не важно.

Важно то, что если вы ненавидите, то ненавидьте сознательно. Если вы любите, то любите сознательно.

Если бы я обучал вас, то я не говорил бы вам о том, кого любить и как любить. Это все абсурд. Любовь – это присущее вам качество. Вы родились с ней, так же как и с ненавистью.

Я буду учить вас быть осознающими.

Прежде чем что-то случится с вами – любовь или ненависть, гнев, страсть, сострадание – все, что угодно, – будьте осознающими.

Пусть все исходит из вашей осознанности.

А чудо осознанности заключается в том, что без ваших слов, без ваших поступков она просто уничтожает все безобразное в вас и превращает во все прекрасное.

Осознанность – это преобразующая сила.

Например, если вы осознаете гнев, он исчезнет. Если вы осознаете любовь, она станет сильнее. Если есть гнев и вы стали осознавать его, то он исчезнет, растворится. Вскоре вы обнаружите, что облако ненависти исчезло и вместо него появилось совершенно противоположное качество – смесь сострадания, доброты, нежности – осталась как благоухание.

По моему мнению, вот критерий: все то, что углубляется при вашем осознании, – добродетель.

Все то, что исчезает при вашем осознании, – грех. По моему мнению, это является определением.

Я не приклеиваю ярлык в качестве греха, добродетели, правильности, неправильности на какое-либо действие – действия не имеют такого качества. Качество – ваша осознанность.

Попробуйте, и вы будете просто поражены тем, что в вас есть

вещи, которые не могут выстоять перед осознанием; они просто исчезают.

Осознание функционирует почти как волшебство.

А то, о чем я говорю, с этим вы можете поэкспериментировать. Я не говорю вам, чтобы вы поверили в это, поскольку вера не поможет. Вы должны поэкспериментировать с этим. Имея в себе различные вещи, вы должны увидеть, что остается и что исчезает.

Только вы сами можете обнаружить, что правильно для вас и что неправильно. Затем сохраняйте осознанность, пронизывающую все ваши поступки, и в своей жизни вы не обнаружите никакой ненависти, никакого гнева, никакой ревности. Дело не в том, что вы отбросили их, что вы подавили их, что вы каким-то образом избавились от них, что вы практически что-то предприняли против них. Нет, вы ничего не сделали, вы даже не коснулись их.

Это прелесть осознавания: оно никогда ничего не подавляет; но существуют вещи, которые просто растворяются в свете осознавания и изменяются. И существуют вещи, которые становятся более надежными, более завершенными, более проникновенными, более сильными: любовь, сострадание, доброта, дружелюбие, понимание.

Все религии до сегодняшнего дня сосредоточивали умы людей на действиях и приклеивали им ярлыки: это – плохо, это – хорошо, это вы должны делать, это вы не должны делать.

Я хочу изменить весь акцент.

Действия ничего не имеют общего с понятием правильного и неправильного.

Именно вы, ваша бдительность принимает решения. Любое действие при наличии осознавания может стать прекрасным; то же самое действие при отсутствии осознавания может быть ужасным. При вашем осознавании одно и то же действие в одной ситуации может исчезнуть, а в другой ситуации может стать проникновенным, более сильным.

Поэтому это – не какое-то неменяющееся качество любого действия, любой эмоции; все зависит от тысячи и одной вещи. А ваше осознавание замечает все, вы можете не беспокоиться. Оно подобно свету, при котором все становится ясным для вас; вы можете это видеть.

Одного дзэнского монаха на протяжении всей его жизни постоянно сажали в тюрьму. Он был великим Учителем с

тысячами учеников. И они умоляли его: «Почему ты делаешь такие странные вещи? Мы не можем этого понять, это вне нашего понимания», – так как он воровал всякие мелкие вещи у своих собственных учеников, и, естественно, закон должен был вступать в силу.

Судьи говорили: «Мы знаем, что в этом есть нечто еще. Почему ты должен красть у кого-то один башмак? Это бессмысленно, ты не можешь носить его. А теперь мы должны отправить тебя на два месяца в тюрьму». Дзэнский учитель был всегда очень счастлив, когда он слышал это, и он обычно говорил судьям: «Не можете ли вы отправить меня в тюрьму на более долгий срок? Поскольку, когда я выйду из тюрьмы, я опять буду делать это, и вам придется снова отправлять меня в тюрьму. Почему вы не можете отправить меня в тюрьму на более долгий срок и тем самым спасти меня от таких вещей?»

И только в конце, когда он умирал, ученики спросили его: «Позволь нам теперь, по крайней мере, спросить, так как у нас больше не будет такой возможности узнать о причине, по которой ты воровал вещи, а именно вещи, которые вообще не имели для тебя значения. Мы всегда были готовы принести тебе все, что ты хотел, но ты никогда ничего не говорил, ты никогда ничего не просил».

Он засмеялся и сказал: «Настоящая причина была в том, что я хотел как можно дольше находиться в тюрьме, так как в тюрьме находятся три тысячи человек – более невинные, более естественные, чем те люди, которых я обнаруживаю вне стен тюрьмы. И вне тюрьмы очень много учителей и много религий, и они делают свою работу. Никто не заботится о тех несчастных людях. Когда я нахожусь в тюрьме, я учу их медитации, я учу их тому, как быть осознающими, – тюрьма стала монастырем!»

«Мы полностью изменили ее. Все заключенные медитируют. Тюремный надзиратель не может заметить этого, так как они делают свою работу просто с осознаванием. Они продолжают делать ту же работу, что и прежде: если надо рубить лес, то они рубят лес; если надо дробить камни, то они дробят камни; если надо строить дороги, то они строят дороги. Все то, что они делали раньше, они делают сейчас, но с огромной разницей».

«Сейчас я знаю, что самый лучший монастырь – это тюрьма, в которую я постоянно попадал, так как в этой тюрьме находятся люди, у которых пожизненное заключение – на двадцать лет, на тридцать лет. Итак, это огромная возможность:

в течение тридцати лет они могут медитировать без каких-либо помех, исходящих от окружающего мира. Где еще я мог бы найти таких людей?»

«И я безмерно счастлив, поскольку я оставляю в этой тюрьме после себя стезю, которая будет длиться веками. Эта тюрьма останется совершенно другой тюрьмой. Кто бы ни попадал сюда, каждый обязан увлечься медитацией, так как в тюрьме всегда будут находиться старожилы».

Итак, глядя на этот факт со стороны, понятно, что если человек ворует, то он делает нечто неправильное; и человек, постоянно попадающий в тюрьму, все снова и снова получающий сроки заключения, несомненно, является преступником. Но если вы посмотрите на сознание этого человека и на действие, вытекающее из этого сознания, то это совершенно другое дело.

Никогда не судите никого по их действиям, так как суть заключается не в действии, а в осознавании, через которое было совершено это действие. Но мы все судим по действиям, так как действия представлены своей внешней стороной как предметы. Мы ничего не знаем о сознании.

Это произошло в дзэнском монастыре... в нем было два крыла: левое крыло и правое крыло – монастырь был построен в таком виде. Пятьсот монахов жили в одном крыле, пятьсот монахов – в другом крыле, а дом Учителя находился точно посередине.

У Учителя была кошка, очень красивая кошка, и все ученики очень любили эту кошку. Но изредка случалась ссора, так как, например, монахи из левого крыла хотели взять кошку – у них была какая-то вечеринка, какое-то развлечение, – а монахи из правого крыла не желали в этот раз отдавать им кошку. Кошка стала постоянной причиной ссор, драк...

Однажды Учитель позвал всех учеников и попросил их принести кошку. Он сказал им: «Вы все любите кошку, но кошка только одна.» Поэтому он разрубил кошку на две части – для всех учеников это был настоящий шок – и сказал им: «Теперь у вас есть одна половина, а у вас – другая половина. Теперь в монастыре больше не должно быть ссор».

Воцарилось молчание. Они не могли понять, как такой нежестокий человек мог разрубить кошку на две части. Все они удивлялись, волновались и думали об этом. Эта история дошла до царя, который тоже был учеником этого Учителя. Царь не мог сдержать своего любопытства; он пришел на следующий день. Он

спросил: «Я слышал о том, что ты убил свою самую любимую кошку».

Учитель сказал: «Я не убил кошку, я уничтожил конфликт, ссору, которая разрасталась каждый день и выходила из рамок. А эти глупцы не понимают ничего до тех пор, пока я не предпринимаю решительного шага. Я не убил кошку, так как никто не умирает. Кошка освобождена от своего тела из-за этих глупцов. И во всяком случае она собиралась умереть; она прожила уже достаточно долго, – возможно, она прожила бы в крайнем случае еще на один или на два года дольше».

«Поэтому, перед тем как убить ее, я стал совершенно безмолвным, осознающим и спросил себя: ''Что эта несчастная кошка будет делать в течение этих двух лет? Ничего. Но за два года эти глупцы натворят много всякого''».

«Я не убил кошку в гневе, я не убил кошку из-за ненависти. Я любил ее, а сейчас люблю ее еще больше, так как она помогла решить проблему. И это было хорошим шоком для этих идиотов, так как без шоков их умы не функционируют. Изредка надо наносить им удар».

И, естественно, с того дня все ссоры просто исчезли, поскольку те ученики стали осознавать, что этот человек опасен, он может убить кого-нибудь; ссора может быть очень рискованной. Все споры прекратились.

И царь был абсолютно удовлетворен. Он сказал: «Это всегда было твоим учением; это не действие, а осознавание. Мы можем видеть только действие; мы не знаем, при каком осознавании ты сделал это. Это известно только тебе. Кто мы такие, чтобы судить об этом?»

Никогда никого не судите по его действию.

Ждите. Постарайтесь отыскать его осознавание – иначе вообще не судите. А что касается вас, помните: что бы вы ни делали, держите в уме только одну вещь о том, что вы делаете это с полной осознанностью.

Тогда я предоставляю вам полную свободу.

Ни одна религия не предоставила вам свободы.

Я предоставляю вам полную свободу.

Ни одна религия не возложила на вас ответственность, ни одна религия не предоставила вам право решать о том, что – правильно, а что – неправильно. Я даю вам право, ответственность, поскольку, по моему мнению, все возникает из одного источника, – и это осознанность.

Был задан вопрос о том, что я говорил о любви, мое откровение – о любви, и что я также сказал о том, что просветленный человек не имеет ни любви, ни ненависти. Вместо того чтобы спрашивать меня, вы достаточно зрелы, чтобы самим выработать простые вещи. Это так просто: когда через осознавание вся энергия ненависти превращается в любовь, то это совершенно новое явление – оно нуждается в новом названии. Но что делать? Языки настолько бедны, что мы вынуждены использовать те же самые слова, давая им другие значения, определения.

Моя проповедь любви – это не проповедь того, что любовь – прямая противоположность ненависти...

Моя проповедь любви – о том, что любовь способна поглотить ненависть и видоизменить ее.

Теперь возникает вопрос о том, что если ненависти больше нет, то как и почему эта новая энергия должна называться любовью?

Любовь, в нашем понимании, есть нечто такое, что противоположно ненависти. Теперь нет ничего противоположного любви. Вот почему изредка я напоминал вам о том, что просветленный человек не имеет ни любви, ни ненависти, – это должно отрицать вашу ненависть и вашу любовь. Он не имеет любви и ненависти в качестве полярных противоположностей. Это не означает, что он равнодушен, хотя вам может это представляться по-другому. Вот почему я говорю о бедности языка.

Если просветленный человек не имеет ни любви, ни ненависти, то это означает, что он будет равнодушен, нейтрален – нет, это не то значение.

Он имеет новый тип, новое качество любви, которая не противоположна ненависти. Сейчас для этого определения нет слова; поэтому, или я должен сказать, что он не имеет ни ненависти, ни любви в том смысле, как вы это понимаете, или я должен сказать, что его любовь – совершенно новый тип любви, любви, которая ближе к состраданию, чем к страсти, которая ближе к привязанности, чем к родственному отношению; это любовь, которая больше дает, не прося что-то взамен, а не ваша так называемая любовь, которая является сделкой, – когда каждая сторона старается получить больше, а дать меньше.

Просветленный человек просто дает.

Это не означает, что он хочет что-то получить от вас – у вас нет ничего, чтобы дать ему. Что у вас есть, чтобы дать ему?

Он дает, поскольку он имеет слишком много, чтобы дать; он перегружен.

Он дает, потому что он подобен дождевому облаку, настолько наполненному дождем, что оно вынуждено пролить его. Не имеет значения: куда, на кого – на скалы, на плодородную почву, на сады, в океан... это, вообще, не имеет значения. Облако просто хочет разгрузить себя.

Просветленный человек подобен дождевому облаку.

Он дает вам любовь не для того, чтобы получить что-то в обмен. Он делится ею, и он обязан вам за то, что вы дали ему эту счастливую возможность; за то, что вы были достаточно открыты, доступны, уязвимы; за то, что вы не отказались, когда он был готов излить на вас все свое благословение; за то, что вы открыли свое сердце и восприняли столько, на сколько хватило ваших возможностей.

Мир может быть полон любви, любви, о которой я говорю. И в мире только эта любовь перевоплотит ненависть, – а не любовь, которой вас учили. Она не сделала мир более любящим; она сделала мир более ненавидящим: она сделала ненависть в мире более правдоподобной и более подлинной, а сама любовь стала более лицемерной.

Я хотел бы, чтобы мир был полон любви. Но помните о том, что эта любовь не имеет себе противоположности. Она происходит просто из-за того, что внутренне вы были способны через осознанность превратить свою ненависть в любовь. Даже сказать, что вы были способны перевоплотить ее, неправильно; но что еще можно сделать с языком? Что бы вы ни сказали, во всем этом есть что-то неправильное, что-то неправильное в ваших высказываниях.

На самом деле осознанность *сама по себе* превращает вашу ненависть в любовь; это не *вы* превращаете ее. Ваша работа и функция заключаются лишь в том, чтобы оставаться осознающими. Не позволяйте в своей жизни ничему случаться без осознанности.

Я даю вам самую простую и самую естественную религию, которая только возможна. Вот почему я говорю о том, что она первая и последняя, так как ее невозможно упростить еще более. Ниже осознанности ничего нет; мы дошли до самого последнего корня. Нет пути для того, чтобы двигаться вне его, дальше его. Это именно *оно*!

Лишь продолжайте делать все то, что вы делаете, но оставайтесь осознающими. Постоянно помните о том, что ни одно действие не должно осуществляться в бессознательном состоянии.

На это уйдет немного времени. Каждый день вы будете упускать много вещей; позднее вы вспомните: «Боже мой! Я опять забыл». Но беспокоиться не о чем. Не беспокойтесь об этом, иначе вы упустите что-нибудь еще. То, что ушло, то ушло – не тратьте на это ни одного мгновения. Помните о том, что вы должны быть осознающими в том, что вы делаете.

Итак, много раз вы будете забывать; много раз вы будете вспоминать. Мало-помалу вы станете забывать меньше, а вспоминать больше. И однажды это случится... когда решающий фактор памяти больше решающего фактора забывчивости, когда он сильнее, чем ваша забывчивость – внезапно наступает переворот, превращение. Внезапно вы становитесь совершенно другим человеком – родился новый человек.

И этот новый человек обнаружит, что весь мир стал новым, так как у человека будут новые глаза, обладающие новым свойством видения, новые уши, которые слышат по-новому, новые руки, которые по-новому чувствуют и ощущают предметы. И человек, обладающий таким осознаванием, начинает вызывать процесс осознавания в других людях. Ни каким-либо усилием, ни каким-либо действием, направленным на вызывание этого процесса, – это деяние было бы нашей погибелью, – он лишь должен продолжать жить по-своему, существовать по-своему, и это начинает происходить само по себе.

Его духовная сила каким-то образом начинает влиять на людей, которые приближаются к нему... начинается возникновение новой энергии, начало нового пламени. Он ничего не делает, и другой человек также ничего не делает: это происходит само по себе. Все, что требуется, – это немного близости, дружбы.

И вот в чем заключается функция Учителя: собрать вокруг себя друзей. Нет цели, которую надо достичь; нет особенной деятельности, которую надо осуществить.

Функция Учителя – лишь быть в наличии.

Невозможно знать, когда человек находится на границе, с которой может произойти прыжок.

Никто никогда не знает, в какой момент человек открыт – лишь взгляд Учителя, и вещи никогда уже не будут прежними.

Но все это непредсказуемые моменты, поэтому надо безмолвно ждать, пребывая в осознанности.

Самое большее, что вы можете сделать, это следующее: не создавайте барьеры, не создавайте препятствия, не оставайтесь в напряжении, отвлекитесь. Расслабьтесь... приблизьтесь.

Вам нечего терять – вы должны только приобретать.

Беседа 14

НЕ ХОДИТЕ ПО ВОДЕ – ПРЫГАЙТЕ В ОСОЗНАВАНИЕ

11 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что, чудес действительно не бывает?

Мне очень жаль разочаровывать вас, но я ничего не могу поделать.

Я не могу дать вам утешения, которое в течение многих веков давали вам все религии. Я не могу сделать этого, так как такое утешение стоило слишком дорого. Оно ничего не давало; наоборот, оно отбирало у вас вашу религиозность.

Я не могу назвать ничего другого, что на короткий срок, казалось, способствует вашему религиозному росту, но на долгий срок является просто ядом. Вот в чем состоит идея чуда.

Человеческий ум жаждет его. Это потребность больного ума, – но все умы больны.

Ум как таковой – это болезнь человека.

Когда ум исчезает, то впервые вы по-настоящему здоровы и невредимы. Ум нуждается в разного рода ядах, чтобы продолжить свое существование. Идея чудес – одна из наиболее важных. Эта идея абсолютно против существования.

Вначале вы должны понять то, что означает чудо. Чудо означает, что в существование нельзя верить, что природа не беспристрастна, что законы жизни допускают исключения. Это абсолютный абсурд. Существование не имеет предубеждений – то есть для Иисуса оно имеет теплый уголок в сердце, а для вас нет; оно позволяет Мухаммеду подняться над законами природы, а вам не позволяет этого делать. Чудо – это просто осуждение красоты существования.

Нет, ничего подобного чуду нет – никогда не было и никогда не будет. Если чудеса происходят, то в таком случае науке нет места; а мы знаем, что наука *имеет* место. По мере развития науки чудеса ослабевали пропорционально. Чем больше развивается наука, тем все меньше и меньше остается места для чудес.

Если вы оглянетесь далеко назад, то сможете найти тысячи случаев чудес.

Большинство тех чудес – это просто истории, выдуманные для того, чтобы создать мессий, пророков, перевоплощений Бога, – ведь как иначе вам удастся поставить определенного человека выше всего человечества? Как вам удастся сделать из него сверхчеловека? Его тело следует природе, его жизнь следует природе. На всем ее протяжении от рождения до смерти нет ни одного исключения.

Но глупцы во всем мире не допустят того, чтобы обыкновенный человек был просветленным. Они нуждаются в сверхчеловеке, только в этом случае их ум удовлетворен: конечно, ведь он – сверхчеловек, посланник Бога; он может быть просветленным, – но как мы, несчастные люди, можем быть просветленными?

А как доказать то, что он превосходит вас? Лишь взгляните: что касается разума, Иисус – не исключительный, он не проявляет особого разума. Существовали сотни более образованных раввинов, великих ученых великого разума; он – всего лишь необразованный, неотесанный сын плотника.

Своим разумом он не может доказать – и это не могут сделать его последователи, что он исключительный, что он особенный, что он – единственный сын, рожденный Богом. Он не может доказать это также и физической силой. Любой Мухаммед Али свалит его. С ним будет покончено единственным ударом по носу. Физически он не может доказать, что он исключительный.

Итак, есть только два явления в человеческой жизни, где вы обнаруживаете... Это некий Альберт Эйнштейн, некий Бертран Рассел, некий Жан-Поль Сартр – они доказали своим интеллектом то, что они проницательнее, что они более талантливы. Но странно, они не заявляют о том, что они – единственные сыновья, рожденные Богом. Ни один разумный человек не способен провозгласить такую неразумную вещь.

Существуют также люди, которые талантливы физически. Они могут быть первыми на Олимпийских играх, в какой-нибудь игре, в борьбе; но это просто говорит о разнице между ними и вами в количественном отношении, а не в качественном. Как бы силен ни был человек, он отличается от вас только в количественном отношении; а разница в количестве вообще не является отличием.

Если бы вы работали по тем же направлениям той же гимнастики в течение того же времени, то, возможно, вы доказали бы, что вы более хороший борец, более хороший бегун. Это лишь доказывает, что данный человек совершенствовал некоторый свой талант. Конечно, его надо уважать, – но он не становится от этого посланником Бога.

Есть люди, которые являются чемпионами мира по шахматам. Несомненно, что у них потрясающе сложный ум. Настоящий шахматист должен думать на пять ходов вперед. Когда *вы* играете в шахматы, то вы думаете только на один ход вперед, в крайнем случае на два хода; думать на большее количество ходов вперед вам будет трудно.

Пять ходов вперед – это минимум для того, чтобы стать чемпионом мира. Пять ходов означают, что вы делаете один ход, ваш противник сделает ход. Вы должны мысленно представить то, что он собирается предпринять; затем, если вы сделаете это, то, что в этом случае сделает он; затем, что сделаете вы – и так пять раз. Вы должны ясно представлять эти пять ходов; только в этом случае вы можете стать чемпионом мира; иначе невозможно. Это большое сосредоточение, практика... это сумасшедшая вещь.

Но даже в этом случае, когда кто-то становится чемпионом мира по шахматам, то он не является пророком. Его ум более близок к компьютеру, чем ваш. Ваш ум проще, он – несколько более примитивный компьютер; его ум – более сложный компьютер. Ваш ум может быть натренирован таким же образом. Вопрос только в тренировке. Разница только в степенях, здесь нет качественной разницы. Он точно такой же человек, как и вы.

Тогда как доказать, что Иисус, Мухаммед, Махавира, Будда, Кришна – что эти люди не всего лишь обыкновенные, такие, как вы? Способ, который был открыт, называется чудом. Он делает их качественно отличными от вас, так как, что бы вы ни делали, вы не сможете научиться ходить по воде. Что бы вы ни делали, вы будете снова и снова тонуть. Поэтому вопрос не в тренировке, не в дисциплине, не в знании определенных стратегий – нет, ничего не поможет. Как вы можете превратить камни в хлеб? Как вы можете превратить воду в вино?

Эти притчи выдуманы для определенной цели – сделать этого человека качественно выше вас. Но это эксплуатация

человечества, развращение человеческого сознания, предоставление людям лживых идей.

Лишь взгляните на этих чудотворцев во всем мире, и вы сможете увидеть, что все эти чудеса на девяносто процентов были выдуманы их последователями или самими этими людьми. При таком большом временном расстоянии трудно узнать о том, кто начал первым. Большинство чудес, должно быть, начали выдумывать те самые люди, и, конечно, их последователи продолжают дополнять их.

Для последователей становится абсолютной необходимостью продолжать все больше и больше дополнять чудеса, так как это конкурентный бизнес, и каждый должен доказать, что *его* мессия самый высочайший, величайший. Ну и только чудеса могут сотворить такое чудо; другого пути нет.

У джайнов двадцать четыре тиртханкары, двадцать четыре мессии. Поскольку джайны имели двадцать четыре, то буддисты были в убытке; они имели только одного – Гаутаму Будду. На рынке, – а весь этот мир – рынок, и каждый человек – покупатель, – когда вы продаете своего мессию, свою религию, свою святую книгу, то подсчитываются все мелочи. Буддист чувствует себя в убытке, так как люди спрашивают о том, сколько было будд. Всего лишь один? Это выглядит очень бедно – джайны имеют двадцать четыре!

Индусы до тех пор имели десять воплощений Бога. Они сразу же превратились в двадцать четыре, так как десять выглядело бедно по сравнению с двадцатью четырьмя. Идея джайнов иметь двадцать четыре... До Махавиры все индусские священные писания говорят о десяти аватарах; после Махавиры внезапно происходит великое изменение – индусы начинают говорить о двадцати четырех.

Буддисты – в убытке, ведь их религия начинается с Будды, поэтому откуда еще взять двадцать три будды? Но они, должно быть, были немного более изобретательны. Они начали говорить о двадцати четырех *жизнях* Гаутамы Будды – и это была двадцать четвертая жизнь. Прежде он был пробужденным двадцать три раза.

Вы можете наблюдать ловкий законный процесс. У них не было исторических оснований для того, чтобы доказать, что было двадцать четыре будды. Даже сам Будда не мог говорить об этом,

поскольку он был создателем. Но выдумать двадцать три предыдущие жизни было легко.

Промежуток времени – тысячи лет, и в те дни, особенно в Индии, история не была написана. Историю даже не считали предметом. Написание истории было введено в Индии мусульманами. В Индии идея была такова, что история состоит из земных, обычных, каждодневных событий, которые все время повторяются. Царь родился, царь умер; будет другой царь, и он умрет. Империи создаются и исчезают.

Если вы взглянете на миллионы лет, – в Индии было привычным смотреть на существование, простирающееся на миллионы и миллионы лет, – то что значит, если человек был премьер-министром страны в течение трех месяцев? О чем беспокоиться? В течение трех месяцев из миллионов и миллионов лет в стране очень посредственной планеты, очень посредственной солнечной системы определенный человек был премьер-министром – о чем беспокоиться? Индийская позиция такова: зачем бесполезно тратить время?

Поэтому вместо истории... индийское слово, обозначающее историю, очень значительно. Это – *итихас*. Это слово означает «то, что появляется и исчезает как мыльный пузырь», – конец не очень далек от начала. Поэтому вместо этого они обычно писали *пураны*. Сейчас слово «пураны» означает нечто не связанное с отдельными индивидуальностями, но связанное с сущностями.

Например, тиртханкара – это не просто человек. В одном творении только двадцать четыре тиртханкары, а одно творение охватывает миллионы и миллионы лет. Каждый тиртханкара просто представляет суть осознания, касающегося высочайшей вершины. За миллионы лет только двадцать четыре раза человеческое осознавание поднималось так высоко, что достигало предела.

Итак, это сущность. Когда Махавира родился и когда он умер – это история, это не имеет значения. Какая разница в том, что он родился двадцать пять веков назад или двадцать шесть веков назад, в понедельник, в воскресенье, в субботу – какое это имеет значение? Имеет значение лишь то, что сознание достигло вершины.

Если вы придете в джайнский храм, то будете удивлены, увидев двадцать четыре тиртханкары, которые все выглядят

одинаково. Невозможно, чтобы все двадцать четыре человека, – а они родились в разное время на протяжении долгого периода в тысячи лет, – выглядели абсолютно одинаково. Их носы, их глаза, даже мочки их ушей... ведь мочки ушей джайнских тиртханкар должны быть такими длинными, чтобы они могли касаться плеч – на всех двадцати четырех тиртханкарах.

Вы не можете сказать, чья это статуя – даже джайны не могут сказать, чья это статуя. Поэтому у подножия статуи они вынуждены были сделать символ: лев представлял Махавиру, павлин представлял еще кого-то... Поэтому, если вы спросите джайна, то он сразу же взглянет на символ, находящийся у подножия статуи. Только благодаря символу он может сказать, кто это; иначе, все они одинаковы.

Это, конечно, не история. Никогда не могут родиться два совершенно похожих человека; невозможно отыскать двадцать четыре совершенно похожих человека. Но эти люди не беспокоятся об этих личностях – об их телах, носах, ушах; их интерес – сознание; а все остальное лишь символически представляет высочайшую вершину сознания.

Например, мочки ушей, касающиеся плеч... Возможно, изредка вам удастся найти человека, чье ухо касается плеча, но *я* никогда не видел такого. Я видел миллионы людей, и я смотрел на их уши, но я никогда не видел ни одного человека, чьи мочки ушей касались бы плеч. Лишь один человек, которого я знаю – он был моим одноклассником в средней школе, – у него были особого типа уши.

Он мог шевелить ими по своему желанию. Вы не можете это сделать. У вас нет мускулов; вы ничего не можете сделать своими ушами. Попробуйте что-нибудь сделать; вы ничего не сможете сделать. Но тот мальчик был просто чудо! Он мог опускать уши, поднимать их, двигать ими в разные стороны.

Сейчас он врач, но он больше всего знаменит благодаря своим ушам, а не чему-либо другому. Приходят пациенты и просят: «Доктор, пожалуйста, покажите свои уши». Я искал второго такого человека, который мог бы делать подобное еще лучше, – я не нашел ни одного. Какой-то каприз природы... Похоже, что у него в ушах мускулы и нервы, в которых нет необходимости; поэтому он и может делать ими разные вещи.

Но что те тиртханкары делали своими длинными ушами? Во-первых, это не история, поэтому это не представление реаль-

ности; это представление чего-то другого. По моему мнению, те длинные уши просто означают, что те люди были способны слушать. Ну как представить в мраморной статуе то, что они очень хорошо умели слушать? Чтобы представить это, не нужно заботиться об истории; это и есть пураны. Пураны означают, что мы заботимся о сущности.

На всех этих двадцати четырех статуях глаза наполовину закрыты. Вы можете видеть только нижнюю белую часть их глаз; с другой стороны их глаза прикрыты. Но почему наполовину? Это единственное различие, которое вы обнаружите между буддийской статуей и джайнской статуей: у статуи Будды глаза полностью закрыты.

Опять же, это не история. Глаза ничего не говорят об этих людях; они говорят о том, что человек, который достигнет высочайшего сознания, настолько совершенен, что внешне и внутренне он становится одним целым. Его полузакрытые глаза символизируют то, что внешняя половина и внутренняя половина соединяются. Вот что я подразумеваю под сущностью.

У Махавиры было двадцать три предшественника – Будда был в затруднении. И существовало столько много чудес, связанных с теми двадцатью тремя предшественниками Махавиры, что Будда выглядел просто бедным. Поэтому вначале он должен был создать миф о том, что он был и прежде двадцать три раза Буддой; и он творил чудеса, связанные с теми двадцатью тремя буддами. Возможно, чудеса, связанные с ним, выдуманы его учениками позднее, но он, должно быть, каким-то образом посвятил их в тайну.

По крайней мере, одно определенно: ни один из этих ребят не помешал своим ученикам, говоря: «Не причиняйте мне вреда». Даже если они сами не сотворили чудеса, то они позволяли это делать ученикам, оставаясь при этом безмолвными. Если вокруг витали слухи о том, что они творят чудеса или чудеса сами случались, то нет ни одного утверждения Кришны, Будды, Иисуса, Махавиры, Мухаммеда, в котором говорилось бы: нет, это были лишь слухи.

Лишь вчера моя мать говорила мне... и Вивек слышала ее разговор, впервые такой самозабвенный и такой долгий; а так, что бы она ни спросила, ответ состоит из одного или двух предложений; да или нет, и разговор окончен. Но вчера она

говорила долго и была очень оживлена, поэтому Вивек спросила меня: «Что вам говорила ваша мать?»

Я сказал, что она вспоминала кое-что. Я все же не сказал ей то, о чем говорила мне мать, так как это длинная история. Она говорила мне о том, что когда я был пятимесячным в ее чреве, произошло чудо.

Она направлялась из дома моего отца в дом своего отца; а время года было дождливое. В Индии существует такой обычай, что первый ребенок должен родиться в доме отца матери; поэтому, хотя время года было дождливое и очень трудное – дорог нет – и она была вынуждена ехать на лошади, чем скорее она отправилась бы, тем лучше; если бы она ждала еще дольше, то было бы еще больше трудностей, поэтому она отправилась с одним из своих двоюродных братьев.

В середине их пути протекала большая река, Нармада. Она разлилась. Когда они добрались до лодки, лодочник увидел, что моя мать беременна, и тогда он спросил двоюродного брата моей матери: «Вы в каком родстве?»

Двоюродный брат не понимал, что попадет в неприятность, поэтому он просто сказал: «Мы – брат и сестра».

Лодочник отказал им; он сказал: «Я не могу взять вас, потому что ваша сестра беременна – это означает, что вас не двое, а трое».

В Индии есть обычай, старый обычай – возможно, он возник во времена Кришны, – что человек не должен путешествовать по воде, особенно в лодке с сыном своей сестры. Есть опасность, что лодка потонет.

Лодочник сказал: «Какая гарантия того, что ребенок в чреве вашей сестры – девочка, а не мальчик? Если он мальчик, то я не хочу рисковать, так как вопрос стоит не только о моей жизни, в моей лодке едут еще шестьдесят человек. Или вы плывете, или ваша сестра; обоих вас я не возьму».

По обоим берегам были холмы и джунгли; а лодка обычно курсировала только один раз в день. Она курсировала утром – и в этом месте река, действительно, широкая, а затем лодка возвращалась вечером. На следующее утро та же лодка отправлялась в путь опять. Поэтому моя мать или должна была остаться на этом берегу, что было опасно, или плыть к другому берегу, что было также опасно. Итак, в течение трех дней они все время

просили лодочника, умоляли его, говоря о том, что она беременна и что он должен быть добр.

Он сказал: «Я не могу помочь – это не пройдет. Если вы можете дать мне гарантию, что это не мальчик, то в этом случае я могу взять вас; но как вы можете дать мне гарантию?»

Так что в течение трех дней они вынуждены были оставаться в храме. В том храме жил один святой, очень знаменитый в той местности. Сейчас вокруг этого храма возведен город в память о том святом, Сайкхеде. Сайкхеда означает «деревня святого». *Саи* означает «святой»; он был известен как Саи Баба. Это не тот Саи Баба, который стал всемирно известным – Саи Баба из Ширди, – но они были современниками.

Саи Баба стал всемирно известным из-за простого совпадения – Ширди находится рядом с Бомбеем; и все знаменитости Бомбея и богатые люди Бомбея стали ходить к Саи Бабе из Ширди. А чем вы богаче, чем более вы известны, чем более вы процветаете, тем больше вы нуждаетесь в том, что дает вам удовлетворение, так как весь ваш успех, ваше богатство, ваша слава не принесли вам ничего. Они самые опустошенные люди в мире. А поскольку Бомбей – мировой центр, то вскоре имя Саи Бабы из Ширди начало выходить за границы Индии; и было выдумано очень много чудес, связанных с ним.

Такая же ситуация произошла с Саи Бабой, который жил в том храме. В конце концов моя мать была вынуждена попросить Саи Бабу: «Вы можете что-нибудь сделать? Мы провели тут три дня. Я беременна, а мой брат сказал лодочнику о том, что он – мой брат, и теперь лодочник не берет нас в лодку. И вот, если вы не сделаете чего-нибудь, не скажете что-нибудь лодочнику, мы будем в затруднительном положении. Что делать? Мой брат не может оставить меня одну здесь; я не могу плыть одна на другой берег. По обоим берегам – дикие джунгли и леса; и по крайней мере двадцать четыре часа я одна должна буду ждать его».

Я никогда не встречал Саи Бабу, но в некотором роде я встречался с ним; я был пятимесячный и еще не родившийся. Он лишь прикоснулся к животу моей матери. Моя мать сказала: «Что вы делаете?»

Он сказал: «Я прикасаюсь к ногам вашего ребенка».

Лодочник увидел это и сказал: «Что вы делаете, Баба? Вы никогда не прикасались к чьим-либо ногам».

А Баба сказал: «Это не *кто-либо;* а ты глупец – ты должен отвезти их на другой берег. Не волнуйся. Душа, которая находится в этом чреве, способна спасти тысячи людей, поэтому не волнуйся за свои шестьдесят человек – отвези ее».

Поэтому моя мать сказала: «Насколько я понимаю, Саи Баба был мудрым человеком: он действительно одурачил лодочника! Нет никакого чуда, ничего нет. И лодки не тонут лишь из-за того, что кто-то путешествует с сыном своей сестры. В этой идее нет рациональности, она просто абсурдна. Возможно, это когда-нибудь может произойти случайно, и тогда идея станет установившейся практикой».

Я понимаю так, что в жизни Кришны брату его матери сказал астролог, что «один из детей твоей сестры убьет тебя», поэтому он держал свою сестру и своего зятя в тюрьме. Она родила семь детей, семь мальчиков, и он убил их всех. Восьмым был Кришна; и, конечно, когда родился сам Бог, то замки тюрьмы открылись, а стража быстро заснула, и отец Кришны забрал его оттуда.

Река Ямуна была границей царства Канзы. Канза был человеком, который убивал сыновей своей сестры из-за страха, что один из сыновей убьет его самого. Ямуна разлилась, а она одна из самых больших рек в Индии. Отец Кришны очень боялся, и надо было как-то переправить ребенка на другой берег, в дом друга, жена которого родила девочку, – поэтому он мог обменять их. Он мог привезти девочку обратно, так как на следующее утро Канза мог бы быть там и спросить: «Где ребенок?», собираясь убить его. А девочку он не убил бы – это должен был быть мальчик.

Но как пересечь реку? Ночью лодки не было; но реку надо было пересечь. Но если Бог может открывать замки без ключей, без чьей-либо помощи – они просто сами открылись, двери распахнулись, стража заснула, – то он может сделать что угодно.

Итак, он положил ребенка в ведро, ведро поставил себе на голову и перешел реку – нечто подобное произошло с Моисеем, когда океан расступился перед ним. На этот раз все произошло по-индийски. Такое не могло бы произойти с Моисеем, так как тот океан не был Индийским, а здесь была река.

Как только он вошел в реку, вода в реке стала подниматься. Он очень боялся: что происходило? Он надеялся на то, что вода в реке начнет убывать, но она стала подниматься. Она дошла до

точки, где коснулась ног Кришны, затем она отступила. Вот индийский способ; такое больше нигде не может произойти. Как река может упустить такой момент? Когда родился Бог и он переходит реку, то для нее просто дать ему дорогу – недостаточно, невежливо.

С тех пор появилась идея о том, что существует определенный антагонизм между человеком и сыном его сестры, так как Кришна убил Канзу. Река была пересечена, вода в ней спала; она была благосклонна к ребенку. С тех пор реки гневаются на дядей с материнской стороны – все реки Индии. И это суеверие действует даже сегодня.

Я сказал своей матери: «Одно определенно: Саи Баба, должно быть, был мудрым человеком и имел некоторое чувство юмора». Но она не слушала. И о том, что произошло, стало известно в деревне, и в доказательство этого через месяц произошло другое событие, которое... В жизни происходит столько совпадений, на основе которых вы можете творить чудеса. Если вы склонны творить чудеса, то в этом случае любое совпадение может быть превращено в чудо.

Через месяц был очень большой потоп, и перед домом моей матери в сезон дождей образовывалась почти река. Там было озеро, а между озером и домом проходила небольшая дорога, но в дождливое время года прибывало столько воды, что дорога полностью превращалась в реку и озеро и дорога сливались вместе. Образовывался почти океан; куда бы вы ни взглянули, везде была вода. А в тот год, возможно, по всей Индии были небывалые наводнения.

Наводнения обычно случаются в Индии каждый год, но в тот год была замечена странная вещь: наводнения начали менять направления потоков воды в реках. Дожди были настолько сильные, что океан не мог принять такое количество воды по мере ее прибывания, поэтому уровень воды в океане поднялся, и вода потекла в обратном направлении. Когда маленькие реки впадали в большие реки, то большие реки были не в состоянии принять воду, так как они не могли удержать даже свою собственную воду. Течения в маленьких реках изменили свое направление.

Я никогда не видел подобного – я упустил также и это; моя мать говорит, что это было странное явление – наблюдать, как вода движется в обратном направлении. Она стала заполнять

дома; она заполнила дом моей матери. Дом был двухэтажным, и первый этаж был полностью заполнен водой. Затем вода стала заполнять второй этаж. Идти теперь было некуда, поэтому все люди сидели на кроватях: это было самое возвышенное место. Но моя мать сказала: «Если Саи Баба был прав, то что-то произойдет». И, должно быть, было совпадением то, что вода дошла до живота моей матери, а затем стала спадать!

Два эти чуда произошли до того, как я родился, поэтому я не имею к ним никакого отношения. Но они стали известны; когда я родился, то в деревне я был почти как святой! Все меня уважали; люди прикасались к моим ногам, даже старики. Позже мне сказали о том, что «вся деревня приняла меня за святого».

Когда мне было около четырех лет, я был единственным ребенком в доме – делать было нечего, для школы еще рано, ходить было некуда. У моего деда со стороны матери был универсальный магазин, там были разнообразные вещи. Это был единственный магазин в деревне, поэтому каждая вещь... там был скорее миниатюрный рынок, чем магазин. Итак, я стал играть со сладостями и с разными вещами, и я не знаю, как мне пришло в голову... но вскоре начали постоянно приходить больные люди; там не было ни врача, ни больницы; даже на сотни миль вокруг не было больницы.

Как-то мне пришло в голову, что если люди думают обо мне как о святом, прикасаются к моим ногам, то стану-ка я давать им лекарства. А лекарства представляли собой не что иное, как смесь из нескольких сладостей, обсыпанных пудрой, размешанных в колодезной воде и разлитых в разноцветные бутылки. И, конечно, люди, страдающие от лихорадки, от головной боли или от боли в животе, обычно не умирают. И они стали выздоравливать. Они выздоравливали бы в любом случае – это не было чудом, но это стало чудом.

Мой нана, дед со стороны матери, стал говорить: «Ты испортишь мой магазин – теперь это больница! Целый день приходят люди, и иногда даже *я сам* вынужден давать им лекарства, а я не имею представления о том, какие это лекарства! Ты уничтожаешь мои сладости и мой магазин. Но поскольку они вылечиваются, то вреда нет, и ты продолжай».

Когда через семь лет я переехал в дом своего отца, я бросил это дело, связанное с раздачей лекарств, но люди из деревни, когда обычно приходили, то напоминали мне об этом. Они уже

стали называть меня «доктор Сагиб», а я говорил: «Пожалуйста, не используйте здесь это слово, так как я полностью покончил с этой профессией. Во-первых, здесь нет сладостей; у моего отца магазин одежды, и я не могу делать лекарства из одежды. И здесь никто не знает о том, что я могу творить чудеса. Вначале люди должны узнать об этом; тогда можно творить чудеса; иначе нельзя».

Возможно, совпадения случались в жизни Будды, Иисуса, Кришны; но было бы намного честнее с их стороны, если бы они сказали о том, что это были простые совпадения, что природа не нарушила свои законы, она никого не наделила особым могуществом. Но они молчали по этому поводу. Молчание – это поддержка. Возможно, здесь не было плохих намерений, так как было замечено, что люди не ищут истину, а ищут могущество; а чудо – это символ могущества, а не истины. Истина не имеет ничего общего с чудесами.

Кто заинтересован в истине?

Все заинтересованы в могуществе.

Поэтому, когда вы видите чудотворца, вы сразу же поражаетесь: вот человек, который обладает могуществом. И это ваш глубочайший побудительный мотив – стремление к могуществу. И тогда вы начинаете следовать за этим человеком. А если кто-то пытается объяснить вам, что это не чудеса, то вы не хотите слушать, ведь он отбирает у вас это могущество, он разрушает вашу единственную надежду.

Поэтому люди, которые верят в чудотворцев, не хотят ничего слушать по той простой причине, что вы можете разрушить их веру. Вы могли бы доказать, что это или фокусы, – просто трюки, – или это совпадение, или выдуманная притча. И ведь многие вещи могут быть легко подстроены...

В Джабалпуре я знал одного человека из южной Индии. Он, должно быть, приехал из Мадраса тридцать-сорок лет назад и прожил в Джабалпуре сорок лет; он был известен как Мадраси Баба, ведь он был из Мадраса. Было известно, что он оживлял мертвецов. Я был студентом университета; я слышал об этом много раз, поэтому я собрал несколько человек и однажды ночью мы пошли к Мадраси Баба. Он обычно жил в маленькой хижине за городом, поэтому было легко найти его.

Все мы вошли в хижину и схватили его – он лежал на своей койке. Мы связали его ноги и руки, и я сказал ему: «Ты должен

сказать нам правду – мы не собираемся никому рассказывать, но если ты не скажешь нам правду, то сегодня мы сотворим чудо».

Он сказал: «Какое чудо?»

Я сказал: «Сегодня мы собираемся превратить живого человека в мертвого. Прямо перед твоим домом есть большое озеро; мы собираемся бросить тебя в озеро. И мы приложим все усилия для того, чтобы ты не смог выжить. У нас есть большие камни, которые мы собираемся положить тебе на грудь, привязать тебя к койке и бросить тебя с камнями и с койкой в озеро. И ты пойдешь на дно – в том случае, если не скажешь, как тебе удавалось оживить человека».

Он сказал: «Я расскажу вам, но, пожалуйста, никому больше не рассказывайте, иначе вся моя жизнь будет погублена. Я живу только за счет этого чуда».

Я сказал: «Вначале расскажи нам». И какие же чудеса он сотворил? Один из его друзей притворялся мертвым. Он постоянно занимался йогой, они оба постоянно занимались йогой. Если вы занимаетесь йогой, то в этом случае есть возможность, что по крайней мере на десять минут вы способны остановить свое дыхание.

При определенных упражнениях можно сделать так, что ваше сердце бьется минимально, пульс – минимальный, а ваше дыхание полностью прекращается, – но не более чем на десять минут. Но десяти минут достаточно для того, чтобы доказать, что человек мертв – больше не требуется.

Однажды утром он объявил о том, что его друг умер. Пришли люди, они смотрели, щупали его пульс – пульс пропал. Дыхания не было, сердце его не билось – он был мертв. Они накрыли его, а Мадраси Баба монотонно распевал какие-то мантры на языке телугу, на своем языке, поэтому никто не знал, распевал ли он мантры или пел песни из кинофильмов. Повторив семь раз свои песни и приложив свое невидимое могущество к этому человеку, он снимал покрывало, клал свои руки на его нос, смотрел вверх – мало-помалу дыхание возвращалось, появлялся пульс, и сердце начинало биться.

Этот человек все еще жив, другой человек. И мы подтвердили эту историю и через этого другого человека; мы должны были сделать это, так как другого пути не было. Мы сказали ему о том, что Мадраси Баба сам рассказал нам всю историю, «но

теперь ты тоже в такой же ситуации. Поэтому расскажи-ка нам, иначе ты умрешь; мы сотворим настоящее чудо».

И он сказал: «Это правда, я сговорился с ним: мы – партнеры. Половину из тех денег, которые он получал, он отдавал мне. В течение этих сорока лет жизнь была очень приятной – без какой-либо работы, без огорчений; люди уважают нас. Сейчас в глазах людей я – его ученик, но в действительности я – партнер в его бизнесе». Поэтому или чудеса выдумывают...

Сейчас никто не может сказать, не был ли тот Лазарь партнером в сговоре. Он был другом Иисуса – это известно. И почему только Лазарь? В то время умирало много людей. Для того чтобы сотворить чудо, он должен был ждать смерти Лазаря? А Лазарь был молод – ему еще было рано умирать. Он был другом Иисуса, поэтому очень возможно, что Иисус сказал ему: «Лишь притворись, что ты мертв». Он изучил всю практику йоги в Индии, в Египте; в обеих этих странах знают секреты остановки дыхания.

Или это совпадение, или сговор, или это просто выдуманный миф. Но можно легко судить об этом.

Иисус может оживлять мертвеца, но когда он сам чувствует жажду, находясь на кресте, то он не может материализовать хотя бы один стакан воды или кока-колы. Это было бы настоящим чудом, если бы он произвел кока-колу. В этом случае я никогда бы не говорил, что чудес не бывает, поскольку произвести кока-колу в то время было невозможно. Даже сегодня вы не можете создать ее, так как секрет производства кока-колы держат в абсолютной тайне; нет способа... В мире так много прохладительных напитков, но ничто не может приблизиться к кока-коле.

Если бы Иисус произвел напиток с этикеткой кока-колы, и саму бутылку, и все остальное, то другого доказательства не потребовалось бы; эту бутылку кока-колы могли бы хранить в Ватикане.

Но все то, что он делал, не имеет большого значения; и он не мог этого делать, поскольку сам очень нуждался. Он мог оживить мертвеца, но не смог изменить тех апостолов, преобразовать их бытие.

Что же сказать о превращении – даже в последнюю ночь, перед тем как умереть, Иисус говорит им снова и снова: «Бодрствуйте, не засыпайте! Это моя последняя ночь; сегодня

ночью собираются схватить меня. Бодрствуйте для того, чтобы я мог молиться в тишине, – и будьте начеку!»

И через каждый час, когда он приходит, он застает своих учеников заснувшими, храпящими. Он будит их и снова говорит им: «Вы забыли?»

Итак, с этими глупыми людьми Иисус напрасно потратил всю свою жизнь – с людьми, которые даже не были способны бодрствовать одну ночь. Хотя учитель должен быть распят на следующий день, даже из любопытства можно было бы бодрствовать; но там нет даже любопытства. В тот момент, когда Иисус идет за кусты для того, чтобы помолиться... а почему он идет за кусты? Я не понимаю это. Можно пойти за кусты, чтобы помочиться, но не помолиться; но в этом случае был бы неприятный запах.

Ему следовало бы остаться среди тех глупцов и молиться там; это, по крайней мере, заставило бы их бодрствовать. Но ходить за кусты... Снова и снова, всю ночь продолжается драма, но они не готовы. Вы не можете хоть сколько-то изменить умы людей, но можете воскрешать людей из мертвых. Не похоже на то, чтобы это было возможно.

Существуют чудеса, связанные с Буддой; когда он проходит мимо, деревья распускают листья. Весь лес мог быть высушенным, если стояла осень, и все листья опали, но если Будда идет лесом, то это выглядит непочтительно – эти голые деревья без листьев; нет цветов. Нет, внезапно весь лес меняет свой облик впервые за миллионы лет; внезапно появляются листья, внезапно появляется зелень, цветы, фрукты.

Я могу сказать, что это, должно быть, миф, так как у Будды был личный врач, постоянно сопровождавший его, его Дэварадж. Для чего? Если даже деревья понимают, неужели его тело не поймет? Самый знаменитый врач тех дней, Дживакар, был постоянно с ним, как тень, заботясь о его теле, – и все же он умер от отравленной пищи. Не величественная смерть, – а от отравленной пищи.

Можно простить какого-нибудь обжору, умершего от отравленной пищи, но не Будду. Яд не уважал Будду, пища не уважала Будду, тело не уважало, – а деревья, лес и горы уважали его.

Он сидел, медитируя, а его брат, его родной брат, Дэвадатта, который был его последователем... но он хотел, чтобы Будда объявил его своим преемником. Будда сказал: «Это невозможно.

Ты не способен занять такой пост. А есть люди – Махакашьяпа, Сарипутта, Моггальяна, – много людей, которые уже просветлены. Как я могу провозгласить тебя, непросветленного человека, своим преемником? Я не собираюсь провозглашать своим преемником *кого угодно*, так как есть очень много людей, способных быть моим преемником – как я должен выбирать?»

Но Дэвадатта был очень разгневан, так разгневан, что он покинул Будду, забрав с собой пять тысяч учеников Будды. И он испробовал много способов для того, чтобы убить Будду. Одним из способов был следующий: когда, сидя на скале, Будда медитировал, Дэвадатта столкнул огромный камень с вершины горы, чтобы точно поразить Будду.

И камень раздавил бы его – шанса на спасение не было, – но, летя вниз, камень подумал: «Там Будда, и было бы неправильно падать вниз обычным путем». Он летел вниз, но изменил направление, – что очень странно, так как не было причины изменять направление; не было препятствия, чтобы оно изменило направление падения.

Дэвадатта привел бешеного слона, который был известен тем, что убил многих людей, поэтому его всегда держали в цепях. Он привел его и оставил без цепей у того места, где сидел Будда. И слон бросился, ведь после многих дней у него появилась возможность кого-то убить. Он был кровожаден. Но, подойдя близко к Будде... внезапная остановка: нет, это не тот человек, которого следует убивать. Он нагнулся, опустился на колени и прикоснулся к ногам Будды.

Итак, если слоны, бешеные слоны, камни и деревья так бережно относятся к Будде – и я хотел бы, чтобы они были так заботливы; вреда в этом нет. Я хотел бы, чтобы они были так заботливы о каждом; почему только о Будде? Но когда он поглощает отравленную пищу, его собственное тело не беспокоится; яд его тоже не заботит. Это доказывает то, что все притчи – прекрасные притчи – выдуманы для того, чтобы сделать из Будды сверхчеловека.

То же самое относится и ко всем вашим чудотворцам. По моему мнению, чудо – это нечто, идущее против природы, против существования; следовательно, оно невозможно. Да, ваш ум хочет его, так как ваш ум болен. Он голоден по могуществу и хотел бы, чтобы его учитель был могущественным человеком. Тогда, конечно, можно надеяться, что когда-нибудь и вы сможете устроиться так же, – служа учителю, доверяя учителю, отдавая всего себя учителю, – вы сможете сами обрести могущество.

Глубокое стремление к могуществу – вот что все время, снова и снова, спрашивает, случаются чудеса или нет.

Я категорически говорю, что они никогда не случались, поскольку в самой природе вещей чудо есть абсурд. Оно просто означает, что внезапно природа забывает свои законы; существование меняет свое направление. Нет, существование – это красота, оно приравнивается ко всему, почти ко всему. И это хорошо, что оно красиво и одинаково; иначе будет иметь место точно такая же бюрократия и иерархия, которая есть во всех правительствах.

А ведь именно это пытались создать религии. Что такое христианство? Определенный тип бюрократии от Бога, Святого Духа, Иисуса, мессии; затем папа, его представитель; затем кардинал, затем епископ и так далее и так далее... это идет до последнего деревенского священника.

Это иерархия, бюрократия. Но все основано на чудесах Иисуса. Вот почему я хочу как можно сильнее нанести по ним удар. Если они полностью разбиты, то в этом случае вся иерархия и бюрократия распадается; больше ничего не существует, что бы поддерживало их. И то же самое относится ко всем религиям.

Я знаю только об одном чуде, которое не включено в ваш вопрос о чудесах; и это чудо – скачок сознания от Учителя к ученику.

Происходит нечто, но это не сделано Учителем, это не сделано учеником. Оба удивлены, когда это случается.

Учитель доступен.

Если ученик тоже доступен, то это просто случается.

Вот единственное чудо, которое я знаю.

Но оно не должно быть классифицировано вместе с остальными чудесами, так как оно, в действительности, – высший закон существования. Это не нечто такое, что против существования; это нечто, что является самой глубокой, самой центральной, самой основной частью самого существования.

Ищите это чудо, ждите это чудо и забудьте весь абсурд обо всем остальном.

Если вы действительно хотите быть религиозными, если вы действительно хотите быть преобразованными, то в этом случае

вы должны разрушить все барьеры между собой и преобразованием, которого вы ищете.

Да, это чудо возможно. Это чудо возможно в любой момент – здесь, сейчас. Поэтому готовьтесь к нему. Не копайтесь в дерьме.

Беседа 15

ОТ СТРАДАНИЯ К БЛАЖЕНСТВУ

12 февраля 1985 года

Бхагаван,

Почему мир так сильно страдает? Почему мы все не можем быть такими же блаженными, каким всегда являетесь Вы?

Ребенок – отец человека, а мы на протяжении веков портили ребенка. А когда ребенок испорчен, то вся жизнь становится неестественной, жалкой, бессмысленной.

Стоит вопрос: почему каждое общество, каждая цивилизация старались испортить ребенка?

Очень важно понять, что все то, что мы создали до сих пор – общественные структуры, религиозные философии, системы обучения, – сознательно или бессознательно для своего существования все это нуждается в несчастном человеке. Они паразиты.

Если человек не несчастен, то в этом случае все ваши так называемые великие институты исчезнут с лица Земли. Только вдумайтесь: ни одно животное не нуждается ни в какой религии, ни одно животное не нуждается ни в какой философии, ни одно животное не нуждается ни в какой культуре, ни в какой цивилизации. И все же животные живут счастливо, намного счастливее, чем удается жить человеку. Вы не найдете страдающих животных.

Все эти институты, которые существуют за счет вашего страдания, вынуждены создавать все больше и больше страданий, так как они – их питательная среда, они – их пища. Несчастный человек рано или поздно вынужден обратиться к религии, так как он будет нуждаться в утешении. Он не имеет реальных вещей, которые поддерживали бы его; он будет нуждаться в вымыслах, которые заменят ему реальность.

Он ничего не знает о любви. С самого начала ему мешали узнать о том, что такое любовь. Его внимание отвлекли на нечто другое, что не является любовью, а что является только искусственной игрой – чем-то искусственным, лицемерием. Вы можете притворяться, но это не будет для вас питательной средой.

Наоборот, это истощит вас. Это отнимет у вас очень многое, так как это не простое явление.

Постоянно притворяться – тяжелая работа, возможно, самая тяжелая в мире. Вы можете нести на своих плечах гору – это будет не так тяжело по сравнению с тем, что всю свою жизнь вы несете в себе все виды лжи, притворства, лицемерия.

Вы запутываетесь, стараясь сохранить все это лицемерие, ложь, притворство. Они распадаются; каждое противоречит друг другу, и у них нет корней в реальной жизни. Вы вынуждены питать их своей собственной кровью, своим собственным сердцем, своим собственным костным мозгом. Естественно, что это создает несчастный мир.

Но священники счастливы в несчастном мире. Они были очень несчастливы во времена язычников, настолько несчастливы, что само слово «язычник» стало предосудительным.

Однажды я пил чай и разговаривал с Вивек. Я сказал: «Я – язычник».

Она сказала: «Никогда не используйте это слово на Западе».

Я сказал: «Почему? Это такое прекрасное слово».

Она сказала: «Оно может быть прекрасным для вас, но христианство, иудаизм, весь Запад используют это слово в очень унизительном смысле».

Я сказал: «Я не знал об этом. Значит, теперь я должен применять это слово к себе. Это слово надо освободить от этих преступников и вырвать его из их рук. Они испортили прекрасное слово».

Раньше язычник существовал на Земле и был счастлив, как любое животное; он ничего не знал о страдании. Он любил, он жил, никогда не беспокоясь об основных вопросах и проблемах. Он наслаждался едой, питьем – простыми вещами в жизни, не делая ни из чего проблему. Язычники исчезли с лица Земли. Религии уничтожили их повсюду, во всем мире.

Все религии были против язычников, так как если существуют язычники, то у религий нет никаких возможностей. Они не могут сосуществовать, поскольку язычник не интересуется тем, что происходит после смерти. Он не интересуется тем, что происходило до рождения.

Он говорит: «Между рождением и смертью столько много времени для того, чтобы жить. Вначале позвольте мне покончить с этим – не вносите в мою жизнь ненужных вещей, чтобы тратить на них время. Сейчас я в середине своей жизни; позвольте мне

жить ею. Когда я буду мертв, я попытаюсь тоже пожить; но почему я должен сейчас беспокоиться о смерти? Я не помню, чтобы я беспокоился о жизни до своего рождения. В данный момент жизнь в моих руках, и я хочу выжать из нее весь сок».

Мне вспомнилась прекрасная притча; она настолько прекрасная, что хочется... Было бы хорошо, если бы она была истиной, и она очень близка к истине.

В раю, в ресторане, сидят Иисус, Будда, Конфуций и Лао-цзы, и все четверо читают проповедь. Танцуя с бутылью в руках, появляется *апсара*, прекрасная танцовщица – бутыль полна вина, – девушка смотрит на них и говорит: «Вы разговариваете о жизни, и, слушая ваш разговор о жизни, я интересуюсь... Жизнь имеется здесь, в этом ресторане; это наш особый рецепт. Мы создаем жизнь, нектар, называемый жизнью. Я принесла эту бутыль. Обсуждать здесь нечего; почему вы не пьете, не пробуете?»

Будда немедленно закрыл глаза. Он сказал: «Рождение – боль, смерть – боль, а между двумя болями нет возможности того, чтобы жизнь была блаженством. Я даже не хочу видеть это».

Иисус взглянул на девушку и сказал ей: «Жизнь рождается в грехе; и ты пытаешься соблазнить нас? Ты, должно быть, принадлежишь дьяволу. Убирайся с глаз долой!»

Конфуций был более гуманный; он сказал: «Я не могу быть похожим на этих двух парней; они против жизни. Я – прагматик». Конфуций сделал Китай одной из самых прагматичных стран, очень практичной страной. Он сказал: «Я – практичный человек. Я ничего не могу сказать, не попробовав, – дай мне немного попробовать нектар, который ты называешь жизнью». Он немного попробовал его, вернул чашу и сказал: «Нет, он горек. Эти два парня правы».

Лао-цзы сказал: «До тех пор пока не выпьешь его полностью, нельзя высказать свое суждение, поскольку существуют вещи, горькие в начале и сладкие в конце. И, кроме того, надо также научиться пробовать на вкус. Лишь делая один глоток без предварительного опыта питья жизни... твое суждение просто ничего не стоит».

«Конфуций, ты – запутавшийся человек, и ты запутал тысячи других. Ты принимаешь позу, как будто ты – прагматик; но какой же это прагматизм, когда, лишь немного попробовав,

ты судишь обо всем? Зная часть, ты не знаешь целого. Да, зная целое, ты знаешь часть, но не наоборот».

Лао-цзы взял целую бутыль – он был не такой человек, чтобы пить из чаши, – осушил до дна всю бутыль, поблагодарил даму и сказал всем этим своим великим друзьям: «Все вы идиоты! Это непомерно прекрасно, вкусно; но надо пережить это во всей полноте. Из меньшего ничего не получится».

В этом заключается весь подход язычника.

Лао-цзы – язычник. Вот почему в его записях вы не найдете упоминаний о Боге, разговоров о рае или аде. Его волнует только то, что происходит здесь и сейчас. Он жил так.

Однажды Конфуций спросил его: «Люди спрашивают меня о смерти, но я ничего не знаю о смерти. Возможно, – ты старше и мудрее, и ты любишь двигаться в опасные области сознания, – возможно, у тебя есть какое-то представление о смерти».

Лао-цзы сказал: «Не умирая, нет способа познать смерть. Соверши самоубийство; иди и прыгни с холма, и ты узнаешь, что такое смерть. Единственный способ узнать что-то – это жить этим. Спрашивать о смерти, стараться найти ответ, касающийся смерти, – глупо. Старайся жить прямо сейчас; иначе ты упустишь и это тоже».

«И запомни мои слова о том, что ты не будешь жить вечно; вскоре ты будешь мертвым. Затем, лежа в могиле, медитируй о смерти столько, сколько захочешь – никто не помешает тебе».

«Но не трать попусту время своей жизни на размышления о смерти, так как есть люди, которые, умирая, будут думать о жизни. Вот так функционирует их ум. Они никогда не находятся там, где они находятся на самом деле; они всегда там, где их нет. Это стало их установившейся практикой. Будучи живыми, они беспокоятся о смерти; умирая, они будут беспокоиться о жизни».

Я – язычник.

И только язычник может отбросить страдания.

Только он обладает мужеством для того, чтобы отбросить страдания.

Общество не позволит вам отбросить ваши страдания – оно так много средств вложило в них.

Вы несчастны; вы идете к священнику; он дает вам иллюзии, утешение. Конечно, он берет вознаграждение и уверяет вас в том, что будет заботиться о вас; он будет убеждать Бога, чтобы тот был благосклонен к вам. Вы – лишь пациент и принимаете все то, что происходит с вами, веря в Бога, веря в

святую книгу, веря в мессию. Вам не надо беспокоиться: эти страдания скоро закончатся; жизнь так коротка.

Для людей, которые не знают, как надо жить, жизнь так коротка.

Для людей, которые знают, как надо жить, даже одно мгновение равно вечности.

Священники скажут вам: «Эта жизнь такая короткая, она пройдет. Она подобна кошмару; но проснетесь вы в раю. Сохраните пламя веры в своем сердце, не теряйте веру».

Итак, если вы не несчастны, то нет необходимости идти к священнику. Я никогда не был у священника. Я никогда никого не спрашивал о том, как не быть несчастным, так как, прежде всего, я не несчастен.

Изредка происходит... поскольку ни одна система не может на сто процентов уберечься от глупцов по той простой причине, что все системы созданы глупцами – как же они могут уберечь систему от глупцов? Поэтому изредка некоторые люди проскальзывают через лазейки.

С самого раннего детства моей основной точкой зрения было то, что блаженство естественно, оно подобно здоровью. Вы не должны искать причины того, что вы здоровы. Вы же не ходите к врачу обеспокоенные и не спрашиваете: «Доктор, вот уже несколько дней у меня эта проблема со здоровьем. Мне надо что-то делать или просто оставаться здоровым?» Нет, вы не делаете из своего здоровья проблему. Почему? Вы воспринимаете его как нечто естественное. Болезнь неестественна.

Слово «болезнь» прекрасно. Оно просто означает состояние тревоги. Будь оно физическим, психологическим или духовным – это не имеет значения; болезнь может быть любой. Болезнь не будет вашей природой; она нечто неестественное; вы отклонились от своего естественного курса. Поэтому, когда вы находите себя несчастным, это означает, что вы делаете нечто такое, чтобы создать страдания.

Это было моей основной точкой зрения с самого раннего детства: то, что счастье, подобно здоровью, – естественное явление. А несчастье не естественно; что-то где-то было неправильно. Если человек постоянно несчастен, то это означает, что многие вещи одновременно были неправильными. А если весь мир несчастен, то это означает, что весь мир функционирует по неправильным принципам.

Например, каждому ребенку говорят о том, чтобы он не был самим собой. Может быть, вам не говорят это непосредственно, но вам говорят тысячью и одним способом о том, чтобы вы не были самими собой: вот теперь вы приемлемы. Вы можете быть приемлемы только в том случае, если вы следуете определенным правилам, данным вам вашими родителями, вашими священниками, вашими учителями.

Но ни учитель не является природой, ни священник не является природой, ни ваши родители не имеют монополии в природе. Однако все они стараются толкать вас на неестественный образ жизни. Они называют это принципами, дисциплиной, идеалами. Они дают вам великие идеалы: вы должны стать подобными Кришне, подобными Иисусу, подобными Раме.

В моем городе была только одна церковь. В городе было всего несколько христиан, возможно четыре или пять семей; а я был единственным не христианином, который обычно посещал церковь. Но это делалось не специально; я обычно посещал мечети, *гурудвара*, индусские храмы, джайнские храмы. У меня всегда была идея, что все принадлежит мне. Я не принадлежу какой-либо церкви, я не принадлежу какому-нибудь храму, но любой храм и любая церковь, которые существуют на Земле, принадлежат мне.

Видя нехристианского мальчика, постоянно приходящего каждое воскресенье, священник стал интересоваться мною. Он сказал мне: «Ты кажешься очень заинтересованным. Действительно, во всем моем приходе – а он такой маленький – ты кажешься самым заинтересованным. Другие спят, храпят, а ты такой бдительный, все время слушаешь и все наблюдаешь. Ты хотел бы стать похожим на Иисуса Христа?» – и он показал мне картину с изображением Иисуса Христа, конечно висящего на кресте.

Я сказал: «Нет, абсолютно нет. У меня нет желания быть распятым на кресте. А с распятым человеком, должно быть, было что-то неправильное; иначе, зачем кому-то распинать другого человека? Если вся его страна, весь его народ решили распять его, значит, с этим человеком, должно быть, было что-то неправильное. Он может быть прекрасным человеком, он может быть хорошим человеком, но что-то, должно быть, привело его к распятию. Возможно, у него был инстинкт самоубийства».

«Люди, которые имеют инстинкт самоубийства, обычно не настолько храбры, чтобы совершить самоубийство, но они могут устроить так, что другие люди убьют их. И тогда вам ни за что не обнаружить, что у них был инстинкт самоубийства, что они вынудили вас убить их, поэтому вся ответственность ложится на вас».

Я сказал: «Во мне нет никакого инстинкта самоубийства. Возможно, он не был склонен к самоубийству, но определенно то, что он был, некоторым образом, мазохистом. Лишь взглянув ему в лицо, – а я видел много картин с его изображением, – я вижу, что он выглядит несчастным, таким отчаянно несчастным, что я попытался, стоя перед зеркалом, придать своему лицу такой же несчастный вид, но мне это не удалось. Я очень старался, но даже не смог придать своему лицу выражение его лица; как же я могу стать Иисусом Христом? Мне это кажется невозможным. И почему я должен становиться Иисусом Христом?»

Он был шокирован. Он сказал: «Я думал, что ты интересовался Иисусом».

Я сказал: «Конечно, я интересуюсь и интересуюсь даже больше, чем вы, поскольку вы – проповедник, причем оплачиваемый. Если вы не будете получать жалование в течение трех месяцев, то вы умрете, и все ваше учение исчезнет». И, в конце концов, так и случилось, так как те христианские семьи не были постоянными жителями города – все они были служащими на железной дороге, поэтому рано или поздно они переехали жить в другие места. Священник остался один в своей маленькой церкви, которую создали те люди. Теперь некому было давать ему денег, поддерживать его, некому, кроме меня, было его слушать.

По воскресеньям он обычно говорил: «Дорогие друзья...»

Я говорил: «Подождите! Не используйте множественное число. Здесь нет друзей, а только "дорогой друг". Это почти похоже на разговор двух возлюбленных; это не церковный приход. Вы можете сесть – здесь никого нет. Мы можем хорошенько поболтать. Зачем без необходимости целый час стоять и кричать?..»

И вот как все произошло. Через три месяца он умер, так как если вы не платите ему... Хотя Иисус сказал: «Не хлебом единым жив человек», – человек не может жить также и без хлеба. Он нуждается в хлебе. Этого может быть недостаточно; он нуждается во многих других вещах, но многие другие вещи появятся позднее; вначале появляется хлеб.

Конечно, человек может жить лишь хлебом единым. Он не будет полноценным человеком – а кто *является* полноценным человеком? Но никто не может жить без хлеба, даже Иисус.

Я ходил в мечеть; и мне это разрешали, так как христиане и мусульмане принадлежат религиям, которые обращают людей в свою веру; они хотят, чтобы люди из других паств приходили к ним. Они были очень счастливы видеть меня там, – но всегда был один и тот же вопрос: «Ты хотел бы стать таким, как Хазрат Мухаммед?» Я был удивлен, узнав, что никто не был заинтересован в том, чтобы я был самим собой; никто не помогал мне быть самим собой.

Каждый был заинтересован в ком-то другом, в идеале, в своем идеале; а я должен быть только точной копией кого-то. Разве Бог не дал мне мое собственное лицо? Разве я должен жить с лицом, взятым взаймы, с маской, зная, что у меня, вообще, нет лица? Тогда как же жизнь может быть радостью? Даже ваше лицо не является вашим.

Если вы не являетесь самими собой, то как вы можете быть счастливы?

Все существование блаженно, так как скала является скалой, дерево является деревом, река является рекой, океан является океаном. Никто не беспокоится о том, чтобы кем-то стать; иначе все спятили бы. А именно это и произошло с человеком.

С самого раннего детства вас учат не быть собой, а быть, как говорят, очень умным, хитрым. Вам говорят: «Вы должны стать похожими на Кришну, похожими на Будду» – и изображают Будду и Кришну в таком виде, что в вас поднимается огромное желание быть неким Буддой, быть неким Иисусом, быть неким Кришной. Это желание есть коренная причина ваших страданий.

Мне также говорили те же самые вещи, которые говорили вам; но с самого раннего детства у меня была такая точка зрения, что, чему бы я ни следовал, я не намеревался уйти от самого себя. Правильно это или неправильно, но я собираюсь оставаться самим собой. Даже если я закончу свою жизнь в аду, то у меня, по крайней мере, будет удовлетворение от того, что я следовал своим курсом в жизни. Если он ведет в ад, то пусть ведет в ад. Следуя чужим советам, идеалам и дисциплинам, даже если я

закончу свою жизнь в раю, я не буду там счастлив, так как меня заставили жить против моей воли.

Постарайтесь понять суть. Если все происходит против вашей воли, то в этом случае, даже находясь в раю, вы будете в аду. Но, следуя своему естественному курсу существования, даже находясь в аду, вы будете в раю.

Рай там, где расцветает ваше реальное существо.

Ад там, где вы сокрушены и вам навязали что-то еще.

Мне вспомнилась одна история. Один очень знаменитый философ Англии, Эдмунд Берк, был озадачен одним вопросом, так как он читал, а также слышал в проповеди архиепископа Англии о том, что тем, кто верит в Иисуса, в Бога, в Святой Дух – тем, у кого есть вера, тем гарантировано попадание в рай. Те, у кого нет веры, несомненно попадут во тьму ада.

Эдмунд Берк был философом. Естественно, что философы – дотошные люди; он раздумывал над этим, и у него возник вопрос. Вопрос был следующим: «А что случится с человеком, который имеет веру, но является, в любом смысле, злым, плохим человеком, грешником? И с другой стороны, человек, очень хороший, добродетельный, сострадательный, всегда готовый служить людям, который никогда никому не причинил вреда, никогда не сделал ничего такого, что вы можете назвать грехом, но который не имеет веры – что происходит с ним?»

Эдмунд Берк сам не мог догадаться, поэтому он пошел к архиепископу и сказал: «Я в затруднении – когда я слушал вашу проповедь, у меня возникла проблема».

Архиепископ также был в затруднении, так как он никогда не думал об этом. Вопрос был веским: «Человек может быть хорошим и без веры; *существовали* такие люди... Как насчет Гаутамы Будды? Как насчет Сократа? Нельзя сказать, что это были плохие люди. Ни один человек, даже тот, кто против них, не может сказать, что они были плохими людьми. Трудно найти лучших людей, – но они были без веры. Как насчет этих людей? А подобных людей было много: Махавира, Эпикур, Лао-цзы, Чжуан-цзы – что произойдет с этими людьми?»

«А мы знаем, что в вашем приходе есть все типы грешников. Действительно, вы даже ходите в тюрьмы для того, чтобы читать проповеди людям, которые совершили всевозможные преступления; даже убийцам, которые приговорены к смертной казни или к пожизненному заключению, – а они имеют веру».

На самом деле, если вы ясно мыслите, только этим людям и нужна вера. Почему хороший человек должен нуждаться в вере? Разве недостаточно доброты?

Такова была точка зрения Будды, его аргумент против Бога: «Разве недостаточно быть добродетельным, невинным, безобидным, правдивым, честным... все качества хорошего человека – разве они недостаточны? Разве все еще нужна вера в бога? В бога, существование которого не доказано, существование которого не может принять по-настоящему искренний и честный человек».

Так было и в Индии. Однажды я был в суде; меня попросили поклясться именем Бога. Я сказал: «Нет, я могу поклясться именем кого угодно, но только не Бога, так как я – человек истины».

Судья сказал: «Человек истины – и вы не можете поклясться именем Бога?»

Я сказал: «Это очевидно. Человек истины – как он может допустить эту выдумку о Боге? Я не вижу в этом никакой истины».

Он сказал: «Вы – первый человек, который поднял этот вопрос о клятве».

Я сказал: «Это просто означает, что вы встречались с преступниками, с грешниками – все эти люди, ваши адвокаты и, возможно, вы сами боитесь потерять веру в Бога, так как это ваше единственное спасительное творение; у вас больше ничего нет».

В Индии есть пословица – я цитировал ее. Пословица следующая: для тонущего человека достаточно даже плавающей соломинки. Он начинает надеяться, что, уцепившись даже за соломинку, он будет спасен; он не может потерять эту соломинку. Любой хотя бы немного разумный человек знает, что соломинка не поможет вам; но для тонущего человека даже соломинка... Возможно, что соломинки нет вообще; это всего лишь иллюзия, но тонущий человек мечтает, что это может оказаться помощью. Он даже может не открывать глаз, так как – кто знает? Если он откроет глаза и обнаружит, что в руках у него ничего нет...

Я сказал: «Я не могу поклясться именем Бога, так как это будет началом лжи, – а вы хотите, чтобы я говорил только правду. Вы просите от меня противоречия. Именем самой величайшей лжи я должен поклясться говорить истину? Если вы хотите, чтобы я говорил истину, то, пожалуйста, забудьте все о

Боге, так как вы не можете доказать истинность Бога, а без доказательства я не могу клясться».

Судья был в затруднении. Он сказал: «Но как-то надо начать дело».

Я сказал: «Дело может быть начато – я могу поклясться от себя лично. Если вы можете поверить моей клятве именем Бога, то кому вы верите: Богу или мне? Я даю клятву, и если я решил лгать, то я могу лгать даже, когда клянусь. Кто может помешать мне? Клятва не может помешать мне. Вы доверяете мне в том случае, если я клянусь. Вы не можете непосредственно доверять мне? Необходима выдумка? Я говорю от себя лично, что буду говорить правду и только правду».

«Вы можете начинать свое дело. Если вы настаиваете на Боге, то в этом случае это дело никогда не начнется, так как в течение миллионов лет люди пытались доказать существование Бога и не могли это сделать. Итак, вначале докажите существование Бога, а там посмотрим».

Вам говорили красивую ложь, выдумки. Вас убеждали, подкупали для того, чтобы вы стали кем-то другим. И вы усиленно старались стать кем-то еще. Конечно, вы не можете стать кем-то еще; это не в природе вещей. Вы не можете стать кем-то еще; отсюда следует страдание.

Поскольку вы все время терпите неудачу – как вы можете быть счастливыми? Что бы вы ни делали, все не имеет смысла; что-то каким-то образом всегда получается неправильно. Вы никогда не достигаете цели. Вы не можете достичь сущности жизни, – а жизнь не виновата.

Вы стараетесь выжать сок из камней. В камнях нет сока. Они могут выглядеть прекрасно, они могут быть выполнены в виде цветов, в виде фруктов, они могут быть раскрашены как фрукты, они могут выглядеть даже лучше, чем фрукты, но вы не можете получить из них сок.

А если вы не получаете сок от своей жизни, то это просто означает, что основания неправильны.

Первое основание – это то, что вы стараетесь стать кем-то другим, – осознанно или неосознанно, но суть не в этом. Вы должны будете определить, кем вы старались стать. Вы, может быть, не были очень ясными. В вашем уме, может быть, находится не какой-то один образ, там могут быть несколько образов, так как в ваш разум что-то вкладывает ваш отец, в ваш разум что-то вкладывает ваша мать...

Ваши учителя, – а учителей так много, – они вкладывают в ваш разум различные вещи. Это может быть смешанный образ, неясно выраженный; вы же не можете видеть ясно выраженными Кришну, Иисуса или Будду.

Вы можете родиться в индусской семье, а затем можете обучаться христианскими миссионерами в миссионерской школе. Теперь ваш индуизм и ваше христианство обязаны перемешаться. И это будет очень сложная смесь для того, чтобы ее можно было разделить, так как флейта Кришны и крест Иисуса настолько перемешались, что Кришна играет свою песню на кресте, а Иисус распят на флейте Кришны! От этого можно сойти с ума... Голова может быть от Будды, руки могут быть от Кришны, ноги могут быть от Христа, а голос может быть от Сократа.

Вы в огромном замешательстве, но это замешательство зиждется на идее, что вы должны стать кем-то еще.

Многие люди входили в вашу жизнь и давали вам ту же самую идею, но с новым идеалом. Теперь вы не знаете, куда вам идти. Вы стоите перед Белым Домом на Пентагоне. Перекресток, по крайней мере, симметричен – даже если вы разделены, то вы будете разделены на четыре равные части, – но стоять на пятиугольнике! Одна нога идет по одной дороге, другая нога идет по другой дороге; одна рука движется по одной дороге, другая рука – по другой дороге; ваша голова побежала по какой-то другой дороге. Это состояние пятиугольника.

Будет трудно опять собрать все ваши части воедино, так как все они бегут быстро для того, чтобы достичь цели. А кто соберет их всех воедино? Ваши родители, ваше общество не оставили вас в состоянии управления. Наоборот, *они* находятся в состоянии управления; они знают о том, как надо управлять вами. Действительно, перед тем как управлять вами, было абсолютно необходимо, чтобы вы больше не могли управлять собою.

В детстве у меня с родителями это было каждодневной проблемой. Я говорил им снова, снова и снова: «Вы должны понять одну вещь: если вы хотите, чтобы я что-то сделал, то не говорите мне об этом, поскольку если вы говорите мне о том, что я должен это сделать, то в этом случае я сделаю все наоборот, – что бы ни происходило».

Мой отец сказал: «Ты сделаешь все наоборот?»

Я сказал: «Точно – все наоборот. Я готов к любому наказанию, но на самом деле ответственность лежит на вас, а не

на мне, так как с самого начала я ясно сказал, что если вы хотите, чтобы что-то было сделано, то, пожалуйста, не говорите мне об этом. Позвольте мне самому решать».

«Когда мне приказывают, я вынужден не повиноваться, даже хотя я знаю, что то, что вы говорите, – правильно; но вопрос не в этом. Эта маленькая просьба и ваша правота не имеют большого значения. Вопрос стоит о всей моей жизни: кто собирается управлять ею? Эта небольшая правота и неправота не имеют для меня значения, – а что же имеет значение?»

«Что имеет значение для меня – и это вопрос жизни и смерти, – так это то, кто будет управлять? Вы будете управлять или я буду управлять? Это моя жизнь или ваша жизнь?»

Несколько раз они пытались, но обнаруживали, что я непреклонен. Я делал все наоборот. Конечно, это было неправильно; то, что они хотели, было, несомненно, правильно. И со своей стороны я не отрицал тот факт, что «то, что вы хотели, – правильно. Но было неправильно то, что *вы* хотели это; вам следовало бы позволить мне хотеть это. Вы были нетерпеливы; вы вынуждали меня делать все наоборот. Итак, кто же ответствен за то, что события приняли неправильный оборот?»

Например, мой дед был болен. Мой отец вышел и сказал мне: «Ты здесь, и ты такой большой друг своему деду, поэтому прояви немного заботы. Это лекарство надо ему дать в три часа, а то лекарство надо дать в шесть часов».

Я сделал все как раз наоборот – лекарство, которое надо было дать в шесть часов, я дал в три часа, а лекарство, которое надо было дать в три часа, я дал в шесть часов... я изменил весь порядок. И конечно, мой дед заболел еще серьезнее. А когда пришел мой отец, то он сказал: «Это уж слишком. Я никогда не мог представить, что ты это сделаешь».

Я сказал: «Вам следовало бы это представить. Вы должны начать представлять, мысленно воображать. Как я уже сказал, я должен это сделать, даже если это создаст опасность для моего деда. И я сказал ему о том, что я нарушил порядок, так как я должен так сделать. И он согласился со мной».

Он был золотой человек. Он сказал: «Делай в точности так, как сказал. Оставайся непреклонным. Я прожил свою жизнь; а твоя жизнь – впереди. Не позволяй никому управлять собой. Даже если я умру, никогда не вини себя в этом».

Он не умер, но я принял рискованное решение. С того дня мой отец перестал говорить мне о том, что надо делать. Я сказал:

«Вы можете предложить, но вы не можете приказать. Вы должны научиться быть вежливым со своим собственным сыном, так как относительно нашего бытия: кто отец, а кто сын? Вы не обладаете мной, а я не обладаю вами; это лишь случайная встреча двух странников. Вы не имели понятия о том, кого вы произведете на свет. Я не имел понятия о том, кто будет моим отцом и моей матерью. Это лишь случайная встреча на дороге».

«Не старайтесь эксплуатировать ситуацию. Не пользуйтесь тем, что вы могущественны, что вы имеете деньги, а я ничего не имею. И не принуждайте меня, так как это ужасно. Предлагайте мне. Вы всегда можете сделать мне предложение так, что "это мое предложение – ты можешь обдумать его. Если ты чувствуешь, что оно правильное, то выполни его; если чувствуешь, что оно неправильное, то не выполняй его"».

И постепенно установилось так, что моя семья начала делать только предложения. Но они были удивлены, потому что я начал тоже делать предложения. Мой отец сказал: «Это несколько новое развитие событий. Ты не говорил об этом».

Я сказал: «Это просто. Если вы можете делать мне предложения, поскольку вы опытный, зрелый, то я тоже могу делать вам предложения, поскольку я неопытный. И это не обязательно является дисквалификацией, ведь все великие изобретения в мире делались неопытными людьми. Опытные люди постоянно повторяют одно и то же, – ведь благодаря своему опыту они знают "правильный" метод; они ничего не могут изобрести».

Для того, чтобы что-то изобрести, вы должны быть не осведомлены о «правильном» методе, который применялся всегда; только в этом случае вы можете проложить новый путь. Только неопытный человек будет иметь мужество войти в неизвестное.

Поэтому я сказал: «У вас квалификация опытного человека, а у меня квалификация неопытного человека. Вы зрелый, но зрелость также означает, что ваше зеркало уже не такое чистое, как мое зеркало; на нем собралось много пыли. Да, вы многое видели в жизни, и в этом ваша квалификация».

«Моя квалификация в том, что я вообще не видел жизни. На моем зеркале не собралось пыли – мое зеркало отражает более ясно, более точно. Ваше зеркало может лишь представить, что оно отражает. Оно может лишь нести старую память, а не быть настоящим отражением объективной действительности».

«Поэтому должно быть так: если вы можете делать мне предложения, то я также могу делать предложения вам. Я не говорю о том, чтобы вы следовали им. Это не приказ. Вы можете обдумать их точно так же, как я обдумываю ваши предложения».

Но с самого начала каждый ребенок должен бороться; это беда. Дети борются, но борются по неправильным мотивам, за неправильные вещи. Я никогда не просил ни единой игрушки. Мой отец обычно ездил в Бомбей, и он спрашивал детей: «Чего бы вы хотели?» И он также спрашивал меня: «Если ты что-то хочешь, то я могу записать и привезти это из Бомбея».

Я никогда не просил его. Однажды я сказал: «Я только хочу, чтобы вы вернулись более гуманным, с меньшими отцовскими чертами, более дружелюбным, менее диктаторским, более демократичным. Привезите мне несколько больше свободы, когда вернетесь».

Он сказал: «Но этих вещей нет на рынке».

Я сказал: «Я знаю, что их нет на рынке, но я хотел бы именно эти вещи: немного больше свободы, немного подлиннее привязанность, поменьше приказов, поменьше заповедей и немного уважения».

Ни один ребенок не просил уважения. Вы просите игрушки, сладости, одежду, велосипед и тому подобные вещи. Вы получаете их, но это не те настоящие вещи, которые сделают вашу жизнь блаженной.

Я просил у него деньги только в том случае, когда хотел купить больше книг; я никогда не просил деньги на что-нибудь еще. И я сказал ему: «Когда я прошу деньги на книги, будет лучше, если вы дадите их мне».

Он сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Я просто имею в виду то, что если вы не дадите их мне, то я буду вынужден украсть их. Я не хочу быть вором, но если вы вынуждаете меня, то другого пути нет. Вы знаете, что у меня нет денег. Мне нужны эти книги, и я намереваюсь иметь их, вы это знаете. Поэтому, если мне не дадут денег, то я возьму их; и запомните, что именно вы вынудили меня украсть».

Он сказал: «Нет необходимости красть. Когда тебе понадобятся деньги, то просто приходи и бери их».

А я сказал: «Будьте уверены в том, что они – только на книги». Но необходимости убеждать его не было, так как он все время видел, что моя библиотека в доме растет. Постепенно в доме не осталось места ни для чего, кроме как для моих книг.

И мой отец сказал: «Итак, вначале мы имели библиотеку в нашем доме, а теперь мы имеем дом в библиотеке! И мы все должны заботиться о твоих книгах, так как если что-то происходит с какой-либо книгой, то ты устраиваешь такую суматоху, ты создаешь столько неприятностей, что все боятся твоих книг. И эти книги везде; невозможно не спотыкаться о них. А ведь здесь маленькие дети...»

Я сказал: «Маленькие дети – не проблема для меня; проблема – дети постарше. Маленькие дети – я очень уважаю их за то, что они оберегают мои книги».

В моем доме можно было наблюдать странную вещь. Все мои младшие братья и сестры оберегали мои книги, когда меня не было дома: никто не мог прикоснуться к моим книгам. Они вытирали их, и они держали их в нужном месте, куда бы я ни положил их, поэтому, когда мне была необходима какая-то книга, я всегда мог найти ее. И это было простое дело, так как я проявлял к сестрам и братьям большое уважение, а они не могли проявить свое уважение каким-либо другим способом, кроме уважения к моим книгам.

Я сказал: «Настоящие проблемы – дети постарше: мои дяди, мои тети, сестры моего отца, шурины моего отца – вот люди, которые доставляют беспокойство. Я не хочу, чтобы кто-то делал пометки в моих книгах, подчеркивал слова в моих книгах, а эти люди продолжают это делать». Я ненавидел саму мысль о том, что кто-то может подчеркивать слова в моих книгах.

Один из шуринов моего отца был профессором, поэтому у него, должно быть, была привычка подчеркивать слова. И он обнаружил так много прекрасных книг, что, когда бы он ни пришел к нам, он постоянно делал пометки на *моих* книгах. Я вынужден был сказать ему: «Это не только невежливо, нецивилизованно; это говорит о том, какой у вас ум».

«Я не хочу книг из библиотек, я не читаю книги из библиотек по той простой причине, что слова в них подчеркнуты, они помечены. Кто-то там что-то подчеркнул. Я не хочу этого, поскольку такое подчеркивание без вашего ведома входит в ваш ум. Если вы читаете книгу и что-то там подчеркнуто красной чертой, то эта черта выделяется. Вы прочитали всю страницу, а выделяется эта черта. Она по-другому воздействует на ваш ум».

«У меня отвращение к чтению чьих-то книг, которые помечены, слова в которых подчеркнуты. По моему мнению, это подобно тому, когда кто-то ходит к проститутке. Проститутка

сама по себе не имеет значения, но то, что женщина подчеркнута и помечена, – пометки покрывают ее всю, сделанные разными людьми на разных языках. Вам понравилась бы свежая женщина, а не помеченная кем-то.

По моему мнению, книга – это не просто книга; это любовная привязанность. Если вы помечаете какую-то книгу, то должны платить за это и забирать ее с собой. Я не хочу иметь такую книгу здесь, так как одна грязная рыба может загрязнить весь пруд. Я не хочу проституированную книгу – заберите ее».

Он был очень рассержен, так как не мог понять. Я сказал: «Вы не понимаете меня, потому что вы мало меня знаете. Вы лишь поговорите с моим отцом».

А мой отец сказал ему: «Это была твоя вина. Зачем ты пометил его книгу? Зачем ты сделал пометки в его книге? Для какой цели она тебе служит? Ведь книга останется в его библиотеке. Прежде всего, ты никогда не просил его разрешения, – что ты хочешь прочитать его книгу».

«Ничего не происходит здесь без его разрешения в том случае, если это его вещь; поскольку если ты берешь *его* вещь без разрешения, то и он начинает брать чужие вещи без разрешения. А это создает беспокойство. Совсем недавно один из моих друзей хотел успеть на поезд, а он взял его чемодан...»

Друг моего отца сходил с ума: «Где мой чемодан?»

Я сказал: «Я знаю, где он, но в вашем чемодане одна из моих книг. Я не заинтересован в вашем чемодане; я просто стараюсь сохранить свою книгу». Я открыл секрет – я сказал: «Откройте чемодан», но он был в замешательстве, так как он украл книгу, – а книга была обнаружена. Я сказал: «Теперь платите штраф, так как это просто по-варварски».

«Вы были здесь гостем; мы уважали вас, мы обслуживали вас. Мы все делали для вас, а вы крадете книгу бедного мальчика, у которого нет денег, – у мальчика, который вынужден угрожать своему отцу, что ''если вы не дадите мне денег, то я собираюсь украсть их. И уж тогда не спрашивайте, зачем ты сделал это, – ведь тогда я украду там, где смогу''».

«Эти книги не дешевы, – а вы положили книгу в свой чемодан. Вам не обмануть моих глаз. Когда я вхожу в комнату, то я знаю, все ли мои книги здесь или что-то пропало».

Итак, мой отец сказал профессору, который пометил мою книгу: «Никогда не делай этого. Возьми эту книгу и замени ее на новую».

Мой подход прост: каждый должен быть напористым, но не агрессивным.

Эти два слова совершенно разные. Вы можете быть напористы и очень скромны. Вы не можете быть скромны и агрессивны. Агрессивный нарушает чье-либо право. Напористость просто делает ваше право заявленным, понятным. Это совершенно разные процессы.

Напористость – основополагающее право каждого: «Если вы не способны понять, то я вынужден буду кричать, но я ни в коем случае не вмешиваюсь в вашу жизнь. Я просто говорю: ''Пожалуйста, не подходите к моей территориальной прерогативе''. Я никогда не пересеку вашу территорию, но того же самого я ожидаю от вас».

Я хотел бы, чтобы именно такими с самого начала были наши маленькие дети – напористыми, но не агрессивными; скромными, но не готовыми быть кем-то порабощенными.

Все человечество порабощено и порабощено такими прекрасными названиями: Бог, религия, мораль, истина, отчизна, отец, мать, семья. Во всех этих хороших словах спрятаны очень ядовитые семена вашего рабства.

Этот тип человека *не может* быть блаженным; страдание в мире – просто продукт всего этого. Мы ничего не можем сделать с прошлым – оно ушло, – но с этого самого момента вы можете начать жить настойчивой, индивидуальной, скромной, но ясно выраженной жизнью: это ваша жизнь, и вы хотите жить именно так. И вы должны будете настаивать, так как отовсюду будет идти давление, касающееся того, что «вы не должны так жить; это неправильно. Мы знаем правильный путь; живите правильно».

Я только что читал газетную заметку о том, что в Израиле возникла большая проблема, которая взбудоражила всю еврейскую общину во всем мире, особенно в Америке. Вопрос в следующем: кто является евреем? Поскольку только еврею будет разрешен въезд в Израиль, поэтому вначале надо определить, кто является евреем. Это не так легко.

Поэтому определили, что прежде всего мать должна быть еврейкой – так как об отце можно всегда только догадываться, никогда нельзя быть абсолютно уверенным. Мать должна быть еврейкой, еврейкой по рождению, тогда человек может быть допущен в Израиль.

Во-вторых, из-за христианства и ислама... еврейская община окружена ими обоими: мусульманами и христианами; и обе эти религии являются религиями, в которые можно быть обращенным. Иудаизм не является религией, в которую можно быть обращенным, так же как и индуизм не является религией, в которую можно быть обращенным. Они – самые старые религии; они не нуждаются в том, чтобы кого-то обращать в свою веру. Но обе эти религии быть подвластны времени, они теряют своих людей и не приобретают никого из других паств.

Поэтому в индуизме было движение, *Арья Самадж*, очень ученых людей, но совершенно не святых. Махариши Дхьянанда ознаменовал и основал Арья Самадж. Это фанатическая секта, предназначенная для обращения всех в индуизм.

Таким же образом и евреи вынуждены были предпринять некоторые шаги. Ортодоксальные евреи были, конечно, очень не расположены к этому. Поэтому неортодоксальные евреи, особенно хассидские евреи, начали обращение; они обратили в свою веру много людей. И в них есть что-то прекрасное, что очень привлекает; люди могут быть захвачены вихрем хассидизма.

Хассидизм – это действительно нечто, одно из тех редких украшений, которые вошли в историю человеческого сознания. Дзэн, даосизм, суфизм, хассидизм – эта четверка представляется четырьмя столпами, которые поднялись из всей истории – нечто чрезвычайно прекрасное. Но для того, чтобы быть такими прекрасными, они должны были быть неортодоксальными, они должны были быть бунтарями, они должны были быть жизнеутверждающими.

Поэтому они повсюду порицаются ортодоксальными людьми. Ортодоксальные буддисты не любят дзэн; порицают его. Мусульмане не любят суфиев; их убивают; они вынуждены скрываться. Вы не найдете суфиев, если на Ближнем Востоке будете спрашивать: «Я хочу познакомиться с некоторыми суфиями». У них нет вывесок; вы не сможете найти их таким путем. Это не способ.

Вы не найдете ни одного суфия, так как суфии скрываются, иначе их убьют. Поэтому до тех пор, пока вы не найдете какой-то источник, какой-то контакт... Если я пошлю вас куда-нибудь, например, в Стамбул по адресу одного ювелира, то этот ювелир возьмет вас с собой на собрание суфиев.

И от этого ювелира и от суфиев будет зависеть, захотят ли они встретиться с вами; так что вам придется подождать. Даже

если вы имеете контакт, вас не пошлют непосредственно в суфийскую общину. Вас посылают к кому-то, кто может проинформировать суфийскую общину, которая собирается нерегулярно в различных местах, и попросить у них разрешения, можно или нельзя допустить к ним данного человека.

Затем суфийская община даст время на ожидание: «Подождите четыре недели», и в течение четырех недель их люди будут следить за данным человеком: можно ли допустить его в общину или же он может создать ненужные неприятности. Если их решение будет в пользу данного человека, только в этом случае он будет допущен в общину.

Хассидов считают более низкой разновидностью евреев – падшими евреями, неверным типом евреев. Но они являются людьми, которые обратили других людей в иудаизм. Теперь в этом беда. Беда заключается в том, что восемьдесят процентов обращенных евреев обращены хассидами, а в Израиле их не принимают за евреев.

Для того, чтобы обращенного еврея приняли за еврея, он должен быть обращен ортодоксальными евреями; а ортодоксальный иудаизм не привлекателен – кто же хочет стать ортодоксальным евреем, если вы не являетесь каким-нибудь помешанным или?.. И для какой цели? А обращение в ортодоксальный иудаизм – это такой процесс, что ни один разумный человек не стал бы подвергаться ему.

Поэтому имеется большое волнение, касающееся того, что может случиться, ведь восемьдесят процентов евреев, обращенных в Америке, обращены неортодоксальными людьми. Этим евреям не будет дано право въехать в Израиль или стать жителями этой страны, – а ведь эти люди вкладывают миллионы долларов в Израиль. Почему они должны вкладывать такие средства? Если это не их страна и если они даже не евреи, то почему тогда они должны беспокоиться об Израиле?

А вы видите смысл в том, почему возник вопрос о том, кто является евреем? Еврей должен быть абсолютным рабом ортодоксальности, обычая, всего того, что является старым. Он не должен думать категориями свободы, индивидуальности, просветления, медитации. Все это не входит в понятие ортодоксального иудаизма. Он не должен думать о танцах, пении и наслаждениях; это не религия.

Каждая религия хочет, чтобы вы были рабом старого, мертвого.

Как же вы можете быть счастливыми?

Для того, чтобы быть счастливыми, вы должны быть живыми.

Для того, чтобы быть живыми, вы должны отстаивать свое право.

Вы должны отбросить все эти помехи.

А вы говорите мне, что вам хотелось бы быть такими же блаженными, каким всегда являюсь я. Нет, не будьте такими же: ваше блаженство будет *вашим* блаженством. Оно не должно быть подобно моему; в вас опять говорит раб. Примите к сведению мысль о рабе.

Я стараюсь вытащить его из одной тюремной камеры, а он сразу же проскальзывает в другую тюремную камеру. Он стал настолько привычным к темноте и одиночному заключению, что не может выносить свет. Почему вы должны быть подобны мне? Я же не «подобен» кому-либо; вот почему я блаженный. А если вы стараетесь быть подобными мне, то в этом случае вы снова начали игру в страдания – новую игру, но опять на той же дороге.

И запомните одну вещь: я здесь не для того, чтобы создавать точные копии самого себя. Одного уже достаточно.

Каждый должен реализовать свои потенциальные возможности и внести в существование что-то новое. До тех пор, пока вы не преподнесете что-то новое существованию, вы будете терпеть неудачу и будете несчастны. Вы не были созидательны; вы не были способны отплатить существованию за все блага, которыми оно осыпало вас.

Будьте лишь самим собой.

Можете быть уверены в том, что вы не будете похожи ни на кого в мире, поэтому не волнуйтесь об этом; будьте счастливы с этим.

А вторая вещь очень основательна: ваша любовь, ваша радость, ваше безмолвие будут иметь что-то, взятое от вас самих, – особенность, благоухание, аромат.

Моя радость, мое блаженство, моя медитация будут иметь что-то от меня самого. Нет необходимости даже сравнивать. Не надо копировать мое блаженство. Да, мое блаженство может создать в вас огромный побудительный мотив быть блаженными. Но ваше блаженство будет вашим, подлинно вашим.

Мы используем те же самые названия, так как в мире существует так много людей, что если мы начнем использовать различные слова, определяющие переживание каждого, то язык

станет невозможным. Поэтому мы используем одно слово «любовь»; разве вы не почувствовали, что любовь каждого человека имеет разные свойства, имеет нечто уникальное?

Разве вы не почувствовали – вы имеете столько друзей, и дружба, дружелюбие каждого друга имеет разный привкус, разную теплоту? И все качества имеют одну особенность: они индивидуальны.

Конечно, есть кое-что одинаковое; вот почему мы даем им одно название. Благоухание розы и благоухание цветка "царица ночи" – совершенно разные благоухания; но есть кое-что одинаковое: они оба – благоухания. Одинаково только то, что они – благоухания; но роза есть роза, а царица ночи есть царица ночи.

В Индии я делал исследования во многих ботанических садах, так как я ездил по всей стране и у меня было много безумных идей. Я всегда беспокоился... потому что у меня были прекрасные растения царицы ночи, растущие вокруг моего дома; и когда летом они расцветали, мои соседи жаловались на то, что не могут спать – настолько сильно было благоухание. А эти растения были повсюду вокруг моего дома, по крайней мере двести растений. И когда они расцветают, то они расцветают все вместе за одну ночь; а каждое растение имеет тысячи цветов – сам цветок очень маленький, но с таким сильным благоуханием, что мои соседи начали жаловаться: «Вы должны срубить эти деревья».

Я сказал: «Я не могу. Вы можете уехать. Нет такого закона... я не вхожу в ваш дом, но я не думаю, что есть какой-либо закон о том, что благоухание моих цветов не может проникнуть в ваш дом. Идите в суд; мы встретимся в суде».

Они сказали: «Кто говорит о судах? Мы обеспокоены: целый день мы работаем, а ночью не можем спать. Благоухание прекрасно в течение нескольких мгновений, но всю ночь... это уж слишком!»

Я всегда спрашивал: «Если существует царица ночи, то существует ли что-то наподобие царя дня?» И садовники говорили: «Никогда не слышали о них».

Я говорил: «Они должны быть, так как царицы не могут быть без царей». И в конце концов я обнаружил, что в Кулу-Манали, в Гималаях, есть растение, которое, действительно, называется «царь дня». Это в точности такое же растение, мужской экземпляр, но цветок у него несколько больше, но

листья такие же, и все остальное такое же. Это тот же самый вид, но не имеющий такого же благоухания; благоухание другое.

Когда вы находитесь рядом с царицей ночи, то вы почти полностью охвачены благоуханием; оно окружает вас со всех сторон. Оно проникает не только в ваши ноздри; оно окружает вас со всех сторон. Оно появляется как облако, и вы окружены им. Мужской экземпляр растения не такой, как женский. Благоухание также другое – более тонкое и не такое агрессивное. Женский экземпляр растения действительно агрессивный; вы не можете скрыться, вы просто схвачены этой дамой. Она просто тянет вас за руку, она обладает вами – таким было мое ощущение.

Я привез мужской экземпляр растения также в свой сад для того, чтобы посмотреть, насколько они различны; и я смог увидеть, что благоухание женского экземпляра содержит в себе что-то женское – ревность женщины, собственничество женщины. Мужской экземпляр растения выглядит почти как муж, которого держат под башмаком, выглядит как муж, который входит в свой дом, боится и повторяет какую-то мантру. Точно таким же способом благоухание мужского экземпляра входит в дом, шаг за шагом, осторожно. Благоухание женского экземпляра просто возникает и заполняет весь ваш дом, не беспокоясь о вас, сшибая все на своем пути.

Я могу видеть такое каждый день в моей общественной компании. Есть мужчины, пытающиеся танцевать, двигаясь, но это выглядит так, как будто они выполняют какое-то упражнение; а женщины-санньясины просто одержимы. Танец – это не упражнение, песня – это не упражнение: женщины полностью в этом, они забыли самих себя. Мужчина не может забыть самого себя. Он сохраняет самообладание, остается стоящим прямо так же, как он обычно стоял в кабинете своего директора, когда его вызывали. А это не кабинет вашего директора!

А когда он смотрит вокруг, когда он смотрит на то, что вокруг него делают женщины, то он немножко начинает двигаться, иначе будет выглядеть странно. С другой стороны, если ему разрешить, то он засунет руки в карманы и будет стоять там, немного вдали, как бы говоря: «Пусть эти сумасшедшие женщины делают то, что они делают». Но здесь никому не разрешено держать руки в карманах – никому не разрешено быть вне определенной линии поведения. И женщины подталкивают

парня со всех сторон; рано или поздно он говорит, что лучше идти по ветру. Но есть различия...

Итак, мое блаженство останется моим блаженством.

Здесь нет вопроса о превосходстве или о неполноценности – ваше блаженство будет иметь свои собственные уникальные качества. И это абсолютно ваше дело, если вы хотите быть блаженными. Пусть весь мир продолжает страдать, но *вы* начинайте быть блаженным. По крайней мере, часть мира, которой вы являетесь, вы можете изменить. Вероятно, это может дать начало процессу изменения других людей.

Поэтому не беспокойтесь о том, что весь мир страдает, или о том, почему весь мир страдает. Забудьте это. Позвольте им это делать – если они выбирают страдания, то это их прирожденное право. Что мы можем поделать? Мы не можем заставить их быть блаженными.

Вы начинайте быть блаженными.

И запомните: блаженство – это не что-то такое, чему надо учиться, к чему вы должны быть приучены.

Вы должны лишь расслабиться и позволить ему произойти.

Оно внутри вас; оно – сама ваша природа.

Лишь отбросьте эти идиотские идеи, идеалы, принципы, дисциплины, которые окружают вас; просто покончите с ними. Будьте свободным человеком – свободным от наций, свободным от культур, свободным от религий – лишь полная свобода. И вы увидите поднимающуюся внутри вас огромную радость, которую вы никогда не видели прежде.

И это может помочь другим. Когда вы озарены, то это озарение обязано помочь другим увидеть, почему они находятся в темноте. А я хочу, чтобы очень обыкновенные люди были озарены. Если кто-то в монастыре становится просветленным, то это вообще не помогает миру, так как люди говорят: «В течение двадцати лет он медитировал в горах, в монастыре; он отверг весь мир – и, возможно, он делал это в течение многих жизней, – это не для нас, обыкновенных людей».

Я хочу разрушить всю эту глупую идею.

Просветление *является* вашим прирожденным правом.

Оно не имеет ничего общего с монастырем, не имеет ничего общего с самоотречением. Поэтому я хочу, чтобы вы были блаженны, сидя в ресторане, в дискотеке, играя в азартные игры...

Я хочу, чтобы вы были блаженны.

Я хочу, чтобы мои люди стали просветленными в тех местах, в которых никто раньше даже не *осмеливался* стать просветленным.

Только это поможет человечеству, так как будет понятно: этот человек стал просветленным на дискотеке! Под деревом бодхи есть одна вещь, сидящая в лесу в течение шести лет... но это Миларепа, разбивавший сердца столь многим дамам, который стал просветленным, стуча в барабан!

Кто-то только что сказал мне: «Вы слышали о том, что Миларепа собирается в Англию? Санньясины организуют групповое путешествие по Англии. Что вы скажете по этому поводу?»

Я сказал: «Что я могу сказать по этому поводу? Я только могу сказать: ''Боже, храни королеву!''»

Бхагаван Шри Раджниш (ОШО)

БИБЛИЯ РАДЖНИША
Том 4, книга 1

Редакторы
Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра

ЛР № 070867 от 08.02.93. Подписано в печать 13.07.95.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 21,8.
Тираж 4000 экз. Зак. № 224 . С59.

Издательство "Либрис". 125871 Москва, ГСП, Волоколамское ш., 4
Отпечатано с готового оригинал-макета в тип. ИПО "Полигран"
125438 Москва, Пакгаузное ш., 1

Поле деятельности религии - это та область, которую наука постоянно отрицает: познать познающего, увидеть смотрящего, почувствовать чувствующего, осознать сознание.

Религия должна осветить тот темный внутренний мир, которого наука не может достигнуть, где наука не может даже надеяться что-нибудь найти.

Религия приходит в эту темноту и рассеивает ее.

Поэтому-то переживание религии называют просветлением.

В тот момент, когда темнота внутри вас исчезает, вы преобразуетесь, превращаетесь в новое существо.

Человек просветленный подобен вам, но только с одним отличием: его дом освещен, а ваш дом темен.

У вас есть все возможности осветить его. Все есть, вы просто должны включить свет. Вы должны найти выключатель, что также не очень трудно - ведь это *ваш* дом.

Религия - это поиск вашего внутреннего света, вашей внутренней сути.

Это такой же большой поиск, как и наука, но намного более глубокий, более высокий.

Религия - это высочайший поиск. Это самое захватывающее приключение, в котором может участвовать человек.

И найденное - это безмерное сокровище из всего того, что является прекрасным, блаженным, мирным, вечным, бессмертным.

Это *ваше* царствие Божье.

Бхагаван Шри Раджниш